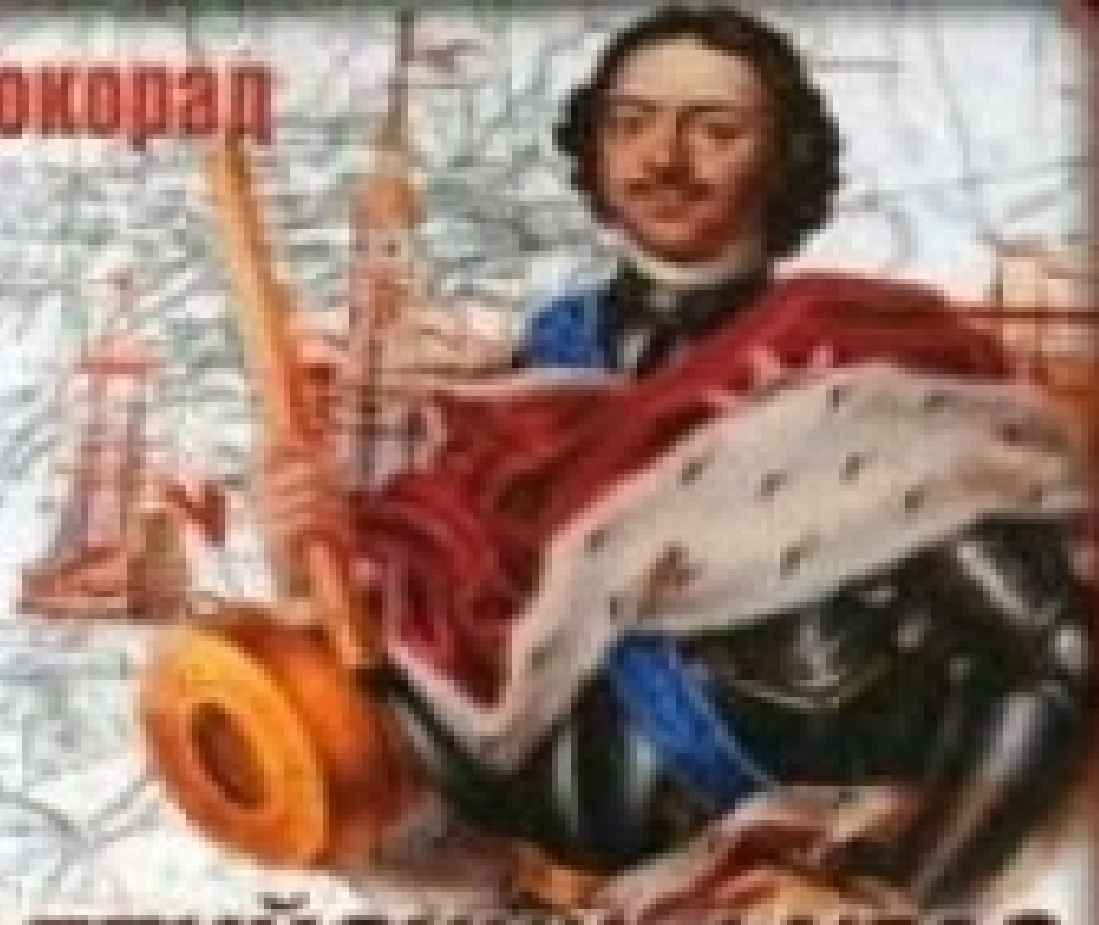

А.Б. Широкопад

ПРИБАЛТИЙСКИЙ ФУГАС ПЕТРА ВЕЛИКОГО

ВОЙНЫ

Annotation

С начала XVIII века Прибалтика свыше 200 лет находилась в составе России. Без всякого преувеличения, она была самым спокойным регионом империи. Однако в 1941–1944 гг. Прибалтика оказалась единственной оккупированной Гитлером территорией Европы, большая часть населения которой сражалась на стороне немцев. А в 1990 г. именно Прибалтийские республики инициировали развал Советского Союза. В представленной монографии автор попытался найти причины этого феномена в тысячелетней истории региона.

- [Александр Широкоград](#)

- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)

- [Глава 26](#)
- [Глава 27](#)
- [Глава 28](#)
- [Глава 29](#)
- [Глава 30](#)
- [Глава 31](#)
- [Глава 32](#)
- [Глава 33](#)
- [Вклейки](#)
- [Список использованной литературы](#)
- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
  - [9](#)
  - [10](#)
  - [11](#)
  - [12](#)
  - [13](#)
  - [14](#)
  - [15](#)
  - [16](#)
  - [17](#)
  - [18](#)
  - [19](#)
  - [20](#)
  - [21](#)
  - [22](#)
  - [23](#)
  - [24](#)
  - [25](#)
  - [26](#)
  - [27](#)
  - [28](#)

- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)

- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)

- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)

- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)
- [171](#)
- [172](#)
- [173](#)
- [174](#)
- [175](#)
- [176](#)
- [177](#)
- [178](#)
- [179](#)
- [180](#)
- [181](#)
- [182](#)
- [183](#)
- [184](#)

- [185](#)
- [186](#)
- [187](#)
- [188](#)
- [189](#)
- [190](#)
- [191](#)
- [192](#)
- [193](#)
- [194](#)
- [195](#)
- [196](#)
- [197](#)
- [198](#)
- [199](#)
- [200](#)
- [201](#)
- [202](#)
- [203](#)
- [204](#)
- [205](#)
- [206](#)
- [207](#)
- [208](#)
- [209](#)
- [210](#)
- [211](#)
- [212](#)
- [213](#)
- [214](#)
- [215](#)
- [216](#)
- [217](#)
- [218](#)
- [219](#)
- [220](#)
- [221](#)
- [222](#)
- [223](#)

- [224](#)
- [225](#)
- [226](#)
- [227](#)
- [228](#)
- [229](#)
- [230](#)
- [231](#)
- [232](#)
- [233](#)
- [234](#)
- [235](#)
- [236](#)
- [237](#)
- [238](#)
- [239](#)
- [240](#)
- [241](#)
- [242](#)
- [243](#)
- [244](#)
- [245](#)
- [246](#)
- [247](#)
- [248](#)
- [249](#)
- [250](#)
- [251](#)
- [252](#)
- [253](#)
- [254](#)
- [255](#)
- [256](#)
- [257](#)
- [258](#)
- [259](#)
- [260](#)
- [261](#)
- [262](#)

- [263](#)
  - [264](#)
  - [265](#)
  - [266](#)
  - [267](#)
  - [268](#)
-

Александр Широкоград
Прибалтийский фугас Петра Великого

Глава 1

Битва за Западную Двину

«Тому уже 600 лет, как великий государь русский Георгий Владимирович, называемый Ярославом, взял землю Ливонскую всю и в свое имя поставил город Юрьев, в Риге и Колывани церкви русские и дворы поставил и на всех ливонских людей дани наложил. После, вследствие некоторых невзгод, тайно от наших прародителей взяли было они из королевства Датского двух королевичей. Но наши прародители за то на ливонских людей гнев положили, многих мечу и огню предали, а тех королевичей датских из своей Ливонской земли вон выслали. Так Фредрик король в наш город Колывань не вступался бы».

Из письма Ивана Грозного датскому королю Фредерику II

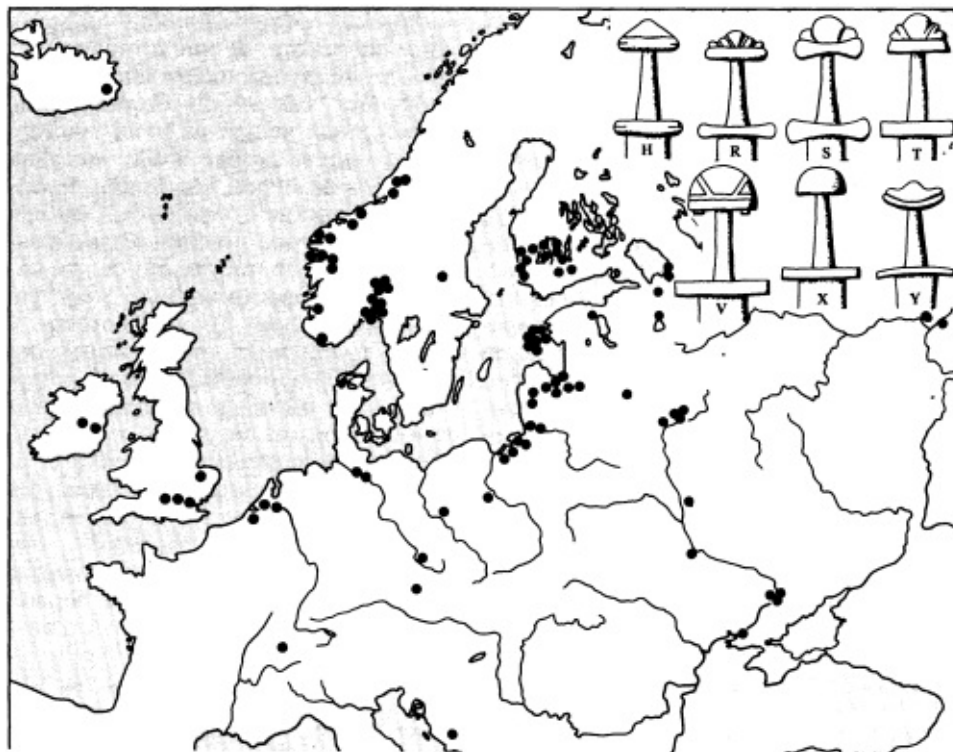
События 1990–1992 гг. в Прибалтике оказались неожиданностью лишь для тех, кто не знал истории этого края. Чтобы понять происшедшее и оценить перспективы развития отношений России и Прибалтийских республик, нам надо вернуться на много веков назад.

Палеолитические племена появились в Прибалтике около 10 тысяч лет назад, вслед за отступившим ледником. В III тысячелетии до н. э. сюда проникает культура ямочно-гребенчатой керамики, которая, как полагают, была характерна для финских охотничьих племен, мигрировавших с востока. Тогда же, в III тысячелетии до н. э., на территорию Эстонии пришли предки славян – скотоводы и земледельцы балтославяне, с их ладьевидными каменными топорами и шнуровой керамикой. Стоянки и родовые (групповые) грунтовые могильники балтославян III–II тысячелетия до н. э. обнаружены по всей Эстонии.

Предположительно в I тысячелетии до н. э. здесь появляются и восточные славяне, слившиеся с балтославянами.

В VI–VII веках в Прибалтике появляются славяне-кривичи. Практически вся материковая Эстония покрыта их длинными курганами. В

1979 г. на территории Эстонии насчитывали 1432 каменных могильника, 984 длинных кургана и 306 грунтовых могильников балтославян; соотношение русских (славянских) и эстонских могильников – один к одному.

Места находок мечей Ульфберта свидетельствуют о контроле варяго-русов над стратегически важными районами Прибалтики

В VIII–X веках через Финский залив и Западную Двину проходил знаменитый путь «из варяг в греки». По нему русы, то есть дружины из норманнов и славян, проходили в обоих направлениях из Северной Европы по Днепру и дальше в Византию, на Волгу и дальше в восточные страны.

В устье Западной Двины, в Гробини у Либавы (Лиепай) найдено поселение скандинавского типа, находка датируется 650–850 гг. Такие же поселения найдены на острове Саарема (Купигуста), на западном побережье Эстонии (Лизула) и на крайнем северо-западе (Прооза на территории Таллина).

С созданием Древнерусского государства все территории вдоль Западной Двины переходят под контроль киевских князей. В «Повести временных лет» сказано: «И се суть инии языще, иже дань дают Руси: Чудь (эсты)... Ямь (емь – финны), Литва (Аукштайте), Зимегола (Земгалия), Корсь (литовское племя на Нижнем Немане), Нерома (Жемайте), Либы

(Ливы)». ^[1]

После смерти киевского князя Владимира Святого земли бассейна Западной Двины в ее среднем и нижнем течении попадают под власть его внука – полоцкого князя Брячислава Изяславича. Ярослав Мудрый, а затем и его преемники несколько раз пытаются подчинить себе Полоцкое княжество, но каждый раз терпят неудачу.

При князе Всеславе, сыне Брячислава Изяславича, на Западной Двине в городках Герцике, Кукейнойсе и других находятся полоцкие гарнизоны. В жизнь же местного населения – семигаллов и ливов – русские не вмешиваются, за исключением сбора небольшой дани.

Полоцкий князь Всеслав умер 14 апреля 1101 г. и, во избежание усобицы, его старший сын Роман получил Полоцк, а другие сыновья – уделы в составе полоцкой земли: Витебский, Минский, Городецкий (центр – нынешний город Гродно) и Друцкий. Однако эта мера лишь ослабила Полоцкое княжество. Роман Всеславич умер в 1114 г. бездетным, и его братья вступили в войну за полоцкий престол.

В довершение смут внутренних на Полоцкое княжество в течение всего XII века совершали набеги литовцы.

В 1158 г. к устью Западной Двины, где обитали племена ливов, платившие дань полоцким князьям, был прибит бурей корабль бременских купцов. Ливы, согласно бытовавшему в те времена «береговому праву», попытались захватить корабль, но были отбиты немцами. После этого началась торговля. Обмен оказался столь выгодным для бременцев, что они стали постоянно ездить с товарами к устью Двины. Торговля была выгодна и ливским вождям, и они разрешили купцам построить в устье Двины укрепленную торговую факторию Уксуль (Икшкиль), а затем и вторую факторию Далеп.

О постройке факторий и о выгодной торговле с ливами вскоре узнал и бременский архиепископ. Упустить такую выгоду архиепископ никак не мог, но на всякий случай обратился за санкцией на вторжение в земли ливов к папе римскому. Надо ли говорить, что папа Александр III согласился с мнением архиепископа и велел направить в Ливонию миссионеров.

Вскоре миссионеры с отрядом воинов прибыли в Уксуль. Возглавлял их монах-августинец Мейнгард. Монах был хитер и, прежде чем начать проповеди среди ливов, отправился за разрешением к полоцкому «королю» Владимиру. Монах прибыл в Полоцк вместе с бременскими купцами и был тих и кроток. Князь, не мудрствуя лукаво, дал разрешение на «проповедь слова Божьего». Кроме того, монах обещал «королю» помощь германских

рыцарей в борьбе с набегами ливов. Владимир дал согласие. Оправдывая ошибку князя, следует сказать, что только столетие прошло с момента разделения православной и католической церкви (в 1054 г.), в Полоцке могли и не знать нюансы взаимоотношений константинопольского патриарха и папы римского. Да и полоцкие князья отличались от киевских веротерпимостью. Историки не располагают данными о каких-либо преследованиях язычества в Полоцком княжестве и на его вассальных территориях.

Мейнгард начал вести проповеди среди ливов. А чтобы проповедовать, нужны церкви. Немцы построили их на самых крутых холмах. А чтобы защитить церкви, вокруг них возвели каменные стены с многочисленными башнями. Так появились каменные крепости Уксуль, Гольм и другие. Все шло хорошо, да ливы не изъявляли особого желания креститься. Мало того, уже крещеные туземцы стали перекрещиваться обратно – погружаться в воды Двины, дабы смыть с себя крещение и отослать его обратно в Германию. А поскольку ливы платили дань полоцкому князю, то платить еще десятину в пользу папы римского им явно не улыбалось.

Мейнгард попытался применить силу, но у ливов был многократный перевес. Тогда Мейнгард по традиции обратился к папе с просьбой организовать хотя бы небольшой крестовый поход и заставить ливов платить. В 1186 г. бременский архиепископ рукоположил Мейнгарда епископом вновь основанного «Икшкильского епископства в Руси» (!). Но в 1196 г. Мейнгард умер, так и не дождавшись крестоносцев. На его место из Бремена оперативно прислали нового епископа Бартольда.

По прибытии Бартольд велел собрать ливских старейшин и объявил им, что надо креститься и платить, а то, мол, братва крестоносная из-за моря прибудет. Когда Бартольд удалился, вожди начали думать, что делать. Разгорелся жаркий спор. Одни предлагали Бартольда сжечь вместе с его храмом, другие без лишних церемоний хотели утопить епископа в Двине. Пока шли дебаты, какая-то добрая душа побежала к епископу, а тот, естественно, кинулся на корабль и убыл в Германию.

Бартольд написал папе слезное послание о своем печальном положении. Папа объявил отпущение грехов всем, кто отправится в крестовый поход против ливов, и вокруг Бартольда собрался значительный отряд крестоносцев, с которыми он и отправился назад в Ливонию. Туземцы вооружились и послали спросить епископа, зачем он привел с собой войско? Бартольд ответил, что войско пришло для наказания отступников, на что ливы сказали ему: «Отпусти войско домой и ступай с миром на свое епископство: кто крестился, тех ты можешь принудить

оставаться христианами, других убеждай словами, а не палками». В ответ конные крестоносцы построились «свиньей» и двинулись на толпу ливов. Впереди скакал с копьем сам епископ. В сражении Бартольд был убит, но крестоносцам удалось одержать победу.

Немцы предали огню и мечу окрестные земли. Ливы были вынуждены креститься, и их обложили большой данью. Но как только основные силы крестоносцев ушли в Германию, ливы начали отмываться от крещения в Двине. Расставленные у дорог массивные деревянные распятия клали на плоты и отправляли вниз по течению в Балтийское море. Всем католическим священникам и рыцарям было приказано отдать награбленное и без багажа садиться на корабли. Купцов и их имущество ливы не тронули.

Но через несколько месяцев в устье Двины появилось 23 корабля с рыцарями-крестоносцами. Вместе с ними прибыл и новый епископ Альберт фон Буксгевден. Последний оказался довольно гибким и умным политиком. Для начала он позвал местную знать на большой пир. Внезапно по приказу епископа вожди ливов были схвачены. Их освободили лишь после нового принудительного крещения. Кроме того, в заложники было взято 30 сыновей знати, которых отправили в Германию.

Альберт заменил ливам зерновую десятину небольшим натуральным оброком. Вместе с тем епископ понял, что удержать край в повиновении с помощью набегов крестоносцев невозможно. Нужно было стать твердой ногою на новом месте, строить города и замки.

В 1200 г. епископ Альберт основал в устье Двины город Ригу. Через год он перенес в новый город свою резиденцию. После этого и само епископство стало именоваться Рижским. Но мало было основать город, его надо было заселить, и Альберт сам ездил в Германию набирать колонистов. Но одного города, населенного немцами, было недостаточно. Население его не могло предаваться мирным занятиям, так как должно было вести непрерывную борьбу с ливами, следовательно, нужно было военное сословие, которое бы приняло на себя обязанность постоянно бороться с коренным населением. Для этого Альберт стал вызывать рыцарей из Германии и давать им замки в ленное владение. Но рыцари ехали крайне неохотно. Тогда Альберт решил основать орден «воинствующей братии» по образцу военных орденов в Палестине. Папа Иннокентий III одобрил эту идею, и в 1202 г. был основан орден рыцарей Меча, получивший устав Храмового ордена. Рыцари ордена носили белый плащ с красным мечом и крестом, вместо которого позже стали нашивать звезду. Первым магистром ордена был Винно фон Рорбах.

Первое время отношения между орденом и рижским епископом были хорошие, но через несколько лет они испортились, и фон Рорбах перенес свою резиденцию из Риги в крепость Венден.

Полоцкие князья вовремя не осознали угрозы, которую им и другим русским княжествам несут немцы. Лишь в 1203 г. полоцкий князь Владимир с дружиной внезапно осадил Укскуль. Немцы выплатили ему большой выкуп, и Владимир пошел осаждать крепость Гольм. Однако там немцы отразили штурм с помощью метательных машин, бросавших на осаждающих тяжелые камни и бревна. Владимир был вынужден увести свою дружину в Полоцк.

В 1206 г. полоцкий «король» Владимир осадил замок Гольм. «Русские же, не знавшие арбалетов, но привычные к стрельбе из луков, бились много дней и ранили многих на стенах; собрав большой костер из бревен, они старались поджечь укрепления, но старания эти были тщетны, а при сборе дров многие из них пали, сраженные арбалетчиками. Поэтому король послал гонцов к жителям Торейды, к литам и к окрестным язычникам, чтобы все они выступили в поход против рижан. Люди из Торейды тотчас же с радостью собрались к королю, и тем, кто пришел, было поручено единственное: собрать дрова для поджога замка. А так как доспехов у них не было, то, пока они собирали, многие из них были убиты неожиданными выстрелами. Литы же и сами не пришли, и гонцов не прислали. Сделали русские и небольшую метательную машину по образцу тевтонских, но, не зная, как метать камни, они ранили многих своих, попадая в тыл. Тевтоны из-за своей малочисленности – их было всего двадцать человек – опасались предательства со стороны ливов, которых было много в замке, днем и ночью оставались на стенах в полном вооружении, охраняя замок и от друзей внутри, и от врагов снаружи. Ливы же вместе с королем ежедневно искали способы как бы, захватив их хитростью, передать в руки русским, и если бы не сократились дни войны, то едва ли рижане и жители Гольма при их малочисленности могли бы защищаться...»^[2]

Лишь когда разведчики донесли «королю», что в море у Риги замечена эскадра кораблей, он приказал снять осаду Гольма.

Любопытно, что о деятельности полоцкого «короля» Владимира мы знаем исключительно из германских рифмованных хроник, которые упоминают о нем на протяжении 32 лет. В русских же летописях и родословных о князе Владимире нет ни слова. Это связано с тем, что полоцкая династия Брячиславичей была обособлена от остальных князей Рюриковичей, и те периодически пытались захватить Полоцк. А позже, к концу XIII века, Полоцкое княжество попало под власть литовских князей,

которых мало интересовали архивы их предшественников. Мало того, литовские князья утверждали, что Полоцк был их исконной вотчиной, и скорей всего старые летописи были сожжены по их приказу.

Следует заметить, что в германских рифмованных хрониках XII–XIII веков под термином «христиане» понимаются исключительно немцы, противниками же христиан являются язычники и русские. Русских пока еще не называют даже схизматиками.

В 1207 г. кукейносский князь Вячеслав Борисович (Вячко),^[3] вассал полоцкого князя, попросил помощи у Рижского епископа в борьбе с набегами воинственных литовцев. По германской версии, князь предложил епископу половину земли, если тот «защитит его от варваров». А пока шли переговоры, немецкий рыцарь Даниил фон Леневарден внезапно напал на Кукейнос и захватил его, а князя Вячеслава заковал в кандалы.

Епископ сумел уговорить Даниила отпустить князя. Вячеслава привезли в Ригу, там епископ подарил ему дорогие одежды и несколько коней. Затем князя отпустили в Кукейнос, но не одного, а с немецким гарнизоном.

Вячеслав сумел по достоинству оценить «заботу» немцев. Улучив момент, когда большая часть немцев была занята на строительстве укреплений Кукейноса, княжеская дружина напала на них. Лишь трем немцам удалось бежать в Ригу. Вячеслав послал гонцов в Полоцк. «Король» Владимир начал собирать войско, но задержался. Епископ Альберт опередил его и с отрядом рыцарей подошел к Кукейносу.

Согласно германской хронике, при штурме Кукейноса было убито 500 русских дружинников, а сам Вячеслав с двумястами дружинниками бежал в Юрьев. Как писал С.М. Соловьев: «...окруженные туземцами в глубине дремучих лесов своих искали спасения от мстительности пришельцев, но не всем удалось найти его: немцы преследовали их по лесам и болотам и если кого отыскивали, то умерщвляли жестокою смертью».^[4]

В 1209 г. епископ Альберт решил захватить город Герсик (Герцике), где правил русский князь Всеволод, женатый на дочери могущественного литовского князя. Всеволод, по мнению немцев, оказывал поддержку литовцам, совершавшим набеги на район Риги.

О разгроме Герсика нам известно из Ливонской хроники: «Собрав войско со всех областей Ливонии и Леттии, он [епископ Альберт. – А.Ш.] вместе с рижанами, пилигримами и всем своим народом пошел вверх по Двине к Кукейносу...

Русские, увидев издали подходящее войско, бросились к воротам

города навстречу им, но когда тевтонцы напали на них с оружием в руках и некоторых убили, то не смогли сопротивляться и бежали. Преследуя их, тевтоны ворвались в ворота, но из уважения к христианству убивали лишь немногих, больше брали в плен или позволяли спастись бегством. После взятия города женщин и детей пощадили и многих пленили. Король, переправившись в лодке через Двину, бежал со многими другими, но королева была схвачена и представлена епископу с ее девушками, женщинами и всем имуществом. В тот же день все войско оставалось в городе; собрали по всем закоулкам большую добычу, захватили одежду, серебро, пурпур и много скота, а из церквей – колокола, иконы, прочее убранство, деньги и много добра и все это увезли с собой, вознося хвалу Господу за то, что так неожиданно он даровал им победу над врагами и позволил без потерь войти в город.

На другой день, разграбив все, приготовились к возвращению, а город подожгли. Глядя на пожар с другой стороны Двины, король с тяжкими вздохами и причитаниями восклицал: «О, Герцике, милый город! О, наследие отцов моих! О, нежданная гибель моего народа! Горе мне! Зачем я родился, чтобы видеть пожар моего города и уничтожение моего народа!»

После этого епископ и все войско, разделив между собой добычу, с королевой и всеми пленными возвратились в свою землю, а королю было предложено прийти в Ригу, если только он еще хочет заключить мир и получить пленных обратно. Явившись, тот просил простить его поступки, называл епископа отцом, а всех латинян братьями во Христе, и умолял забыть бывшее зло, заключить с ним мир, вернуть ему жену и пленных». ^[5]

В итоге Всеволоду вернули жену, но заставили его стать вассалом епископа.

Война между крестоносцами и полоцким «королем» шла с переменным успехом. В 1210 г. рижские немцы были вынуждены заключить «вечный мир» с Владимиром. Полный текст договора до нас не дошел, но в рифмованной хронике говорится, что рижский епископ платил «королю» ежегодную дань. Надо полагать, что в договоре были выгодные для русских условия прохода торговых караванов по Западной Двине.

Весной 1216 г. эсты из приморских областей и острова Эзель (Саарема) прислали послов к полоцкому «королю» с предложением захватить Ригу и устье Западной Двины. «Король» собрал большое войско, но, поднимаясь на корабль, Владимир внезапно упал и умер. Поход был отменен.

Судя по всему, после смерти Владимира в Полоцком княжестве началась ожесточенная борьба за власть. А в 1223 г. Полоцк на некоторое

время был захвачен смоленскими князьями. Все это позволило крестоносцам закрепиться в нижнем течении Западной Двины. Таким образом, этот выход к морю оказался закрытым для Руси на целых пять столетий.

Глава 2

Война в Эстляндии

Поначалу русские летописцы не придавали особого значения действиям русских князей в Прибалтике. Вот, к примеру, краткая запись под 1030 годом: «В то же лето пошел Ярослав на чудь, и победил их, и поставил град Юрьев».^[6]

В данном случае под термином «чудь» подразумеваются эсты. Вообще же чудью (чухонцами) русские именовали все угро-финские племена. Юрьевым город был назван в честь самого князя.^[7] Юрий – это христианское имя Ярослава Мудрого. Первые два века христианства на Руси князья в большинстве случаев имели два имени – русское языческое и христианское.

Видимо, тогда же был основан и город Колывань на месте нынешнего Таллина.^[8] Эсты стали данниками русских князей. Русские в отличие от немцев ограничивались выплатой дани, практически не вмешиваясь в быт и религиозные верования населения Прибалтики.

Несколько слов стоит сказать и о стратегическом значении города Юрьева. Наши историки много говорят о водных путях на Балтику через Неву или Северную Двину, но не упоминают о водном торговом пути через... центральную Эстляндию. А ведь через нее в IX–XV веках шло значительное число товаров в Псков и далее на Днепр и Волгу.

На старинных германских картах Эстляндии весь этот водный путь именовался Эмбах (Эмайыги). Сейчас же это название относится только к реке, текущей из озера Выртсъярва в Чудское озеро (р. Эмбах).

На этой-то реке и построил город Ярослав Мудрый. Поднимаясь по Эмбаху до озера Выртсъярва, ладьи затем входили в устье реки Тянассилма и поднимались на 34 км вверх по течению до небольшого озера Вильянди. Пройдя 4,5 км по озеру, ладьи шли 34 км по речке Раудне, которая затем впадает в Халисте (7,6 км), а та – в Навести, последняя же впадает в реку Пярну (38 км). Ну а Пярну, как известно, впадает в Балтийское море.

Примерно в 1130 г. племя чудь захватило Юрьев и перебило местных жителей. В 1133 г. черниговский князь Всеволод Ольгович совершил поход на Юрьев – город был возвращен, а чудь основательно побита.

В 1210 г. русское войско совершило поход в Угаунию (Уггеноис) – территорию западнее Чудского озера. Видимо, поводом стала невыплата

дани чухонцами. Возглавляли войско новгородский князь Мстислав Мстиславич Удалой и его брат псковский князь Владимир Мстиславич. Русские осадили большую крепость Оденпе (Отепя, Медвежья Голова). После 8 дней осады чухонцы сдались и выплатили русским 400 серебряных монет. При этом часть чухонцев крестились по православному обряду, причем делали это добровольно.

Вскоре после ухода русской дружины к Оденпе подошли войска крестоносцев из Риги. Город был взят и сожжен, а окрестное население насильно крещено по католическому обряду. Соответственно, выплата дани в Псков прекратилась.

Замечу, что крестоносцы действовали не только кнутом, но и пряником. Немцам удалось сделать своим «агентом влияния» псковского князя Владимира Мстиславовича. Князь даже выдал свою дочь за брата епископа Альберта. Это не понравилось псковичам, и в 1213 г. они выгнали Владимира из города. Владимиру пришлось бежать к зятю в Ригу, где ему дали в управление Идумейскую область между Ригой и Венденом.

Жизнь у немцев князю пришлась не по душе, и он убежал обратно в Псков. Горожане его простили, и он с псковскими и новгородскими ратями в феврале 1217 г. двинулся к Медвежьей Голове.^[9]

Магистр венденских меченосцев^[10] Бертольд внезапно напал на русский лагерь. Но новгородцы быстро оправались и контратаковали немцев. Рыцари были разбиты, Владимир Мстиславович взял в плен своего зятя Теодориха и привез его в Псков.

К русским присоединились много эстов. «Пошел с ними и король Псковский Владимир со своими горожанами, и послали гонцов по всей Эстонии, чтобы приходили осаждать тевтонов и угаунийцев в Одемпе. И явились не только эзельцы и гарионцы, но и сакальцы, уже давно крещенные, надеясь таким образом сбросить с себя и иго тевтонов, и крещение. И пришли они навстречу русским, и осадили вместе с ними замок Одемпе, и бились с тевтонами и другими, кто был там, семнадцать дней, но не могли причинить им вреда, так как замок был весьма крепок. Но лучники епископа, находившиеся в замке, и братья-рыцари со своими арбалетами ранили и убили многих русских. Точно так же и русские ранили стрелами из своих луков некоторых в замке...

И когда епископы и братья-рыцари слышали об осаде, они послали на помощь своим около трех тысяч воинов. И отправились с ними магистр рыцарей Волквин, и Бертольд Венденский, и Теодорих, брат епископа, вместе с ливами, летами и некоторыми пилигримами. И дошли они до

озера Ристегерве, где встретили мальчика, шедшего из замка. Они взяли его в проводники, с наступлением утра подошли к замку и, оставив справа эзельцев, двинулись на русских и бились с ними. Русских и эзельцев было без малого двадцать тысяч, поэтому, испугавшись такого множества, они отошли в замок. И пали тут некоторые из братьев-рыцарей, храбрые мужи, Константин, Бертольд и Элиас и кое-кто из семьи епископа, а остальные все невредимыми достигли замка. И из-за множества людей и коней в замке начался голод, не хватало еды и сена, и стали кони объедать хвосты друг у друга. Так же и в русском замке был недостаток во всем. Наконец, на третий день после столкновения начались переговоры с тевтонами.

И был заключен мир с ними, но с условием, чтобы тевтоны все покинули замок и вернулись в Ливонию. И позвал Владимир зятя своего Теодориха пойти с ними в Псков, чтобы скрепить там мир. И поверил тот и вышел к нему. А новгородцы тут же вырвали Теодориха из рук его и пленником увели с собой». ^[11]

Так рассказано об этом походе в «Хронике Ливонии». Русские же летописи почему-то не упоминают о потерях немцев, сказано лишь, что у них убито три главных воеводы и взято 700 лошадей. Надо полагать, рыцари отдали 700 лошадей не по доброй воле.

Осенью 1217 г. старейшина Сакала Лембит поднял против немцев большую часть эстонских племен. Он послал гонцов в Новгород за помощью. Однако в то время новгородский князь Мстислав Удалой отправился в поход против венгерского короля. И новгородцы взяли себе в князя Святослава, сына киевского князя Мстислава Романовича. Тот обещал помочь Лембиту и стал собирать войско.

К началу сентября на северной границе Сакала, у берегов реки Пала (Навести) собрались не менее шести тысяч воинов из Ляэнемаа, Харьюмаа, Вирумаа, Рявала, Ярвамаа и Сакала. 15 дней они ждали русское войско, но оно так и не подошло. Причиной этого скорее всего послужил конфликт новгородского веча и Святослава. Тому горожане «показали путь», а взамен позвали его брата Всеволода.

К этому времени из Германии прибыл в Ригу граф Альберт фон Левенборх с отрядом рыцарей. Объединившись с местными крестоносцами, он с тремя тысячами всадников отправился к Сакала. Лембит выступил навстречу рыцарям.

21 сентября 1217 г. недалеко от Вильянди состоялось решительное сражение. Немецкому клину («свинье») удалось прорвать центр эстонского войска, а затем полностью разгромить его. Сам Лембит был убит, а его голову доставили в Ригу и выставили на всеобщее обозрение.

Ревельскую область».^[14]

Но когда крестоносцы достигли замка Вилиенде, разведчики донесли о приближении русского войска, которое вели князь Новгородский Всеволод Мстиславич и князь Псковский Владимир Мстиславич. Русское войско форсировало реку Эмбах, которую эстонцы называли «Матерью вод», и двинулось вперед.

На речке Эмель состоялось сражение. Судя по тексту рифмованной хроники, крестоносцы внезапно напали на авангард русских, и те отступили за речку. Но когда подошли основные силы новгородцев и псковичей, то ливы и литы в панике кинулись бежать. Организованно удалось отступить лишь двум сотням крестоносцев. Зато в Риге они уже хвастались, что убили 50 русских и что сам «король Новгородский» приказал своему войску оставить их в покое.

Русское же войско широким фронтом прошло по Ливонии, уничтожая замки и католические церкви, воздвигнутые крестоносцами.

В 1219 г. на севере Эстляндии с 1500 кораблей высадились войска датского короля Вальдемара II и его вассала правителя острова Рюген и части Померании Вацлава I. Несмотря на ожесточенное сопротивление эстов (реваласцев), они захватили и разрушили крепость Колывань, а на ее месте построили свою крепость Ревель (нынешний Таллин). Любопытно, что по-эстонски «таллинн» означает «датский город».

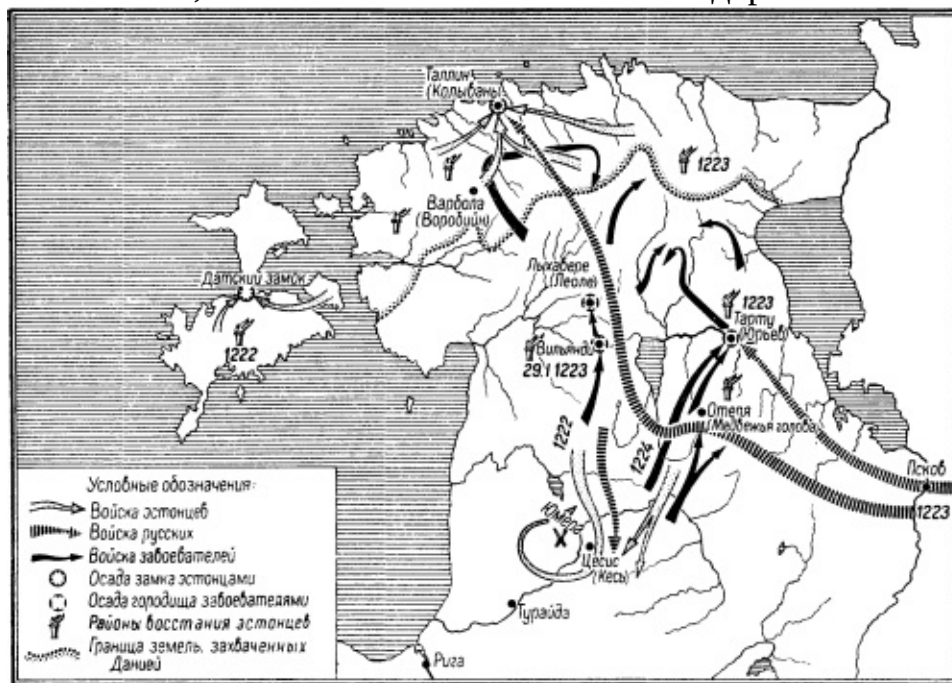
Новгородцы под началом князя Владимира Мстиславовича и его сына Ярослава дважды, в 1219 и 1222 гг., осаждали немецкую крепость Венден (Кесь) и один раз, в 1223 г., – Ревель. Но все три осады были неудачны, врага спасали мощные укрепления и метательные (камнеметные) машины. Русским удалось взять много добычи и пленных, но выгнать противника из Прибалтики они не смогли. Немцы и папы римские сделали из Прибалтики восьмивековой очаг напряженности в северо-восточной Европе.

В 1224 г. немцы двинулись на самую сильную русскую крепость в Эстляндии – Юрьев. Там сидел князь Вячеслав Борисович, у которого немцы ранее отняли город Кукейнос. 15 августа Юрьев был осажден. Немцы приготовили много осадных машин, из огромных деревьев выстроили башню в уровень с городскими стенами и под ее защитой начали вести подкоп. Всю ночь и весь следующий день над этим трудилась половина войска, одни копали, другие относили землю. На следующее утро большая часть подкопанного рухнула, и башня была придвинута ближе к крепости.

Несмотря на активную подготовку к штурму, осаждающие еще пытались завести переговоры с князем Вячеславом. Они послали к нему

несколько духовных особ и рыцарей с предложением свободного выхода из крепости вместе с дружиной, лошадьми и имуществом, если князь согласится покинуть отступников-туземцев (эстов). Вячеслав Борисович не принял это предложение, так как ожидал подкрепления из Новгорода. Тогда осада началась с новой силой и продолжалась много дней без видимого успеха.

Согласно немецкой хронике, осаждающие собрали совет, на котором два рыцаря, Фридрих и Фредегельм, недавно приехавшие из Германии, подали идею: «Необходимо сделать приступ и, взявши город, жестоко наказать жителей в пример другим. До сих пор при взятии крепостей оставляли гражданам жизнь и свободу, и оттого остальным не задано никакого страха. Так теперь положим: кто из наших первый взойдет на стену, того превознесем почестями, дадим ему лучших лошадей и знатнейшего пленника, исключая этого вероломного князя, которого мы вознесем выше всех, повесивши на самом высоком дереве».

Борьба с немецко-датскими захватчиками в 1222–1224 годах

Идея понравилась. И на следующее утро осаждающие устремились на приступ, но были отбиты. Осажденные сделали в стене большое отверстие и выкатывали оттуда раскаленные колеса, чтобы зажечь башню, от которой была большая опасность крепости. Осаждающим пришлось сосредоточить все свои силы, чтобы потушить пожар и спасти башню. Между тем брат епископа Иоганн фон Аппельдерн, неся огонь в руке, первым начал

взбираться на вал, за ним следовал его слуга Петр Оге, и оба беспрепятственно достигли стены. Увидев это, остальные ратники бросились за ними, каждый спешил, чтобы оказаться первым. Кто же взошел первым на стену, осталось неизвестным. Одни поднимали друг друга на стену, другие прорывались сквозь отверстие, сделанное самими же осажденными для пуска раскаленных колес. За немцами ворвались литы и ливы, и началась резня. Никому не было пощады. Бои в городе продолжались до тех пор, пока русские не были истреблены почти полностью. Немцы окружили крепость и не давали никому спастись бегством. Из всех мужчин, находившихся в городе, оставили в живых только одного – слугу суздальского князя. Ему дали лошадь и отправили в Новгород рассказать своим о судьбе Юрьева, и новгородский летописец записал: «Того же лета убиша князя Вячка немцы в Гюргеве, а город взяша».

К великому сожалению, события в Прибалтике в XII – начале XIII веков не нашли должного отражения ни в царской, ни в советской историографии. И по мнению многих поколений наших людей, первым против крестоносцев выступил Александр Невский. Поэтому мне и пришлось приводить подробности боевых действий русских князей против крестоносцев задолго до рождения князя Александра Ярославича.

Из всего сказанного можно сделать очевидные выводы.

Во-первых, к 1158 г. Прибалтика была вассальной территорией русских князей. Князья Рюриковичи действовали по принципу «разумной достаточности». Они ставили перед собой две основные цели – обеспечение свободного выхода Руси к Балтийскому морю через Западную Двину и Финский залив и обеспечение безопасности своих княжеств от вторжения западных рыцарей.

Поэтому они не вмешивались во внутренние дела местных племен и не навязывали им православие. Вполне достаточно было построить несколько крепостей и держать там небольшие гарнизоны. Местные племена были обложены сравнительно небольшой данью – на содержание гарнизонов и для психологического воздействия, дабы туземцы не забывали, кто их сюзерен.

Во-вторых, вторжение немцев, а позже датчан встретило отчаянное сопротивление не только местных племен, но и дружин русских князей. Война шла больше 60 лет.

В-третьих, нельзя забывать, что подлинными организаторами и идейными вдохновителями походов на Восток были римские понтифики (папы) и их окружение. Нигде в священных книгах не говорится о том, что

де учения Христа надо насаждать с помощью огня и меча. Но не следует забывать, что каждое языческое племя, обращенное крестоносцами в католичество, принуждалось к уплате церковной десятины в пользу Рима. Неудивительно, что христиан, отказывавшихся платить десятину папе, католические иерархи приравнивали к язычникам.

Свое истинное лицо рыцари-крестоносцы показали при разгроме Константинополя в 1204 г. Рыцари и католические священники громили православные церкви, рубили и жгли иконы, крали священные сосуды и т. д. В православных византийских храмах под хохот рыцарей плясали проститутки.

Резко контрастировало с этим отношение православных к католикам. Так, например, в Новгороде в XII–XV веках находились сотни западных купцов, их обслуга и охрана. Многие из них жили на «немецком дворе» в Новгороде по много лет. Но вот что удивительно, в вольном Новгороде за всю историю не было погрома католиков, и вообще процветала веротерпимость.

А вот характерное мнение католических иерархов в середине 40-х гг. XII века. Краковский епископ Матфей пишет к Бернарду Клервскому (1091–1153), аббату монастыря в Клерво в Бургундии (позже Бернард будет объявлен святым): «Народ же русский, неисчислимый и многочисленностью подобный звездам, не блюдет правил православной (orthodoxa) [то есть католической] веры и установлений истинной религии. Не разумея, что вне католической церкви нет места для подлинного богослужения, он, как известно, позорно заблуждается не только в богослужении Тела Господня, но и в расторжении браков и перекрещивании [супругов], а также и других церковных таинствах. От самого начала своего крещения преисполненный всевозможными заблуждениями, а вернее сказать – еретическим нечестием, он исповедует Христа разве что по имени, делами же совершенно отвергает. Ведь не желая быть в согласии ни с Латинской, ни с Греческой церковью и отделившись от обеих, названный народ не причастен к принятию таинств ни по тому, ни по другому [обряду]». В итоге епископ Матфей призывает Бернарда лично явиться, чтобы своей «проповедью, что пронзает лучше меча обоюдоострого, истребить» ересь «на Руси, которая – словно другой мир».^[15]

Вроде бы пока речь идет о проповедях, но не будем забывать, что именно Бернард был одним из главных вдохновителей второго крестового похода 1147 г.

Папы римские с конца XII века периодически рассылают буллы

(послания, обязательные к исполнению всеми католиками) с призывами к торговой блокаде Руси. Так, например, папа Григорий IX в январе 1229 г. отправил буллу к властям Рима с требованием прекратить торговлю с русскими оружием, лошадьми, кораблями, продовольствием и т. д. А в послании Григория IX Ливонскому ордену (1232) рыцари призывались на борьбу с русскими, которых папа прямо именовал «врагами веры».

Глава 3

Князь Ярослав и его сыновья Александр и Андрей

Одним из первых, кто осознал опасность тевтонской экспансии, был князь Переславля-Залесского Ярослав Всеволодович, сын Всеволода Большое Гнездо и отец Александра Невского. В 1228 г. новгородцы позвали Ярослава княжить в Новгород. Вскоре он призвал полки из Переславля и начал готовиться к походу на Ригу. А кому-то в Пскове померещилось, что Ярослав вместо Риги хочет завладеть Псковом. Тут нельзя исключить и дезинформацию немцев. Со страху псковичи заключили отдельный мир с немцами, дали им 40 человек в заложники с условием, чтоб они помогли им в случае войны с новгородцами. Но новгородцы также заподозрили Ярослава, стали говорить: «Князь-то нас зовет на Ригу, а сам хочет идти на Псков». Ярослав послал сказать псковичам: «Ступайте со мною в поход: зла на вас не думал никакого, а тех мне выдайте, кто наговорил вам на меня». Псковичи велели отвечать ему: «Тебе, князь, кланяемся, и вам, братья новгородцы, но в поход нейдём и братья своей не выдаём, а с рижанами мы помирились. Вы к Колываню ходили, взяли серебро и возвратились, ничего не сделавши, города не взявши, также и у Кеси [Вендена], и у Медвежьей Головы, и за то нашу братью немцы побили на озере, а других в плен взяли. Немцев только вы раздражили, да сами ушли прочь, а мы поплатились. А теперь на нас что ли идти вздумали? Так мы против вас с святой богородицей и с поклоном: лучше вы нас перебейте, а жен и детей наших в полон возьмите, чем поганые. На том вам и кланяемся». Новгородцы сказали тогда князю: «Мы без свой братья, без псковичей, нейдём на Ригу, а тебе, князь, кланяемся». Сильно уговаривал Ярослав новгородцев, но все напрасно, тогда он отослал свои полки назад в Переславль.

В 1232 г. новгородский тысяцкий Борис поссорился с князем Ярославом Всеволодовичем и бежал к немцам в Оденпе. Туда же бежал и сын Владимира Псковского Ярослав. Перебежчики вернулись с немецким войском и захватили крепость Изборск. Псковичи отреагировали быстро – Изборск был отбит, а Ярослав Владимирович вместе с несколькими немецкими рыцарями взят в плен и отослан в Новгород к князю Ярославу Всеволодовичу. Ярослав Всеволодович приказал всех пленных заковать в

железо и отправить в Переславль-Залесский. В отместку за это немцы поймали какого-то новгородца Кирилла Синкиница и засадили в тюрьму. Тогда Великий Новгород, считая этот поступок нарушением мира, объявил войну.

Князь Ярослав Всеволодович с дружиной двинулся к городу Юрьеву, точнее, теперь к немецкому Дерпту. Русские не смогли взять город, зато сильно опустошили его окрестности. На выручку Дерпту подошло немецкое войско. В апреле 1234 г. на реке Омовже произошло сражение, немцы были разбиты и предложили князю мир «по всей его правде». Новгородец Кирилл был отпущен на волю, а Ярослав с торжеством вернулся в Новгород, якобы не потеряв ни одного человека убитым в битве с немцами. Даже если и немного перебрал летописец, то это все равно свидетельствует о полководческом таланте князя. Судя по всему, в этом договоре Ярослав и выговорил дань с Дерпта и других земель для себя и своих преемников, ту знаменитую дань, которая после послужила Ивану Грозному поводом для Ливонской войны.

Еще до битвы на реке Омовже рыцари Меченосцы решили объединиться с военно-монашеским Тевтонским орденом. Этот орден был основан в 1128 г. в Палестине. Несколько богатых немецких рыцарей основали в Иерусалиме особое братство для помощи паломникам под названием «Братство святой Марии Тевтонской». Когда арабы выставили крестоносцев из Палестины, гроссмейстер Тевтонского ордена Герман фон Зальц перебрался в Венецию. В 20-х гг. XII века княжество Мазовия (Польша) вело длительную войну с языческими племенами пруссов. Мазовецкий князь Конрад принял христианство и, поверив рассказам попов о бескорыстии и прочих добродетелях военно-монашеских орденов, в 1226 г. решил подарить Тевтонскому ордену Кульмскую и Лебодскую волости. Наивный Конрад надеялся, что рыцари будут защищать его от набегов языческих племен.

В 1228 г. большая часть рыцарей Тевтонского ордена вместе с гроссмейстером Германом фон Зальцем прибыла в Мазовию. Рыцари быстро завоевали земли пруссов. Большая часть населения была истреблена, а оставшиеся обращены в рабство. В Пруссию хлынул поток немецких переселенцев. Тевтонские рыцари построили в Пруссии несколько укрепленных городов, первый из которых, Торн, был заложен в 1231 г.

В 1234 г. Тевтонский орден получил от папы римского права на владение всей Прусской и Кульмской землей за обязательство платить дань лично папе, который, таким образом, стал сюзереном ордена. Дань орден

платил исправно, но власть папы оставалась номинальной, и фактически орден был независим в своей внешней и внутренней политике.

В 1229 г. умер рижский епископ Альберт. Магистр ордена Меченосцев Волквин, воспользовавшись его смертью, решил избавиться от своей зависимости от рижских епископов и предложил Герману фон Зальцу объединить ордена. Однако Зальц отказался.

После разгрома рыцарей на реке Омовже переговоры по объединению орденов возобновились. В 1235 г. Зальц отправил в Ливонию двух командоров Тевтонского ордена Еренфрида фон Нойенбурга и Арнольда фон Нойндорфа, поставив им задачу разузнать о правах и обычаях ордена Меченосцев и вообще о положении дел в Ливонии. Вскоре посланцы вернулись и привезли с собой троих депутатов от ливонских рыцарей. Лудвиг фон Оттинген, наместник великого магистра в Пруссии, собрал капитул в Марбурге, где ливонских рыцарей подробно расспросили об их правилах, образе жизни, владениях и притязаниях. Потом были опрошены командоры, посланные в Ливонию. Еренфрид фон Нойенбург представил поведение рыцарей Меченосцев совсем не в привлекательном виде, описал их людьми упрямыми и крамольными, не любящими подчиняться правилам своего ордена, ищущими прежде всего личной корысти, а не общего блага, и, указав пальцем на прибывших с ним ливонских рыцарей, добавил: «А эти, да еще четверо мне известных, хуже всех там». Арнольд фон Нойндорф подтвердил слова своего товарища. После такой «рекламы» неудивительно, что когда стали собирать голоса, объединяться ли с Меченосцами, то сначала воцарилось молчание, а потом единогласно решено было дожидаться прибытия великого магистра.

Замечу, что историю объединения орденов я излагаю не по русским летописям или трудам советских историков, которых можно обвинить в предвзятом отношении к военно-монашеским орденам. Увы, все это взято из немецких хроник. Что донесения немецких рыцарей относительно поведения Меченосцев были справедливы, доказывают послания пап. В 1238 г. папа Григорий IX писал епископу Моденскому, своему легату в Ливонии, чтобы обращенные в христианство язычники не подвергались рабству (Histor. Russ. Monum I, XLVIII). В том же году он писал, чтоб рабам дали облегчение и позволили ходить в церковь (там же, № XLIX). Известны и другие послания пап, обличающие ордена, как, например, послание Иннокентия IX рыцарям в 1245 г. Так что нравы рыцарей-монахов в художественных фильмах «Александр Невский» и «Крестоносцы» не только не очернены, а скорее приукрашены, поскольку даже сегодня в кино нельзя показать всех мерзостей, которые творили монахи-рыцари. И это

касается не только орденов Тевтонского и Меченосцев. Вспомним, сколько гнусных преступлений рыцарей-монахов было выявлено на процессе ордена тамплиеров во Франции в 1307–1314 гг.

Однако объединиться разбойничьим орденам все же пришлось. В 1236 г. магистр Волквин совершил опустошительный набег на литву, но вскоре был окружен многочисленными толпами язычников и погиб со всем своим войском. Любопытно, что к орденскому войску присоединился и отряд из двухсот псковичей. Вернулись из них в Псков всего двадцать человек.

После этого поражения уцелевшие Меченосцы отправили посла в Рим рассказать папе о плачевном состоянии ордена и ливонской церкви и настоятельно просить о соединении их с Тевтонским орденом. Гроссмейстер Тевтонского ордена стал сюзереном ордена Меченосцев, который с этого времени стали называть Ливонским орденом. Первым после объединения магистром Ливонского ордена стал Герман фон Балк.

Первое столкновение русских с Тевтонским орденом относится к 1235 г. Мазовецкий князь Конрад уступил ордену какие-то свои земли, на которые претендовал и удельный волынский князь Даниил Романович Галицкий. Согласно летописи, Даниил сказал: «Не годится держать нашу отчину крестовым рыцарям» – и пошел с братом на них с большим войском, взял город, захватил в плен старшину Бруно и ратников и возвратился во Владимир.

Рассказав о крестоносцах, стоит несколько слов сказать и о государственном устройстве Господина Великого Новгорода. В отличие от большинства других городов Руси власть в Новгороде принадлежала владыке (архиепископу), посадникам и вечу (народному собранию). Причем и владыка, и посадник были выборными. Правда, выбор владыки был несколько экзотичным: духовенство и миряне выдвигали три кандидатуры, а затем тянули жребий – Божий суд. И после этого новый владыка уже чисто формально утверждался митрополитом, который последовательно жил в Киеве, во Владимире, а затем в Москве.

Примерно такая же система управления была и в Пскове.

А где же княжеская власть? Ведь автор уже писал о новгородских и псковских князьях. По неписанным конституциям Новгорода и Пскова князья выполняли роль кондотьеров – предводителей наемных дружин, которые должны были защищать город. Ну а кому сие утверждение показалось обидным, мол, святой Александр Невский был кондотьером, то я приведу современное определение. Князья были министрами обороны Новгородской и Псковской республик.

Князь и его дружина размещались вне города. Так, наемные новгородские князья занимали замок Рюриково городище. Князю и дружине выдавались в кормление волости республики и, кроме того, производились денежные выплаты.

Главная функция князя – защита от внешнего врага. В отдельных случаях князю доверяли вести внешние сношения с соседями. Всякое же вмешательство князей в городскую жизнь исключалось. Другой вопрос, что своенравные Рюриковичи иной раз пытались творить суд и расправу в Новгороде и Пскове. После этого обычно князю «показывали путь», то есть, а пошел ты к... матери во Владимир, Суздаль или Переславль-Залесский. И вместо него приглашали нового князя. Когда среди князей не оказывалось подходящего свободного (от богатого княжества) Рюриковича или те желали брать не по чину, то новгородцы и псковичи приглашали литовского князя. Литовские князья были людьми покладистыми, сразу по приезде в Новгород или Псков становились православными. А «получив путь» и отправляясь в этническую Литву, вновь возвращались к вере отцов. В западную часть Великого княжества Литовского князь ехал добрым католиком, а в восточной части Литвы оставался православным.

Первый раз князь Александр Ярославич (будущий Невский) был приглашен новгородцами княжить в 1228 г. вместе с братом Федором.^[16] Через год вече прогнало обоих. А еще через год обоих братьев пригласили опять. Федор умер, и Александр стал княжить один.

После победы на Неве в июле 1240 г. новгородцы встретили Александра и его дружину колокольным звоном. Однако не прошло и нескольких недель, как властолюбивый князь и беспокойные граждане вольного Новгорода рассорились, и Александр Ярославич вместе с дружиной отправился восвояси в Переславль-Залесский.

Но время для «крамолы великой» и ссоры с князем Александром новгородцы выбрали явно неудачно. В том же 1240 г. рыцари Меченосцы под командованием вице-магистра Андреаса фон Вельвена начали большое наступление на Русь. Вместе с немцами шел и перебежавший к ним князь Ярослав Владимирович.^[17] Немцы^[18] взяли Изборск. Псковское войско вышло навстречу немцам, но было разбито. Погиб и псковский воевода Гаврила Гориславович. Любопытно, что немецкие хронисты сделали из Гаврилы Гориславовича вначале Гернольта, а потом князя Ярополка, заставили его жить после смерти и сдать немцам Псков.

На самом деле немцы осаждали Псков около недели, а затем псковичи согласились на все требования врага и дали своих детей в заложники. В

Псков был введен немецкий гарнизон.

Немцы не удовольствовались псковскими землями, а вместе с отрядами чухонцев напали на Новгородскую волость (Вотскую пятину). В Копорском погосте, в 16 км от Финского залива, рыцари построили мощную крепость. В 35 км от Новгорода немцы захватили городок Тесов.

В такой ситуации новгородцам потребовался князь со своей дружиной. К князю Ярославу Всеволодовичу срочно были отправлены послы просить дать в Новгород князя Александра. Однако Ярослав Всеволодович дал им своего младшего сына – Андрея. Новгородцы подумали и отказались, им нужен был только Александр. В конце концов Ярослав Всеволодович уступил и дал им Александра, но на более жестких условиях.

В 1241 г. Александр Ярославич приехал в Новгород. Для начала Александр припомнил горожанам старые обиды и повесил «многие крамольники». Затем Александр осадил крепость Копорье^[19] и взял ее. Часть пленных немцев князь отправил в Новгород, а часть отпустил (надо полагать, за хороший выкуп), зато перевешал всю чужь из копорского гарнизона. Однако от дальнейших действий против рыцарей Александр воздержался до прибытия сильной суздальской дружины во главе со своим братом Андреем.

В 1242 г. Александр и Андрей Ярославичи взяли Псков. В ходе штурма погибло 70 рыцарей и множество кнехтов. Согласно Ливонской хроники, Александр приказал «замучить» в Пскове шесть рыцарей.

Из Пскова Александр двинулся во владения Ливонского ордена. Передовой отряд русских под командованием новгородца Домаша Твердиславовича попал в немецкую засаду и был разбит.

Так, Новгородская Первая летопись сообщает, что в сражении было убито 400 рыцарей, а 50 рыцарей взяты в плен, чуди же побито «без числа». Западные историки, как, например, Джон Феннел, ставят под сомнение достоверность летописи: «Если летописец считает этих 450 человек рыцарями, тогда приводимая цифра является, несомненно, крупным преувеличением, поскольку в то время, когда произошло сражение, два ордена имели чуть больше ста рыцарей». [\[20\]](#)

Ледовое побоище (миниатюра)

Современный историк Анатолий Бахтин утверждает, что все летописные сведения о битве были фальсификацией: «Не было там умопомрачительного столпотворения воюющих сторон, не было и массового ухода людей под лед. В те времена доспехи тевтонцев по своему весу были сопоставимы с вооружением русских ратников. Те же кольчуга, щит, меч. Только вместо традиционного славянского шишака голову братьев-рыцарей защищал ведрообразный шлем. Не было в те времена и латных лошадей. Ни в одной из существующих хроник невозможно

отыскать рассказ о треснувшем льде на Чудском озере, об ушедших под воду участников сражения.

Еще одна откровенная мистификация, которая сослужила медвежью услугу, – это количество участников сражения. В составлении русских летописей того времени наверняка принимали участие имиджмейкеры, которые, для того чтобы признать значимость победы или объяснить причины поражения, не утруждали себя педантизмом. Количество воинов в те времена указывали одним словом «бещисла», то есть несметное количество. Эта формулировка дала повод псевдоисторикам в советские времена увеличить на порядок количество участников битвы на Чудском озере. Как анекдот звучали нереальные и необоснованные цифры: восемнадцать тысяч со стороны русских, пятнадцать – со стороны ордена. К концу тридцатых годов XIII века все население Новгорода, включая женщин, стариков и детей, составляло чуть более четырнадцати тысяч человек. Поэтому максимальное количество ополчения, которое мог призвать Александр под свои знамена, не могло превысить двух тысяч ратников. А Тевтонский орден, большинство членов которого в этот период проливали свою и чужую кровь в Палестине за Гроб Господень, состоял примерно из двухсот восьмидесяти братьев-рыцарей. Непосредственно на лед Чудского озера вышли биться не более двух десятков тевтонцев. Остальную тысячную массу, противоборствовавшую русской дружине, составили ливонцы и чуди, предки нынешних эстонцев». ^[21]

Сторонники «магистральной линии» по-прежнему верны традициям историков царских и сталинских времен. Например, доктор исторических наук Николай Борисов из МГУ подготовил учебник «История России с древнейших времен до конца XVII века», в котором события излагаются следующим образом:

«Своим любимым приемом – внезапной атакой, „изгоном“ – Невский овладел городом. После этого, не теряя времени, он пошел на Изборск и дальше, „в землю Немецкую“. Узнав о том, что навстречу ему идет большое рыцарское войско, Александр отступил к Чудскому озеру. Вероятно, этот отход князь совершил умышленно. В его голове уже появилась дерзкая идея: сразиться с врагом на льду озера.

...Утром 5 апреля 1242 г. его войско встретило врага, выстроившись на льду Чудского озера, на Узмени, у Вороньего камня. Крестоносцы построились треугольником, острие которого было направлено на русских. На концах и по сторонам этого живого треугольника – «великой свиньи», по ироническому выражению русских летописцев, – встали закованные в латы всадники, а внутри него двигались легковооруженные воины. Осыпав

противника дождем стрел, воины Александра раздвинулись, пропуская «великую свинью», а затем яростно ударили по ее флангам. Началась тяжелая и кровопролитная битва. Вскоре ослабевший к весне лед – особенно тонкий в этой части озера, на протоке – начал давать трещины. Кое-где, не выдержав тяжести людей и боевых коней, он стал проваливаться. Первыми шли ко дну самые знатные, богатые рыцари: их тяжелые доспехи весили по два-три пуда. Упав с коня, рыцарь, закованный в латы, уже не мог подняться без посторонней помощи. Уцелевшие рыцари обратились в бегство. Победа Александра была полной. Около 500 немцев погибло в битве, а 50 знатных пленников он привел с собой в Псков».^[22]

На основании многочисленных вариантов истории битвы современные знатоки тактики и стратегии средневековых войн делают далеко идущие выводы: «Выставив длинные копья, немцы атаковали центр („чело“) боевого порядка русских. „Вот знамена братьев проникли в ряды стрелков (сторожевого полка). Было слышно, как звенят мечи, и было видно, как рубились шлемы, с обеих сторон падали мертвые“.

О прорыве врагом новгородских полков пишет русский летописец: «Немцы же и чюдь пробишася свиньею сквозе полкы». Однако, наткнувшись на обрывистый берег озера, малоподвижные, закованные в латы рыцари не могли развивать свой успех. Наоборот, рыцарская конница скучилась, так как задние шеренги рыцарей подталкивали передние шеренги, которым негде было развернуться для боя.

Фланги русского боевого порядка («крылья») не позволили немцам развивать успех операции. Немецкий «клин» оказался зажатым в клещи. В это время дружина Александра нанесла удар с тыла и завершила окружение противника. «Войско братьев было окружено».

Воины, которые имели специальные копья с крючками, стаскивали рыцарей с коней; воины, вооруженные ножами – «засапожниками», выводили из строя лошадей, после чего рыцари становились легкой добычей. «И бысть ту сеча зла и велика немцем и чюди и бе труск от копии ломления и звук от мечнаго сечения, якоже озеру померзшу двигнутись, и не бе видети леду, покры бо ся кровию». Лед под тяжестью сбитых в кучу тяжеловооруженных рыцарей стал трещать. Некоторым рыцарям удалось прорвать кольцо окружения, и они попытались спастись бегством, но многие из них утонули.

Новгородцы преследовали остатки бежавшего в беспорядке рыцарского войска по льду Чудского озера вплоть до противоположного берега, семь верст. Преследование остатков разбитого врага вне поля боя было новым явлением в развитии русского военного искусства.

Новгородцы не праздновали победу «на костях», как было принято раньше.

«Ледовое побоище» стало первым случаем в истории военного искусства, когда тяжелая рыцарская конница была разбита в полевом бою войском, состоявшим в большей части из пехоты. Русский боевой порядок («полчный ряд» при наличии резерва) оказался гибким, в результате чего удалось осуществить окружение противника, боевой порядок которого представлял собой малоподвижную массу; пехота успешно взаимодействовала со своей конницей». [\[23\]](#)

Боюсь, читателю уже надоели версии битвы, и давно возник вопрос, а что же было на самом деле? Увы, за отсутствием достоверных источников ответ на сей вопрос довольно затруднен.

Так, до сих пор точно неизвестно даже место битвы. Его наши историки ищут с середины XIX века. Причем одни считают местом битвы западный берег Чудского озера, другие – западный берег Псковского, некоторые называют разные места Теплого озера.

Из десяти историков, занимавшихся этим вопросом (Костомаров, Васильев, Трусман, Лурье, Порфиридов, Бунин, Беляев, Тихомиров, Паклар, Козаченко) только эстонец Паклар производил специальные изыскания на месте, остальные же пытались найти решение в тиши своих кабинетов. В итоге предполагаемые места битвы разбросаны на участке протяженностью около ста километров!

Археологи на берегах и даже в прибрежных водах озера сделали десятки интересных находок, рассказывающих о жизни местного населения в XII–XIV веках. Но увы, среди них нет ни братских могил, ни групповых захоронений воинов, ни больших находок оружия, словом, ничего того, что могло служить вещественным доказательством битвы в 1242 г.

Фантазировать на тему, кто кого и как «стаскивал крючьями с лошадей», я не стану. Но зато есть серьезные сомнения в том, что все лавры победителя в сражении принадлежат Александру Невскому.

Так, Суздальская летопись отводит главную роль в Ледовом побоище не Александру, а Андрею Ярославичу и его дружине: «Великий князь Ярославь посла сына своего Андреа в Новъгород Великий в помощь Олександрови на немци и победиша я за Плесковым (Псковом) на озере и полон мног плениша и възратися Андреи к отцу своему с честью».

Эта информация косвенно подтверждается немецкой «Рифмованной хроникой». Там повествуется о захвате немцами Пскова, после чего говорится:

Есть город на Руси,
Новгородом он называется.
Их королю стало об этом известно.
Он выступил со многими отрядами...
И пришел он с большой силой.
Он многих русских привел,
Чтобы освободить тех, кто в Пскове. ^[24]
После взятия Пскова и изгнания немцев
Король Новгорода ушел в свою землю,
Недолго было спокойно.
Есть город большой и просторный
Также на Руси.
Суздадем он называется.
Александром звали того,
Кто в то время там был королем. ^[25]
Своим подданным он велел собираться
В поход. Русским их неудачи обидны были.
Быстро они собрались.
И поскакал король Александр,
С ним много других
Русских из Суздаля.
У них было луков без числа,
Очень много блестящих доспехов.
Их знамена богато расшиты,
Их шлемы славились своим сиянием. ^[26]

Судя по тексту, автор «Хроники...» не был на Чудском озере, но слышал рассказы участников битвы. Обратим внимание на очень важную его ошибку: безымянный «король» Новгорода берет Псков и возвращается в Новгород, а в 1242 г. из Суздаля явился «король Александр» с войском в «блестящих доспехах». Он-то со своей кованой ратью и «накостылял» немцам. Надо ли говорить, что если бы «впервые в истории военного искусства» бой против рыцарей выиграла бы пехота, то это нашло бы отражение в пространном тексте «Хроники...». Но увы, там нет ни слова ни про пехоту, ни тем более про мужиков с топорами.

Итак, битву на Чудском озере выиграла суздальская кованая рать. Но суздальским князем тогда был Андрей Ярославич, а не Александр

Ярославич. Однако ошибка немецкого хрониста вполне объяснима: и до 1242 г., и после орден вел переговоры с Александром Невским, а Андрей «пришел, увидел, победил» и ушел в родной Суздаль – его немцы и не знали.

Летом 1242 г. в Пскове был заключен договор между Ливонским орденом, Псковом и Новгородом. Немцы возвратили все земли Новгорода, куда они «зашли» в 1238–1242 гг., а именно: Водь, Лугу, Псков и Летьголу, то есть Занаровье в Ижорской земле и часть Латгалии.

К Новгороду отходил район от Изборска до истоков юго-западных притоков реки Великой, фактически весь бассейн этой реки с притоками Кудеб, Вяда Кухва, Утроя и Лъжа. Кроме того, был произведен полный обмен пленными без выкупа.

Глава 4

Псковичи дают отпор ордену

В 1253 г., ободренные удачными войнами с литвой, Ливонские рыцари нарушили договор, пришли под Псков и сожгли посад, но, по словам летописца, сами понесли большие потери от псковичей. Видимо, осада крепости длилась до тех пор, пока на выручку псковичам не пришел новгородский полк. Тогда немцы испугались, сняли осаду и ушли.

Новгородцы не удовлетворились освобождением Пскова, а двинулись в Ливонию. К новгородцам присоединились их верные союзники карелы. Как писал летописец, новгородцы «положили пусту немецкую волость (то есть Ливонию), карели также ей много зла наделали». Псковичи разбили какой-то орденский «полк». В итоге рыцари «послали во Псков и в Новгород просить мира на всей воле новгородской и псковской».

В 1262 г. князь Ярослав Ярославич (брат Александра Невского) и его сын Дмитрий Ярославич решили вернуть «свою отчину город Юрьев» (Дерпт). Они заключили союз с литовским князем Миндовгом и жмудским князем Тройнатом. Однако ливонцев спасла асинхронность действий русских и их союзников. Князь Миндовг осадил крепость Венден (Кесь), но тщетно дожидаясь русских и, не дождавшись, снял осаду, удовлетворившись лишь опустошением окрестных земель. Когда ушла литва, явились русские полки и осадили Юрьев. Немцы к этому времени сильно укрепили город. Летописец писал: «...был город Юрьев тверд, в три стены, и множество людей в нем всяких, и оборону себе пристроили на городе крепкую». Посад был взят приступом и сожжен. Русские разграбили посад и взяли много пленных, но крепость взять не смогли и ушли назад. Ливонский же хронист утверждает, что русские ушли от Юрьева, узнав о приближении магистра Вергера фон Брейтгаузена, что магистр, преследуя русских, вторгся в их владения, опустошил их, но заболел и вынужден был возвратиться.

Литовский князь Довмонт в 1266 г., мстя за поруганную честь жены, убил Великого князя Литовского Миндовга, но и сам вскоре был вынужден бежать из Литвы в Псков, спасаясь от гнева князя Воишелка, сына Миндовга. Вместе с ним прибыли 300 литовских дружинников. В данном случае это были в основном этнические литовцы-язычники, да и сам Довмонт был таковым.

Сразу по прибытии в Псков Довмонт принял крещение в соборной церкви Святой Троицы и получил православное имя Тимофей. Псковские мужи почесали в затылках, да и выбрали Довмонта-Тимофея князем. Замечу, что статус князя в Пскове не был аналогичен статусу князя в других русских городах. Так, князь не мог жить в кремле, и Довмонт построил себе и дружине Довмонтово городище.

В 1266 г. Довмонт с небольшой ратью, всего 360 всадников, совершил поход против литовского князя Герденя, правившего в Полоцке. Сам Гердень отсутствовал, но его княжество подверглось разгрому, Полоцк взят, а княгиня и дети пленены. Кстати, жена Герденя оказалась родной теткой Довмонта. После набега Довмонт двинулся домой. Далее я процитирую сказание о Довмонте: «Перейдя вброд через Двину, отошел на пять верст и поставил шатры в бору чистом, а на реке Двине оставил двух стражей – Давыда Якуновича, внука Жаврова, с Лувою Литовником. Два же девяносто воинов он отправил с добычей, а с одним девяносто остался, ожидая погони.

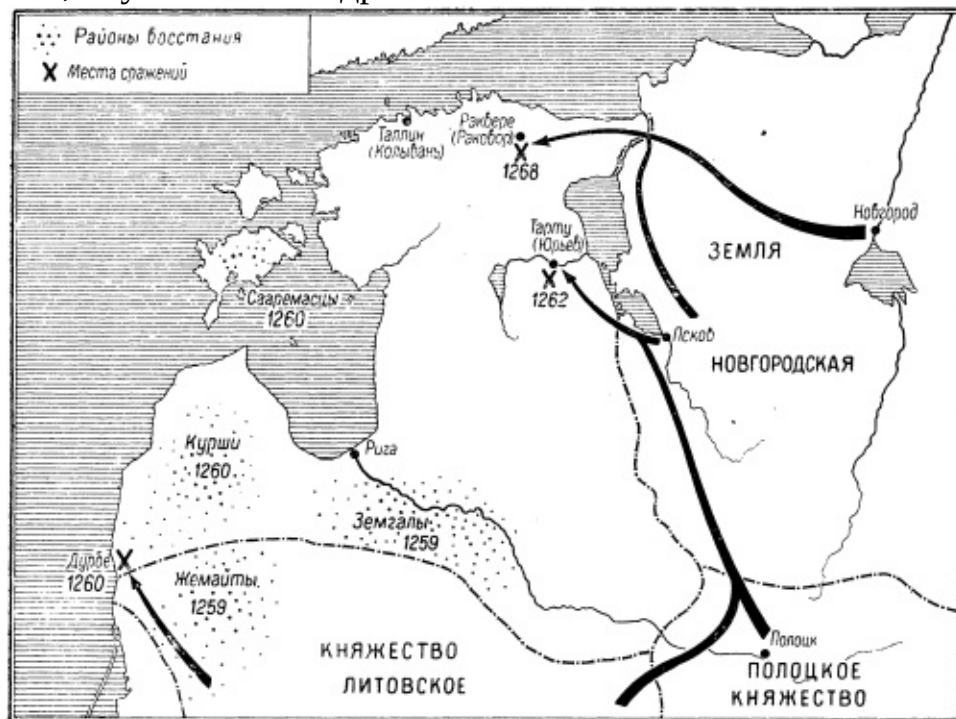
В то время Гридень и князя его были в отъезде, когда же приехали они домой, то увидели, что дома их и земли разорены. Ополчились тогда Гридень, и Гойторт, и Люмби, и Югайло, и другие князья, с семьей сотнями воинов погнались вслед за Довмонтом, желая схватить его и любой смерти предать, а мужей-псковичей мечами посечь; и, перейдя вброд реку Двину, встали они на берегу. Стражи, увидев войско великое, прискакали и сообщили Довмонту, что рать литовская перешла Двину. Довмонт же сказал Давыду и Луве: «Помоги вам Бог и Святая Троица за то, что устерегли войско великое, ступайте отсюда». И ответили Давыд и Лува: «Не уйдем отсюда, хотим умереть со славой и кровь свою пролить с мужами-псковичами за Святую Троицу и за все церкви святыя. А ты, господин и князь, выступай быстрее с мужами-псковичами против поганых литовцев». Довмонт же сказал псковичам: «Братья мужи-псковичи! Кто стар – тот отец мне, кто млад – тот брат. Слышал я о мужестве вашем во всех странах, сейчас же, братья, нам предстоит жизнь или смерть. Братья мужи-псковичи, постоим за Святую Троицу и за святыя церкви, за свое отечество!..»

Довмонт принес в церковь свой меч и положил на престол, он молился со слезами, принимал благословение духовного отца своего и его рукой надевал свой меч. По утверждению уроженцев города Пскова, это был тот самый меч с надписью: «*Honorum meum nebus davo*», то есть «Чести моей никому не отдам», который впоследствии лежал на гробнице князя Довмонта и своей величиной и тяжестью свидетельствовал о росте и силе святого князя.

Выехал князь Довмонт с мужами-псковичами и божиею силою и помощью святого Христова мученика Леонтия с одним девяносто семьсот врагов побил. В этой битве был убит Великий Литовский князь Гойторт, и иных князей многих убили, многие литовцы в Двине утонули, а семьдесят из них выбросила река на остров Гоидов, а иные на другие острова были выброшены, некоторые же вниз по Двине поплыли. Из псковичей же тогда был убит один Антон, Лочков сын, брат Смолигов, а другие остались невредимыми». [27]

Видимо, в сказании есть преувеличения, особенно в числе воинов Герденя. Но судя по всему, Довмонт внезапно атаковал переправлявшегося вброд противника. У литовцев началась паника, и они потеряли место брода.

Узнав о том, что псковичи самовольно взяли князя-литовца, Великий князь Владимирский Ярослав Ярославич (младший брат Невского) решил было пойти войной на Псков. Но «мужи новгородские» популярно пояснили ему, что за персонаж Довмонт и чем сей поход может обернуться. Поэтому дело кончилось как в хорошей сказке – свадьбой. Довмонт с подачи Великого князя Владимирского женился на княжне Марии Дмитриевне, внучке Александра Невского.

Борьба русского и прибалтийского народов с немецко-датскими захватчиками в 60-х годах XVIII века

В 1268 г. новгородцы и псковичи решили проучить нахальных датчан, нападавших на приневские вотчины Господина Великого Новгорода. В походе псковскую рать, естественно, вел Довмонт, а новгородские и низовые полки – князь Юрий Андреевич.^[28] Кроме того, в походе участвовали сыновья Великого князя Владимирского Ярослава Ярославича Святослав и Михаил, а также его племянник Дмитрий Александрович.

Объединенное войско двинулось на город-крепость Раковор,^[29] находившийся на севере Эстляндии, посередине между Нарвой и Ревелем. В одном месте русские нашли огромную пещеру с маленьким входом, где спрятались несколько сот чухонцев (чуди). Три дня полки стояли и не могли добраться до чуди, пока один новгородский мастер по имени Тогал, состоявший при осадных машинах, не провел канал ко входу в пещеру и не затопил ее водой. Вся чужь была перебита.

Стремясь заманить православное воинство в ловушку, немецкие епископы и рыцари поклялись на кресте не участвовать в войне на стороне датчан. Псковская летопись так говорит об этом: «Прислаша немцы послы свои с лестью глаголюще: „Мы с вами мирны, перемогайтесь с колыванцы и с раковорци, а мы им не помогаем и в том крест целуем“. И на том крест целоваше пискупы и Божии дворяне».

Но когда русские 18 февраля 1268 г. подошли к Раковору, то с изумлением увидели, что их ждали нарушившие клятву тевтонские рыцари и их союзники. Кроме отрядов из Ревеля, Везенберга и других датских владений, здесь были изменившие мирной клятве орденские полки из Феллина (Вельяд – Вильянди), Вейсенштейна (Белый камень – Пайде) и Лихула, а также епископский полк из Дерпта.

Объединенное русское войско 18 февраля форсировало реку Кеголу (Койлы), обойдя защищаемый немцами мост. Готовясь к бою, князья стали расставлять полки: псковичи во главе с Тимофеем-Довмонтом заняли правое крыло, выше их по правую же руку встали переяславцы во главе с Дмитрием Александровичем и полк Святослава Ярославича; слева поставлен был брат его Михаил Ярославич с тверичами, а сами новгородцы с посадником Михаилом Федоровичем, тысяцким Кондратом и князем Юрием Андреевичем вместе с ладожанами встали в центре – «в лице железному полку противу великой свиньи».

Тогда войска сошлись друг с другом «бысть такое страшное побоище, – повествует летописец, – какого не видали ни отцы, ни деды».

Немецкий автор в «Рифмованной хронике»^[30] утверждает, что у русских было 30 тысяч человек, а каждый немец якобы сражался с

шестьюдесятью русскими воинами. Согласно «Хроники», битву начали датские королевские полки, сражавшиеся на правом фланге. Однако возглавлявший их дерптский епископ Александр был вскоре убит, и датчане остановились. Одновременно русская тяжелая конница двумя колоннами атаковала неприятеля. Но немцам удалось отбить атаку и обратить русских в бегство.

Тогда в бой вступила пятитысячная дружина князя Дмитрия Александровича, нанеся удар со стороны реки. На правом фланге псковичи, ведомые князем Довмонтом, разогнали противостоящих им немцев и чудь и нанесли удар по «свинье» с фланга. Датчане, немцы и чухонцы обратились в бегство. Русские «гониша их, бьюще до города Ракобора» тремя путями, на протяжении семи верст. Вражеских трупов было так много, что русской коннице трудно было действовать, не наступая на их тела.

Но и русские дорого заплатили за победу: погибли посадник Михаил Федорович и 13 других знатнейших новгородских горожан (в том числе Никифор (Твердислав) Чермный), пало немало бояр княжьих и много владимирцев, новгородцев, псковичей и ладожан. Иные пропали без вести, в их числе новгородский тысяцкий Кондрат. Князь Юрий Андреевич был ранен в плечо. Часть неприятельских сил во время бегства сумела врезаться в новгородский обоз, лишив русских возможности продолжать преследование. Князь Дмитрий хотел немедленно напасть на них, но другие князья удержали его. «Время уже к ночи, – говорили они, – в темноте смешаемся и будем бить своих». А наутро немцев уже и след простыл.

Однако двигаться в погоню большое русское войско не решилось из-за огромных потерь. Три дня войска стояли «на костях», а на четвертый повернули обратно. Лишь Довмонт с псковичами пошел гулять по Эстляндии. Часть немцев и чудь отступали водным путем по Чудскому и Псковскому озерам и реке Великой. За ними с малой дружиной на пяти насадах^[31] и гонялся Довмонт, «божьей силою восемьсот немцев победил на реке Мироповне, а два их насада скрылись на островах. Боголюбивый князь Довмонт, подъехав, зажег остров и пожег их в траве, – одни побежали, и волосы их горели, а других Довмонт посек, а третьи потонули в воде с помощью Святой Троицы и славного великого воина Георгия».^[32]

Летом 1272 г. войско Тевтонского ордена во главе с магистром захватило Изборск и осадило Псков. Ливонская «Рифмованная хроника» сообщает, что в походе участвовало 180 братьев-рыцарей, 18 тысяч ополченцев и 9 тысяч корабельщиков.

Как гласит «Сказание о Довмонте»: «Услышав о том, что ополчилось на него множество сильных врагов без ума и без Бога, Довмонт вошел в церковь Святой Троицы и, положив меч свой перед алтарем господним, пал на колени, молясь со слезами, говоря так: „Господи боже сил, мы, люди твои и овцы пажити своей, имя твое призываем, смилуйся над кроткими, и смиренных возвысь, и надменные мысли гордых смири, да не опустеет пажить овец твоих“. И взял игумен Сидор и все священники меч и, препоясав Довмонта мечом и благословив его, отпустили. Довмонт в ярости мужества своего, не дождавшись полков новгородских, с малою дружиною мужей-псковичей выехав, божьею силою победил и побил полки врагов, самого же магистра ранил в лицо. Те же, положив трупы убитых во многие учаны, повезли их в землю свою, а оставшиеся в живых обратились в бегство».^[33]

В июне 1272 г. между Псковом и орденом был заключен мирный договор, но Довмонту, по свидетельству летописи, вскоре пришлось отражать новые набеги крестоносцев: «И паки поганая латина начала силу деяти на псковичах нападением». В Житии святого Довмонта говорится: «Вскоре же вновь язычники-латине стали нападать на села, насилием, принуждением и всякими злыми делами пытаясь, словно звери дикие, разогнать и ввергнуть в горе овец Божиих, искупленных драгоценной Его Кровью. Они же, потерпев такое от язычников, к городу Пскову приходят и о нападении злых змей с плачем возвещают. Христолюбивый же князь Тимофей, это услышав, не потерпел обиды от язычников, но стремительно собрался против них, взял войско свое и вышел на язычников с яростию величайшей».

Князь Довмонт верой и правдой служил Пскову 33 года, отразив все нападения крестоносцев. В марте 1299 г. Немецкий орден вновь попытался покорить Псков. Захватив Снетогорский и Мирожский монастыри, тевтонские инквизиторы предали огню насельников, а также женщин и детей, искавших убежища в монастырских стенах. «Бесовскую свою мысль исполняют, обители иноческие сжигают и множество их без милости убивают, разными пытками тела постников мучают. Тогда же убит был преподобный игумен Иоасаф из монастыря Святой горы, и Василий, игумен Мирожского монастыря, и Иосиф пресвитер... Также и нищих, женщин и детей множество убито было», – свидетельствует Житие святого Довмонта, написанное очевидцем событий.

В фильме Сергея Эйзенштейна «Александр Невский» эта экзекуция неверно датирована 1240 г., временем первого нападения крестоносцев на Псков, что вполне оправдывается художественным жанром фильма.

Узнав о зверствах католиков в захваченных монастырях, Довмонт принял решение без промедления атаковать немцев. 5 марта 1299 г., несмотря на преклонный уже возраст, Довмонт сам повел в бой свою малую дружину и псковское ополчение, возглавленное боярином Иваном Дорогомиловым. Сражение на берегу реки Псковы, близ церкви Петра и Павла, закончилось полным поражением крестоносцев. Многие тевтонские рыцари сдались в плен, а оказавшие сопротивление были сброшены с крутого берега в Пскову, где и утонули.

В апреле 1299 г. Довмонт заболел и 20 мая умер. Весь город был на его похоронах. Гроб с телом Довмонта-Тимофея поставили в соборной церкви Святой Троицы. Над гробницей был повешен меч князя.^[34]

В 1322 г. немцы во время мира напали на псковских купцов на Чудском озере и рыбаков на реке Нарове. Псковичи послали в Литву за князем Давидом (литовское имя Воишелк) и вместе с ним пошли гулять за реку Нарову. Заодно досталось и датчанам – были разграблены окрестности Ревеля.

В марте 1323 г. под Псков явилось орденское войско. Рыцари постояли под стенами три дня и ушли восвояси. Однако в мае к Пскову подошло куда большее войско. На сей раз немцев сопровождала и флотилия кораблей со стенобитными машинами, подвижными башнями и со «многим замышленным».

На первом же приступе немцы убили псковского посадника. Стенобойные машины сделали проломы в стенах. Псковичи отправили послов в Господин Великий Новгород и в Москву к великому князю Юрию Даниловичу, но в обоих случаях получили отказ. Псков выручил тот же князь Давид, внезапно появившийся с литовской дружиной на 18-й день осады. Согласно Псковской летописи, Давид «машины отнял, городки зажег и побежали немцы со стыдом».

После этого немцы оставили в покое Псков на 18 лет. И урок пошел впрок, да и непрерывные войны с Литвой связывали руки ордену.

В 1341 г. без объявления войны немцы убили псковских послов. Псковичи же отомстили им, опустошив ливонские области и, ожидая сильного ответного нападения, стали просить новгородцев дать им наместника и помощь. Но новгородцы отказали, а между тем немцы пришли всей своей силой и построили городок на Псковской земле.

Псковичи начали партизанскую войну. Так, например, двое удалцов – Филипп Ледович и Олферий Селкович – подговорили 60 человек поречан и послали спросить островичей:^[35] «Хотите ли ехать воевать Латыгору?»

Островичи согласились и назначили время сбора в княжеском селе Изгоях. Поречане явились вовремя, а островичи задержались.

А между тем немецкий отряд, состоявший более чем из двухсот человек, напал на Псковские земли. Тогда 60 псковичей, не дожидаясь островичей, схватились с немцами. Бой длился с восхода солнца и до полудня, затем псковичи отступили, потеряв убитыми Ледовича, Селковича и еще семь человек. По словам летописца, очень псковичам было тогда «притужно». Немцы их не преследовали, а начали переправлять своих убитых за реку Великую. Тут как раз и подоспели островичи со своим посадником Василием Онисимовичем и ударили свежими силами по немцам. В результате многие немцы были убиты, другие потонули, а успевшие перебраться за реку побросали тела своих убитых и бежали.

После этого пятьдесят молодых псковичей сговорились идти на немцев под начальством Калеки Карпа Даниловича. А в это время немцы переехали Нарову и стали вдоль берега грабить псковские села. Дружина Карпа встретила с ними на болоте у села Кушели и вступила в бой, убив «на припоре» 20 немцев, а остальные разбежались, побросав награбленное.

Зимой 1342 г. Володша Строилович поднял псковичей воевать немецкие села. Дружина двинулась по льду озера, но, узнав, что немцы напали на псковское село Ремду, отправилась туда и перебила противника.

Еще в самом начале «партизанской войны» псковичи, не получив ниоткуда помощи, послали в Витебск к литовскому князю Ольгерду гонца, велел сказать ему: «Братья наши, новгородцы, нас покинули, не помогают нам; помоги нам ты, господин!» Ольгерд прибыл в Псков с братом Кейстутом и русскими и литовскими полками.

Воевода Ольгерда князь Юрий Витовтович отправился на границу «за языком» и наткнулся на сильный немецкий отряд, двигавшийся к Изборску. Потеряв 60 человек, Юрий Витовтович прибежал в Изборск. А на следующий день под городом появились немцы, «загородившись, в силе тяжкой, без бога, с пороками, городами и со многим замышлением, и оступили город Изборск, хотя пленить дом святого Николы». Тогда жители Изборска послали в Псков гонца «со многою тугою и печалию». Но князь Ольгерд отказался идти против немцев. Он объяснил это изборцам так: «Сидите в городе, не сдавайтесь, бейтесь с немцами, и если только не будет у вас крамолы, то ничего вам не сделают. А если мне пойти с своею силою на великую их силу, то сколько там падет мертвых, и кто знает, чей будет верх? Если, Бог даст, и мы возьмем верх, то сколько будет побито народу, а какая будет из этого польза?»^[36]

Пять дней простояли немцы под Изборском и вдруг сожгли все свои

пороки и городки и отступили. Не знали немцы, что в Изборске не было воды и город не мог долго держаться.

После этого псковичи стали уговаривать князя Ольгерда креститься и сесть у них в Пскове на княжение. Ольгерд отвечал: «Я уже крещен, я уже христианин, а другой раз креститься не хочу и садиться у вас на княжение не хочу».^[37] Однако Ольгерд согласился, чтобы его сын Андрей крестился и остался в Пскове на княжение.

В конце апреля 1343 г. в датской Эстляндии началось восстание крестьян, вошедшее в историю под названием Юрьевой ночи, о чем более подробно будет рассказано в следующей главе.

Воспользовавшись ситуацией, пятитысячное войско псковичей и изборян двинулось в Эстляндию. В течение пяти суток они прошли большую часть страны, а затем двинулись назад с большим полоном.

Неприятель (по версии русской летописи – немцы, а возможно, это были датчане) погнался за русскими и настиг их недалеко от немецкого Нового Городка (Нейгаузена)^[38] на Малом Борку. Псковичи, помолившись Святой Троице и своим святым князьям Всеволоду и Тимофею (Довмонту), простившись друг с другом со словами «Не опозорим отцов, потянем за Святую Троицу, за святые церкви, за свое отечество!», приняли бой. Сеча была жаркая, и псковичи побили немцев, потеряв 17 человек убитыми. Кроме того, многие из них «обеспамятели от бессонницы и погибли».

После этого лет шесть о немцах не было и слышно. Но в 1348 г., когда псковское войско находилось в Новгородской земле, помогая новгородцам в войне со шведами, немцы начали жечь псковские села, а весной 1349 г. их отряд явился у Изборска.

В это время в Пскове формально княжил Андрей Ольгердович, но фактически функции князя исполнял его наместник литовский князь Юрий Витовтович. Он вышел против немцев и был убит в первой же стычке. «Была тогда во Пскове скорбь и печаль великая, все духовенство проводило князя, и положили его в церкви святой Троицы».^[39]

В том же 1349 году немцы поставили на реке Нарове новую крепость, севернее ее истока из Чудского озера на правом (восточном) берегу. В ответ псковичи отправили конную дружину и большую судовую рать к этому Новому Городу. Псковичи подожгли город, и большая часть неприятелей – немцев и чухонцев – сгорела, а все, кому удалось вырваться из огня, попали в полон к псковичам.

Во всех этих войнах не упоминается князь Андрей Ольгердович. Сам он в Пскове не жил, а держал там наместника. Пока этим наместником был

храбрый и любимый псковичами Юрий Витовтович, это сходило Андрею с рук. Но после его гибели псковичи послали сказать Андрею: «Тебе было, князь, сидеть самому во Пскове на княжении, а наместниками Пскова не держать; когда тебе неуютно сидеть у нас, в другом месте княжишь, то наместников твоих не хотим».^[40]

Андрей и его отец Ольгерд обиделись и немедленно захватили в Литве псковских купцов с товарами. Дело дошло до нападений на псковские пограничные села. Псковичи ответили тем же. Тем не менее до большой войны дело не дошло.

В 1367 г. немецкая рать появилась под Псковом, пожгла посад и ночью ушла. Псковичи кинулись в погоню, но у крепости Велья^[41] подверглись нападению другого немецкого отряда и были разбиты.

Тогда псковичи отправили послов сказать новгородцам: «Господа братья! Как вы заботитесь об нас, своей братье младшей?» Новгородцы задержали немецких купцов, так как новгородские купцы были арестованы в Юрьеве и других ливонских городах, и в 1368 г. отправили войско к Изборску, осажденному немцами. Узнав о приближении новгородцев, немцы сняли осаду, но в следующем году опять явились под Псков, простояли там три дня и две ночи и опять ушли, не причинив особого вреда. Летописец упоминает только о двух убитых псковичах и одном, захваченном в плен и замученном немцами.

В 1370 г. новгородцы и псковичи решили отомстить немцам за их нападения и пошли к Новому Городку, но взять его не смогли. Новгородский летописец говорит, что город был тверд, а псковский летописец жалуется на новгородцев, что те от Нового Городка не пошли в немецкие земли, а вернулись назад, «не пособивши нимало псковичам», которые одни сожгли Киремпе и захватили большую добычу. Немцы же частью были перебиты, а остальные задохнулись от жары, попрятавшись в подвалах.

Летом 1371 г. в Новом Городке (Нейгаузене) новгородский посадник Юрий Иванович заключил мир с магистром Вильгельмом фон Фраймерсхеймом, который соблюдался обеими сторонами до 1406 г.

В августе 1406 г. магистр ордена Меченосцев с отрядом рыцарей начал грабить псковские земли. Навстречу ему из крепости Велья (Вороноч на Сороти) выехало «150 человек железной рати». В ходе боя немцы потеряли много людей и знамя и бежали. Согласно Псковской летописи, никто из вельян не только не был убит, но даже и ранен. Лишь один дружинник попал в плен, да и тот вскоре убежал.

В октябре того же года псковичи пошли в Ливонию. Они устроили засаду отряду рыцарей и убили 20 человек, а семерых взяли в плен. Потом псковичи пошли к крепости Нейгаузен, где сразились с другим немецким отрядом. Немцы (возможно, это были и чухонцы) потеряли 315 человек, а русские – 34. Псковичи вернулись домой с добычей и большим полоном.

В 1407 г. в Псков приехал удельный князь углицкий Константин, сын Дмитрия Донского. Первым делом он отправил гонца в Новгород просить помощи для защиты от немцев. Но новгородцы отказались помочь псковичам. Тогда князь Константин, по выражению летописца, «будучи юн верстою [ему было 18 лет], но совершен умом», поднял всю Псковскую область и пригороды и пошел воевать за Нарову. Псковичи разорили много погостов, взяли богатую добычу и благополучно возвратились домой. Со времен князей Довмонта и Давида псковичи впервые вторглись так далеко в немецкие земли.

Но вскоре князь Константин уехал из Пскова, и дела переменились. Магистр пришел к Пскову со всей немецкой силой. Псковичи вышли к нему навстречу. Четыре дня стояли противники друг против друга, но немцы так и не решились переправиться через реку и уже пошли назад. А псковичи, ободренные этим, перешли реку и погнались за ними. Тогда немцы остановились, приняли бой и разбили псковское войско на Логозовицком поле (близ села Логозовичи на дороге к Изборску). В этом бою погибли три посадника и множество бояр, а всего псковичи потеряли 700 человек.

Почти одновременно за Наровой потерпела поражение и псковская судовая рать. Однако и немцы понесли большие потери и не смогли реализовать свой успех.

В 1408–1409 гг. происходили набеги обеих сторон с целью грабежа сельского населения. Наконец осенью 1410 г. в замке Киремпе (Кирумпля) в Дерптском епископстве псковские послы и магистр Конрад фон Фитингоф заключили десятилетнее перемирие «по старине, на псковской воле». Таким образом, была восстановлена старая граница у Нейгаузена. Некоторые авторы связывают успех псковской дипломатии с исходом Грюнвальдской битвы. Но это явная натяжка – по такому случаю на Украине говорят: «В огороде – бузина, а в Киеве – дядька». В 1410 г. Литва для Пскова и Москвы была скорее врагом, нежели союзником.

В 1417 г. в Ригу прибыл посол Великого князя Московского с двумя псковскими боярами. Они заключили договор о свободной торговле и непропуске врагов ордена через псковские земли, а псковских врагов – через владения ордена, а «в обидах положено искать управы судом, а не

мечом». Примечательно, что Великий князь Московский Василий в этой грамоте назывался Великим королем Московским, императором русским.

В 1420 г. немецкие и новгородские послы встретились на реке Нарове и заключили вечный мир «по старине», как было при Александре Невском.

Мирные отношения между Псковом и орденом продолжались до 1444 г. Понятно, что отдельные пограничные стычки имели место, в том числе нападения эстов на русских рыболовов на Чудском озере.

Новая война началась с небольшой стычки. Осенью 1444 г. «немецкие чухны» явились в псковские пределы и начали воровать рожь. Псковичи под началом своего служилого князя Александра Васильевича Чарторыского^[42] изловили 7 человек и повесили их, а для острастки сами отправились под Нейгаузен и уничтожили посевы хлеба.

Зимой 1444/1445 г. пошли в Эстляндию и новгородцы и пограбили земли по западному берегу реки Наровы.

В ответ магистр ордена подошел с войском к городу Яму, пять дней обстреливал его из пушек, но взять не смог. Замечу, что город оборонял шуйский князь Василий Юрьевич.^[43] Зато немцы пограбили Вотскую и Ижорскую земли, в том числе район нижнего течения Невы.

Согласно Псковской летописи, в 1448 г. Александр Чарторыский повел новгородцев в Эстляндию. На реке Нарове произошла большая битва с участием русской конной и судовой рати. «Бог помог новгородцам, они побили много врагов, иных побили много на море в судах (бусах), другие потонули в море». 84 человека попали в плен и с ними два графа. Одновременно под Ямом отряд новгородцев под началом «князя суздальского» Василия Васильевича^[44] разгромил другое немецкое войско.

Это заставило немцев быть сговорчивее, и 25 июля 1448 г. в Нарве был подписан новгородско-ливонский мирный договор сроком на 25 лет. Мир был заключен «по старине», то есть без каких-либо новых условий.

В 1448 г. возникали небольшие споры из-за куска пограничной земли. Князь Александр Чарторыский с псковскими посадниками поехал на спорную землю. Там они накопили сена и велели своим рыбакам ловить рыбу, как раньше, поставили церковь, а чужь перевешали. Но на следующий год «поганые латины, не веруя в крестное целование», неожиданно напали на эту спорную землю, сожгли церковь и десять человек. Князь Александр тут же собрал псковское войско и отправился в насадах и ладьях в Немецкую землю, где из мести пожег множество людей – мужчин и женщин. Немцы поспешили отомстить за своих и на шнеках и ладьях въехали в Нарову, где отняли у псковских рыбаков насаду с пушками и

всеми ратными припасами, а в Березской волости выжгли 42 двора, но убитых не было – все успели разбежаться.

Затем договорились решить вопрос миром, но ливонские послы не явились. Тогда псковичи, предводительствуемые князем Александром, вторглись в Немецкую землю на 70 верст и трое суток славно там гуляли – «много добра пограбили и погостов много пожгли, божницу великую выжгли, сняли с нее крест и четыре колокола; со множеством других пленников привели во Псков и попа немецкого». ^[45]

Естественно, это мелочи для нашей истории, но они хорошо показывают колорит того времени.

В 1480 г. немцы напали на Вышгородок, сожгли церковь и перебили множество народа. Затем такая же участь постигла и городок Гдов. Нападения немцев были молниеносны, и они успели безнаказанно уйти. Можно допустить, что немцы воспользовались конфликтом между Москвой и Господином Великим Новгородом и почувствовали себя безнаказанными.

Псковичи в ответ пошли к Юрьеву и опустошили его окрестности, множество немцев и чуди было приведено в Псков. Любопытно, что немецкий Дерпт псковские летописцы по-прежнему называют Юрьевым.

Немцы собрали ополчение из чуди и всей силой двинулись на Псков. Для начала они сожгли город Кобылу, стоявший на берегу Чудского озера. 16 августа магистр Бернхард фон Борх подступил к Изборску, но взять его не смог и двинулся к Пскову.

20 августа магистр подошел к городу по суше, а по озеру причалила флотилия шнеков. ^[46]

Немцы стали стрелять из судовых пушек по Запсковью и Полонищу. Вскоре в Запсковье возник сильный пожар. На беду псковичей их служилый князь Василий Федорович Шуйский (племянник Василия Юрьевича Шуйского) оказался трусом и горьким пьяницей. Князь приказал седлать лошадей и намеревался бежать из города. Но тут подошел простой пскович со словами: «Мне было во сне видение – явился мне благоверный князь Довмонт и сказал: возьмите одеяние с моего гроба и обойдите трижды с крестами город; молитесь Богу и ничего не бойтесь». ^[47]

Псковичи с одеянием Довмонта трижды обошли вокруг Крома. После этого немцы предприняли мощную атаку. Они стреляли из пушек, пускали стрелы и пули из пищалей, их шнеки пытались пристать к берегу между деревьями святого Лазаря и святого Спаса. Но псковичи бросились на них кто с камнями, кто с топорами и мечами, многих немцев утопили и

изрубили и захватили одну пушку. Тогда немцы побросали много своих шнеков и бежали. По словам летописца: «И так они убежали со срамом после пятидневного неудачного приступа».

В январе 1481 г. на помощь Пскову прибыли московские воеводы Иван Булгак и Ярослав Оболенский с московскими и новгородскими полками. Соединившись с псковичами, воеводы в феврале вошли в Ливонию и четыре недели опустошали страну. Русские сожгли Феллин, взяли земли Тарваст, Каркус, Ронненбург и др.

Магистр же Бернхард фон Борх и другие рыцари не решились сражаться с русскими, а заперлись за стенами замков.

Зато позже немецкие хронисты добились успеха в пропагандистской войне, дав волю своей буйной фантазии. К сожалению, ряд наших историков, включая Карамзина и Костомарова, клюнули на эту «дезу». Прочитав Н.И. Костомарова: «Произошло опустошение, которое своим варварством превосходит, кажется, прежде бывшие; немецкий современник рассказывает, что в это время русские с особенным остервенением истязали жителей немцев и чухон: насиловали женщин и девиц, ругались над страдальцами, отрезывали им уши, носы, обрубали руки и ноги, и для потехи делали над мужскими и женскими трупами бесстыдные поругания, разрезывали беременных женщин и ели плод их, заставляли людей вырывать собственными руками у себя внутренности и вешали таких страдальцев на дерево.

Псковская вторая летопись говорит, что русские, рассеявшись тремя дорогами, выжгли и разорили всю Землю Немецкую, от Юрьева до самой Риги».^[48]

В марте 1481 г. русское войско ушло восвояси, а через несколько недель в Новгород отправилось ливонское посольство во главе с Иваном Вязовым. Между прочим, среди администрации ливонцев я неоднократно встречал русские имена и фамилии. К сожалению, вопрос о службе русских людей в ордене до сих пор не исследован.

1 сентября 1481 г. в Новгороде был подписан новый мирный договор сроком на 10 лет. В 1493 г. договор продлили еще на 10 лет.

Осенью 1492 г. по указу Ивана III русские возвели крепость на реке Нарове напротив ливонской крепости Нарвы. В честь великого князя ее называли Ивангородом. Деревянная крепость на скалистой Девичьей горе была построена за два месяца. Новая крепость находилась в 12 верстах от Финского залива.

Основание Ивангорода имело не только военное, но и экономическое значение. Иван III и его бояре надеялись принимать там купеческие суда из

Германии и Дании. В 1493 г. был заключен первый в истории договор Москвы с Датским королевством. Однако Дания не могла или не хотела ничем помочь Руси на востоке Балтики, а вот Ганза устроила Ивангороду экономическую блокаду, все ее суда по-прежнему шли в Нарву.

Осенью 1494 г. в Москве стало известно о расправе в Ревеле над двумя русскими купцами. Один из них был обвинен в гомосексуализме и сожжен на костре, а второго объявили фальшивомонетчиком. В ответ на протесты других русских купцов ревельские старейшины города заявили: «Мы сожгли бы вашего князя, если бы он у нас сделал то же».

Московские наместники в Новгороде бояре братья Яков и Юрий Захарьевичи Кошкины^[49] поспешили наябедничать в Москву. Ивана III это сильно задело. Он потребовал, чтобы Ливонский орден выдал ему на расправу ревельский магистрат, на что, естественно, получил отказ. Иван в отместку повелел Якову Кошкину схватить в Новгороде всех немецких купцов, отнять их гостиные дворы и церковь, а товары переписать и отправить в Москву. Яков и Юрий в точности исполнили приказ – 40 купцов-немцев из тринадцати городов были посажены в тюрьму, а имущество их разграблено.

Обратим внимание на цифры – к 1495 г. оставалось в городах всего 40 купцов, а 20 лет назад их были сотни. Так братцы Кошкины окончательно закрыли «немецкий двор» в уже подневольном городе Новгороде.

В апреле 1496 г. по ходатайству Великого князя Литовского Александра немецкие купцы были отпущены, ну а имущество их давно ушло в княжескую казну и амбары братьев Кошкиных.

Летом 1495 г. Иван III начал войну со Швецией. Подробности боевых действий выходят за рамки работы, нам же интересен лишь один эпизод войны.

19 августа 1495 г. шведский воевода Стен Стуре на 70 бусах (небольших морских судах) вошел в реку Нарову и двинулся к Ивангороду. Шведы открыли огонь из пушек и пищалей, в городе возникли пожары. Местный воевода Юрий Бабич (из рода князей Друцких) бежал из Ивангорода, спустившись по веревке со стены.

Шведы предложили передать Ивангород Ливонии, но магистр отказался. Тогда Стен Стуре ушел на кораблях домой, прихватив с собой 300 пленных. Сделано это было вовремя – в октябре к Ивангороду подошло большое русское войско. Иван III сделал надлежащие выводы, и вместо деревянных стен крепость была защищена высокими каменными стенами с десятью башнями.

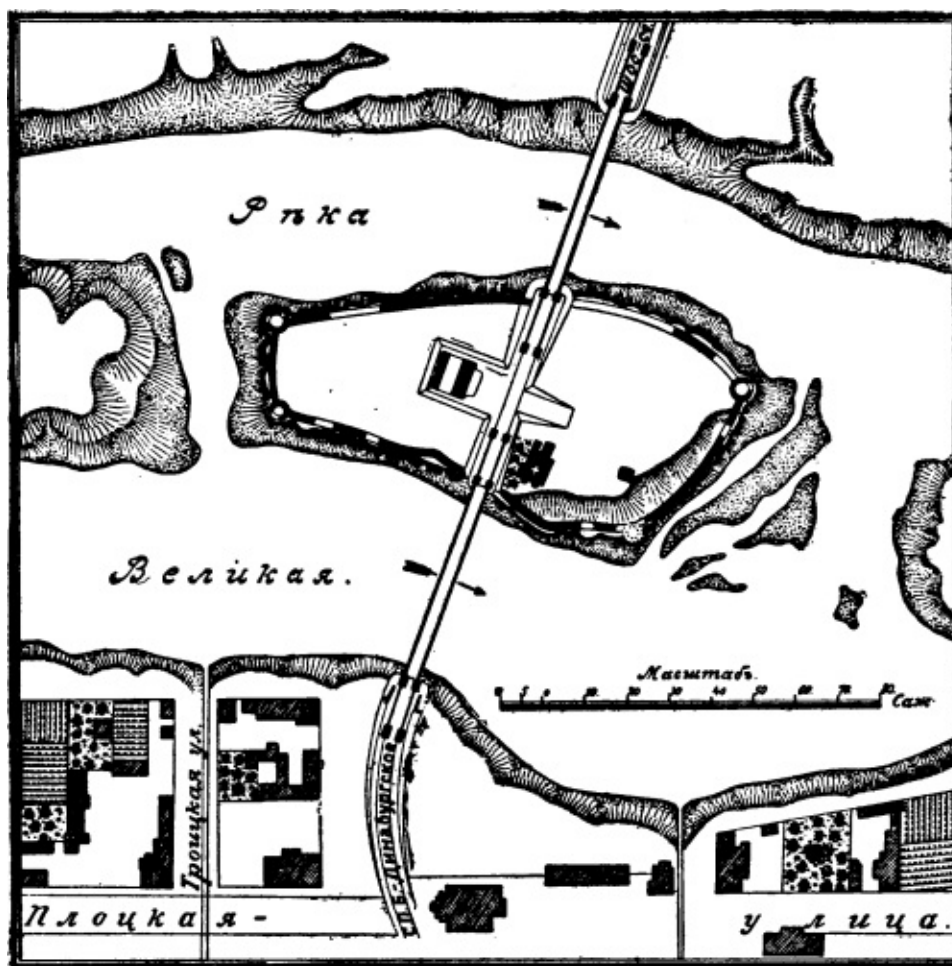
В 1501 г. магистр ордена Вальтер фон Плеттенберг заключил военный

союз с Великим князем Литовским Александром и двинулся с войском к Пскову. В орденском войске было 4 тысячи конных рыцарей и 4 тысячи пехотинцев из латышей. Решающую роль орден отводил своей многочисленной артиллерии.

27 августа 1501 г. на реке Сереце немцев встретило сорокатысячное русское войско под началом князей Даниила Пенко и Василия Васильевича Немого-Шуйского. Первыми в атаку пошли псковские и тверские полки. Немцы их встретили шквалом огня из пушек и мушкетов. Так, пушечным ядром были убиты тверской воевода Иван Бороздин и псковский посадник Иван Теншин. У русских началась паника, и все войско обратилось в бегство. Причем удивленные немцы даже не преследовали бегущих, опасаясь засады. Зато подсустились жители Изборска – они из крепости выехали верхом и на телегах и оперативно подобрали брошенные доспехи и другое имущество.

Через день войска Плеттенберга подошли к Изборску. Немцы постреляли из пушек, быстро оценили крепость каменных стен и ответный огонь гарнизона и по здравому размышлению на следующий день двинулись на юго-восток к реке Великой. Немцы хотели форсировать реку, но это им не удалось из-за противостояния отряда псковичей. Так, Плеттенберг пошел на юг по западному берегу реки, пока не дошел до крепости Остров.

Крепость Остров в соответствии со своим названием находилась на острове посреди реки Великой. Крепость была обнесена стеной из известняка толщиной около 4 м и высотой до 10 м с четырьмя башнями.

План крепости Остров (на начало XX века)

7 сентября 1501 г. немцы «начали бить пушками городок Остров и огненные стрелы пускать». Видимо, речь идет о снарядах, которые использовались в военных целях в Европе со второй половины XV века. Возможно, эти снаряды были использованы и в битве на реке Сереце. В летописи говорится, что на Сереце «и напустиша буртальники немецкии ветр на псковскую силу и на московскую силу, и пыль ис пушек и ис пищалей».^[50]

Остается предположить, что «буртальники» – это снаряды.

В ночь на 9 сентября немцы штурмом взяли Остров и перебили находившихся там 4 тысячи русских. Тут явно речь идет об окрестном населении, укrywшемся от немцев в стенах крепости. Гарнизон сего Острова в мирное время не превышал 100 человек.

После взятия Острова магистр не решился переправиться на другую сторону реки Великой, где его уже ждали псковские полки, а пошел назад к Изборску. Там он простоял день и затем ушел, но оставил в брошенном

лагере засаду. Немцы помнили, как изборяне собирали добро, брошенное русскими в битве у Середы, и решили устроить им западню. Действительно, десятки изборян отправились в немецкий стан отыскивать оставленные вещи. И тут ударила рыцарская конница. Было убито и взято в плен 130 жителей, после чего немцы уже окончательно двинулись домой. Понятно, что сия операция была проведена для поднятия боевого духа войска. По пути у магистра и у многих рыцарей начался кровавый понос (дизентерия?).

В 1502 г. Иван III выслал новую рать во главе с князем Александром Оболенским и татарский отряд. Московское войско встретилось с немцами около города Гелмеда и, несмотря на то что в первой же схватке погиб воевода Александр Оболенский, русские победили и десять верст гнали немцев. По словам псковского летописца, из неприятельской рати не осталось даже «вестоноши» (вестника), который бы дал знать магистру об этом страшном поражении. Псковский летописец утверждает, что москвичи и татары «секли врагов не саблями светлыми, но били как свиной шестоперами». По словам немецкого летописца, русские потеряли в этом сражении до полутора тысяч человек, а Ливония лишилась сорока тысяч жителей, убитых и взятых в плен русскими.

Вскоре Плеттенберг выздоровел и в том же году появился с пятнадцатитысячным войском под Изборском. Немцы осадили город, но, простояв несколько дней, отошли и осадили Псков. Псковичи сами подожгли предместья и оборонялись до тех пор, пока немцы, узнав о приближении московских воевод князей Данилы Щени и Василия Шуйского, не отступили от города. На берегу озера Смолина воеводы настигли немцев и принудили к битве. Бой был кровопролитным и ожесточенным. Несмотря на большое численное превосходство русских, Плеттенбергу удалось обратить их в бегство, но потери немцев были так велики, что на следующий день Плеттенберг сам начал отступление.

Великий магистр прусский писал папе, что русские хотят или покорить всю Ливонию, или, если не смогут этого сделать по причине крепостей, вконец опустошить Ливонскую землю, перебив и пленив всех сельских жителей; что русские уже проникли в центр страны, что магистр ливонский не в состоянии противиться таким силам, а от соседей же помощи почти нет; что христианство в опасности и потому святой отец должен провозгласить крестовый поход. Но увы, папе было не до крестового похода – начиналась борьба с Реформацией.

В марте 1503 г. в Пскове было подписано перемирие на 6 лет. Условия его были написаны «по старине», восстанавливалась старая граница, как

«при Невском». Епископ Дерптский должен был платить старинную дань Москве (вместо Пскова и Новгорода). А также «повинные ливонские рыцари из Москвы не отпускаются после подписания мира, но могут выкупиться сами». Однако размеры выкупа устанавливались столь высокими, что воспользоваться этим правом смогли лишь единицы.

Любопытно, что магистр первым из европейских правителей признал титул Ивана III – «царь и государь всея Руси». Шестилетнее перемирие 1503 г. оказалось весьма долгим. Оно несколько раз продлялось и просуществовало до Ливонской войны.

Глава 5

Под властью ордена

Сейчас в Эстонии тщательно уничтожаются все следы русского присутствия, включая даже памятники солдатам, погибшим в 1944 г. при освобождении республики от фашистской оккупации. Тем не менее в историческом центре Таллина осталась улица Вене – улица русских. Почему же ее не переименовали? Увы, такое название улица получила не при Сталине и даже не при Петре Великом, а где-то в XIII или XIV веках.

Еще до прихода датчан в Колывань на горе Олевимеги русские выстроили храм святого Николая. Во время грандиозного пожара 1433 г., когда выгорел почти весь Ревель, храм тоже сгорел. Новый православный храм святого Николая выстроили на улице Вене в 1433–1437 гг. В 1599 г. царь Борис подарил собору огромный серебряный подсвечник с надписью: «Повелением... Царя и Великого князя Бориса Федоровича... сделан сей подсвечник к великому Чудотворцу Николаю в Колывань, в первое лето Государства Его 7107 года».

В феврале 1438 г. в Ливонию в Дерпт (бывший русский Юрьев) приезжает митрополит всея Руси Исидор, направляющийся на Флорентийский собор. Что произошло при его встрече в Дерпте, мы никогда бы не узнали, если бы Исидор в 1441 г. в Москве не был арестован по обвинению в «латинстве». И ему поставят в вину в числе многого другого поездку в Дерпт. Там его встретили две толпы: русские с попами, православными крестами и хоругвями и немцы со своими латинскими «крыжалами». А Исидор умышленно или по глупости подошел первым к немцам.

Нам же в этом эпизоде интересен вопрос, откуда в 1438 г. в Дерпте взялась толпа «оккупантов»? Ведь в XIV–XV веках никакого массового переселения русских в Прибалтику отмечено не было. На самом деле в Ревеле и Дерпте жили потомки тех русских, которые остались там после оккупации немцами.

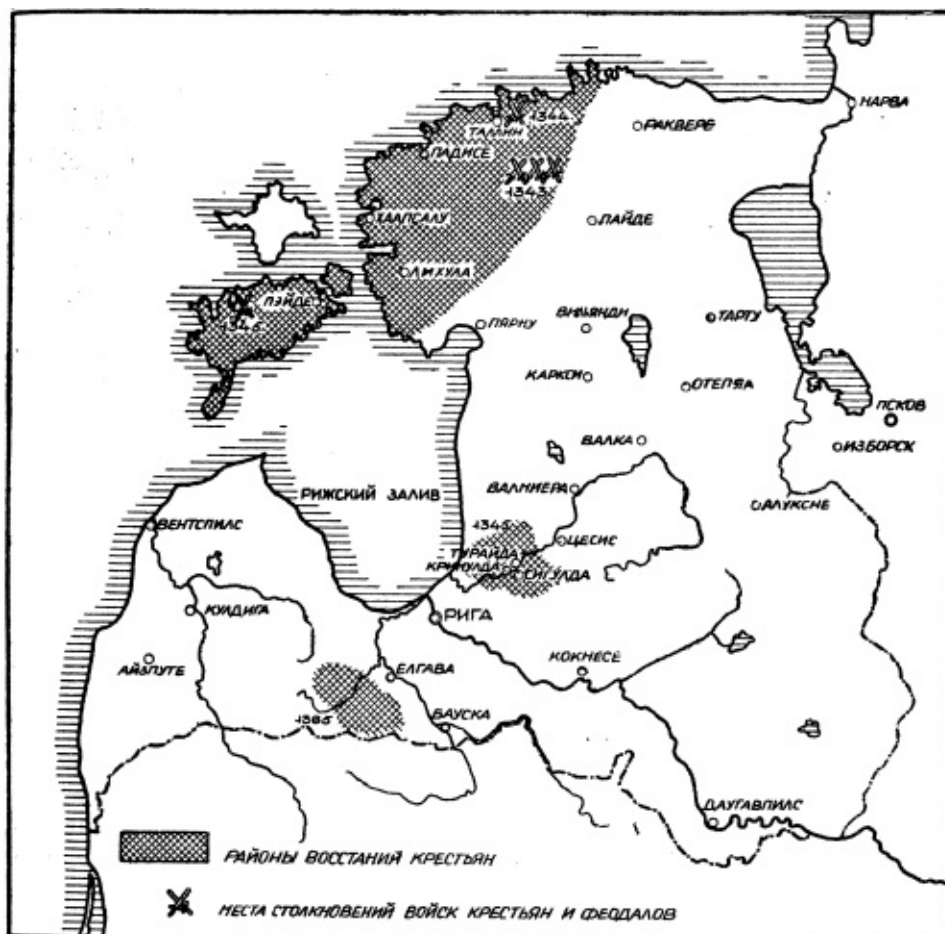
Следует заметить, что русское население в Прибалтике постоянно подвергалось нападениям католиков. Так, на Рождество 1472 г. в Дерпте произошел настоящий русский погром. Община церкви святого Николая 6 января совершала обряд водоосвящения и крестный ход на реку Амовжу. При возвращении на них напала группа фанатичных католиков под

предводительством бургомистра Юрия Трасоголового. Городские власти и католическая церковь жестоко расправились с православными. 8 января по приказу епископа Андрея в Амовже были утоплены священник Исидор и еще 72 человека, в том числе женщины и дети: «Безжалостно побросали в прорубь всех, не пощадив даже матерей с грудными младенцами. Весной, по вскрытию реки... найдены в целости все тела сих 73 замученных, и оставшимися в Дерпте православными честно погребены при церкви святого Николая».^[51]

Так выполнял дерптский епископ договор 1463 года с Великим князем Московским Иваном III, по которому среди прочего он обязывался оказывать особенное покровительство православным, жившим в «Русском конце», и их церквям, и «то держать по старине и по старинным грамотам».

Ну а после констатации этих очень неприятных прибалтийским и русскоязычным историкам фактов перейдем к государственному устройству Прибалтики после захвата ее немцами.

В первой половине XIV века немецкие и датские феодалы в Прибалтике значительно усилили гнет крестьян – этнических эстонцев и латышей. Даже в хронике Виганда Марбургского говорилось: «Рыцари и вассалы обременяли население такими большими поборами и вымогательствами... и так велико было их [феодалов] насилие, что они их жен позорили, дочерей насиловали, их собственность отбирали, а с ними обращались как с рабами».^[52]

Крестьянские восстания в Ливонии в XIV веке

В ночь на 23 апреля 1343 г. в Харьюмаа началось восстание эстонских крестьян. Орденский хронист сообщает о начале восстания кратко: «Все, кто были немецкой крови, должны были умереть. Они [эсты] сжигали все дворянские мызы, исходили страну вдоль и поперек, умерщвляя всех попадавшихся им немцев... Кто из женщин и детей спасался от мужчин, тех убивали женщины не немецкой крови; сжигали церкви и мызы». Одним из первых был разрушен большой монастырь в Падизе.

В июле восстание началось и на острове Саарема. Датчане обратились за помощью к ордену, а повстанцы – к шведам.

Шведы отказали эстам, а магистр Бургард фон Дрейлебен с рыцарским войском вошел в датскую Эстляндию.

Стараясь выиграть время и лишить повстанцев руководства, магистр ордена пошел на обман, пригласив их руководителей в замок Пёйде, якобы для того, чтобы узнать причины восстания. Явившиеся четыре старейшины эстов и три воина были брошены в темницу, а затем злодейски убиты. Ливонский орден двинул свои войска к Ревелю. Вначале успех

сопутствовал эстонцам: они разбили войско оберпаленского фогта, но когда подошли основные силы ордена, вынуждены были отступить на болото Канавере. Кони рыцарей вязли в болоте, и эстонцы успешно отражали атаки врага. Но болото было невелико, и немцам удалось его окружить, поэтому, когда гервенский фогт предложил им сдаться, обещая пощаду, а надежды на помощь извне уже не было, эстонцы согласились. Однако рыцари нарушили обещание и перебили всех сдавшихся, по данным хрониста Генеке, 1600 человек. Через три дня войска ордена прибыли в Ревель. И здесь, чтобы выиграть время, магистр прибегнул к переговорам о сдаче и помиловании восставших, подтянул главные силы и атаковал их.

В битве под Ревелем родилась национальная легенда. Орденский хронист Генеке записал следующую историю: «Когда кончился бой, много народу из города Ревеля вышло посмотреть на убитых; один бюргер стал ходить промеж мертвых, как вдруг вскочил на ноги эстонец, нагой и облитый кровью, и чуть не умертвил бюргера; один из рыцарей заметил это, подбежал и прикончил эстонца».

Именно этого голого и полумертвого эста с мечом в руках изображают в камне и бронзе в память Освободительной войны 1918–1920 гг.

До сих пор на холме Сыэмяги близ Таллина ежегодно отмечается память Юрьевой ночи. Там сооружен памятник в виде большого двуручного меча, воткнутого в землю.

Но и после поражения у Ревеля восстание продолжалось. В феврале 1344 г. войска ордена с осадными машинами по льду вторглись на остров Эзель. Тысячи людей были убиты в кровопролитных сражениях, многие замучены, но рыцарям так и не удалось окончательно покорить остров – боясь оттепели, они отступили на материк. В этом же году начались восстания в Везенберге, а также в землях ливов и латышей.

В начале 1345 г. Ливонский орден сосредоточил все силы для подавления восстания в Эстонии и вторгся на Эзель, где восемь дней подряд продолжались грабежи, убийства и пожары. Лишь к концу года восстание было подавлено.

Юрьева ночь имела крайне важные последствия для Прибалтики. Датские власти поняли, что им не справиться с эстами. Мало того, в датской Эстляндии находились войска ордена, и они явно не собирались уходить.

29 августа 1346 г. в городе Мариенбурге (Восточная Пруссия) датский король Вальдемар IV и наследник датского престола подписали акт о продаже Эстляндии Немецкому ордену. Орден уплатил 19 тысяч кельнских марок Дании, а также 6 тысяч марок маркграфу Бранденбургскому,

помогавшему со своими ландскнехтами усмирять восстание в Эстонии.

1 ноября 1347 г. управление Эстляндией было передано гохмейстером Ливонскому ордену, и 2 февраля 1348 г. акт владения Ливонским орденом Эстляндией был утвержден папой Климентом VI.

После этого Ливонский орден стал самым крупным землевладельцем в Прибалтике. Площадь его земель составляла около 67 тысяч кв. км, а оставшиеся 42 тысячи кв. км принадлежали четырем епископствам.

Владения ордена начинались у Финского залива и тянулись по всей территории нынешней Эстонии и Латвии до Клайпеды, а от Либавы они простирались до Резекии и Лудзы. Орденская территория расколола Рижское архиепископство на две, а Курземское (Курляндское) епископство на три части. Орденская территория была разделена на ряд областей с комтурами и фогтами во главе. В центрах областей находились сильно укрепленные замки. До XV века таких областей управления было от 30 до 40, а в XV веке – 20 (9 комтурий и 11 фогтств).

В XIII веке фогты по своему должностному положению стояли ниже комтуров. Они решали все дела, относящиеся к крестьянам, в то время как комтур был начальником размещенного в каком-либо замке гарнизона орденских рыцарей.

Начиная с XIV века эта разница постепенно исчезла. Как фогты, так и комтуры являлись управляющими отдельных областей орденской территории. Наделенными одинаковыми правами. Комтурии и фогства, в свою очередь, делились на округа государственных имений, или аматы, а последние – на погосты, или вакки.

Формально высшая власть в орденском государстве принадлежала избранному пожизненно магистру ордена с резиденцией в рижском замке или в замке Цесис. Однако уже с самого начала власть магистра ограничивалась капитулом – собранием высших членов ордена: комтуров, фогтов и т. п. Позже решающее значение принадлежало только собранию наиболее значительных по положению комтуров и фогтов орденской территории, так называемому внутреннему совету магистра.

Второй по величине территорией (около 18,4 тысяч кв. км) было Рижское архиепископство (до 1251 г. епископство). Его главными составными частями являлись бывшие земли Талавы и Ерсики и территория, населенная ливами. Архиепископ имел резиденцию в Риге (до 1420 г.), а позже – в Ронненбурге (Рауне).

В управлении территорией архиепископства наряду с архиепископом важную роль играли 12 высших священников – капитул соборных каноников. С ростом же политического значения вассалов, со второй

половины XIV века, важным политическим учреждением стало собрание всех вассалов архиепископства – мантаг. В XV веке образовался совет архиепископства, который состоял из шести членов капитула и шести вассалов, во главе с архиепископом как председателем, в котором вассалы играли решающую роль.

Из трех остальных епископских территорий две находились в Эстонии: Дерптское епископство площадью 9600 кв. км и Эзель-Викское (Сааремаа-Ляанское) площадью 7600 кв. км.

У ревельского епископа не было своей территории, он владел лишь несколькими имениями, выделенными для его содержания (около 80 кв. км).

Третья, Курземская епископская территория насчитывала 4500 кв. км с резиденцией епископа в Пилтене. Управляющим епископством и его высшим судьей был назначенный епископом фогт (судья). Небольшая территория разделялась на восемь административных участков (амтов), которые, в свою очередь, подразделялись на погосты.

Так как владения Ливонского ордена раскололи территорию Курземского епископа на три части, то она скоро попала под полное влияние ордена. Кроме того, магистру удалось добиться в Риме постановления, что епископом Курземе может быть только член Немецкого ордена. Тем самым Курземское епископство политически было полностью подчинено ордену.

Самый крупный и богатый город Прибалтики – Рига – был самостоятельным государством, в которое, помимо самого города, входил патримониальный округ («марка») площадью около 750 кв. км. Патримониальный округ полностью зависел от города и управлялся по законам и правам, изданным ратом, или магистратом – высшим органом управления Риги.

Верховная власть над Ливонией зависела по крайней мере от трех сюзеренов: папы римского (особенно в XIII веке), Немецкого ордена в Пруссии (вплоть до XV века) и, в меньшей степени, от так называемой «Римской империи германской нации». Епископ Альберт, стремясь укрепить международное положение своих владений, а также получить помощь в завоевании Ливонии, в 1207 г. признал себя вассалом германского короля Филиппа. Этим политическим ходом он рассчитывал обеспечить себе некоторую независимость от папы римского. Но расчеты епископа не оправдались, хотя теперь он и его преемники стали князьями Римской империи германской нации с правом участия в рейхстаге, хотя проку от этого права было мало. Императорская власть в Германской

империи была чрезвычайно слаба, сама империя сильно раздроблена, так что политическая зависимость Ливонии от нее существовала только номинально. Уже с XIII века Германская империя начала разлагаться, ее центральная власть пришла в упадок. Империя превратилась в весьма непрочное объединение более чем ста княжеств. Так что политика Германской империи не имела практического значения для дальнейшей истории средневековой Ливонии.

Зато постоянное давление и прямое вмешательство римско-католической церкви сильно влияло на политическое развитие Ливонии. Согласно церковной юрисдикции, высшей властью над рижским архиепископом и четырьмя местными епископами была римская курия, а Ливонский орден непосредственно подчинялся папе римскому. Высшие ливонские феодалы, рижские архиепископы и орден для разрешения своих споров постоянно обращались к папе римскому как к высшему судье. А так как папы начиная с XIV века стабильно испытывали финансовые трудности, то и споры решались в пользу того, кто больше заплатит. А платил больше всех Ливонский орден, потому и выигрывал все споры.

Ливонский орден и подвластные ему территории с 1237 г. стали подчиняться Немецкому ордену в Пруссии. Однако уже в XIV веке среди братьев-рыцарей Ливонского ордена создаются группировки, стремящиеся к независимости. И вот после битвы в 1410 г. под Грюнвальдом Ливонский орден фактически стал независим от Немецкого ордена, хотя формально эта зависимость и продолжала существовать.

Взаимоотношения высших ливонских феодалов были очень запутанными. В церковно-правовом отношении высшим должностным лицом являлся рижский архиепископ, которому в вопросах вероисповедания и церковного права подчинялась почти вся Ливония, а также Пруссия. Только ревельский епископ, в ведении которого находилась северная Эстония, был в церковно-правовом отношении подчинен не рижскому, а лундскому архиепископу в Швеции.

Как светские правители своих территорий, епископы были совершенно независимы от рижского архиепископа и вели самостоятельную внешнюю и внутреннюю политику.

Особенно запутанными были отношения между рижским архиепископом и Ливонским орденом. Перипетии этой борьбы выходят за рамки нашего труда. Скажу лишь, что доминирования в Риге не удалось достичь ни одной стороне.

Как в Ливонском ордене, так и в четырех архиепископствах феодалы-немцы жестоко угнетали крестьян и представителей коренного населения.

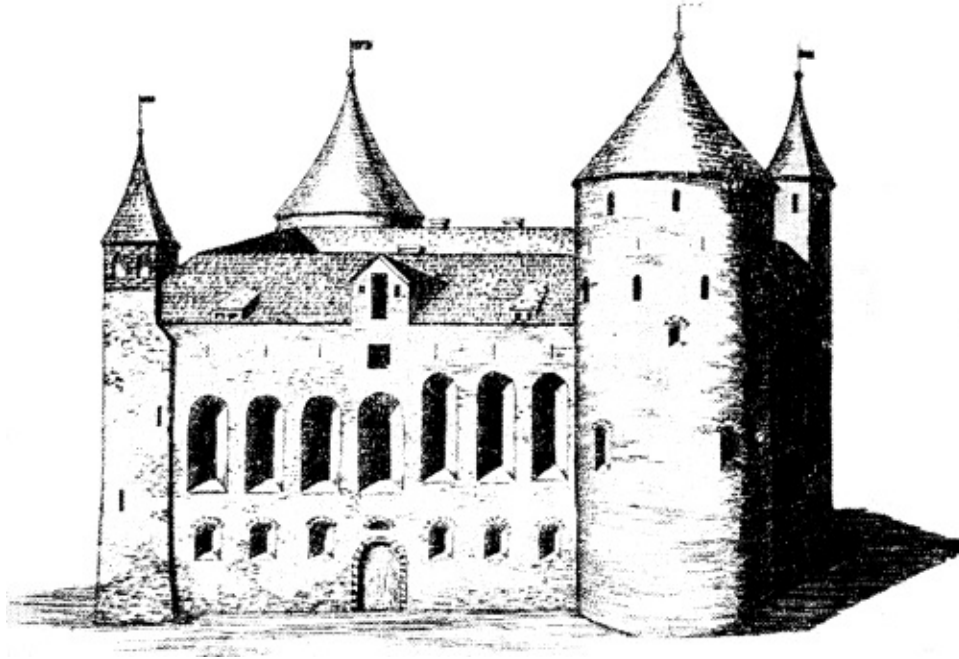
К середине XVI века с хозяйства «в одну соху» барщина достигала до 300 дней в году. Держатель надела должен был выставить одного человека с лошадьё для исполнения работ в имении.

В 1507 г. крестьянам было запрещено носить любое оружие. Дело в том, что восстания крестьян в XIV–XV веках были в Прибалтике обычным явлением.

С середины XIV века торговлю в Риге захватила организация немецких купцов, так называемая Большая гильдия, которая стремилась сделать торговлю своей монополией. Одним из средств для достижения этого было запрещение гостям, то есть приезжим купцам, торговать в Риге друг с другом. Торговля разрешалась только через посредников, которыми были исключительно рижские купцы – члены Большой гильдии. Латышам запрещалось заниматься торговлей в Риге. Позже Большая гильдия запретила обучать русскому языку голландцев, чтобы они не могли торговать с русскими без посредничества рижских купцов.

Несмотря на все эти запреты, русские и латышские купцы принимали участие в рижской торговле, о чем свидетельствует создание в Риге в 1522 г. особого цеха русских розничных торговцев, а также многократные повторения о запрете латышам заниматься торговлей. Замечу, что и ревельские купцы запретили «гостевую торговлю», разрешавшую приезжим купцам торговать между собой. Нетрудно понять, какие огромные убытки при этом несла Россия.

С конца XIII века Рига стала членом Ганзейского союза, стремясь обеспечить свои торговые интересы. С XV века рижские купцы установили тесные торговые связи с нидерландскими купцами, хотя те считались самыми опасными конкурентами Ганзы. Несколько раз Ганза пыталась запретить нидерландцам въезд в Балтийское море. Но Рига и другие города Латвии противились этому, поскольку голландские корабли перевозили товары гораздо дешевле, чем ганзейские. Рижские купцы также пытались полностью вытеснить из торговли по Западной Двине купцов ганзейских городов. В результате столкновений на этой почве в первой половине XVI века (в 1509 г. и 1524 г.) закрывался для рижской торговли Зунд – выход из Балтийского моря в океан.

Рижский замок в 1515 г.

В 1544 г., когда в Дании были уничтожены привилегии Ганзы, Зунд был открыт и для голландских кораблей. В конце XVI века число голландских кораблей уже превышало половину всех судов, проходивших через пролив.

Как и большинство стран Европы, Прибалтику не обошла и реформация. Первый лютеранский проповедник в Риге Андрей Кнопкен, сын бедного померанского помещика, активно стал проповедовать лютеранство с 1521 г. Проповедники лютеранства первоначально искали поддержку в тех слоях рижского населения, которые были наиболее заинтересованы в изменении существующего строя. Этим объясняется, что Кнопкен вступил в латышское братство грузчиков кораблей, а другой проповедник, Иоахим Моллер, стал членом братства разносчиков пива.

Кнопкен, состоявший в переписке с Эразмом Роттердамским, ограничил свою деятельность религиозными диспутами, которые он вел в рижских церквях с католическим духовенством. В 1522 г. в Риге появился сторонник Лютера Сильвестр Тегетмейер, сын гамбургского купца. Сильвестр стал призывать к реформации в куда более резкой форме. Его выступления нашли поддержку у большинства горожан, которые равно ненавидели и рижского архиепископа, и орден. Вначале рижский магистрат держал нейтралитет в религиозных диспутах, но затем поддержал лютеран. Против воли архиепископа рижский магистрат назначил Кнопкена и Тегетмейера священниками в соборах Петра и Якова.

В следующем году в Ригу прибыл странствующий проповедник Мельхиор Гофман, позже ставший одним из вождей радикального анабаптизма в Германии.

Весной 1524 г. началось уничтожение икон в рижских католических церквях. Успех реформации был обеспечен широким участием низших слоев населения, для которых выступление против церкви было формой протеста против существующего порядка. Из Риги движение перебросилось также и в другие крупные города Ливонии (Дерпт, Ревель и др.).

Торговые ганзейские корабли в гавани. (По рисунку XV века)

14 сентября 1524 г. в Ревеле полуторатысячная толпа немцев и эстов ворвалась в доминиканский монастырь, а затем и в церкви Олевисте и Святого Духа, уничтожила алтари, иконы и скульптурные изображения святых, а часть имущества растащила. В начале следующего года доминиканский монастырь был упразднен, а монахи изгнаны. 7 января 1525 г. в Дерпте горожане выгнали всех попов и монахов из церквей и

монастырей. Алтари, иконы и статуи святых были разбиты и частью сожжены на рыночной площади.

10 января Гофман с отрядом в 200 горожан пытался захватить замок епископа. Войска епископа отбили атаку, убив четверых и ранив двадцать человек. Тогда к замку двинулось несколько тысяч горожан вместе с пушками. В конце концов при посредничестве магистрата было достигнуто соглашение, по которому епископ покинул замок.

Почему же рыцарство не поддержало католическое духовенство? Большинство феодалов считали, что победа лютеранства приведет к упразднению католического епископства и Ливонского ордена. Вассалы таким путем могли не только получить в частную собственность свои лены, но и захватить те земли, на которых до этого непосредственно вели хозяйство епископы и орден. Лютеранские священники гораздо более зависели от местных помещиков, чем католические, и их легко можно было использовать в качестве средства воздействия на крестьян. Среди рыцарства быстро распространялось лютеранство. В число лютеран господа записывали также и своих крестьян, не спрашивая на это их согласия. Около середины XVI века большинство жителей Ливонии формально приняли лютеранство. В 1554 г. на ландтаге в Валмиере была провозглашена свобода вероисповедания для лютеран всей Ливонии. Только епископы и орденское начальство оставались католиками вплоть до Ливонской войны.

Любопытно, что именно в связи с реформацией появилась первая книга на эстонском языке – катехизис, отпечатанный в 1535 г. в Виттенберге (Германия). Текст катехизиса был составлен на двух языках: на нижненемецком языке написан пастором церкви Нигулисте Симоном Ванрадтом, а эстонский перевод сделан пастором прихода церкви Святого Духа Иоганном Кэлем. Однако Ревельский магистрат запретил распространение катехизиса из-за якобы содержащихся в нем «немалых ошибок».

Реформация была одной из причин, которые содействовали гибели ордена. Однако окончательную его судьбу решила Ливонская война.

Глава 6

Первые контакты Руси с литовцами

Если о Польше наш читатель хоть что-то слышал, а при большом желании мог обратиться к трудам по истории Польши, изданным в XIX веке на русском языке, или к современным на польском, то в отношении истории Литвы до XIV века даже в узко специальных трудах говорится весьма туманно.

Литовские племена относятся к индоевропейской группе и пришли на территорию, в основном совпадающую с нынешней Литвой, где-то в III тысячелетии до нашей эры. Сразу поставим точки над i: сведений о Литве до середины XIII века ничтожно мало. Так, первое письменное упоминание о Литве содержится в немецкой хронике (анналах Кведлинбурга) под 1009 г.

По мнению литовских историков, слово «Литва» пришло в русский, польский и другие славянские языки непосредственно из литовского языка. Они считают, что слово происходит от названия небольшой речки Летаука, а первоначальная Литва – это небольшой район между реками Нерис, Вилия и Неман.

Разрозненным литовским населением правили десятки князей (кунигасов). Важную роль играли языческие жрецы. Сведения о религии литовцев скудные и довольно противоречивые. Тем не менее следует отметить, что их верования были очень близки к славянским. Так, и у славян, и у литовцев большую роль играл «живой огонь» – Знич. Раз в году с помощью трения добывался новый живой огонь, от него зажигали огонь у жертвенника и разносили по домам. Если огонь на жертвеннике потухал по вине жреца, то его немедленно убивали.

Бог войны, повелитель грома и молний, у литовцев звался Пяркунас, западные славяне называли его Перкунос, а восточные – Перун. Как и славяне, литовцы создавали большие деревянные идолы Пяркунаса. Перед этими идолами совершали жертвоприношения – буйволов, быков, но, разумеется, Пяркунас больше всего любил людей. При этом если славяне убивали жертву Перуну (обычно пленных) мечом, то литовцы жгли людей живыми.

Особую роль в религии литовцев играл Крива – божество Луны. Славяне тоже поклонялись Криве, но культ его был менее распространен.

Общими в пантеоне богов были богиня любви Милда (у славян – Милка) и скотский бог Велияс (у славян – Велес). А вот бог пчеловодов Рагутис у славян не встречался.

Конфликты Руси с литовцами отмечены в русских летописях еще во времена Владимира Святого. Но при этом летописцы лишь фиксировали факт набега литовцев или поход на них русского князя, не приводя никаких деталей.

Литовцы же вообще не имели своей письменности. В XIII веке переписку литовских князей с немцами и поляками вели по латыни немцы (пленные или католические миссионеры). В начале XIV века государственным языком Великого княжества Литовского становится русский, и вся документация ведется по-русски кириллицей, и лишь в конце XVI века появляется собственно литовская письменность, то есть литовские слова, написанные латиницей.

О взаимоотношениях русских и литовцев в X—XII веках известно крайне мало. Какие-то конфликты были уже у полоцких князей в начале XI века. Так, полоцкий князь Брячислав, внук Владимира Святого, для защиты от набегов литовцев основал город Брячиславль (Бреслав) между озерами Дривято и Навято.

В 1040 г. и 1044 г. князь Ярослав Мудрый совершил два успешных похода на Литву. Результаты их профессор Э. Гудавичюс оценил следующим образом: «Литовцы были вынуждены признать верховенство Руси и платить ей дань. Подобное положение замедлило развитие нарождающейся литовской государственности. Серьезная опасность угрожала самому существованию Литвы: зависимость могла смениться полным присоединением к Руси, следствием этого должно было стать принятие православия со славянской литургией, что означало бы русификацию еще не ставшего народностью литовского этноса. К счастью для Литвы, Древнерусское государство в начале XII в. распалось, и в 1131 г. литовцы обрели свободу».^[53] Тут, бесспорно, ситуация предельно упрощена, но с рядом оговорок с утверждением Гудавичюса можно согласиться.

В начале XIII века крестоносцы предприняли первые походы против Литвы. Столкновения с крестоносцами приносили литовцам иногда и выгоду – они улучшали свое вооружение и изменяли тактику боя. Произошло укрупнение племенных образований и возникло несколько межплеменных союзов. Тем не менее в летописях с 1240 по 1292 г. упоминается 33 имени литовских князей, принадлежавших к девяти поколениям.

Позже, в XV веке, в литовских летописях появляются сведения, что де литовские князья произошли от Палеймона, родного брата... римского императора Нерона. Сей мифический братец отправился из Рима на север, там родил трех сыновей: Барка, Куноса и Спера, и вот от Куноса де и пошли литовские князья. Понятно, что иных сведений о существовании «римлянина» Палеймона нет. Есть и куда более реальная версия о происхождении по крайней мере части литовских князей от сыновей полоцкого князя Ростислава Роголодовича.^[54] Существует и еще много легенд, но от пересказа их я воздержусь, дабы не утомлять читателя. Однако ничего достоверного о происхождении литовских князей сказать нельзя.

В 20-х гг. XIII века на русские княжества нападают уже значительные силы литовцев. Вот, к примеру, запись в летописи за 1229 год: Литва «опустошила страну по озеру Селигеру и реке Поле, новгородцы погнались за ними, настигли, били и отняли весь полон». В 1234 г. «литовцы явились внезапно перед Русою и захватили посад до самого торгу. Но жители и засада [гарнизон. – А.Ш.] успели вооружиться: огнищане и гридьба, купцы и гости ударили на литву, выгнали ее из посада и продолжали бой на поле. Литовцы отступили. Князь Ярослав, узнавши об этом, двинулся на врагов с конницею и пехотою, которая ехала в насадах по реке Ловати. Но у Муравьины князь должен был отпустить пехоту назад, потому что у ней не достало хлеба, а сам продолжал путь с одною конницею. В Торопецкой волости на Дубровне встретил он литовцев и разбил их. Победенные потеряли 300 лошадей, весь товар [добычу. – А.Ш.] и побежали в лес, сбросавши оружие, щиты, совни, а некоторые тут и костью пали». Новгородцы в этом бою потеряли 10 человек убитыми.

Летом 1235 г. у Могильного местечка при впадении реки Дитвы в Неман^[55] произошла битва литовцев с объединенными силами мелких западных русских князей – Дмитрия князя Друцкого, Льва Даниловича князя Волынского и Святослава Всеволодовича князя Стародубского. В ходе битвы литовский князь Рингольд наголову разгромил русских.

Допекла Литва и псковичей. В конце концов их терпение лопнуло, и они отправили отряд на помощь крестоносцам, шедшим на Литву. Немецко-русскому войску удалось разгромить ряд районов Литвы, но на обратном пути у Сауле^[56] они попали в засаду, организованную тем же Рингольдом. В битве на стороне литовцев участвовали и земгалы – племя, жившее на территории современной Южной Литвы. Разгром был полный. Погибли гроссмейстер ордена Меченосцев Фольквин фон Винтерштеттен,

граф Данненберг, барон фон Газельдорп и еще 48 знатных рыцарей. Согласно псковской летописи, домой вернулся лишь каждый десятый русский воин.

После батыева нашествия литовцы осмелели и стали чаще вторгаться на территорию русских княжеств. Но увы, это не всегда им сходило с рук. Так, в 1245 г. 10 тысяч литовцев появились около Торжка и Бежецка. В Торжке в это время сидел князь Ярослав Владимирович, возвратившийся после заключения мира из Ливонии. Он погнался было за литовцами, но потерпел поражение, потерял всех лошадей. Но вскоре на подмогу Ярославу Владимировичу подошла дружина из Москвы, возглавляемая молодым (17—20-летним) князем Михаилом Хоробритом.^[57] Михаилу удалось догнать литовцев под Торопцом. Литовцы были разбиты, а уцелевшие заперлись в городе. Но на следующее утро подошел Александр Невский с новгородской дружиной, совместными усилиями они взяли Торопец, отняли у литовцев весь полон, и при этом были перебиты более восьмью литовских князей.

Через несколько дней после взятия Торопца Александр Ярославич получил весть о появлении нового отряда литовцев. Он отпустил новгородские полки домой, а сам с ближней дружиной (двором, как сказано в летописи) погнался за литовцами, нагнал и перебил всех без пощады у озера Жизца. Затем князь отправился в Витебск, забрал там своего сына и направился домой, в Новгород. Но по дороге, недалеко от Усвята, Александр Ярославич опять наткнулся на литовцев и разбил их.

На следующий, 1246 г. литовцы решили попытать счастья на юге. Но, возвращаясь с набега на окрестности Пересопницы, они были настигнуты у Пинска Даниилом и Васильком Романовичами и наголову разбиты. В 1247 г. Романовичи вновь разбили литовцев.

В 1246 г. в Орде умирает Великий князь Владимирский Ярослав Всеволодович. Его старшие сыновья Александр Невский и Андрей в это время также находятся в Орде, и владимирский престол переходит к их дяде Святославу Всеволодовичу. Михаил Хоробрит нарушает обычай и сгоняет дядю с престола. Но покняжить ему удалось совсем недолго. В 1248 г. на Владимирскую Русь двинулось 30-тысячное литовское войско. Навстречу с небольшой дружиной вышел Хоробрит. Битва произошла на реке Протве близ Можайска. Русские уже побеждали, но Михаил ворвался в ряды литовцев и погиб. Дружина его растерялась и отступила. Но и литовцы понесли большие потери и отошли. Епископ Кирилл, бывший тогда во Владимире, приказал найти тело князя, и торжественное погребение его состоялось во владимирском Успенском соборе. Михаил

Ярославич Хоробрит стал не только первым московским князем, но и первым русским святым, погибшим от рук литовцев и поляков.

Писать о западных и южных русских княжествах второй половины XIII – начала XIV веков очень трудно. По разным причинам, в первую очередь по идеологическим, царские и советские историки традиционно обходили их стороной. К тому же осталось крайне мало письменных источников, да и те зачастую противоречат друг другу. Естественно, что у автора возникает желание додумать историю, экстраполировать события, но я предпочитаю этого не делать, а в крайнем случае оставить читателю додумывать самому.

Рассмотрим русские княжества с севера на юг. Начну с того, что ни Полоцкое княжество, ни города Черной Руси (Гродно, Новгородок (Новогрудок) и др.) не подвергались татарскому нашествию. Однако его косвенные последствия серьезно сказались на политической жизни этих княжеств и уделов.^[58]

Татарское нашествие в значительной степени оборвало связи Западной и Южной Руси с Владимиро-Суздальской землей. До него на Руси существовало так называемое горизонтальное право наследования, когда старшему брату наследовал следующий по старшинству брат, а не сын. Поясню на примере. Допустим, в Киеве правил старший брат Петр, в Смоленске – средний брат Иван, а в Вязьме – младший брат Федор. После смерти Петра Иван переезжал в Киев и становился там старшим князем. Федор ехал в Смоленск, а Вязьму получал старший сын Петра Александр. Умирает Иван, и начинаются новые передвижки. Поэтому, читая биографические сведения о каком-либо русском князе XII–XIV веков, не следует удивляться, что он за свою жизнь поменял два, три, а то и четыре престола.

Но после 1240 г. наиболее знатные (из старинных родов) русские князья Рюриковичи теряют интерес к престолом Западной и Южной Руси, а интересуются исключительно делами Владимиро-Суздальской Руси, а также Господином Великим Новгородом. Интерес к последнему вполне понятен – каждый князь пытался как можно больше урвать от сказочной новгородской казны.

В итоге в княжествах Западной и Южной Руси частично устанавливается вертикальная система передачи власти от отца к сыну. А из ряда княжеств Рюриковичи просто убежали, и на их место пытались лезть малозначительные князья из рода Рюриковичей, не имевшие хорошей дружины и не пользовавшиеся авторитетом у населения.

Тут следует сделать маленькое отступление. За три века правления

князей Рюриковичей население привыкло, что только они и могут править Русью. Во многих городах, как, например, в Киеве, Полоцке, Минске и др., продолжало играть определенную роль и народное собрание – вече. Однако вече могло решить какие-то важные вопросы, даже сместить князя, но править оно не могло и приглашало нового князя.

Исключение из этого правила представляли лишь Новгород и Псков, которых многие историки называли городами-республиками. Там управление городом и окрестностями находилось в руках вече и выборных людей – посадников, частично деливших их с церковной властью. Князя же в Новгороде и Пскове обычно приглашались вечем, но иногда им силой удавалось навязать свои услуги. Функции князей сводились к защите города и страны от внешнего врага, иногда – к ведению внешней политики, но всегда при участии посадников и церкви.

Князьями же, повторяю, были только чистокровные Рюриковичи (по отцовской линии, разумеется). Князь Рюрикovich мог быть женат на дочери половецкого или татарского хана и на боярской дочери. Но в последнем случае статус боярина никак не менялся, и при отсутствии наследников боярин (тесть или шурин князя) никогда не мог претендовать на престол. Князья Рюриковичи за всю 750-летнюю историю своего правления на Руси не произвели в князья ни одного безродного родственника по женской линии, я уж не говорю о торговцах «пирогам с зайчатиной», двадцатилетних любовниках шестидесятилетних цариц и т. д.

Взойти на княжеский престол половецкий или татарский хан – родственник по женской линии – не мог по религиозным соображениям. А вот православный литовский князь приравнивался боярством и вечем русских городов к князю Рюриковичу.

С середины XIII века до конца XIV века Рюриковичи выдали замуж за православных литовских князей 16 княжон и, в свою очередь, женились на 15 литовках.

Характерный пример – Витебское княжество. Там с XII века княжили потомки Всеслава Брячиславича Полоцкого. В первой половине XIII века Витебская земля стала подвергаться нападениям литовцев (1235 г., 1263 г. и т. д.). В 1281–1297 гг. Витебск опять попал в зависимость от смоленских князей. Последним удельным витебским князем был Ярослав Васильевич, дочь которого Марию выдали замуж за литовского князя Ольгерда. В 1320 г. Ярослав Васильевич умер, не оставив мужского потомства, и Ольгерд на правах зятя занял Витебское княжество.

Непросто сложилась судьба города Бреста, впервые упомянутого в летописи под 1019 годом. Согласно хронике Быховца, Брест был захвачен

литовским князем Монгвиллом в 50-х годах XIII века. На самом же деле город с конца XIII века несколько раз переходил из рук в руки. В 1282 г. брестскому воеводе Титу удалось отбить нападение мазовецких князей. В 1334 г. Брест захватили рыцари Тевтонского ордена, а через год город занял литовский князь Кейстут Гедеминович. Наконец в 1348 г. всю Брестскую землю заняли поляки. Однако в 1366 г. Кейстут вернул себе Брест.

В августе 1379 г. немецкие рыцари во главе с Т. Эльнером, комтуром из Бальги, ограбили и сожгли город, но замка взять не смогли. В период борьбы между польским королем Ягайлом и князем Витовтом Брестский замок зимой 1390 г. осадило королевское войско. После 10 дней обороны защитники замка сдались.

В том же году первым из белорусских городов Брест получил Магдебургское право^[59] и к середине XV века превратился в один из крупнейших торговых центров, который польский историк Ян Длугош назвал «пристанью и воротами в литовские и русские земли».

Глава 7

Великая Литва Гедемина и Ольгерда

В 1315 г. власть в Литве захватил князь Гедемин. Происхождение его неизвестно. Согласно позднейшей официальной литовской версии, Гедемин, как и Миндовг, происходил от Палеймона, брата римского императора Нерона. Мол, этот братец отправился в I веке нашей эры на север и основал там Литовское государство. По русским же летописям и хроникам Тевтонского ордена Гедемин служил конюхом у князя Витенеса (Витеня), а затем вошел в сговор с молодой женой князя, дочерью бортника из Жемайти, убил его и завладел престолом. По Тверской летописи Гедемин служил «слободчиком» у Великого князя Тверского Александра Михайловича и был послан им на Неман по каким-то делам, но там обогатился и стал называть себя Великим князем Литовским. Еще по одной версии Гедемин был потомком Давила, сына уже упоминавшегося нами полоцкого князя Ростислава Рогволодовича.

Сейчас в Польше получила широкое распространение версия, выдвинутая польским историком Е. Охманьским. Он обратил внимание на текст знаменитой «Задонщины», где упомянуты участники Куликовской битвы Андрей и Дмитрий, «сынови Ольгердови, а внуки есмя Едимантовы, а правнуки есми Сколомендовы...» Поскольку слово «правнуки» употребляется обычно в русских летописях в смысле потомков вообще, Охманьский предположил, что Сколоменд и был отцом литовского князя Пуковера (Лютовера), а Гедемин и был сыном Пуковера.

В 1320 г. Гедемин предпринял поход на Владимир-Волынский. Город упорно защищался, но после гибели князя Андрея его бояре согласились на капитуляцию. Замечу, что в войске Гедемина этнические литовцы составляли меньшинство, большинство же были русскими – полочане, жители Новогрудка и Гродно. В том же году Гедемин овладел Луцком, а на зиму остановился в Берестье (Бресте).

После Пасхи 1321 г. Гедемин, собрав литовские, жемайтийские и русские полки, двинулся на Киев, где сидел какой-то князь Станислав. Литовцы взяли города Обруч и Житомир. В 10 верстах от Киева, на реке Ирпени, войско Гедемина было встречено дружинами короля Льва Юрьевича и его «подручника» (вассала) Станислава, переяславского князя Олега и брянских князей Святослава и Василия. В ходе сражения на

Ирпени русские войска потерпели страшное поражение, король Лев и князь Олег были убиты. Станислав вместе с брянскими князьями убежал в Брянск.

После сражения Гедемин осадил Белгород. Горожане, оставшиеся без князей и воевод, по зрелому размышлению решили сдать город, после чего присягнули Гедемину.

Гедемин приступил к Киеву. Город выдержал двухмесячную осаду. Наконец горожане, не дождавшись ниоткуда помощи, собрались на вече и решили сдаться литовскому князю. Ворота города были открыты, и к Гедемину двинулся крестный ход. Духовные лица и местные бояре били челом великому князю, «чтобы у них отчин не отнимал, и князь Гедемин их при том оставил и сам с честью въехал в Киев».

«И услышали о том пригороды Киевские, Вышгород, Черкассы, Канев, Путивль, Слеповрод, что киевляне передались с городом, а о государе своем слышали, что он убежал в Брянск и что силу его всю побили, и все пришли к великому князю Гедимину и начали служить с теми названными киевскими пригородами, и присягнули на том великому князю Гедимину. А переяславцы, услышав, что Киев и пригороды киевские подчинились великому князю Гедимину, а государь их князь Олег убит великим князем Гедимином, и они, приехав, начали с городом служить великому князю Гедимину, и на том присягнули.

И князь великий Гедимин, взяв Киев и Переяславль и все те перечисленные пригородки, и посадил в них сына Миндовга князя Ольгимонта, великого князя Гольшанского, а сам с великим весельем возвратился в Литву. И в то время Великий князь Киевский Станислав, изгнанный великим князем Гедимином, находился в Брянске, и прислал к нему [посла] князь Иван Рязанский. Будучи старым, он просил Станислава, чтобы тот приехал к нему и взял замуж его дочь по имени Ольгу, потому что сына не имел, а только одну ту дочь, и чтобы Станислав был после его смерти Великим князем Рязанским. И князь Станислав к нему поехал, и дочь его взял в жены, и после его смерти был Великим князем Рязанским». («Хроника Быховца».)

Сведения о взятии Гедемином Киева имеются лишь в «Хронике Быховца» и последующих ее компиляциях. Ряд же историков начиная с XIX века, как, например, М.С. Грушевский,^[60] В.Б. Антонович и др., оспаривают это утверждение. Тот же Антонович в рассказе о завоевании Волыни признает воспоминание о борьбе Гедемина с волынскими князьями из-за Подляхии. Поход же на Киев происходил в действительности при Витовте и неправильно перенесен в эпоху Гедемина.

Итак, захват Киева в 1321 г. представляется достаточно спорным. Но в любом случае Гедемину удержаться там не удалось. Новгородская летопись под 1331 годом упоминает о киевском князе Федоре,^[61] который вместе с татарским баскаком гнался, «как разбойник», за новгородским владыкой Василием, шедшим от митрополита из Волыни. Новгородцы, провожавшие владыку, «остереглись», и Федор не посмел напасть на них. Из этого известия следует, что в 1331 г. Киевом владел какой-то князь, плативший дань татарам.

В Галиче же стал править последний король Владимир, сын Льва Юрьевича. О Владимире известно только, что умер он, не оставив наследника, в 1340 г., и от его имени правили галицкие бояре.

Богатое Галицкое княжество было лакомым кусочком, и на него с завистью поглядывали соседи. Недавний союзник галицких князей Льва и Андрея польский король Владислав Локеток (1305–1333) попытался организовать захват Галицко-Волынского княжества. Летом 1325 г. он добился от папы римского провозглашения крестового похода на «схизматиков».^[62] Однако поход этот не состоялся. Силезские князья Генрих и Ян также стремились прибрать к рукам Галицко-Волынскую Русь, уже заранее в грамотах они себя величали князьями Галицких и Волынских земель.

В этих условиях бояре, правившие Галичем, решили выбрать князя. Выбор пал на мазовецкого княжича Болеслава, сына Тройдена, женатого на сестре Льва Романовича Марии, то есть претендент приходился племянником Андрею и Льву. Болеслав перешел из католичества в православие, при крещении принял имя Юрий и в 1325 г. стал галицко-волынским князем. Своей столицей он избрал город Владимир-Волынский. В историю этот князь вошел под именем Юрия-Болеслава II.

Юрий-Болеслав поддерживал мирные отношения с татарскими ханами, ездил в Орду за ярлыком на княжение. Он был в дружбе с прусскими рыцарями, зато вел продолжительные войны с Польшей. В 1337 г. Юрий-Болеслав в союзе с ордынцами осадил Люблин, но овладеть им князю не удалось.

В 1331 г. Юрий-Болеслав вступил в союз с Гедеминем и женился на его дочери Офке, а литовский князь Любарт Гедеминович женился на дочери Юрия-Болеслава от первой жены. У Юрия-Болеслава не было сыновей, поэтому вполне заслуживает доверия запись литовско-русского хрониста о том, что в 30-х гг. XIV века «Люборта принял Володимерьский князь в дотце в Володимер и в Луческ и во всю землю Волынскую», то есть

сделал литовского князя своим наследником.

Еще в начале 1340 г. бояре составили заговор против Юрия-Болеслава. Главой заговорщиков стал крупный галицкий феодал Дмитрий Дядька (Детько). 7 апреля 1340 г. Юрий-Болеслав был отравлен во Владимиро-Волынском. Большинство средневековых авторов сходятся на том, что галицкий князь нажил себе врагов среди местной знати из-за того, что окружил себя католиками и стремился изменить «закон и веру» Руси. Европейские хронисты рассказывают, что Юрий-Болеслав буквально наводнил княжество иностранными колонистами, в основном немцами, и пропагандировал католичество. Естественно, прозападная ориентация князя, поляка по рождению и католика по воспитанию, возмущала широкие массы русского населения Галицко-Волынских земель, чем и воспользовались бояре.

Смерть Юрия-Болеслава и последовавшая за ней анархия в Галицко-Волынском княжестве позволили польскому королю Казимиру III в конце апреля 1340 г. напасть на Галицкую Русь. Польские войска заняли несколько замков, в том числе и львовских, и грабили местное население. Одновременно и венгерский король, очевидно, по договоренности с Казимиром, двинул в Галичину свои войска, но они были остановлены на границе галицкими дружинами.

В июне 1340 г. галицко-волынское войско вместе с призванными на помощь ордынцами наносит контрудар по Польше и доходит до Вислы. Хотя полностью разгромить войско Казимира не удалось, именно благодаря этому походу Галицкая Русь вплоть до 1349 г. сохраняла свою независимость от Польши. Казимир III был вынужден подписать с Дмитрием Дядькой договор о соблюдении нейтралитета.

Тем временем галицкие бояре усиленно искали нового князя для Волыни и остановились на кандидатуре Любарта,^[63] которого Юрий-Болеслав назвал своим наследником. Бояре надеялись, что Любарт, как представитель литовского княжеского рода, не имеющий опоры на Волыни, станет их покорной марионеткой. Итак, Волынь отошла к Литве.

С 1340 г. история Галичины отделяется от истории Волыни. Галичина лишь номинально признавала своим князем Любарта Волынского, фактически же ею правили галицкие бояре во главе с Дмитрием Дядькой. В 40-х гг. XIV века Дядька самостоятельно, без участия Любарта, ведет военные операции и дипломатические переговоры с польским и венгерским королями. Такая ситуация сохранялась до конца 40-х годов XIV века. В борьбе против Польши и Венгрии и Дядька, и Любарт опирались на ордынского хана Узбека и его преемников.

Польских же королей к походам на Восток постоянно подталкивал Рим. Еще папа Григорий IX в послании к доминиканцам в 1233 г. запрещал браки с православными. Когда после набега язычников-литовцев и убийства мазовецкого князя Земовита I в 1262 г. папа Урбан IV обратился за помощью к королю Оттокару II, перечисляя грозящих врагов, то русские «схизматики» оказались на первом месте в этом списке, впереди язычников-литовцев, хотя речь шла именно о них. В этом послании, датированном 4 июня 1264 г., впервые выступает прямое зачисление христианской Восточной церкви вместе со всеми неверными и язычниками в число общих врагов... «Христианской церкви». С этой даты «схизма» занимает первое место в перечнях врагов церкви. Так, в письме к королю Локетку в 1325 г. папа Иоанн XXII дает отпущение грехов идущим на войну «contra scismaticos, Tataros, paganos aliasque permixtas nationes infidelium» («против схизматиков, татар и других поганных...»). Это же повторил папа Урбан V в письме от 8 июля 1363 г.

В 1343 г. Казимир III получил от папы значительную финансовую помощь для борьбы с «русинами» и в 1344–1345 гг., заручившись нейтралитетом Любарта, отторг от Галичины Саноцкую землю. Осенью 1349 г. поляки предприняли новый поход на Галичину и Волынь. Преодолевая сопротивление гарнизонов пограничных замков, польские войска захватили города Львов, Белз, Берестье, Владимир-Волынский. Сам же Любарт отсиделся в осажденном Луцке. Правда, на следующий год он сумел вернуть себе власть на Волыни, но Галичина уже не только вышла номинально из-под его контроля, но и была присоединена к Польскому королевству.

Тут следует отметить один важный момент. В 90-х гг. XX века многие литовские и украинские историки стали утверждать, что де польские и литовские войска освободили русские земли от татарского ига. На самом же деле после перехода Галичины к Польше дань татарам платилась в том же объеме. Так, папа Иннокентий VI в 1357 г. в булле к польскому королю Казимиру упрекал его в том, что с отнятых у «схизматиков» земель Казимир уплачивает дань «татарскому королю».^[64]

Великий князь Литовский Гедемин (годы правления 1315–1340) имел семерых сыновей:^[65] Монвида (ум. 1340), Нариманта (1277–1348), Ольгерда (1296–1377), Кейстута (1298–1381), Корьята (ум. 1390), Любарта (1312–1397) и Евнута (Евнутия) (1317–1366).

Официальных жен у Гедемина было две. По одной версии, первой женой была Винда, дочь жмудского бортника Виндиминда, а второй –

Ольга Всеволодовна, княжна Смоленская (или Ольга Глебовна, княжна Рязанская). По второй версии, первой женой была Ольга Всеволодовна, княжна Смоленская, а второй – Евна Ивановна Полоцкая.

Тот факт, что у Гедемина была одна или даже обе жены русскими, означает, что он принял православие: выдача княжей дочери за язычника была невозможна на Руси. Другой вопрос, что Гедемин и его потомство, тот же Ольгерд, относились к смене вер очень спокойно и производили их по мере надобности. Нужно жениться или заключить союз с соседом – выполняют христианские обряды, нужна поддержка местной знати – начинали публично выполнять языческие обряды.

Формально все сыновья Гедемина были крещены и имели православные имена, так, Наримант был Глебом, Ольгерд – Александром, Корьят – Михаилом и т. д. Немцы уже с XIV века стали называть Вильно ^[66] «русским городом», а польские хронисты – «столицей греческого [православного] отщепенства».

Большинство сыновей Гедемина женились на русских княжнах, а позже их потомки служили как польским королям, так и московским великим князьям. Так, от Монвида пошли такие известные на Руси фамилии, как Хованские, Корецкие, Голицыны, Куракины, Булгаковы, Щенящевы. От Ольгерда пошли князья Чарторыские, Несвижские, Трубецкие, Вишневецкие и другие.

Литовская экспансия на Русь в значительной степени ослаблялась непрерывными войнами с Тевтонским орденом. За время правления Гедемина немцы совершили свыше пятидесяти походов на Литву, а литовские князья – не менее двадцати нападений на земли ордена.

На борьбу с язычниками на помощь Тевтонскому ордену съезжались рыцари со всей Европы. Так, в 1336 г. только из германских княжеств прибыло свыше 200 рыцарей. Из Германии же было доставлено и огнестрельное оружие.

В 1340 г. войска Тевтонского ордена осадили замок Велона на правом берегу реки Неман на границе между Жмудью и Литвой. Немцы не смогли взять Велону штурмом и решили прибегнуть к правильной осаде. Для этого они построили рядом с Велоной два хорошо укрепленных замка.

Великий князь Литовский Гедемин с войском прибыл для освобождения Велоны от тевтонской осады и, в свою очередь, осадил оба замка. Однако их гарнизоны имели огнестрельные орудия. Метким выстрелом из пушки Гедемин был убит. Сыновья отвезли тело князя в Вильну, где по древнелитовскому обычаю облачили в парадные одежды и сожгли на погребальном костре в Кривой долине Свинторога вместе с

вооружением, любимым конем, слугой, частью добычи и тремя пленными немецкими рыцарями.

Вопреки феодальному праву место Гедмина занял младший сын Евнут (в русских летописях Евнутий). По словам литовского летописца, старшие братья Ольгерд и Кейстут вступили в сговор, чтобы выгнать брата из Вильно. Однако Ольгерд, шедший из Витебска, не успел, и Кейстут один напал на Вильно и ворвался в город. Евнут бежал в горы, но отморозил ноги и попал в плен. Его доставили к Кейстуту. Тот сразу же отправил гонца к Ольгерду, чтобы тот шел скорее, и что Евнут уже в его руках. Когда Ольгерд пришел, Кейстут сказал ему: «Тебе следует быть великим князем в Вильне, ты старший брат, а я с тобою буду жить заодно».

Ольгерд стал княжить в Вильно, а Евнуту дал Изяславль. Потом братья Ольгерд и Кейстут договорились между собой, чтобы всем слушаться старшего брата Ольгерда, и условились, что если добудут город или волость, все делить пополам и «жить до смерти в любви, не мыслить лиха одному на другого». Оба брата сдержали клятву.

По словам же московского летописца, Ольгерд и Кейстут внезапно напали в Вильно на своих братьев Нариманта и Евнута. Наримант бежал в Орду, а Евнут – в Псков, оттуда в Новгород, из Новгорода в Москву к преемнику Ивана Калиты князю Симеону Гордому (1316–1353), в 1346 г. был крещен и назван Иваном.

В 1349 г. Ольгерд послал своего брата Корьята к ордынскому хану Чанибеку просить у него помощи против Симеона Гордого. Московский князь, узнав об этом, послал немедленно сказать хану: «Ольгерд опустошил твои улусы (юго-западные русские волости) и вывел их в плен. Теперь то же хочет сделать и с нами, твоим верным улусом, после чего, разбогатевши, вооружится и на тебя самого». Хан понял справедливость слов Симеона, велел схватить Корьята и выдал его московскому князю. Ольгерд на время присмирел и отправил в Москву послов с богатыми дарами и челобитной, прося освободить брата. В конце концов Симеон согласился.

Особую роль во внешней политике Литвы в XIV веке играло Великое Тверское княжество, с которым Литва имела стоверстную границу. Ржева (Ржев), Зубцов и Холм были тверскими пограничными городами.

Зимой 1320/1321 гг. Великий князь Тверской Дмитрий Михайлович Грозные Очи (1299–1326) женился на дочери великого князя Гедмина Марте, а в начале 1351 г. Ольгерд, ставший после смерти своего отца в 1345 г. Великим князем Литовским, попросил руки Ульяны Холмской, дочери великого князя Александра Михайловича, племянника Дмитрия Грозные Очи. Холмской ее прозвали, поскольку она жила при дворе своего

брата Всеволода Александровича, удельного князя Холмского, вассала Великого князя Тверского.

Тем не менее прочного мира между Литвой и Тверским княжеством достичь не удалось. В 1356 г. литовцы напали на городок Ржеву (Ржев) и захватили его. В том же году умер Василий Александрович Брянский, князь Смоленский, сын смоленского князя Александра Глебовича (1285–1287). Брянск тогда входил в состав Смоленского княжества, а кроме того, князь Василий Александрович имел на Брянск ярлык от татарского хана Ианнибека. Но тем не менее Ольгерд, воспользовавшись смертью брянского князя, внезапно напал на город и взял его. Иван, сын Василия Александровича, был взят в плен и увезен в Литву, где и умер (или был убит). Забегая вперед, скажу, что отбить Брянск у литовцев удалось лишь в 1500 г. Ивану III.

В 1358 г. объединенное тверское и можайское войско (замечу, что можайский князь был вассалом Москвы) отбило Ржев у литовцев. Но в следующем году сын Ольгерда Андрей (1325–1399) вновь захватил Ржев. В 1360 г. сам Ольгерд приезжал инспектировать управление этого города.

В составе Великого княжества Литовского было много областей с русским православным населением, да и многие литовцы, особенно в городах, приняли православие. Ольгерд не собирался менять православную веру на католическую. Как писал академик Р.Г. Скрынников: «Когда к Ольгерду в Вильнюс явились послы с Запада и предложили ему принять католичество, они услышали насмешливый ответ: Литва готова принять католичество при условии освобождения всех старых литовских земель, захваченных крестоносцами. Ордену предложили переселиться на земли татарской Орды с тем, чтобы обратить в католичество татар, а заодно и русских».^[67] Так, при Ольгерде около половины жителей Вильно были православными. Надо ли говорить, что Ольгерд не желал иметь православное духовенство, подчиненное Москве. Поэтому ему пришлось вступить в борьбу с московским клиром за создание независимой от Москвы митрополии.

О занятии Ольгердом Киева и присоединении его к Великому княжеству Литовскому в советских учебниках истории, как в школьных, так и в университетских, говорилось коротко и неясно. Мол, польско-литовские феодалы захватили русские земли, пользуясь раздробленностью северо-западных русских княжеств, находившихся под татаро-монгольским игом.

Между тем нельзя путать литовских князей XIV века с польскими панами XVII века. В XIV веке не было фанатичных ксендзов и зверских

расправ их с православными. Поэтому русское население как в Киеве, так и в Брянске и Ржеве относилось к литовским завоевателям достаточно спокойно. Ну, вошел в Киев православный князь Ольгерд-Александр с дружиной, которая более чем на половину состояла из православных, а остальные были язычниками. Большого погрома в Киеве не было, а после ухода Ольгерда все в городе осталось по-прежнему. Владимир Ольгердович с дружиной охранял город, брал умеренную дань и особенно не вмешивался ни в хозяйские, ни в церковные дела города.

Заметим, кстати, что родной брат Владимира, Андрей Ольгердович, отправляется в Псков и становится псковским князем. Конечно, статусы псковского и киевского князей различны, но этот факт хорошо показывает отношение русских к литовским князьям.

Киевское княжество на несколько десятилетий становится владением Ольгердовичей – Александра Владимировича (умер в 1455) и Семена Александровича (умер в 1471). После 1471 г. Киевское княжество упраздняется, и в Киеве правит наместник Великого князя Литовского.

По крови православные литовские князья были больше чем наполовину Рюриковичи. Да и само войско Ольгерда, вошедшее в Малороссию, больше чем наполовину состояло из жителей Белой Руси – Витебского, Минского, Гродненского и других княжеств. Сами же коренные «литовские феодалы» практически не интересовались пахотными землями Малороссии, их куда больше привлекали охота и бортничество.

Еще раз замечу, что между литовскими князьями и их русскими подданными не было языкового барьера. Дело в том, что официальный язык в Великом княжестве Литовском в XIV веке был... русский. Точнее, диалект древнерусского языка, который был принят на землях, в настоящий момент входящих в состав республики Беларусь. Так что можно по-другому сказать, что они говорили на древнебелорусском языке. Сразу скажу, что это личное мнение автора. Я обращался в институт Русского языка в Москве, но, увы, внятного ответа на вопрос, чем отличались языки районов Киева, Москвы и Минска в XIV веке, так и не получил.

Однако, судя по текстам дошедших до нас официальных документов, а также по свободному общению жителей этих районов можно сделать однозначный вывод, что в XIII–XVI веках жители Пскова свободно, без переводчика могли общаться с жителями Киева или Полоцка. К примеру, те же донские казаки десятки раз ходили в совместные походы с запорожцами, сотни казаков с Дона месяцами жили в Сечи, и наоборот. И нет сведений, чтобы им когда-либо требовались переводчики.

Таким образом, можно сказать, что официальным языком Великого

княжества Литовского для большинства его населения был русский язык. [68]

На мой взгляд, существенная разница в московском, белорусском и украинском языках появилась в конце XVI века. И эти различия в значительной мере связаны с принятием католичества и ополячиванием дворянства Великого княжества Литовского. Дворяне переходят на польский язык, а тот, в свою очередь, в XIII–XVI веках оказался под сильным воздействием латинского, немецкого и французского языков. Соответственно, язык москалей впитал в себя сотни татарских слов. Я умышленно говорю про московский язык, поскольку в том же XV веке москвичи и новгородцы понимали друг друга, но их речь существенно различалась.

Любопытно, что в царствование Ивана Грозного литовские послы, услышав неприятные им речи царя или бояр, сразу говорили, что им какие-то слова непонятны, и просили изложить сказанное на бумаге.

Таким образом, переход приднепровской Руси под власть литовского князя практически никак не отразился на быте, вере и всем укладе жизни ее жителей. Приднепровьем правили князья боковых ветвей Рюриковичей и некоторые Гедиминовичи, причем последние очень быстро обрусевали. Между прочим, сыновья Ольгерда-Александра Андрей, князь Трубчевский, и Дмитрий Корибут, князь Северский, со своими дружинами бились с ханом Мамаем на Куликовом поле под началом Дмитрия Донского. Дмитрий Корибут стал зятем князя Олега Рязанского. В XIX веке один русский историк остроумно заметил: «Победила не Литва, а ее название».

Но вернемся к князю Ольгерду. Дела киевские не очень отвлекали его от дел тверских. В 1367 г. Великий князь Московский Дмитрий Иванович (еще не Донской) (1350–1389) начал притеснять Великого князя Тверского Михаила Александровича (ок. 1341–1399). Михаил не имел достаточных сил для борьбы с Москвой и поехал в Литву к своему зятю Ольгерду за помощью.

Отъездом князя воспользовались его вассалы дядя кашинский князь Василий Михайлович и двоюродный брат князь Дорогобужский Еремей (Иремия) Константинович. Князь Василий с сыном Михаилом, с князем Еремеем и «со всею силою кашинскою и с полками московскими» подступил к Твери и осадил ее. Взять город не удалось, но окрестности Твери на правом берегу Волги были основательно разграблены.

Московская рать ушла, а через несколько дней явился князь Михаил Александрович «с полками литвы». Он разгромил дорогобужский уезд, сами князья бежали, а Михаилу удалось захватить в плен их жен, бояр и

слуг. После чего тверской князь отправился со своей и литовской дружинами к Кашину. Но по дороге, в селе Андреевском, его ждали послы дяди от тверского епископа Василия. Бог, по словам летописца, утишил ярость Михаила, и он помирился с дядей, а потом и с двоюродным братом Еремеем, и с московским князем Дмитрием Ивановичем. Но еще в том же году Еремей сложил с себя крестное целование к Михаилу Александровичу и уехал в Москву.

В 1368 г. Великий князь Московский Дмитрий и митрополит Алексей зазвали к себе князя Михаила якобы в гости, а на самом деле устроили над ним третейский суд. После чего Михаила вместе с его боярами схватили и посадили под стражу, но вдруг узнали о неожиданном приезде трех ордынских князей. Князь Дмитрий и митрополит на всякий случай отпустили Михаила, хотя и заставили его отказаться от Городка и части удела Семена Константиновича (брата дорогобужского князя Еремея), где Великий князь Московский Дмитрий посадил своего наместника вместе с князем Еремеем.

Обиженный Михаил опять отправился жаловаться зятю. И осенью 1368 г. Ольгерд с большим войском двинулся на Москву. По словам летописца, у Ольгерда Гедиминовича был такой обычай, что никто не знал, ни свои, ни чужие, куда он замышляет поход и зачем собирает большое войско, «этою-то хитростию он и забрал города и земли и попленил многие страны, воевал он не столько силою, сколько мудростию».

Обычно Ольгерд наступал на Москву с северо-запада, из района Ржева, чтобы иметь в тылу союзницу Тверь. Теперь же он напал с юго-запада.

Дмитрий Иванович разослал по всем городам грамоты для сбора войск, но ратники не успели прийти из отдаленных областей, и Дмитрий выслал против Ольгерда только сторожевой полк из москвичей, коломенцев и дмитровцев. Командовали полком московский воевода Димитрий Минин и Акинфа Федорович Шуба – воевода двоюродного брата князя Дмитрия Владимира Андреевича.

Между тем Ольгерд уже добрался до рубежей Московского княжества. Князь Стародубский Семен Дмитриевич Крапива пытался задержать литовцев, но дружина его была разгромлена, а сам князь убит. Затем Ольгерд взял Оболенск,^[69] где был убит князь Константин Юрьевич, удельный князь Оболенский, вассал Москвы.

Наконец 21 ноября 1368 г. на реке Тросне (приток Рузы) Ольгерд встретил московский сторожевой полк и разбил его; князя, бояре и воеводы – все погибли. Князь же Дмитрий заперся в Москве. Ольгерд

быстро пошел к столице княжества. Дмитрий велел поджечь посады, а сам с митрополитом, двоюродным братом Владимиром Андреевичем, со всеми боярами и людьми заперся в новом каменном кремле. Три дня Ольгерд стоял под стенами, но взять кремля не смог, зато опустошил все окрестности, угнал много людей и весь скот.

Таким образом, князь Михаил Тверской был отомщен, Дмитрий вынужден был вернуть ему Городок и отобранную часть удела Семена Константиновича.

Но мир Москвы с Тверью и Литвой продержался совсем недолго. В 1370 г. большое войско, состоявшее из литвы, жмуди, руси и татар, под предводительством князей Ольгерда, его сына Ягайло, Кейстута и его сына Витовта, вторглось в Пруссию, где великий магистр встретил его под замком Рудавою и наголову разбил.

Московский князь был несказанно рад поражению Ольгерда и в августе 1370 г. двинулся с ратью на Тверь. Великий князь Михаил Александрович по обычаю бежал в Литву, а великий князь Дмитрий Иванович вторгся в Тверское княжество, взял и сжег города Зубцов и Микулин и многие села, взял большой полон и угнал весь скот.

Ольгерд сумел собрать рать для отпора Москве лишь к концу 1370 г. В рождественский пост он двинулся к Москве с братом Кейстутом, князьями Михаилом Тверским и Святославом Смоленским. Они подошли к Волоку-Ламскому (Волоколамску) и с ходу начали штурм кремля. В ходе боя один литовец проткнул копьем князя Василия Березуйского, через час князь скончался, тем не менее приступ был отбит. Три дня литовцы грабили окрестности, а затем двинулись к Москве. Осада была начата 6 декабря 1370 г. Великий князь Дмитрий Иванович остался в кремле, а двоюродный брат его Владимир Андреевич начал сбор войска в Перемышле (северном). К нему подошли пронский князь Владимир Дмитриевич и полки рязанского князя Олега Ивановича.

Вскоре Ольгерд убедился, что кремля ему не взять, и предложил Дмитрию Ивановичу мир, желая скрепить его браком своей дочери и князя Владимира Андреевича. Но Дмитрий Иванович согласился только на перемирие до Петрова дня. Ольгерд двинулся назад, шел с большой осторожностью, все время опасаясь погони. Тверской князь Михаил возвратился в Тверь и вскоре помирился с Дмитрием Ивановичем.

В 1371 г. Великий князь Московский зачем-то отправил войско на Рязань, хотя Олег Рязанский и помог ему в борьбе против Ольгерда. А в следующем, 1372 г. опять началась война с Тверью.

Великий князь Тверской Михаил Александрович сумел взять город

Кистму,^[70] воеводы которого были схвачены и привезены в Тверь. Сразу после этого кашинский князь Михаил Васильевич отправил посла в Москву, заключил мир с князем Дмитрием и сложил крестное целование князю Михаилу Тверскому. А Михаил Александрович не остановился на Кистме и пошел к Дмитрову, взял с города откуп, а посады и окрестные села сжег, бояр и многих людей взял в плен. В то же время он тайно повел на Переяславль^[71] литовскую рать Кейстута с сыном Витовтом, Андрея Олеговича Полоцкого и Дмитрия Друцкого, как и с Дмитрова, взял с Переяславля откуп, а окрестности пожег. Затем тверской князь повел литовскую рать на Кашин, который разделил участь Дмитрова и Переяславля.

Переяславль и Кашин были вынуждены покориться литовскому войску и выплатить большую контрибуцию, а кашинский князь вновь целовал крест Михаилу.

От Кашина союзники пошли к Торжку, взяли его, и Михаил Александрович посадил там своих наместников. Но в Петров пост к Торжку подошли давние союзники – новгородцы, и наместники Михаила со своим небольшим конвоем бежали из города. Тогда новгородцы отыгрались на тверских купцах. Узнав об этом, князь Михаил 31 мая 1372 г. вернулся к Торжку. Навстречу ему вышло новгородское войско. В этом бою новгородцы были наголову разбиты, а их воевода Александр Абакумович убит. Разгневанный Михаил сжег Торжок, а затем двинулся к Любутску, где стояла рать Ольгерда.

Через несколько дней после соединений тверичей с литовцами к Любутску скрытно подошла рать Дмитрия Ивановича. Москвичи внезапно атаковали и разгромили литовский сторожевой полк. Основные литовские силы и их русские союзники отошли за естественную преграду – крутой и глубокий овраг. Москвичи подошли к оврагу с другой стороны и так стояли несколько дней. В конце концов стороны заключили перемирие «от Спожина заговенья до Дмитриева дня» (с 31 июля по 26 октября 1372 г.). Договор был заключен от имени Ольгерда, Кейстута и Великого князя Смоленского Святослава Ивановича; в него включены также были тверской князь Михаил, Брянский князь Дмитрий и те князья, «которые будут в имени Ольгерда и Святослава Смоленского». Трое князей Рязанских (Олег, Роман и Владимир Пронский) находились на стороне Дмитрия Московского. Ольгерд поручился, что Михаил Тверской вернет все награбленное им в московских землях и отзовет оттуда своих наместников. Если же Михаил во время перемирия начнет грабить Московское

княжество, то князь Дмитрий волен разделаться с ним, и литовские князья за него не вступятся. Дмитрий Иванович добился также для себя права покончить с Михаилом с помощью татарского хана: «А что пошли в Орду к царю люди жаловаться на князя Михаила, то мы в божьей воле и в царевой: как повелит, так мы и будем делать, и то от нас не в измену».

Далее по-прежнему происходили мелкие дразги между Москвой и Тверью, но я их опускаю, поскольку литовские войска в

них участия не принимали. Однако союз Твери с Литвой не только не был разорван, но и окреп вследствие бракосочетания дочери Ольгердова брата Кейстута Марии и сына великого князя Михаила Александровича Ивана. Венчание состоялось в Твери летом 1375 г.

В следующем, 1376 году Дмитрий Иванович послал своего двоюродного брата Владимира Андреевича с войском к Ржеву. Рать три дня простояла под стенами, город так и не взяла и отошла, предварительно разграбив и предав огню посад. Но ожидаемого в Москве ответного похода литовцев не было, так как в 1377 г. скончался князь Ольгерд. Замечу, что перед смертью Ольгерд принял монашеский сан и переименовал мирское православное имя Александр на монашеское Алексей.

Глава 8

Литва на распутье. Уния или независимое королевство?

После смерти Ольгерда Великим князем Литовским стал его сын Ягайло (православное имя Яков, 1350–1434). Его дядя Кейстут, князь Трокский (Тронский) без колебаний присягнул племяннику. Однако у Ольгерда был еще и старший сын Андрей, который по феодальному праву должен был наследовать отцу. Он княжил в Полоцке и после смерти Ольгерда заявил свои права на престол, но, не получив ниоткуда помощи, вынужден был уступить Ягайло. Андрей лишился своего удела, бежал в Псков, где псковичи посадили его на княжение с согласия великого князя Дмитрия Ивановича, к которому Андрей ездил в Москву.

Московский князь решил воспользоваться смутой в Литве, и в 1379 г. Андрей Ольгердович вместе с серпуховским князем Владимиром Андреевичем и московским воеводой Дмитрием Михайловичем Волынским двинулись на Литву, взяли города Трубчевск и Стародуб, разграбили многие городки и села и возвратились с большой добычей.

Сын Ольгерда Дмитрий, князь Трубчевский, не сопротивлялся московским полкам. Он покинул город вместе с семьей и боярами, поехал в Москву и стал служить Великому князю Московскому, как выразился летописец, «урядился в ряд и крепость взял». Дмитрий Иванович принял его хорошо и дал в удел город Переяславль со всеми пошлинами.

Усобица между Ягайло и Андреем Ольгердовичами почти не сказалась на жизни Литовского княжества. Но через некоторое время началась куда более сильная усобица между Ягайло и Витовтом.

В Полоцке после изгнания Андрея Ольгердовича княжил сын Кейстута Андрей по прозвищу Горбатый. Ягайлу и его фавориту Войдылло хотелось отнять эту волость у Кейстutowича и отдать ее родному брату Ягайло Скиригайло (1352–1394).

Скиригайло (Скиргайло) был сыном Марии Александровны Тверской. Но, как и отец, он наряду с православными обрядами не брезговал и языческими. В литовской глубинке это лишь прибавляло ему популярности. Но в Полоцке выполнение языческих обрядов кончилось для Скиригайло печально. Разъяренная толпа горожан привязала князя задом наперед к старой кляче и под свист и улюлюканье погнала ее к

городским воротам. В Придвинье еще и сейчас жива поговорка: «Поехал, как Скиригайло с Полоцка». Наука пошла Скиригайло на пользу: вернувшись через несколько лет в Полоцк как великокняжеский наместник, он крестился, принял православное имя Иван и вел себя как примерный христианин.

Великий князь Литовский Ягайло выслал в Псков против Андрея Кейстutowича войско, к литовцам присоединились и немцы. Но полочане объявили, что скорее сдадутся немцам, чем Скиригайло, и отразили все приступы литовцев.

Князь Кейстут, узнав о полоцких событиях, пожаловался своему сыну Витовту на Ягайло: «За Войдылла отдал мою племянницу, уговорился с немцами на мое лихо, а вот теперь с кем мы воевали? С немцами? А он с ними заодно добывает Полоцка». Витовт ответил, что не верит он в такое коварство Ягайло, и выехал в Дрогичин, а оттуда – в Гродно. Но старик Кейстут не разделял сомнений сына и решил для собственной безопасности опередить Ягайло. Он неожиданно явился с большой ратью под стенами Вильно, занял город, взял в плен Ягайло со всем семейством, захватил все грамоты, в том числе и последний договор Ягайло с немцами. Ягайло был вынужден обещать никогда не воевать против Кейстута, и тогда его отпустили в Витебск.

На некоторое время Великим князем Литовским стал Кейстут, но вскоре Ягайло удалось обманом захватить Кейстута и Витовта, и через пять дней старый дядя был удушен в тюрьме. А тяжело больного Витовта и его жену Анну Ягайло вывез в Крево, где держал под крепкой стражей. Витовт вскоре поправился, но посчитал нужным еще попритворяться хворым. Жена ежедневно навещала его вместе с двумя служанками. Наконец она получила от Ягайло разрешение только для одной себя ехать в Моравию. В ночь перед отъездом Анна пришла проститься с мужем и задержалась у него дольше обычного: в это время Витовт переодевался в платье одной из служанок, Елены, которая осталась вместо него. Витовт же спокойно вышел с женой из тюрьмы, нашел лошадей, высланных из Волковыска от тамошнего тиуна, и вскоре был уже в Слониме, оттуда поехал в Берестье и на пятый день был уже в Полоцке. Елена, не вставая с постели, так хорошо изображала больного князя, что только на третий день Ягайло доложили о его бегстве, и разгневанный князь велел убить служанку.

Смуты в Литве дали возможность Дмитрию Ивановичу заняться ордынскими землями. В 1380 г. ему удалось разбить войско хана Мамай. Замечу, что в этой битве отличились два сына Ольгерда – Андрей и Дмитрий.

В «Истории России с древнейших времен» С.М. Соловьева говорится, что рязанский князь Олег «спешил войти в переговоры с Мамаем и с Ягайлом литовским. Говорят, будто Олег и Ягайло рассуждали так: „Как скоро князь Димитрий услышит о нашествии Мамаю и о нашем союзе с ним, то убежит из Москвы в дальние места или в Великий Новгород или на Двину, а мы сядем в Москве и во Владимире; и когда хан придет, то мы его встретим с большими дарами и упросим, чтоб возвратился домой, а сами, с его согласия, разделим Московское княжество на две части – одну к Вильне, а другую к Рязани, и возьмем на них ярлыки и для потомства нашего“». ^[72] Ягайло де собрал большое войско и двинулся на помощь хану, но опоздал: Дмитрий Донской уже разбил Мамаю. Приблизительно так писали и в советских школьных и вузовских учебниках по истории.

На самом же деле у советских историков не было достоверных данных о походе и намерениях Ягайло. Литовский князь действительно шел к Дону, но не через находившуюся под его властью Северскую землю, а через владения союзников Дмитрия Донского – черниговских князей. Естественно, что через враждебные земли литовское войско шло с боями.

Видимо, Ягайло и не торопился соединиться с Мамаем, ему было гораздо важнее использовать сложившуюся ситуацию для укрепления своего влияния в землях бассейна верхней Оки. В «Летописной повести» говорится, что литовцы «не поспеша... на срок за малым, за едино днище или менши», то есть находились на расстоянии одного дневного перехода от места сражения. А по «Сказанию о Мамаевом побоище» выходит, что Ягайло дошел до Одоева, находившегося в 140 км от Дона, и, узнав о выступлении войска Дмитрия Донского к Дону, «пребыть ту оттоле неподвижным».

Однако если говорить честно, то сейчас никто не знает, где конкретно произошла знаменитая Куликовская битва. Согласно «Полному географическому описанию нашего Отечества», изданному в 1902 г. под редакцией П.П. Семенова-Тянь-Шанского, Куликово поле представляло собой степную «поляну», протянувшуюся на 100 км по всему югу нынешней Тульской области с запада на восток (от верховья реки Снежедь до Дона) и на 20–25 км с севера на юг (от верховьев Упы до верховьев Зуши).

Внимательный читатель спросит, а как же быть с памятником русским воинам, стоящим на Куликовом поле? Все очень просто. В июне 1820 г. тульский губернатор В.Ф. Васильев поставил вопрос о сооружении памятника, «знаменующего то место, на котором освобождена и прославлена Россия в 1380 году». А дальше все, как у нас положено: велело

начальство, и нашли место битвы. Вон, был социальный заказ, и кости Николая II нашли, было бы указание.

На мой взгляд, нельзя полностью исключить желание Ягайло соединиться с Мамаем для разгрома московской рати. Однако вероятность этого крайне мала. Видимо, Ягайло просто решил подстраховаться. А вдруг Дмитрий заплатит большую дань Мамаю, помирится с ханом, а затем хан один, а то и вместе с Дмитрием отправится грабить Литовскую землю. Так много раз бывало у золотоордынцев и будет у крымских татар.

Этот вариант еще более вероятен, если вспомнить, что поход Мамаю в 1380 г. был не карательным, как, например, «Дюденева рать» или «Неврюева рать», а чисто грабительским. В Орде была большая усобица, и один из претендентов на ханский престол^[73] и, надо сказать, незаконный, поскольку Мамай не был Чингизидом, решил подкормить свою рать. Татарская орда должна была сходить «за зипунами» в Москву, а затем вновь участвовать в борьбе за золотоордынский престол.

Особый интерес представляет короткое, но эффектное княжение литовца Остея в... Москве. Дело было так. После поражения на Куликовом поле Мамай был убит в Крыму, а ханом Золотой Орды стал его давний соперник Тохтамыш.

Узнав о захвате власти в Орде ханом Тохтамышем, Дмитрий Донской отправил послов с большой данью. Никаких разговоров о том, что можно дань не платить, в Москве не велось. Таким образом, если бы Мамай победил Тохтамыша, то ему не нужно было бы идти на Куликово поле, Дмитрий Иванович сам бы привез дань на блюде с голубой каемочкой.

Но после Куликова поля Тохтамыш понял, что у русских произошел определенный психологический перелом. Исправить ситуацию мог только поход-реванш. Хан знал, что русские купцы, торговавшие с татарами, плавающими по Волге, часто являлись шпионами русских князей. Поэтому в 1382 г. Тохтамыш велел внезапно схватить всех русских купцов на Средней Волге, а товары их разграбить. Замечу, случай беспрецедентный, обычно золотоордынские ханы покровительствовали купцам, особенно на Волге.

Все же в Орде нашлись доброхоты, предупредившие Дмитрия Донского о походе Тохтамыша на Русь. Таким образом, Дмитрий имел достаточно времени для сбора войска, тем не менее великий князь поехал «собирать полки». Обратим внимание на его маршрут: Переяславль – Ростов – Кострома. По мнению одних историков, Дмитрий остановился в Костроме, другие же считают, что двинулся на север, к Вологде.

Пardon, но это не тактический маневр, это бегство. Если бы князь

думал о сопротивлении татарам, он мог либо отсидеться в Москве, в недавно построенном каменном кремле, либо стать с войском в 30—100 верстах от Москвы, к примеру, в Можайске, Волоколамске, Дмитрове и др. Если бы Тохтамыш осадил Москву, Дмитрий мог бы не допустить движения отдельных татарских отрядов на запад и на север, а главное, угрожал бы осаждающим, в любой момент мог прийти на помощь Москве, например, при штурме ее татарами. Зачем собирать войско в Костроме или в Вологде? Да пока эти рати дойдут до Москвы, татары десять раз успеют уйти в степи. При этом в летописях нет сведений о том, что хоть кого-то там собрал великий князь.

Итак, великий князь бежал, в Москве началась паника. Не хочу фантазировать и процитирую «Повесть о нашествии Тохтамыша», созданную на базе летописных сводов 1408 г.

«Город же все так же охвачен был смятением и мятежом, подобно морю, волнующемуся в бурю великую, и ниоткуда утешения не получал, но еще больших и сильнейших бед ожидал. И вот, когда все так происходило, приехал в город некий князь литовский, по имени Остей, внук Ольгерда. И тот ободрил людей, и мятеж в городе усмирил, и затворился с ними в осажденном граде со множеством народа, с теми горожанами, которые остались, и с беженца-

ми, собравшимися кто из волостей, кто из других городов и земель».
[74] Передовые татарские отряды подошли к Москве 23 августа 1382 г. Согласно «Повести...»: «И подойдя к городу в небольшом числе, начали, крича, выпрашивать, говорить: „Есть ли здесь князь Дмитрий?“ Они же из города с заборол отвечали: „Нет“. Тогда татары, отступив немного, поехали вокруг города, разглядывая и рассматривая подступы, и рвы, и ворота, и заборол, и стрельницы. И потом остановились, взирая на город.

А тем временем внутри города добрые люди молились Богу день и ночь, предаваясь посту и молитве, ожидая смерти, готовились с покаянием, с причастием и слезами. Некие же дурные люди начали ходить по дворам, вынося из погребов меды хозяйские и сосуды серебряные и стеклянные, дорогие, и напивались допьяна и, шатаясь, бахвалились, говоря: «Не страшимся прихода поганых татар, в таком крепком граде находясь, стены его каменные и ворота железные. Не смогут ведь они долго стоять под городом нашим, двойным страхом одержимые: из города – воинов, а извне – соединившихся князей наших нападения убоятся». И потом влезали на городские стены, бродили пьяные, насмехаясь над татарами, бесстыдным образом оскорбляли их, и слова разные выкрикивали, исполненные поношения и хулы, обращаясь к ним, – думая, что это и есть вся сила

татарская. Татары же, стоя напротив стены, обнаженными саблями махали, как бы рубили, делая знаки издалека.

И в тот же день к вечеру те полки от города отошли, а наутро сам царь подступил к городу со всеми силами и со всеми полками своими. Горожане же, со стен городских увидев силы великие, немало уstraшились. И так татары подошли к городским стенам. Горожане же пустили в них по стреле, и они тоже стали стрелять, и летели стрелы их в город, словно дождь из бесчисленных туч, не давая взглянуть. И многие из стоявших на стене и на забороллах, уязвленные стрелами, падали, ибо большой урон приносили татарские стрелы, чем стрелы горожан, ведь были у татар стрелки очень искусные. Одни из них стоя стреляли, а другие были обучены стрелять на бегу, иные с коня на полном скаку, и вправо, и влево, а также вперед и назад быстро и без промаха стреляли. А некоторые из них, изготовив лестницы и приставляя их, влезали на стены. Горожане же воду в котлах кипятили, и лили кипятком на них, и тем сдерживали их. Отходили они и снова приступали. И так в течение трех дней бились между собой до изнеможения. Когда татары приступали к граду, вплотную подходя к стенам городским, тогда горожане, охраняющие город, сопротивлялись им, обороняясь: одни стреляли стрелами с заборол, другие камнями метали в них, иные же били по ним из тюфяков, а другие стреляли, натянув самострелы, и били из пороков. Были же такие, которые и из самих пушек стреляли. Среди горожан был некий москвич, суконник по имени Адам, с ворот Фроловских приметивший и облюбовавший одного татарина, знатного и известного, который был сыном некоего князя ордынского; натянул он самострел и, угадав момент, пустил стрелу, которой и пронзил его сердце жестокое, и скорую смерть ему принес. Это было большим горем для всех татар, так что даже сам царь тужил о случившемся. Так все было, и простоял царь под городом три дня, а на четвертый день обманул князя Остея лживыми речами и лживыми словами о мире, и выманил его из города, и убил его перед городскими воротами, а ратям своим приказал окружить город со всех сторон.

Как же обманули Остея и всех горожан, находившихся в осаде? После того как простоял царь три дня, на четвертый, на утро, в полуденный час, по повелению царя приехали знатные татары, великие князья ордынские и вельможи его, с ними же и два князя суздальских, Василий и Семен, сыновья князя Дмитрия Суздальского. И, подойдя к городу и приблизившись с осторожностью к городским стенам, обратились они к народу, бывшему в городе: «Царь вам, своим людям, хочет оказать милость, потому что неповинны вы и не заслужили смерти, ибо не на вас он войной

пришел, но на Дмитрия, ратуя, ополчился. Вы же достойны помилования. Ничего иного от вас царь не требует, только выйдите к нему навстречу с почестями и дарами вместе со своим князем, так как хочет он увидеть город этот, и в него войти и в нем побывать, а вам дарует мир и любовь свою, а вы ему ворота городские отворите». Так же и князья Нижнего Новгорода говорили: «Верьте нам, мы, ваши князья христианские, вам в том клянемся». Люди городские, поверив словам их, согласились и тем дали себя обмануть, ибо ослепило их зло татарское и помрачило разум их коварство бесерменское; позабыли и не вспомнили сказавшего: «Не всякому духу веруйте». И отворили ворота городские, и вышли со своим князем и с дарами многими к царю, также и архимандриты, игумены и попы с крестами, и за ними бояре и лучшие мужи, и потом народ и черные люди.

И тотчас начали татары сечь их всех подряд. Первым из них был убит князь Остей перед городом, а потом начали сечь попов, и игуменов, хотя и были они в ризах, и с крестами, и черных людей...

Потом татары, продолжая сечь людей, вступили в город, а иные по лестницам взобрались на стены, и никто не сопротивлялся им на зоборолах, ибо не было защитников на стенах, и не было ни избавляющих, ни спасающих. И была внутри города сеча великая и вне его также. И до тех пор секли, пока руки и плечи их не ослабли и не обессилели они, сабли их уже не рубили – лезвия их притупились. Люди христианские, находившиеся тогда в городе, метались по улицам туда и сюда, бегая толпами, вопя, и крича, и в грудь себя бия. Негде спасения обрести, и негде от смерти избавиться, и негде от острия меча укрыться! Лишились всего и князь и воевода, и все войско их истребили, и оружия у них не осталось! Некоторые в церквах соборных каменных укрылись, но и там не спаслись, так как безбожные проломили двери церковные и людей мечами иссекли».

[75]

После взятия Москвы Тохтамыш двинулся к Твери. Но Великий князь Тверской Михаил отправил к хану послов со «многими дарами», и Тохтамыш «разослал силы свои татарские по земле Русской завоевывать княжение великое, одни, направившиеся к Владимиру, многих людей посекали и в полон повели, а иные полки ходили к Звенигороду и к Юрьеву, а иные к Волоку и к Можайску, а другие – к Дмитрову, и иную рать послал царь на город Переяславль. И они его взяли и огнем пожгли, а переяславцы выбежали из города; город покинув, на озере спаслись в судах. Татары же многие города захватили, и волости повоевали, и села пожгли, и монастыри пограбили, а христиан посекали, иных же в полон увели, и много зла Руси

принесли».^[76]

По версии «Повести...», князь Владимир Андреевич Серпуховской разбил какой-то малый татарский отряд близи Волока-Ламского. Это дало повод московскому летописцу утверждать, что де Тохтамыш испугался и бежал. На самом деле тохтамышево войско спокойно собралось и, обремененное богатой добычей, отправилось к Оке. По дороге татары взяли Коломну, принадлежавшую Москве.

На обратном пути татары основательно пограбили Рязанское княжество. «Царь же переправился через Оку, и захватил землю Рязанскую, и огнем пожег, и людей посек, а иные разбежались, и бесчисленное множество повел в Орду полона. Князь же Олег Рязанский, то увидев, обратился в бегство».^[77]

Лишь тогда приехали Дмитрий Донской и Владимир Андреевич в Москву. «И повелели они тела мертвых хоронить, и давали за сорок мертвецов по полтине, а за восемьдесят по рублю. И сосчитали, что всего дано было на погребение мертвых триста рублей».^[78]

Все русские и советские историки при изложении событий 1382 г. брали за основу «Повесть о нашествии Тохтамыша», ну и прибавляли понемногу отсебятины.

А вот казанский профессор З.З. Мифтахов, опираясь на болгарские летописи, изложил совсем другую историю. С некоторым упрощением, дело было так. Тохтамыш подошел к Москве, но затем отошел, а осаждать город отправил болгарский отряд под началом князя Буртаса, сына погибшего на Куликовом поле Сардара Гарафа. (Мифтахов пишет о трех тысячах болгар при трех пушках с пушечных дел мастером Раилем.)

Князь Остей видел уход основной татарской рати и решил пойти на вылазку, чтобы уничтожить болгар. Из двух московских ворот вылетела тысяча литовских всадников^[79] и четыре тысячи русских.

В ходе битвы князь Остей погиб, а литовцы и русские начали беспорядочный отход. В воротах началась давка. «Тем временем мастер „Раиль“, подтащив пушки прямо ко рву, несколько раз выстрелил из них по бегущим в Москву обезумевшим толпам и по башне над воротами» [„Свод болгарских летописей“. С. 220]. После непродолжительного боя Буртас захватил ворота».^[80]

Бой за ворота шел с переменным успехом. И в этот момент к стенам Москвы подошли основные силы Тохтамыша. Татары ворвались в город и учинили резню.

Я предоставляю читателю самому выбрать наиболее достоверную

версию событий 23–26 августа 1382 г. Думаю, большинство по укоренившейся традиции предпочтет версию «Повести...». Но я, грешный, более склонен верить болгарской летописи. Дело в том, что и русские, и литовские князья прекрасно знали обычаи татар. От них часто удавалось откупиться, но при этом ворота городов им никогда не открывали.

После разгрома Москвы Тохтамышем в 1383 г. в Орду за ярлыком на великое княжение владимирское отправились конкуренты: тверской князь Михаил Александрович с сыном Александром и Василий, сын Дмитрия Донского. Хан быстро понял, что у тверичей с бабками большая напряженка и 6 декабря 1383 г. послал Михаила Александровича в Тверь «несолоно хлебавши». А за Василия Дмитриевича (будущий Великий князь Московский Василий I, 1371–1425) Тохтамыш вначале потребовал восемь тысяч золотых монет. То ли денег у Донского не было, то ли не особенно жаловал он несильного умом первенца, но Москва денег не дала. Зато в конце 1385 г. молодому князю удалось сбежать.

Как ни принижали большевики роль личности в истории, а ведь именно отдельные личности на столетия определяли развитие одной страны, а то и мира в целом! Одна меткая татарская стрела, выпущенная в спину княжича Василия Дмитриевича, в корне бы изменила русскую историю. Мы не получили бы двух слабых и тугоумных Василиев (I и II), управляемых московскими боярами, не было бы тридцатилетней кровавой гражданской войны на Руси. Московским князем стал бы Юрий Дмитриевич – храбрый воин, мудрый стратег и политик. С ордынской зависимостью было бы покончено в самом начале XV века. Но увы, увы...

А пока целый и невредимый Василий Дмитриевич драпает из Орды, причем, обманывая погоню, устремляется на юг, а оттуда, через Литву, пробирается в Москву. А вот в Литве он оказывается в руках Витовта, который заставил княжича принять ряд обязательств перед Литвой, в том числе жениться на дочери Витовта.

Сам же Витовт в начале 80-х гг. XIV века не на жизнь, а на смерть воюет со своим двоюродным братом Ягайло за власть над Литвой. При этом Витовт, вступив в союз со злейшим врагом Литвы Тевтонским орденом, принимает католичество. Но в 1384–1385 гг. двоюродные братья помирились и вместе начали бить немцев, а Витовт поменял католицизм на православие.

Смоленские князья попытались воспользоваться смутой в Литве и отбить город Мстиславль, который принадлежал смоленским князьям, но затем был захвачен литовцами. Чтобы избежать обвинений в предвзятости, процитирую С.М. Соловьева: «В 1386 году смоленский князь Святослав

Иванович с сыновьями Глебом и Юрием и племянником Иваном Васильевичем собрал большое войско и пошел к Мстиславлю, который прежде принадлежал смоленским князьям и потом был у них отнят литовцами. Идучи Литовскою землею, смольняне воевали ее, захватывая жителей, мучили их нещадно различными казнями, мужчин, женщин и детей: иных, заперши в избах, сжигали, младенцев на кол сажали. Жители Мстиславля затворились в городе с наместником своим, князем Коригайлом Ольгердовичем;^[81] десять дней стояли смольняне под Мстиславлем и ничего не могли сделать ему, как в одиннадцатый день поутру показался в поле стяг литовский: то шел великий князь Скиригайло Ольгердович; немного подальше выступил другой полк – вел его князь Димитрий-Корибут Ольгердович, за полком Корибутовым шел полк Симеона Лугвения Ольгердовича, наконец, показалась и рать Витовтова. Литовские полки быстро приближались; смольняне смутились, увидевши их, начали скорее одеваться в брони, выступили на бой и сошлись с литовцами на реке Вехре под Мстиславлем, жители которого смотрели на битву, стоя на городских забралах. Битва была продолжительна, наконец, Ольгердовичи одолели; сам князь Святослав Иванович был убит одним поляком в дубраве; племянник его Иван был также убит, а двое сыновей попались в плен. Литовские князья вслед за бегущими пошли к Смоленску, взяли с него откуп и посадили князем из своей руки Юрия Святославича, а брата его Глеба повели в Литовскую землю».^[82]

А теперь мы перенесемся в Польшу, где династический кризис инициировал ряд судьбоносных событий, круто изменивших историю Польши и Литвы. В 1370 г. умер польский король Казимир III. Он был бездетен, и на нем на польском престоле пресеклась династия Пястов, правившая с X века. Правда, в Моравии вассальные князья – потомки Пястов – правили до 1526 г., а в Силезии – до 1675 г. После этого Пясты все вымерли. В XVII–XVIII веках же Пястами назывались польские короли или претенденты на престол, которые были просто этническими поляками, а вовсе не прямыми потомками древних Пястов.

Казимир III назначил наследником сына своей дочери Людовика, короля Венгрии, который по отцу принадлежал к Анжуйской династии. Отсюда и его прозвища – Людовик Венгерский и Людовик Анжуйский.

Итак, в 1370 г. Людовик стал одновременно и польским, и венгерским королем. Все двенадцать лет своего правления Людовик постоянно жил в Венгрии и мало уделял внимания Польше.

В 1374 г. Людовик издал так называемый Кошицкий привилей,

освобождавший панов и шляхту от всех государственных повинностей за исключением военной повинности в пределах страны и небольшой денежной платы. Он обратил бенефиции польского дворянства в наследственные владения. Кроме того, в этом привилее король обязался назначать на должности в областях только представителей местной знати.

Кошицкий привилей представлял собой первый привилей, выданный польскому дворянству – панам и шляхте – как сословию. До этого времени существовали лишь привилегии типа иммунитетов, выдававшиеся отдельным лицам. Время правления Людовика Венгерского отличалось крайним своеволием шляхты, грабежами, разбоями и другими проявлениями феодальной анархии.

Кошицкий привилей свел уплату податей шляхтой и панами к чистой формальности, тем самым значительно уменьшив постоянные доходы короля и поставив финансы государства в зависимость от панов и шляхты. Для разрешения новых податей шляхта стала собираться на местные съезды – сеймики, которые скоро стали органами власти шляхты на местах.

В 1382 г. умер Людовик Венгерский. Он не имел сыновей и поэтому назначил наследником польского престола мужа своей старшей дочери Марии Сигизмунда – маркграфа Бранденбургского, сына чешского короля и немецкого императора Карла IV. Но польские вельможи решили присягнуть второй дочери Людовика, одиннадцатилетней Ядвиге, и самим выбрать ей мужа.

Но самое забавное, что Ядвига была уже... замужем. Ее обвенчали в 7 лет с десятилетним австрийским герцогом Вильгельмом. Но сразу после церемонии детишкам объявили, чтобы они шли по домам, а выполнять супружеские обязанности Ядвига должна была начать с 12 лет.

Ряд польских магнатов нашли Ядвиге нового мужа – мазовецкого князя Семовита, прямого потомка Пястов. Немедленно началась кровавая усобица между сторонниками Сигизмунда и Семовита.

В ходе войны оба претендента успели разонравиться польским магнатам, и было решено сделать Ядвигу королевой и подыскать ей еще одного жениха. В 1385 г. к Ядвиге прибыли литовские послы и предложили ей в мужья князя Ягайло. Послы обещали, что жених и все его родственники, вельможи и народ примут католичество, все польские пленные, захваченные литовцами в предыдущих войнах, будут отпущены без выкупа, Ягайло поможет вернуть Польше все потерянные земли, привезет в Польшу некоторые отцовские и дедовы сокровища, заплатит некую сумму Вильгельму австрийскому за отказ от жены.

Однако Ядвига и слышать не хотела о сыне Ольгерда. По ее зову в

Краков приезжает герцог Вильгельм. Он тайно проникает в замок Вавель, где жила Ядвига. Супруги на радостях устраивают пир. Но когда Ядвига уходит в спальню, на неудачливого мужа нападают свирепые придворные паны, и Вильгельму приходится спешно ретироваться через окно по веревочной лестнице. Полуодетая Ядвига выскакивает во двор, но дубовые ворота заперты. Придворные не решаются дотронуться до своей королевы, но и не открывают ворота. Тринадцатилетняя жена-девственница хватает тяжелый топор и рубит дубовые ворота. Ударив несколько раз, королева убедилась в напрасности своих усилий, бросила топор и горько заплакала. Тогда один из вельмож упал перед ней на колени и стал умолять пожертвовать своим личным счастьем для блага отечества.

Плачущая девочка пошла в церковь, где ксендзы начали петь ей ту же песню, что и придворные. Ради такого случая ксендзы объявили ее брак фиктивным, то есть не имеющим законной силы.

А между тем Ягайло с большой свитой приближался к польской столице. Вельможи вновь стали уговаривать Ядвигу не отказываться от брака с литовским князем и заслужить славу просветительницы его народа. В конце концов уговоры, а также появление самого Ягайло, который оказался не уродливым варваром, а мужчиной вполне приятной наружности, оказали нужное воздействие на королеву.

14 августа 1385 г. в местечке Крево был подписан акт об унии (объединении Литвы и Польши). С литовской стороны его подписали Великий князь Литовский Ягайло и его братья Скиригайло, Корибут, Витовт и Лугвен. Они обязались принять католичество и крестить все литовское население, обратить литовскую казну на нужды Польского королевства, помочь Польше вернуть земли, когда-либо и кем-либо у нее захваченные, и, главное, навсегда присоединить к Польскому королевству Великое княжество Литовское. Замечу, что польские паны сами толком не знали, с кем они объединяются. В частности, в старопольском языке литовец назывался *rusin* (русин), то есть так же, как ляхи в X–XIII веках называли русских.

Весной 1386 г. совершилось бракосочетание Ягайло с Ядвигой, имевшее огромное значение для судеб государств Восточной Европы. Согласно условиям унии, Ягайло отрекся от православия, а имя Ягайло переименовал на имя Владислав. Ему последовали родные братья Ольгердовичи, в который раз сменил веру и двоюродный братец Витовт, приехавший на свадьбу. Так Ядвига вышла замуж за Ягайло, не разведясь с Вильгельмом, что, впрочем, не помешало в 1399 г. папе Иоанну Павлу II объявить королеву Ядвигу блаженной.

Одним из первых деяний нового короля стала инкорпорация, то есть включение литовских, малороссийских и белорусских земель в состав Польского королевства. В связи с этим Ягайло потребовал от удельных князей присяжных грамот на верность «королю, королеве и короне польской», что по нормам феодального права означало переход этих князей вместе с подвластными им землями в подданство к польскому королю.

В 1386 г. вместе с князьями литовских и белорусских земель присяжные грамоты подписали киевский князь Владимир, волынский князь Федор Данилович и новгород-северский князь Дмитрий-Корибут. Примечательно, что новгород-северские князья и бояре, в свою очередь, поручились за своего князя, обещая не поддерживать его в случае, если он вознамерится выйти из-под власти Польского королевства. Федор Данилович и другие волынские князья в 1388 г. поручились за волынского князя Олехна.

Обратить население Великого княжества Литовского в католичество оказалось нелегко. Католиков там к 1385 г. почти не было. Православие в Литве распространялось почти 150 лет, но очень медленно, поскольку, как писал С.М. Соловьев, оно «распространялось само собой без особенного покровительства и пособий со стороны власти». Так, к примеру, в столице Вильно около половины жителей исповедовали православие. В сельских же местностях Литвы население было почти на сто процентов язычниками. Соответственно население Малой и Белой Руси было на сто процентов православным.

Католические миссионеры рьяно взялись за обращение в свою веру население Литвы. Чтобы склонить феодалов к переходу в католичество, король 20 февраля 1387 г. дал привилей литовским боярам, принявшим католичество, «на права и вольности», которыми пользовалась польская шляхта. Этот привилей даровал литовским боярам-католикам право неотъемлемого владения и распоряжения своими наследственными имениями. Крестьяне этих имений освобождались от большинства государственных повинностей, кроме строительства и ремонта замков. Почти одновременно был издан другой привилей, который разрешал всем литовцам принять католичество, запрещал браки между литовцами-католиками и православными, а православных, состоявших в браке с католиками, под страхом телесного наказания принуждал к принятию католичества. Имения католической церкви освобождались от всех государственных повинностей, а само духовенство – от юрисдикции светского суда.

Тем не менее большинство православных и язычников в Литве

сохранило свою веру. Православным остался даже родной брат Ягайло Скиригайло.

При Ягайло в Литве появились первые «православные мученики», ставшие жертвами католического фанатизма. Видимо, и православные периодически давали отпор. Так, известно, что Андрей Ольгердович, княживший в Пскове, двинулся в Литву и вторично овладел Полоцком. При этом Андрей заявил, что Ягайло, приняв католичество, не имеет более права владеть православными областями. Андрей объединился с немецкими рыцарями, которые опустошили литовские владения больше чем на сто верст. Война эта кончилась тем, что другой брат Ягайло, Скиригайло, взял Полоцк, захватил в плен Андрея, а его сына убил.

Следствием унии стала и ликвидация удельных княжеств на русских землях, находившихся в вассальной зависимости от Великого князя Московского.

В 1387 г. у удельного князя Острожского Федора Даниловича по приказу Ягайло изымается Луцкая земля и передается во владение «до королевской воли» (то есть во временное владение) Витовту. Старостой же Луцка, то есть соправителем Витовта, Ягайло назначает поляка – сандомирского каштеляна^[83] Креслава из Курозвенков. В 1390 г. князь Федор Любартович по воле короля теряет последнюю волость своего Волынского княжества – Владимир-Волынский с окрестностями. Так волынские земли перешли в непосредственную зависимость от Польского королевства. Весной 1393 г., потерпев поражение в сражении под Докудовом с войском Витовта и Скиригайло, лишается своего удела новгород-северский князь Дмитрий-Корибут Ольгердович. Наместником же в Новгород-Северское княжество король назначает утратившего свой волынский удел князя Федора Любартовича.

Весной 1393 г. Витовт во главе польского королевского войска вторгся в Подолию и занял замки Брацлава, Каменца, Смотрича, Скалы и Чернева. Подольский князь Федор Кориатович бежал в Закарпатье, а Витовт получил Брацлавщину от короля в вассальное владение. Западная Подолия с центром в Каменце стала еще более зависима от Польши, издавна претендовавшей на эти земли. В 1395 г. грамоту короля Ягайло на владение Западной Подолией «на полном княжеском праве» получил краковский воевода Спытко Мельштинский.

Киевский удельный князь Владимир Ольгердович по настоянию Ягайло выдал ему одну за другой три присяжные грамоты (в 1386, 1387 и 1388 гг.) с обещанием верности ему и польской короне. Обратим внимание, как сразу же ляхи положили глаз на Киев! В конце 80-х – начале 90-х гг.

XIV века возникла очередная усобица между Ягайло и Витовтом, но в 1392 г. они заключили мир. По нему князь Скиригайло Ольгердович потерял литовские владения, а взамен ему дали Киевскую землю. Однако окончательно выбить князя Владимира Ольгердовича из Киева удалось лишь в 1395 г. Взамен Витовт дал ему маленький Копыльский удел. Владимир «бегал в Москву», ища помощи у московского князя, но безуспешно, и дожил свой век в Копыле. Но захоронен он был, однако, в Печерском монастыре.

Скиригайло не просидел в Киеве и года и умер 10 января 1397 г., не оставив потомства. Предположительно он был отравлен. Киевская земля отошла к Витовту. Но он не отдал ее, по обычаю своему, близкому родственнику, а назначил в Киев наместника Ивана, сына Ольгимунта, князька Гольшанского.

Тут мы сделаем маленькое отступление, чтобы показать планы Витовта в отношении Северо-Западной Руси. В 1398 г. Витовт заключил договор с Тевтонским орденом, пообещав помощь в завоевании Пскова. За это орден обязался помогать Витовту в завоевании Великого Новгорода. Но поход этот был отложен, поскольку Витовт посчитал, что вмешательство в ордынские дела сулит ему гораздо большие выгоды.

Хан Тохтамыш, изгнав своего конкурента Тамерлана на юг, утвердился было на золотоордынском престоле, но вскоре сам был изгнан ханом Темир-Кутлуем. Тогда Тохтамыш вступил в союз с Витовтом, который обещал ему возвратить престол с тем, чтобы хан потом помог ему овладеть Москвой.

В 1399 г. Витовт собрал огромное войско: кроме руси, литвы, жмуди и тохтамышевых татар, были полки волошские, польские и немецкие (находившийся в то время в мире с Витовтом великий магистр Тевтонского ордена прислал ему большой отряд). Летописец одних князей только насчитал в этом войске до пятидесяти человек.

Перед началом похода к Витовту прибыли послы от Темир-Кутлуя с посланием хана: «Выдай мне беглого Тохтамышша, он мой враг, не могу оставаться в покое, зная, что он жив и у тебя живет, потому что изменчива жизнь наша. Нынче хан, а завтра беглец, нынче богат, завтра нищий, нынче много друзей, а завтра все враги. Я боюсь и своих, не только что чужих, а хан Тохтамыш чужой мне и враг мой, да еще злой враг. Так выдай мне его, а что ни есть около его, то все тебе». Витовт велел ответить на это: «Хана Тохтамышша не выдам, а с ханом Темир-Кутлуем хочу видеться сам».

Свидание состоялось на берегу реки Ворсклы. Войска Витовта первыми атаковали татар. Замечу, что Витовт в бою широко использовал

пушки и пищали. Но огнестрельное оружие было татарам не в новинку и не решило дела. Свежие татарские полки атаковали с флангов войско Витовта и устроили ему небольшие «канны».

Поражение было страшным, Витовт бежал с несколькими дружинниками, а татары гнались за ним пятьсот верст до самого Киева. Встав под стенами города, Темир-Кутлуй распустил свое войско «воевать Литовскую землю, и ходила татарская рать до самого Луцка, опустошив все на своем пути». Киев откупился тремя тысячами рублей, причем Печерский монастырь дал от себя тридцать рублей, и хан ушел в свои степи, оставив Литовскую землю «в плаче и скудости».

После Ворсклы Витовт притих и в 1400 г. заключил мир с Великим Новгородом «по старинке». А в это время смоляне, которых тяготило литовское господство, вошли в сговор со своим князем Юрием Святославичем, жившим у тестя князя Олега Ивановича в Рязани. Юрий пришел к тестю и стал просить: «Пришли ко мне послы из Смоленска от доброхотов моих, говорят, что многие хотят меня видеть на отчине и дедине моей. Сотвори, господин, христову любовь, помоги, посади меня на отчине дедине моей, на великом княжении Смоленском».

И вот в 1401 г. князь Олег Рязанский вместе с Юрием и князьями пронским, муромским и козельским отправились к Смоленску. Подойдя к городу, Олег велел передать его жителям: «Если не отворите города и не примете господина вашего, князя Юрия, то буду стоять здесь долго и предам вас мечу и огню. Выбирайте между животом и смертию». Смоленск сдался без боя. Тем не менее Юрий Святославич начал свое правление с того, что убил наместника Витовта брянского князя Романа Михайловича вместе с его боярами, а потом перебил и всех смоленских бояр, преданных Витовту. Олег же с войском пошел дальше, изрядно пограбил Литву и с большой добычей вернулся в Рязань.

В 1404 г. Витовту удалось окончательно присоединить Смоленские земли к Великому княжеству Литовскому.

Ободренный захватом Смоленска Витовт в 1405 г. двинулся на Новгород, но это была лишь военная хитрость. Вместо Новгорода он обрушился на Псковскую землю. Псковичи были застигнуты врасплох и не успели собрать рать. Как писал С.М. Соловьев: «Витовт взял город Коложе и вывел 11 000 пленных, мужчин, женщин и детей, не считая уже убитых. Потом стоял два дня под другим городом, Вороначем,^[84] где литовцы накидали две лодки мертвых детей: такой гадости, говорит летописец, не бывало с тех пор, как Псков стоял».^[85]

Псковичи послали в Новгород за помощью, и новгородцы прислали полки с тремя воеводами. Но к этому времени Витовт уже покинул русскую землю. Псковичи решили отомстить ему походом на Литву и звали с собой новгородцев: «Пойдемте, господа, с нами на Литву, мстить за кровь христианскую». Новгородские воеводы не захотели связываться с литовским князем и отвечали псковичам: «Нас владыка не благословил идти на Литву, и Новгород нам не указал, а идем с вами на немцев». Тогда псковичи отправили новгородцев домой и выступили в поход одни. Они заняли и разграбили Ржев, в Великих Луках взяли Коложский стяг, бывший у литовцев в плену, и с богатой добычей возвратились в Псков.

В 1406 г. псковское войско вошло в пределы Литвы и осадило Полоцк. Взять город с ходу не удалось, и русские, простояв три дня и, естественно, ограбив окрестности, удалились.

Судя по всему, у Витовта с Василием I по поводу Смоленска был какой-то уговор, но зятка захват тестем Пскова и Новгорода явно не устраивал. Василий сложил с себя крестное целование Витовту и послал полки на Литву. Московский князь заставил «кнутом и пряником»^[86] тверского князя Ивана Михайловича (ок. 1357–1425) отправить и свою рать на соединение с москвичами. Правда, сам князь Иван не поехал, а послал своих братьев Василия и Федора, своего сына Ивана и Ивана Еремеевича Дорогобужского. Но тверичей Василию показалось мало, и он позвал с собой еще татарское войско.

Как уже говорилось, попытки окатоличить Литву пришлось не по нраву многим князьям – вассалам Витовта. Но первое время им пришлось помалкивать, так как помощи ждать было неоткуда, кроме как от иноверного Тевтонского ордена. Сильный единоверный московский князь постоянно находился в союзе с Витовтом. Но когда дружба эта сменилась враждой, недовольные литовские князья увидели убежище в Москве. Первым из Литвы на службу к Великому Московскому князю приехал князь Александр Нелюб, сын князя Ивана Ольгимантовича. Василий принял Александра «с любовью и дал ему в кормление Переяславль». Узнав об этом, в Москву отправились еще несколько литовских князьков.

Осенью 1406 г. русская и литовская рати встретились на реке Плавe близ Крапивны.^[87] У Витовта тоже было большое войско, усиленное поляками и жмудью. Войско Василия I было явно сильнее, но московский князь был трусоват и вместо битвы решил вступить в переговоры с тестем. Не исключается и сильное влияние на мужа великой княгини Софьи Витовтовны, которая, как показали дальнейшие события, была бабой

наглой и властной, хотя и не особенно умной.

Так или иначе, но 1 октября 1406 г. стороны согласились на перемирие до 16 мая 1407 г. Перемирие ничего не давало Василию, а главное, очень обидело его союзников. Больше всех обиделись тверичи, поскольку в грамоте о перемирии ни тверской князь, ни тверское войско даже не упоминались. Татары пришли не из-за красивых глаз Василия Дмитриевича, а «за зипунами», а их «об лавку носом». Обманутые татары удалились, но по пути в порядке компенсации изрядно пограбили московские земли.

В следующем, 1407 г. боевые действия первым начал Витовт, занял город Одоев. В ответ Василий I с большим войском двинулся на Литовскую землю, взял и сжег город Дмитровец, но, встретившись с тестем у Вязьмы, опять заключил перемирие, и оба князя разъехались по домам.

В июле 1408 г. родной брат короля Ягайло северский князь Свидригайло Ольгердович отъехал из Литвы в Москву. Свидригайло был постоянным и очень опасным соперником Витовта, поскольку пользовался любовью православного населения Южной Руси. Вместе с северским князем уехали черниговский архиепископ, шесть князей Юго-Западной Руси и многие северские и черниговские бояре. Василий I несказанно обрадовался приезду Свидригайло и дал ему в кормление город Владимир со всеми волостями, пошлинами и селами, а еще Переяславль (отобранный у князя Нелюба), Юрьев-Польский, Волок-Ламский, Ржев и половину Коломны.

В сентябре того же года московские и татарские полки уже стояли на литовской границе на берегу реки Угры, а на противоположном берегу стоял Витовт с поляками, немцами и жмудью. Но опять князья, простояв так несколько дней, заключили перемирие и разошлись.

После мира на Угре Витовт до конца княжения Василия I (1425 г.) не воевал Московские земли. Это в известной степени было связано с попыткой Витовта отделиться от Польши. В 1398 г. королева Ядвига прислала Витовту письмо, в котором говорилось, что Ягайло отдал ей княжества Литовское и Русское в вено, поэтому она теперь имеет право на ежегодную дань с этих княжеств. Витовт собрал сейм в Вильно и спросил литовских и русских бояр: «Считают ли они себя подданными короны Польской в такой степени, что обязаны платить дань королеве?» Ответ был единогласным: «Мы не подданные Польши ни под каким видом. Мы всегда были вольны, наши предки никогда полякам дани не платили, не будем и мы платить, останемся при нашей прежней вольности». После этого поляки больше не говорили о дани, но Витовт и бояре не могли забыть об этом и

стали думать, как бы им освободиться от номинального подчинения Польше. Однажды во время обеда, данного в честь заключения мира с Тевтонским орденом, бояре провозгласили тост за *короля литовского и русского* и попросили Витовта впредь его так величать. Витовт на этот раз заскромничал и сказал, что пока не смеет считать себя достойным такого высокого титула.

Тем не менее Литве пришлось вновь сплотиться с Польшей перед лицом страшного общего врага – Тевтонского ордена. Наконец в сражении у Грюнвальда в 1410 г. объединенному польско-литовскому войску под предводительством Ягайло и Витовта удалось наголову разгромить войско ордена. В сражении участвовали и русские полки: смоленский, полоцкий, витебский, киевский, пинский и другие. Замечу, что использование пушек в полевом сражении не помогло магистру фон Юнгингену, как и не помогло 11 лет назад Витовту в битве на реке Ворксле.

В феврале 1425 г. умирает Великий князь Московский Василий I. В этом случае по завещанию Дмитрия Донского великокняжеский стол должен занять средний сын Донского Юрий Галицкий (около 1374–1434).^[88] Но у московских бояр, вдовы Василия Софьи Витовтовны и митрополита Фотия иное мнение – они сажают на престол девятилетнего мальчика Василия II (1415–1462). Дружина галицкого князя была существенно меньше московской. Тем не менее московские бояре обратились за помощью в Орду. Как уже говорилось, к этому времени Золотая Орда, распираемая внутренними противоречиями, сильно ослабла. Казалось, что времена, когда московские князья ходили за ярлыком к золотоордынскому хану, давно миновали. Василий I наследовал Дмитрию Донскому по завещанию последнего, не спрашивая хана. Но тут московские бояре поехали на поклон к хану Улу-Мухаммеду. Московские бояре подкупили ряд татарских вельмож, а боярин Иван Дмитриевич Всевожский заявил Улу-Мухаммеду: «Государь, вольный царь. Позволь молвить слово мне, холопу великого князя. Мой государь великий князь Василий ищет стола своего великого княжения, а твоего улуса, по твоему царскому жалованию, и по твоим девтерям (записям) и ярлыкам». Таким образом, хану дали понять, что Василий II будет его послушным слугой. Да и без этого хан мог легко сообразить, что девятилетний ребенок на московском престоле куда менее опасен, чем его пятидесятилетний дядя, храбрый воевода, правивший 36 лет полунезависимым княжеством. Естественно, хан выдал ярлык Василию II.

Тем не менее и татарской помощи московским боярам показалось мало, и они обратились к Витовту. Литовский князь, как уже говорилось, до

смерти Василия I был его примерным соседом, но, узнав о смерти зятя, начал озорничать в Псковских землях.

1 августа 1426 г. Витовт осадил крепость Опочку. В его войске, кроме литовцев, были наемники (немцы, чехи и волохи), а также татары из дружины свергнутого уже к тому времени золотоордынского хана Улу-Мухаммеда. Два дня литовское войско безрезультатно простояло под стенами города, и тогда Витовт решил найти другое место в псковской обороне, которое можно было бы прорвать. 5 августа литовское войско подошло к Вороначу. Защитники крепости мужественно оборонялись три недели, несмотря на то что литовцы использовали большие пушки. Под крепостью Котелно четыреста псковичей разбили семитысячный отряд литовцев и татар. Видимо, эти цифры не точны, но факт победы псковичей не вызывает сомнения. У крепости Велье жители города Острова уничтожили татарский отряд из сорока человек. Мужественно сражались и жители города Врева. Так что легкой прогулки у Витовта не вышло. Не поддержал литовского князя и орден, державший во время этой войны нейтралитет. Дело кончилось уступкой Псковом, по московской летописи, трех тысяч рублей, а по тверской летописи – тысячи рублей за захваченных в плен псковичей.

Но вот 14 августа 1427 г. Витовт пишет магистру Ливонского ордена: «...как мы уже вам писали, наша дочь, великая княгиня московская, сама недавно была у нас и вместе со своим сыном, с землями и людьми отдалась под нашу защиту». Итак, наступил звездный час Великого Литовского князя – ему покорились Москва! Ради своих привилегий местные бояре готовы были отдать могучее государство и хану, и Витовту, лишь бы не оказаться под властью Юрия Дмитриевича. Правда, если говорить серьезно, славный витязь Юрий (Георгий) был достойным противником. Забегая вперед, скажу, что именно он, став московским князем, начал впервые чеканить монеты с изображением Георгия Победоносца, и многие русские люди олицетворяли князя с его святым покровителем.

Русские летописи подтверждают факт обращения Софьи Витовтовны и московских бояр к Витовту. С 25 декабря 1426 г. по 15 февраля 1427 г. у литовского князя находился с дипломатической миссией московский митрополит Фотий. Тем не менее эту постыдную историю постарались забыть как монархические, так и советские историки.

Вслед за малолеткой Василием II на поклон к Витовту кинулись удельные князья – вассалы и союзники Москвы. Вот, к примеру, договор рязанского князя Ивана Федоровича с Великим князем Литовским: «Я, князь великий Иван Федорович Рязанский, добил челом господину

господарю своему, великому князю Витовту, отдался ему на службу: служить мне ему верно, без хитрости и быть с ним всегда заодно, а великому князю Витовту оборонять меня от всякого. Если будет от кого притеснение внуку его, великому князю Василию Васильевичу, и если велит мне великий князь Витовт, то по его приказанию я буду пособлять великому князю Василию на всякого и буду жить с ним по старине. Но если начнется ссора между великим князем Витовтом и внуком его великим князем Василием или родственниками последнего, то мне помогать на них великому князю Витовту без всякой хитрости».

В том же 1427 г. Великий Тверской князь Борис Александрович стал вассалом Литвы. В договоре говорилось: «Господину, господарю моему, великому князю Витовту, се язъ... добиль есми челом, дался если ему на службу... А господину моему, деду, великому князю Витовту, меня, князя великого Бориса Александровича тверского боронити ото всякого, думаю и помощью. А в земли и в воды, и во все мое Великое княженъе Тверское моему господину, деду, великому князю Витовту не вступаться».

Итак, Борис Тверской признал Витовта своим господином, что же касается «деда», то дед Бориса Иван Михайлович был первым браком женат на сестре Витовта, то есть Витовт приходился Борису двоюродным дедом.

В силу этого договора в июле 1428 г. Борис Александрович послал свои полки на помощь литовскому сюзерену в походе на Новгород.

Витовту удалось взять Себеж, но крепость Порхов оказала ожесточенное сопротивление литовцам. Они стреляли по крепости из пищалей, тюфяков (род гаубиц) и пушек. Ответным огнем осажденным удалось взорвать огромную литовскую пушку «Галка» и убить немца Николая, заведовавшего осадной артиллерией. В итоге Порхов взять не удалось. Витовт взял выкуп за пленных пять тысяч рублей с Новгорода и столько же с Порхова и на том отправился восвояси. По словам летописца, Витовт сказал новгородцам, принимая у них деньги: «Вот вам за то, что называли меня изменником и бражником».

Угроза похода Витовта на Галич произвела должное действие на Юрия Дмитриевича, и 11 марта 1428 г. между Москвой и Галичем был заключен мир, по которому 54-летний дядя признавал себя «молодшим братом» 13-летнего племянника. Тем не менее договоренность о том, что князья должны жить в своих уделах по завещанию Дмитрия Донского, оставляла за князем Юрием возможность поставить перед ордынским ханом вопрос о судьбе великого княжения.

Старый Витовт был в зените славы. Единственное, чего ему не

хватало, так это королевского титула! Ну чем он хуже своего брата Ягайло? И Витовт обратился к германскому императору Сигизмунду. Император вел трудную войну с гуситами и турками, требовал помощи от слабого Ягайло, но тот говорил, что ничего не может сделать без совета с Витовтом. Вот почему Сигизмунду так хотелось сблизиться с литовским князем. «Вижу, – говорил он, – что король Владислав^[89] человек простоватый и во всем подчиняется влиянию Витовта, так мне нужно привязать к себе прежде всего литовского князя, чтоб посредством его овладеть и Ягайлом».

Витовт и Сигизмунд долго переписывались и наконец договорились встретиться в Луцке, куда должен был приехать и Ягайло. В 1429 г. состоялся знаменитый съезд трех коронованных лиц вместе с множеством вельмож польских, литовских и русских. После празднеств начались совещания. На одном из них Сигизмунд сказал: «Я понуждаю папу, чтоб он созвал собор для примирения с гуситами и для преобразования церкви. Отправлюсь туда сам, если он согласится. Если же не согласится, созову собор собственной моею властью. Не должно пренебрегать также и соединением с греками, потому что они исповедуют одну с нами веру, отличаясь от нас только бородами да тем, что священники у них женатые. Но этого, однако, не должно ставить им в порок, потому что греческие священники довольствуются одною женою, а латинские держать их по десяти и больше».

Эти слова императора вскоре были на устах у всех русских, которые восхваляли Сигизмунда к большой досаде католиков и поляков. Но еще больше они расстроились, когда узнали, что Сигизмунд решил признать Витовта независимым королем Литвы и Руси. Император без проблем уговорил Ягайло дать на это свое согласие, но прелаты и польские вельможи категорически возражали. Ведь у них буквально из рук уплывала богатая добыча. Краковский епископ Збигнев Олесницкий, умный и предприимчивый, при всех обратился к Витовту с резкими словами. Он припомнил, что при избрании Ягайло польские паны руководствовались только духовным благом литовцев, поскольку владения их не представляли никакой ценности, так как были разорены соседями. Палатин краковский Ян Тарновский и другие поляки выразили свое согласие со словами епископа. Витовт, всегда сдержанный, на этот раз громко выражал свое неудовольствие: «Пусть так! А я все-таки найду средства сделать по-моему!» Тогда поляки упрекнули Ягайло: «Разве ты нас за тем сюда позвал, чтобы быть свидетелями отделения от Польши таких знатных владений?» Ягайло, обливаясь слезами, благодарил панов за верность и клялся, что никогда не даст согласия Сигизмунду и Витовту на отделение Литвы, что

рад хоть сейчас бежать из Луцка, куда они сами назначат. И польские прелаты и вельможи быстро собрались и уехали днем, а Ягайло побегал за ними в ночь. Витовта сильно расстроило это поспешное бегство поляков и их короля.

Польские прелаты, руководствуясь личными корыстными интересами, послали в Рим кляузу, где представили папе всю опасность, которая грозит католицизму при отделении Руси и Литвы от Польши, потому что издревле господствовавшие там православные подавят только что водворившееся в Литве католичество. Перепуганный папа немедленно отправил германскому императору запрет посылать корону в Литву, а Витовту – запрет принимать ее.

Одновременно Витовт велел присягнуть себе, как независимому государю, князьям и боярам Великого княжества Литовского. Император Сигизмунд возвел Витовта в королевское достоинство, на что, замечу, он имел право, и послал ему корону.

Коронация Витовта должна была состояться в 1430 г. в Вильно. Днем коронации назначили праздник Успения Богородицы. Но так как посланцы Сигизмунда не подвезли еще корону, коронацию перенесли на другой праздник – Рождество Богородицы. В столице были собраны все вассалы Великого князя Литовского, среди которых был 15-летний внук Витовта Василий II, тверской князь Борис Александрович и другие. Понятно, что Юрий Дмитриевич Галицкий в эту компанию не входил.

Поляки знали о готовящейся коронации и расставили сторожевые посты по всей границе, чтобы не пропустить сигизмундовых послов в Литву. На границе Саксонии и Пруссии схватили двух послов, Чигала и Рота, которые ехали к Витовту с известием, что корона уже отправлена, и с грамотами, по которым он получал право на королевский титул. За этими послами ехали другие знатные вельможи, везшие корону. На их перехват бросились трое польских вельмож с большим отрядом. Послы, узнав об этом, быстренько развернулись назад, к Сигизмунду.

Посланцы Сигизмунда убеждали Витовта венчаться короной, изготовленной в Вильно, поскольку это не мешает императору признать коронацию законной. Но Витовт колебался. 27 октября 1430 г. Витовт умер. Скорее всего причиной этому была старость, князю было уже 80 лет, хотя не исключено и отравление.

После смерти бездетного Витовта встал вопрос о его преемнике на великокняжеском престоле русско-литовского государства и о дальнейшей судьбе унии с Польшей. Формально прежний великий князь, а теперь польский король Владислав II (Ягайло) мог претендовать на литовский

престол. Но он не пошел на это в силу своего преклонного возраста, нерешительного характера, а также противодействия русских и литовских князей, дороживших самостоятельностью своего государства.

Кроме польского короля, оставались в живых еще два внука Гедемина – Свидригайло Ольгердович и Сигизмунд Кейстутович. Кроме того, имелась еще большая компания правнуков Гедемина – внуков Ольгерда: удельные князья Корибутовичи, Лугвеневиичи, Владимировичи и др. Но о последних и говорить не стоило, поскольку они по степени родства и по политическому значению не могли сравниться со Свидригайло и Сигизмундом. Кроме того, они все были православными.

Формально и Свидригайло, и Сигизмунд были на 1430 г. католиками, но Свидригайло был женат на православной княжне и фактически был скорее православным, нежели католиком. Сигизмунд же гораздо больше был склонен к католицизму. Кстати, это и следует из имен, под которыми они вошли в историю. Свидригайло – это языческое литовское имя, позже он принял православие и стал Львом, затем перешел в католичество и стал Болеславом. Но польские историки, дабы подчеркнуть его нелояльность к католицизму, везде именовали его языческим литовским именем. А вот с Сигизмундом все было сделано наоборот. Его литовское языческое имя Шигитас было польскими историками навеки забыто, и он вошел в историю как Сигизмунд.

Ягайло отдал предпочтение своему родному брату Свидригайло и торжественно венчал его великокняжеской короной в кафедральном виленском соборе в присутствии съехавшихся со всей страны литовских и русских князей и бояр.

Для начала новый князь занял литовские крепости, кроме Вильно, и привел к присяге их гарнизоны на свое имя, не упоминая Ягайло, тем обнаружив свое намерение отложиться от Польши.

Отношения с Ягайло у Свидригайло еще более испортились после того, как поляки, узнав о смерти Витовта, захватили Подолию. В 1431 г. Ягайло приехал в Литву на охоту, что было поводом, главной же его целью было примирение с братом.

Великий князь Литовский Свидригайло поначалу обращался с братом-королем с большим почетом. Когда Свидригайло узнал о вероломном захвате поляками Подолии, он немедленно вызвал короля, охотившегося в пущах под Вильно. Как гласит «Хроника Быховца», Свидригайло с гневом сказал Ягайло: «„Милый брат, для чего ты держишь Подольскую землю, отчину той земли Литовской; верни ее мне, а если не хочешь вернуть ее мне, я тебя из Литвы не выпущу“». После этого князь Свидригайло схватил

короля Ягайло и посадил под стражу».

Ягайло был вынужден заключить с братом договор, который возвращал ему Подольские земли. Король из Вильно отправил на Подол своего приближенного Тарла Щекоревича с приказом польским магнатам братьям Бучанским, захватившим каменецкий замок, передать Каменец русскому воеводе князю Михаилу Бабе. Обрадованный Свидригайло наградил Тарла сотней гривен и отпустил короля с богатыми подарками в Польшу.

Однако польские вельможи, возможно, с ведома самого Ягайло, надули простодушного Свидригайло. Они написали Бучанским особое письмо, где советовали не исполнять королевского приказа, а Тарла и Бабу заключить под стражу. Письмо это свернули в трубку и облили воском. Сделанную таким образом свечу попросили одного из спутников Тарла передать Бучанским, чтобы они «поискали в ней света». Бучанский сломал свечу, нашел письмо и выполнил поданный ему совет.

Возмущенный Свидригайло отправился с войском на Подол и попытался отвоевать замки силой. Ему удалось взять Червоноград, но Каменец и Смотрич остались в руках поляков. Со своей стороны польские паны, собранные королем на сейм в Судомире, постановили требовать от Свидригайло уступить не только Подолию, но и город Луцк (на реке Стирь на Волыни) с южной частью Волыни. Кроме того, он должен был прибыть в Польшу и торжественно принести ленную присягу королю.

Старый Ягайло два раза отправлял послов к брату. Главой посольства был гонористый пан Ян Лутек Бржеский. Он так дерзко заговорил с Великим князем Литовским, что тот отвесил послу увесистую плюху и отправил назад. Второй раз приехал тот же

Бржеский и опять начал с польских претензий. Свидригайло вновь развернулся и врезал Бржескому, но на сей раз отправил его не домой, а в темницу.

Теперь Ягайло пришлось идти с войском на родную Литву. Поляки осадили Луцк. Жители города отчаянно сопротивлялись. Вскоре полякам пришлось снять осаду и отвести войска. А население в отместку разрушило все католические храмы (костелы) в Луцкой земле.

Поляки и литовцы договорились устроить съезд в городе Парчеве для заключения мира, но Свидригайло туда не приехал. Тогда поляки решили расколоть литовскую знать и увести от Свидригайло наиболее пропольски настроенных панов. Кстати, уже тогда и литовская, и русская знать в Великом княжестве Литовском именуют себя панами.

Ягайло отправил к брату своего посла Лаврентия Заронбу, который

официально должен был склонить Свидригайло к миру, а сам начал подговаривать литовских панов к свержению Свидригайло и к принятию к себе в князья брата Витовта Сигизмунда Кейстутовича, князя Стародубского. Зоронба успел как нельзя лучше выполнить свою миссию: был составлен заговор, с помощью которого Сигизмунд Стародубский напал на Свидригайло и выгнал его из Вильно. Однако большинство русских земель в Великом княжестве Литовском осталось на стороне Свидригайло. Великий князь Тверской Борис Александрович также поддержал Свидригайло. В начале 1432 г. Свидригайло женился на княжне Анне, дочери тверского князя Ивана Ивановича, дяди тверского князя Бориса Александровича.

Ягайло отправил к новому Великому князю Литовскому официального посла Збигнева Олесницкого. Сигизмунд с почестями принял посольство и подчинил и себя, и свое княжение короне Польской. Сигизмунд был готов на все, он прекрасно понимал, что без поляков у него нет шанса удержаться на престоле. Вскоре был открыт заговор против Сигизмунда, возглавляемый знатными вельможами – палатином троцким Янутом и гетманом литовским Румбольдом. Янут и Румбольд вместе с другими заговорщиками были публично казнены. Но это не столько устрасило, сколько озлобило противников Сигизмунда в Вильно.

Осенью 1432 г. Свидригайло собрал 40-тысячное войско^[90] и двинулся на Сигизмунда. К Свидригайло присоединилась дружина под командованием князя Ярослава Александровича, брата Великого князя Тверского. Русское (литовское и тверское) войско подошло на 10 верст до Вильно и стало в Ошмянах. 8 декабря 1433 г. состоялась битва между Свидригайло и Сигизмундом. Несмотря на большой численный перевес, русские были разбиты. Тверской боярин Семен Зобин погиб, но князьям Ярославу и Свидригайло удалось бежать. В плен попало много «русских литовцев» – князь Юрий Лаврентьевич, князь Митка Зубревицкий, князь Василий Красный, его брат Дедиголдович пан виленский, пан Юшка Гольцевич, пан Иван Вяжевич и др.

Тем не менее Свидригайло и не думал сдаваться. Зимой 1432/1433 гг. он страшно опустошил окрестности Вильно. Летом 1433 г. Свидригайло стал снова собирать войска. На этот раз он получил помощь от Немецкого ордена, и тверской князь Борис Александрович послал ему свое войско. Целью этого похода Свидригайло определил центральные районы Литвы в округе Вильно. Войска Свидригайло сначала стояли под Вильно, а в августе – под Тракаем, но Сигизмунд не вступал с ними в бой.

После взятия сильно укрепленного замка Крево Свидригайло

услышал, что к нему идут войска Сигизмунда. Он послал против них воеводу киевского Михаила с русским князем. Сигизмундово воинство под началом пана Петра Монгирдовича было наголову разбито. Затем Свидригайло взял и сжег Заславль, Минск и Витебск. У Лукомля Свидригайло отпустил союзников, а сам пошел в Киев. Замечу, что магистр ордена действовал в Литве независимо от Свидригайло.

Возникает вопрос: почему Великий князь Тверской Борис Александрович столь активно вмешивался в литовские дела, но при этом хранил нейтралитет в большой гражданской войне между Василием II и его родственниками? Дело в том, что кто бы не победил в этой войне – Василий II, Юрий Дмитриевич или Дмитрий Шемяка, все равно новый или старый московский князь возьмется за Тверь. А вот успех Свидригайло в попытке создания большого православного русско-литовского государства в союзе с Тверью кардинально изменил бы ситуацию на Руси. В этом случае союз Твери и Вильно мог положить конец экспансии Москвы.

В 1434 г. умер польский король Владислав II. Со смертью Ягайло закончилась целая эпоха знаменитых литовских князей. Началась новая глава в русско-литовских отношениях.

Глава 9

Свидригайло – борец за русскую Литву

После смерти Ягайло польские магнаты возвели на престол его сына Владислава III (годы правления 1434–1444). В Литве же продолжалась усобица. Свидригайло поссорился с претендентом на должность митрополита Герасимом и сжег его в Витебске. В Витебск собрались русские князья – сторонники Свидригайло. Оттуда войско его двинулось к Брислову, где соединилось с ливонским магистром. Затем союзники направились к городу Валькомиру.

1 сентября 1435 г. у Валькомира на реке Святой произошло генеральное сражение. Свидригайло поручил командовать войском своему племяннику Сигизмунду Корибутовичу, в свое время отличившемуся в Гуситских войнах. Под началом у него были полки смоленские, витебские, полоцкие и отряд ливонских рыцарей. Войском Сигизмунда Кейстутовича, большую часть которого составляли поляки, командовал его сын Михаил. После упорной и кровопролитной битвы войска Свидригайло обратились в бегство, а раненый Сигизмунд Корибутович попал в плен. Под Вилькомиром были убиты ливонский магистр, князь Ярослав Лингвеньевич, князь Михаил Балабан, князь Даниил Семенович Гольшанский и князь Михаил Львович Вяземский.

«И через три недели после того побоища князь великий Сигизмунд, собрав всю свою силу литовскую, послал сына своего князя Михаила на Русь. И князь Михаил, придя, стал в Орше, и смольняне встретили князя Михаила в Орше, и сдались великому князю Сигизмунду и сыну его князю Михаилу.

И князь Михаил не пошел к Смоленску, а пошел от Орши к Витебску, стоял [там] шесть недель и, не взяв замка, пошел прочь, и после того, в ту же зиму, князь великий Сигизмунд собрал опять свою силу литовскую и послал к городу Полоцку. И, придя, паны стояли под Полоцком неделю и, не взяв города, пошли прочь. А на следующий год полочане и витебляне, не видя себе ни от кого помощи, подчинились великому [князю] Сигизмунду Кейстутовичу, и начал великий князь Сигизмунд княжить в Великом княжестве Литовском и в Русском.

В лето шесть тысяч девятьсот сорок восьмое [1440 г.] правил великий князь Сигизмунд в Вильно и в Троках, и во всех землях русских и

литовских, и жемайтских, и совершал большие жестокости в отношении своих подданных, особенно над шляхетским сословием, хватал их и совершал над ними страшные жестокости, карал их невинно, убивал и мучил их так, как только мог придумать, и поступал так со всеми князьями и панятами и со всем шляхетским сословием всех земель литовских, русских и жемайтских. И был в отношении того шляхетского сословия очень жесток, и всеми этими своими злыми поступками он равнялся Антиоху Сирийскому и Ироду Иерусалимскому и предку своему Великому князю Литовскому Тройдену, который совершал различные страшные жестокости в отношении земель польских и русских. И те подданные его, вся шляхта, терпели это как от своего господина верные рабы, и ничего злого против него не предпринимали и не замыслили.

И он, окаянный князь великий Сигизмунд, не насытил злобы своей и мыслил в сердце своем по дьявольскому наущению, как бы погубить все шляхетское сословие и пролить его кровь и поднять мужичье сословие, собачью кровь. Прежде всего он захватил двоих князей, своих близких родственников, намереваясь их казнить: князя Юрия Лингвеньеви́ча и князя Олелька Владимировича, и посадил князя Юрия Лингвеньеви́ча в меньшем замке Троцком, а князя Олелька в Кернове, а княгиню его с двумя сыновьями, с Семеном и с Михаилом, в Утянах, и еще, считая, что этого недостаточно, в заключение своего злого умысла решил созвать великий сейм и на том сейме уничтожить и искоренить всю шляхту и вознести мужичье сословие. И написал окаянный грамоты своим властям по всем своим землям Великого княжества, княжатам и панятам и всей шляхте, приказывая, чтобы все ехали на сейм для решения земских дел; а злобу свою утаил, что против них замыслил.

А в то время воеводой виленским был Довгирд, а воеводой троцким Лелюша. И те два пана, узнав достоверно, что тот сейм будет созван для гибели всего шляхетского сословия и их самих, и позвали к себе на совет князя Чарторыйского; и те три пана, посовещавшись, замыслили убить князя Сигизмунда; а прочих князей и панов в то время при Сигизмунде никого не было. И на том совещании решили, чтобы самим им занять города Вильно и Троки и держать их на князя Свидригайла, который после поражения, понесенного от Михаила Сигизмундовича у Побоиска, бежал в Молдавию.

И решив так, направили дворянина родом из Киева по имени Скобейко и дали ему триста возов сена и на каждый воз под сено положили по пяти вооруженных человек, а один человек возом правил, и отправили того Скобейко в Троки, будто бы с дякольным сеном. И отправив Скобейко,

послали в Молдавию к князю Свидригайлу, искать его, а князь Александр Чарторыйский и Скобейко въехали в Трокский замок в Вербное воскресенье.

В тот же момент сын князя Сигизмунда вышел из замка в костел, а сам князь Сигизмунд слушал мессу в замке в спальне. И князь Чарторыйский, въехав со Скобейко и со всеми теми возами в замок, замок затворили, и все те люди вышли из возов и пошли прямо к спальне князя Сигизмунда, где он слушал мессу. И был у князя Сигизмунда медведь, которого он очень любил, и когда он, приходя к спальне, дергал лапой, то его всегда впускали. И так князь Чарторыйский, прийдя со Скобейко и со всеми теми людьми, дернул рукою за дверь, и князь Сигизмунд подумал, что это медведь, и приказал открыть дверь. И в тот же момент бросились в спальню, и начал князь Чарторыйский говорить ему о всех его злых проступках, которые он совершал над всей шляхтой Великого княжества и о том, что еще замыслил, наконец, на том сейме всех князей и панов и все шляхетское сословие искоренить и кровь их пролить, а собачью кровь мужичью вознести, и сказав те слова, наконец произнес: «Что ты приготовил князьям, панам и всем нам испить, то ты теперь испей один».

И бросился к нему, намереваясь его убить, но у него не было ничего, и поэтому Скобейко схватил вилы, которыми поправляли в камине дрова, и теми вилами ударил его в тот момент, когда ксендз подносил облатку [причастие], и кровь брызнула с головы на стену, которая и до сего времени видна на стене в спальне его, в башне, в Большом замке Трокском. И в тот момент, не желая видеть смерть своего господина, упал на него его любимец по имени Славко, так как его очень любил великий князь Сигизмунд. А они того Славку взяли и выбросили из окна башни, и он там сломал шею».^[91]

После убийства Сигизмунда литовская знать вновь разделилась: одни хотели видеть великим князем польского короля Владислава Ягайловича, а другие, бывшие сторонники Сигизмунда, желали на престол его сына Михаила, третьи же хотели Свидригайло. А у короля Владислава III в это время были большие проблемы.

В 1437 г. умер венгерский король Сигизмунд, и венгерские вельможи предложили престол польскому королю Владиславу III. Юному королю очень хотелось объединить два королевства. Польские вельможи, в свою очередь, считали необходимым соединить силы двух королевств для отпора турецкой агрессии. Наконец, было ясно, что если Владислав откажется, то венгры выберут короля из династии Габсбургов, а это совсем уж не нравилось полякам.

Однако и Литва требовала присутствия короля в Вильно, а в противном случае грозила отделиться от Польши. После долгих совещаний вельмож решено было, что Владислав поедет в Венгрию для упрочения себе тамошнего престола, а в Литву поедет его родной брат, юный Казимир, но не в качестве Великого князя Литовского, а в качестве польского наместника, поскольку большинство польских вельмож желало видеть Великим князем Литовским Владислава.

Тринадцатилетнему мальчику литовские послы рассказали о Литовской земле, «о роскошной охоте в Литве, об охоте на туров и зубров и на прочих различных зверей, и королевич Казимир очень полюбил охоту, так как очень любил охоту и решил ехать с ними».^[92]

Литовские паны очень спешили и провозгласили Казимира Великим князем Литовским не в столице, а в пограничном городе Бресте. Сделали это не зря. Другой претендент на виленский престол – Михаил, сын Сигизмунда – был вынужден бежать из замка Троки в Мазовию к своей тетке, жене князя Януша.

Юный Казимир начал править в Вильно, но по всей Литве вскоре запылала гражданская война. Ряд литовских городов перешел на сторону пришедшего с мазурским войском Михаила Сигизмундовича. Почти одновременно восстал Смоленск.

В 1444 г. Владислав, король польский и венгерский, пал в битве с турками при Варне, а точнее, пропал без вести, и это событие имело важное значение в судьбе Литвы и Руси. Бездетному Владиславу должен был наследовать его брат, семнадцатилетний Казимир Литовский. Поляки, с подачи краковского епископа Збигнева Олесницкого, звали Казимира к себе на престол, тот же по настоянию литовцев долго не соглашался. На Петрковском сейме в 1446 г. послы Казимира, русские князья Василий Красный и Юрий Семенович, объявили панам об отказе своего князя наследовать брату на польском престоле.

Тем временем на Руси продолжала бушевать гражданская война. Московский престол несколько раз переходил от Василия II к его дяде Юрию Дмитриевичу, а после его смерти опять к Василию II. Василий II ослепляет своего двоюродного брата Василия Косого – сына Юрия Дмитриевича, а другой сын Юрия Дмитриевича – Шемяка – свергает с престола Василия II и, в свою очередь, ослепляет его. С тех пор Василия II называют Темным.

Таким образом, ни у Литвы с Польшей, ни у Москвы не было сил для серьезного вмешательства в дела друг друга, если не считать отдельных эпизодов. Так, Свидригайло был побратимом Юрию Дмитриевичу,

следовательно, Василий II должен был находиться в союзе с врагом Свидригайло Сигизмундом Кейстутовичем и сыном его Михаилом, а убийца Сигизмунда князь Черторыйский жил у Шемяки и вместе с ним приходил воевать на Москву. Василий держал сторону Михаила и в его борьбе с Казимиром.

В 1445 г. Великий князь Московский Василий II послал двух татарских царевичей на Вязьму, Брянск и другие литовские города. Татары побили много народа, еще больше в плен повели, разорили Литовскую землю почти до самого Смоленска и вернулись домой с большой добычей. Казимир решил отомстить и отправил под Калугу семитысячное войско под начальством семерых своих панов. Войско стояло под Козельском и под Калугой и ни с чем отошло к Суходрову. Тут их встретил отряд из ста можайцев, ста верейцев и шестисот боровцев. В сражении русские потеряли своих воевод, литовцы потеряли двести человек убитыми и возвратились домой.^[93] Это было, впрочем, единственное сражение с Литвой в княжение Василия Темного.

В 1449 г. был заключен договор между королем Казимиром IV и великим князем Василием II и его братьями Иваном Андреевичем, Михаилом Андреевичем и Василием Ярославичем. Василий Темный обязался жить с Казимиром в мире и согласии и действовать везде заодно, «хотеть добра ему и его земле везде, где бы ни было». Те же обязательства взял на себя и Казимир. Казимир обязывался не принимать к себе Дмитрия Шемяку, а Василий – Михаила Сигизмундовича. В случае нападения татар князя и воеводы литовские и московские обязались, сославшись друг с другом, обороняться заодно.

Из-за конфликта с Москвой Казимир решил помириться с соперником. Он вызвал из Мазовии Михаила Сигизмундовича и дал ему в удел Бельск, Брянск, Сураж, Клецк, Стародуб и ряд других русских городов. Михаил сделал своей столицей Клецк. Там он предложил каким-то князьям Воложским убить великого князя Казимира на охоте.

И вот, когда Казимир со свитой отправился на охоту, князя Воложские с пятьюстами всадниками поехали ловить самого великого князя. Однако один из загонщиков увидел вооруженных всадников и предупредил Казимира. Тот бросился бежать в замок Троки. Немедленно из Трок выехала дружина главного литовского воеводы Яна Гаштольда. Вскоре все пять князей Воложских были пойманы и казнены в Троках.

Узнав о казни Воложских, Михаил Сигизмундович бросил Клецк и бежал в удаленный от Вильно Брянск. Далее я процитирую «Хронику Быховца»: «И находясь в Брянске, собрал там немалое войско и с помощью

Москвы пошел и захватил город Киев. И князь великий Казимир, собрав силы свои литовские, спешно послал своего дядьку Ивана Гаштольда. Он же прибыл туда и города Киев и Брянск возвратил Великому княжеству. А Михайлушко [Михаил Сигизмундович. – А.Ш.], услышав, что идет войско литовское, испугался и побежал из тех городов в Москву. И когда был он в одном монастыре и слушал обедню, игумен, который не любил его, дал ему в причастии лютую отраву ядовитую. Он это причастие быстро принял и проглотил, и здесь же пал и подох».

Похоже, что Василий II отправил войско на помощь Михаилу, но после поражения решил спрятать концы в воду. По этому поводу А.А. Зимин писал: «Польский хронист середины XV в. Ян Длугош отметил, что „Михайлушко“ отравлен был ядом, данным ему, „как утверждают, Великим князем Московским“. Смерть Михаила Сигизмундовича исследователи относят к 1451 г. Опыт расправы с ним пригодился вскоре, когда Василию II представилась возможность покончить со своим недругом Дмитрием Шемякой».^[94]

Тут мы немного забежали вперед. Поляки продолжали звать великого князя Казимира на польский престол. И в конце концов Казимир должен был уступить требованиям польских панов, так как узнал, что они на сейме решили выбрать королем мазовецкого князя Болеслава – тестя и союзника его соперника Михаила Сигизмундовича. Итак, Казимир стал польским королем под именем Казимира IV Ягеллончика.

Отношения польских и литовских панов в начале правления короля Казимира хорошо иллюстрирует сейм в Парчеве, созванный через год после коронации. Как гласит «Хроника Быховца»: «И замыслили паны польские перерезать на том парчовском сейме панов литовских, а Литовское княжество присоединить к Польше». Причем король не знал о заговоре.

Но «Варфоломеевской ночи» не получилось из-за болтливости польских панов. «Был один поляк благородного происхождения Андрей Рогатинский, и узнал он достоверно о предстоящей гибели литовских панов, и втайне сообщил о том панам литовским, Ивану Гаштольду и старосте жемайтскому Кезгайле. И те паны, не сообщив своим слугам, замыслили так: попросили польских панов к себе назавтра на обед, и, попросив на обед, сами ночью спешно уехали в Брест, а слуг и обозы оставили для наблюдения на месте в Парчове. И паны польские, не зная о том и, согласно своему замыслу намереваясь их перерезать, собрав своих людей в немалом количестве, послали их в обоз перебить литовских панов. И те люди приехали и стремительно налетели на обозы, но панов

литовских не нашли, только обоз да слуги. И затем паны польские раздумали, что нехорошо поступили, и поэтому решили ни обозу, ни слугам ничего не делать и отпустили их вскоре в Литву».^[95]

С большим трудом королю и его советникам удалось предотвратить польско-литовскую войну.

А в Московском государстве гражданская война шла к концу. 27 января 1450 г. московская рать разгромила у Галича войско Дмитрия Шемяки, а через несколько дней пал и Галич – родовое гнездо Юрьевичей, конкурентов Василия Темного. Шемяка повел войну на севере и занял Устюг и Вятку, но в конце концов ему пришлось бежать в Великий Новгород.

17 июля 1453 г. в Новгороде агенты Василия Темного отравили Дмитрия Шемяку. Его сыну Ивану пришлось бежать в Литву. Король Казимир IV дал Шемячичу во владение города Рыльск и Новгород Северский. Эти владения по наследству достались сыну Ивана Дмитриевича Василию, который стал князем новгород-северским.

Летом 1454 г. Василий II отправился в поход на Ивана Андреевича Можайского. Тот в свое время был союзником Шемяки, но давным-давно заключил мир с Василием II. Можайск был взят войсками Василия II, но князь Иван Андреевич с женой, сыновьями Андреем и Семеном и боярами, в том числе с Н.К. Добрыньским и его семейством, бежали в Литву. Беглому можайскому князю король пожаловал сперва Брянск, а затем поменял его на Стародуб и Гомель.

До конца царствования короля Казимира (1492) войны между Литвой и Москвой не было, поскольку у обеих сторон были связаны руки. Иван III освобождался от ордынской зависимости, присоединял Великий Новгород, разбирался со своими родственниками (имеются в виду не противники, а его союзники в гражданской войне). А Казимиру пришлось вести серию тяжелых войн. Король выиграл войну с Тевтонским орденом. В 1466 г. по Торуньскому миру орден был вынужден признать вассальную зависимость от Польши. Гроссмейстер ордена обязался принять присягу польскому королю и лишился права самостоятельно заключать союзы и объявлять войну. Гданьск и Западная Пруссия (Гданьское Поморье) были присоединены к Польше. Это открыло Польше выход к Балтийскому морю. Литва из владений ордена получила Жмудь вместе с городом Ковно (западная часть современной Литвы).

Несколько лет Казимир вел войну с венграми, пытаясь сделать их королем своего сына Яна Альбрехта.

Выйдя к Балтийскому морю, Казимир первым из польских королей

приступил к реализации идеи Великой Польши «от можа до можа», то есть создания огромного государства от Балтийского моря до Черного. Замечу, что эта идея стала «идеей фикс» польской верхушки на более чем 500 лет.

В 1486 г. молдавский воевода Стефан попросил у Казимира помощи в борьбе с турками. Еще раз процитирую «Хронику Быховца»: «Молдавский воевода Стефан сообщил королю Казимиру, что царь турецкий пришел с большими силами в его землю, намереваясь прогнать его из государства и захватить землю, и просил короля, чтобы тот оказал ему помощь, и его и землю его спасал, обещая стать навечно со всею землею его вассалом. Король же Казимир, собравшись без малейшей задержки, со всеми силами польского королевства и со многими людьми литовскими пошел к нему на помощь и, придя к границам Молдавии, стал на месте, называемом Коломыя. Стефан же, воевода молдавский, со всеми своими панами и с несколькими тысячами народа приехал к нему в Коломыю. Король же Казимир принял его с большим почетом и жил [он] у короля две недели, и отдался со всею своею землею королю в руки навечно в вассальную зависимость, и принес присягу, и все молдаване подали в руки короля свои знамена. Король же Казимир, отпустив молдавского воеводу, послал к нему на помощь королевичей и многих из своих людей. И как только люди короля вошли в Молдавскую землю, царь турецкий услышал о том, что войска королевича и короля пришли молдаванам на помощь, и тотчас же ушел из земли Молдавской в свою землю за Дунай, а король Казимир и королевич со своими войсками возвратились обратно в Польшу, а воевода молдавский потом немалое время имел покой от турецкого [султана]».

Любопытно, что польские историки считают, что в конце правления Великого князя Литовского Витовта в состав Великого княжества Литовского вошло так называемое Дикое поле, то есть территория между Днепром и Днестром, ограниченная на юге Черным морем. На самом деле власти Великого княжества Литовского никогда не контролировали Дикое поле, а в XV веке там гуляли отряды казаков, но не запорожских (их тогда не было), а казаков восточного происхождения, большинство из которых были татарами. В XVI же веке в Диком поле кочуют орды, подчиненные крымским ханам Гиреям.

Несколько слов стоит сказать и о судьбе Великого княжества Тверского. Его князь Михаил Борисович строго выполнял все указания Ивана III и фактически к 1480 г. стал верным вассалом Москвы. Но вот в 1483 г. Михаил Борисович заключил договор с королем Казимиром. «Заключил договор» звучит слишком громко, фактически это было повторение слово в слово договора, заключенного в 1449 г. между Великим

князем Тверским Борисом Александровичем и тем же Казимиром.

Иван III использовал продление договора 1449 г. как предлог для нападения на Тверь. 21 августа 1485 г. Великий князь Московский с большим войском двинулся на Тверь. Артиллерией москвичей командовал Аристотель Фиорованти, который 8 сентября впервые открыл огонь по Твери. Из города, как крысы, начали перебегать к Ивану бояре, «крамольники тверские», как их назвал летописец.

12 сентября князю Михаилу Борисовичу в сопровождении небольшого отряда всадников удалось прорваться из осажденной Твери. На следующий день Иван III торжественно въехал в город. Все тверичи обязаны были присягнуть сразу двум великим князьям – Ивану III и его наследнику Ивану Молодому. При этом отец подарил сыну Великое княжество Тверское. Но это был акт формальный. Иван Молодой с отцом отправился в Москву, а править Тверью стал московский боярин Василий Федорович Образец-Добрынский.

Занятый своими делами король Казимир и не думал помогать несчастному Михаилу Борисовичу в борьбе с Москвой. Однако по прибытии в Литву король подарил князю «двор» Лососина в Смоленском округе и имение Печихвосты в Волынском округе Луцка. Если судить по грамотам, фиксирующим передачу имений следующим владельцам после смерти Михаила Борисовича, речь шла об обширных земельных владениях с лесами, водами и доходами от податей. Судя по всему, у Михаила Борисовича не было детей, или их убил Иван III. Во всяком случае, подаренные королем имения позднее достались посторонним лицам. Неизвестна и дата смерти Михаила. Его имение Лососина перешло к очередному владельцу 13 декабря 1505 г.

Король Казимир страстно любил охоту. По его мнению, в Литве охотиться было лучше, и он старался как можно больше времени проводить в Литве, а не в Польше. Зимой 1491/1492 г. король на очередной охоте в Литве сильно разболелся. Его пришлось отправить в ближайший город Гродно. Там Казимир завещал сделать польским королем своего старшего сына Яна Альбрехта, а младшему Александру отдать Великое княжество Литовское. 24 мая 1492 г. Казимир, которого поляки называли Великим, умер.

Глава 10

Православие в Литве

Литовские князья, как уже говорилось, отличались веротерпимостью и часто исповедовали двоеверие.

Любопытный казус произошел в 1324 году. За несколько месяцев до этого, чтобы заключить договор с рижским архиепископом, Великий князь Литовский Гедемин написал папе римскому, что желает вступить в лоно католической церкви. Договор был заключен. И вот в ноябре 1324 г. прибыли папские послы. И тут Гедемин разыграл из себя простачка, мол, французские монахи Бертольд и Генрих, служившие ему переводчиками, неправильно поняли князя. «Я этого не приказывал писать, – сказал Гедемин. – Если же брат Бертольд написал, то пусть ответственность падет на его голову. Если когда-либо имел я намерение креститься, то пусть меня сам дьявол крестит! Я действительно говорил, как написано в грамоте, что буду почитать папу как отца, но я сказал это потому, что папа старше меня; всех стариков, и папу, и рижского архиепископа, и других, я почитаю как отцов; сверстников своих я люблю как братьев, тех же, кто моложе меня, я готов любить как сыновей. Я говорил действительно, что дозволю христианам молиться по обычаю их веры, Русинам по их обычаю и Полякам по своему; сами же мы будем молиться Богу по нашему обычаю. Все мы ведь почитаем Бога». В подтверждение своих слов Гедемин велел казнить обоих монахов.

Литовский же народ долго был привержен своим языческим богам. Литва^[96] стала последним европейским государством, принявшим христианство. Так, жмудины (племена, жившие на территории Ковенской губернии) официально приняли христианство (католичество) в 1415 г.

Присоединение русских земель литовскими князьями имело и обратный эффект – русское проникновение в этническую Литву. Так, в Вильно с XIII века существовал так называемый «русский конец» (нынешний район улицы Аушрос Варту), возводились одна за другой русские церкви. К середине XIV века имелись богатые русские торговые ряды на Великой улице (между нынешней Субачяус и Свято-Троицким монастырем). В 1366 г. по неизвестной причине они были разграблены и сожжены, но к 1375 г. специальным разрешением Ольгерда восстановлены. Естественно, в Литву проникало и православие.

Нет данных, свидетельствующих о том, что литовские воины (то есть этнические литовцы) в захваченных русских княжествах пытались хоть кого-нибудь обратить в язычество. Литовцы спокойно смотрели на русских воинов в дружине Ольгерда и даже на православных священников, приезжавших с княжнами Рюриковнами – женами литовских князей.

Но новообращенным в православие литовцам зачатую приходилось худо. Так, в 1347 г. было казнено три дружинника Ольгерда – Антоний, Иоанн и Евстафий. Правда, с католиками обращались еще хуже. Вот, например, в 60-х гг. XIV века один из литовских бояр Гаштольд женился в Кракове на некой Анне Бучацкой, обратился в католичество и при переезде в Вильно с супругой-полькой завез и монахов-францисканцев. Они поселились в центре города, в здании, где позже разместился дворец вильнюсских католических епископов, на нынешней Кафедральной площади. Католики явно неудачно выбрали место жительства (а может, и нарочно!) рядом с языческим капищем Пяркунаса. В 1368 г. толпа литовцев растерзала всех 14 монахов. Их трупы прибили к крестам и пустили вниз по реке на плотах со словами: «Пришли с Запада и ступайте на Запад».

Еще при Гедемине была построена первая православная церковь в Вильно. Она была деревянной. Первым же каменным православным храмом в Вильно стала Пятницкая церковь, построенная в 1345 г. А на месте казни трех православных мучеников в 1349–1353 гг. по приказу Юлиании Тверской, второй жены Ольгерда, был основан Свято-Троицкий монастырь. Монастырь этот в 1609 г. был захвачен униатами и лишь в 1839 г. волей императора Николая I возвращен православной церкви. Сами же мощи убитых Иоанна, Антония и Евстафия были позже захоронены в Свято-духовном монастыре в Вильно. Замечу, что первый католический храм в Литве – костел Святого Станислава в Вильно – был построен лишь в 1387 г. по приказу Ягайло.

В какой пропорции находились православные и католики в этнической Литве в 1400–1450 гг., сказать трудно. Но то, что православных было много, следует из самого литовского языка.

Вот что пишет профессор Дмитрий Петрович Огицкий: «Слово *knyga* (книга), конечно, не религиозный термин, но и оно пришло в Литву, несомненно, вместе с христианством, едва ли нужно уточнять с каким.

Вербное воскресенье у литовцев по сей день называется *Verbu sekmadienis*, или просто *Verba*, хотя литовское название самого дерева ничего общего с этим словом не имеет. Источник и фон заимствования очевидны.

К группе современных литовских слов, имеющих православно-русское

происхождение, лингвисты относят слова: Velika (Пасха), Kalados (Рождество Христово; белорусск.: каляда, коляды), Krikatas (Крещение), krikatynos (крестины), kumas (кум). По-видимому, сюда же надо отнести rojas (рай).

Любопытно, что некоторые из таких слов сохраняют сейчас в литовском языке свое древнее русское значение, которое они со временем утратили или несколько видоизменили у себя на родине.

К таким словам прежде всего относится слово *bajnyčia* (церковь). Сейчас никто из русских не назовет христианского храма «божницей». Между тем в глубокую старину так именно называли наши предки свои святыни. «Володимир поиде к божниці к святому Спасу на вечернюю» (Ипатьевская летопись). «Приблизися к дверем божничным» (Житие блаженного Андрея, Христа ради юродивого). «Исписаша божницу Антонову» (Новгородская Первая летопись). «А крест достоить целовати всем, кто лазить в божницу». «Принесуть в божницу (кутью)». «Лзе ли им в божнице быти?» «В божнице ставати» (Вопрошание Кириково).

То же самое касается литовских слов *gavenia* (пост), *gaveti* (поститься). Сейчас у нас словом «говение» обозначается подготовка к Причащению. В древней Руси значение этого слова было более узким и полностью совпадающим с его значением в современном литовском языке: «Пришедше в Петрово говенье» (Псковская летопись); «В лето 6910 во великое говение месяца марта» (Супрасльская летопись). Такое же первоначальное значение этого слова в русском языке подтверждается производными от него «заговляться», «разговляться», имеющими прямое отношение только к посту.

Наличие еще и сейчас в литовском языке таких слов, после свыше трехсот лет интенсивных влияний на Литву польского Запада, говорит о том, что православные влияния в языческой Литве отнюдь не были чем-то поверхностным, эпизодическим, неглубоким.

Если мы обратимся к памятникам литовского языка XVI, XVII, XVIII вв. (к сожалению, более ранних нет), то найдем там значительно больше подтверждений вышесказанному. В литовской речи сохранялись тогда еще такие слова, как *Trajsė* (Троица), *pravadaĩ* (проводы, радоница), *viera* (вера), *zokonas* (закон), *griechas* (грех), *grieshnykas* (грешник), *neshcestyvas* (нечестивый), *kodyti* (кадить), *minychas* (монах), *prysega*, *prysiega* (присяга), *prisiegoti* (присягать). *Bajytis* (божиться), *swodba* (свадьба), *bieras* (бес), *gromata* (грамота), *dijakas* (писец), *nedila* (неделя и в смысле «воскресенье», и в смысле «едмица»). Семидневная неделя пришла в быт литовцев вместе с христианством. Вплоть до XVIII века дни недели у

литовцев носили такие названия: paldienikas, utarnikas, sereda, cietviergas, petnīcia, subota».^[97]

Историк русской церкви В.А. Беднов писал, что «князья Гедемин и Ольгерд были женаты на русских княжнах (у первого – Ольга и Ева, у второго – Мария Витебская и Иулиания [Юлиания. – А.Ш.] Тверская). Из семи сыновей Гедемина (1316–1341) четыре (Наримонт, Любарт, Кориат и Евнут) были крещены в православие; православными были и все двенадцать сыновей Ольгерда (1345–1377)».^[98]

Другой вопрос, что ряд литовских князей после Кривской унии с Польшей 1385 г. приняли католичество. Но тут следует сказать, что веру литовские князья меняли исключительно чтобы добиться тех или иных политических выгод. Что же касается удельных князей Гедеминовичей, сидевших по русским городам, то они практически все были православными. В XIV–XV веках в русской Литве появляются лишь отдельные католики.

Несколько иная ситуация сложилась в Червонной Руси на Волыни, захваченной поляками. В 1340 г. польский король Казимир Великий, воспользовавшись смертью правившего с 1336 г. Червонной Русью князя Болеслава Мазовецкого (родственника последнего галицкого Рюриковича Юрия II), занял своими войсками эту русскую область и приобщил ее к короне польской. Казимир пожаловал Червонной Руси полное самоуправление, удержал в ней все прежние законы и учреждения, весь выработанный здесь веками общественный строй и полную свободу исповедания по обряду восточной церкви.

В Густинской летописи под 6848 годом (1340 г.) говорится, что жители Львова сдались Казимиру Великому, «варуючи себе, абы в старожитной вере никто им николи ничего не чинил, еже Казимер обеща им... А потом сей Казимер крол, собрав сейм, на нем же рускую землю на поветы и воеводства раздели, и шляхту рускую единою волностью з полскими волностями совокупи и увтерди».^[99]

Важно отметить, что и тогда, вплоть до Сигизмунда III, инициатива гонений на православных всегда исходила из Рима и его агентов в Польше и Великом княжестве Литовском, а польские короли и великие князья литовские вынуждены были лишь подчиняться. Властители прекрасно понимали, что, разжигая меконфессиональную рознь и оскорбляя значительную часть своих подданных, они подрывают свое могущество.

Папа Бенедикт XII, узнав от самого Казимира Великого о подчинении Руси и о том, что король клятвенно обещал русскому населению во всем

защищать его и хранить при его обрядах, правах и обычаях, 29 июня 1341 г. пишет краковскому епископу, чтобы тот освободил Казимира от данной им клятвы и тем самым дал ему возможность действовать свободно по отношению к православному населению Галицкой Руси.

Как видно из буллы папы Климента VI (от 14 марта 1351 г.), Казимир Великий, сообщая ему о подчинении русских областей, предлагал открыть здесь латинскую митрополию с семью епископскими кафедрами. Кафедры эти действительно основываются в Перемышле, Галиче, Холме и Владимире, но, за отсутствием в русских областях католиков, назначаемые на них епископы являлись только поминальными, епископами без паствы – и проживали в звании суффраганов при других, иногда в Германии и даже в Англии, кафедрах.

По свидетельству одного францисканца, в 1372 г. в Галицкой Руси не было ни кафедральных, ни приходских церквей, не было даже священников (католических), и среди массы неверных и схизматиков можно было найти лишь немного католиков. Но в 70-х гг. XIV века благодаря деятельности Владислава Ольгердовича, правившего Галицкой Русью с 1372 по 1379 г., католичество получает здесь прочную организацию.^[100] Деятельность его в этом отношении была настолько энергичной и полезной для католичества, что папа Григорий XI отзывался о нем с большой похвалой и в своей булле от 3 марта 1375 г. называет его «*dux zelo christianae religionis inductus*», то есть «прекрасным праведным католиком».

В 1370 г. Казимир Великий потребовал от константинопольского патриарха Филофея, чтобы тот дал для Галича особого митрополита на том основании, что Галич якобы «был престолом митрополии от века веков». Кандидатом в галицкие митрополиты польский король выставил какого-то южнорусского епископа Антония. В случае неисполнения патриархом его требований король грозил «крестить русских в латинскую веру». Филофей исполнил требование Казимира и, назначив Антония Галицкого митрополитом, временно подчинил его ведению и епархии Холмскую, Туровскую, Перемышльскую и Владимирскую.

Но вернемся к Литовской Руси, тут, повторяю, католиков было крайне мало.

В Городельском акте 1400 года, подтверждающем соединение польских и литовских земель, содержится дискриминация православных бояр и панов по сравнению с католиками. Однако русские историки несколько преувеличивают это. Так, православным панам не будут предоставляться гербы. Далее говорится, что в должности воевод и наместников «не будут выбираемы те, которые не исповедывают

католической веры и не подчиняются святой римской церкви». Тут уже ограничение очень серьезное, если бы речь не шла только о двух городах Великого княжества Литовского – Вильно и Троки. Споры нет, города столичные и должности там престижные. Но в целом на Литовской Руси Городельский акт никак не отразился. Тем более что властями сей акт неоднократно нарушался. Причем, подчеркиваю, речь шла о Русской Литве.

А в Польше имели место отдельные эксцессы. Так, в 1412 г. король Владислав II (Ягайло) отнял в Перемышле прекрасную кафедральную церковь Святого Иоанна Крестителя, издавна принадлежавшую православным (построена еще Володаром Ростиславичем), и передал ее латинскому епископу: при этом были выброшены имевшиеся при ней гробы православных.

А вот в Великом княжестве Литовском тот же Ягайло 15 октября 1432 г. дал Гродненскому съезду литовских панов особый привилей, которым предоставлялось русским князьям, боярам и шляхте утешаться и пользоваться теми же самыми милостями, свободами, привилегиями и выгодами, которыми владеют и пользуются и литовские князья, бояре и шляхта, причем литовцы могут приобщать к полученным от поляков гербам и русским. Иначе говоря, по этому привилею православная шляхта Великого княжества Литовского получала теперь то же, что предоставлено было литовской шляхте католического исповедания предыдущими привилеями Ягайло.

А через две недели, 30 октября, тот же Ягайло распространяет права и вольности польской шляхты на духовенство, князей, панов и шляхту Луцкой земли (на Волыни) без различия вероисповедания как на католиков, так и православных.

Я боюсь наскучить читателю перечислением всевозможных привилеев, выдаваемых шляхте и духовенству польскими королями и великими князьями литовскими, но именно в борьбе за привилегии и состоял тогда конфликт между конфессиями. Князья, папы и ксендзы стремились получить как можно больше привилегий от государства, а православные князья, паны и попы старались получить не меньше, чем католики.

2 мая 1447 г., вскоре после принятия польской короны, Казимир дал (в Вильно) привилей «литовскому, русскому и жмудскому духовенству, дворянству, рыцарям, шляхте, боярам и местичам». Этот привилей замечателен тем, что им предоставлялись «прелатом, княжато, рытерем, шляхтичам, боярам, местичом» Литовско-русского государства все те права, вольности и «твердости», какие имеют «прелати, княжата, рытери,

шляхтичи, бояре, местичи коруны Полское», то есть население литовско-русских земель уравнивалось в правах и положении своем с населением коронных земель.

В начале 1499 г. киевский митрополит Иосиф предоставил Великому князю Литовскому Александру «свиток прав великого князя Ярослава Володимировича», то есть церковный устав Ярослава Мудрого. В этом уставе говорилось о невмешательстве светских лиц и властей в суды духовные и в церковные дела и доходы, так как «вси тые дела духовные в моц митрополита Киевского» и подведомственных ему епископов.

20 марта 1499 г. великий князь особым привилеем подтвердил этот свиток. По этому привилею «мает митрополит Иосиф и по нем будущие митрополиты» и все епископы Киевской митрополии «судити и рядити, и все дела духовные справовати, хрестиянство греческого закону, подле тех прав, выпису того свитка Ярославля, на вечные часы». Все князья и паны «римского закона как духовные, так и светские», воеводы, старосты, наместники «как римского, так и греческого закона», все должностные лица городских управлений (в том числе и там, где есть или будет Магдебургское право) не должны чинить «кривды» церкви божией, митрополиту и епископам, а равно и вмешиваться «в доходы церковные и во все sprawy и суда их духовные», ибо заведование всеми ими, как и распоряжение людьми церковными, принадлежит митрополиту и епископам.

В городах, где введено было Магдебургское право (в Великом княжестве Литовском), православные мещане не отличались юридически от своих собратьев – католиков: жалованные грамоты короля городам на получение этого права требовали, чтобы половина радцев, избираемых мещанами, исповедовала латинство, другая – православие; один бургомистр – католик, другой – православный. Грамоты Полоцку (1510 г.), Минску, Новогрудку (1511 г.), Бресту (1511 г.) и другие подтверждают это.

Великие князья литовские и польские короли периодически раздавали новые имения православным иерархам. Так, Александр (теперь уже польский король) в 1504 г. дал епископу смоленскому Иосифу Солтану три имения в Бельзском уезде.

Как писал В.А. Беднов: «При возникавших часто недоразумениях, вследствие злоупотреблений правом патроната между епархиальными владыками и богатыми помещиками – патронами, Александр принимал сторону епископов. Так, Пинские князья Иван и Федор Ивановичи Ярославичи начали „новины вводить“ самостоятельно, без согласия и благословения своего епископа Туровско-Пинского владыки Вассиана, не

только строили по городам и волостям церкви, но и назначали священников и распоряжались ими. Епископ жаловался на них князю, и последний запретил Ярославичам делать указанные своеволия, а всем обывателям Туровской епархии предписал, чтобы впредь никто не осмеливался, под опасением штрафа в три тысячи литовских коп, без воли и благословения владыки „церквей и монастырей закладати и будовати“, и вмешиваться вообще в церковные дела». [\[101\]](#)

Однако тот же Беднов постоянно критикует польских королей и великих князей литовских за притеснения православной церкви. В чем же состояли эти притеснения? Ну, во-первых, в покровительстве католическому духовенству, в строительстве католических храмов, в создании монастырей и т. д. А во-вторых, в стремлении иметь в своих землях независимого от Москвы митрополита.

На самом же деле православные владыки в Литовской Руси с XIV века и до середины XVII века имели куда больше прав и привилегий, чем их коллеги в Московской Руси. А вот что касается симонии, то тут трудно сказать, кто держал пальму первенства – московские или литовские иерархи. Вот один характерный пример. В 1398 г. православный луцкий епископ Иоанн пообещал Владиславу II (Ягайло) 200 гривен и 30 коней, если король поможет ему получить галицкую митрополию.

Православные иерархи в Польше и Литве фактически стали полунезависимыми феодальными властителями (удельными князьями). Они владели десятками замков, имели свои частные армии, в том числе с артиллерией. При этом в отличие от светских магнатов они имели судебный иммунитет, то есть могли быть осуждены лишь судом православного митрополита.

Глава 11

Иван III начинает «реконкисту»

Иван III стал первым московским правителем, приступившим к возвращению русских земель, захваченных Литвой. Процесс этот шел крайне медленно, и закончит его лишь Екатерина Великая в конце XVIII века. Трехсотлетний период возвращения русских земель Русскому государству можно сравнить лишь с реконкистой, то есть с пятисотлетней войной по освобождению Пиренейского полуострова от арабских завоевателей.

В настоящее время украинские и белорусские националисты издеваются над фразой «возвращение русских земель», которая обязательно присутствует во всех исторических изданиях царской, советской и «демократической» России. Мол, как можно возвращать то, что никогда не принадлежало Москве?

На мой взгляд, справедливость термина «возвращение» очевидна. Так, в чисто юридическом плане все безукоризненно. Правопреемником Киевской Руси в XIII веке стало Великое княжество Владимирское, а его правопреемником – Великое княжество Московское, и так до Российской империи, СССР и Российской Федерации.

Конечно, можно пофантазировать, а вдруг Великий князь Литовский Витовт сумел бы подчинить себе Москву и Новгород в начале XV века? Ах, если бы он вернулся в православие из католичества! Ах, если бы он сделал какую-то унию между русскими и поляками с подчинением какому-то славянскому патриарху, а не папе римскому! Вот тогда можно было бы сказать, что королевство Витовта могло бы стать правопреемником Киевской Руси. Аналогичный рассказ можно привести и в отношении Великого князя Литовского Свидригайло. Но увы, это все чисто академические рассуждения. И в этом случае совершенно справедливо изречение: «История не терпит сослагательного наклонения».

Предположим на секунду, что Великое княжество Московское, а позже Российская империя не является правопреемником и юридически, и фактически Киевской Руси. Кто же тогда будет ее правопреемником? Речь Посполитая? Да она была могильщицей русского народа и русской культуры. Поляки в XVII – начале XVIII веков превратили русских дворян Белой и Малой Руси в польских панов, навязав им свой язык, религию,

культуру, не оставив им ничего русского. В итоге потомки русских людей стали ненавистниками России.

То же самое польские паны желали сделать и с простыми людьми, но Екатерина Великая прервала этот процесс.

Прежде чем перейти к рассказу о взаимоотношениях Москвы с Польшей и Литвой в 1492–1522 гг., следует упомянуть об изменении титула Ивана III, дела на первый взгляд формального, но давшего «идеологическое» обоснование всем последующим войнам вплоть до 1792 г.

В 1467 г. у Ивана III скончалась жена Мария. Замечу, что Иван женился на дочери тверского князя Бориса Александровича, когда той было двенадцать лет. Таким образом, наша нынешняя юстиция засудила бы бедного Ивана не только за соращение несовершеннолетних, но и за изнасилование – по советским меркам двенадцатилетняя девушка не может знать, что такое секс.

Сразу же после смерти жены Иван срочно стал искать себе невесту. С одной стороны, князя распирало бешеное честолюбие, а с другой – он на всю жизнь запомнил страшную свару с Дмитрием Шемякой и до конца жизни боялся вся и всех: ближних бояр, удельных князей-вассалов и особенно родственников. Поэтому князя не устраивала невеста из своей среды. И вот ему предложили царьградскую принцессу Софию. Естественно, Иван счел ее достойной своего величия.

В 1453 г. при взятии турками Константинополя был убит последний император Византии Константин XI Палеолог. Его брату Фоме Палеологу со всем семейством удалось бежать в Рим. У дочери Фомы Софии не было шансов на приличное замужество. За ней не было ни денег, ни земель, ни даже претензий на земли. К 1469 г. турки так прочно осели в Европе, что о реставрации Византийской империи мог мечтать только сумасшедший. Эту-то девушку папа Павел II через одного из греческих митрополитов кардинала Виссариона, подписавшего Флорентийскую унию, и предложил в жены Московскому Великому князю, желая воспользоваться случаем завязать отношения с Москвой и утвердить здесь свою власть посредством униатки Софии.

В феврале 1469 г. грек Юрий приехал к Великому князю Московскому с письмом от Виссариона, в котором кардинал предлагал Ивану руку греческой царевны, отказавшей будто бы из преданности к отцовской вере двум женихам – французскому королю и медиоланскому герцогу. Великий князь, подумав, посоветовавшись с матерью и боярами, в следующем же месяце отправил в Рим своего посла.

В июне 1472 г. принцесса София выехала из Рима в сопровождении папского легата кардинала Антония. 12 ноября она въехала в Москву и в тот же день была обвенчана с Иваном, а на другой день легат отправил посольство и поднес дары от папы. Кардинал Антоний должен был сразу же поднять вопрос о соединении церквей, но испугался, потому что, как говорит летописец, московский митрополит выставил против него на спор книжника Никиту Поповича: «...иное, спросивши у Никиты, сам митрополит говорил легату, о другом заставлял спорить Никиту». Кардинал не нашел что ответить и, заканчивая спор, сказал: «Нет книг со мною!» Так неудачно закончилась попытка римского двора восстановить Флорентийскую унию посредством брака князя Московского и Софии Палеолог. Но брак этот имел другие важные последствия.

Безмерно возгордившийся Иван повелел называть себя государем. А в 1483–1484 гг. в ряде документов появляется и титул «царь». В 1498 г. происходит венчание Дмитрия Ивановича, внука Ивана III, на престол по всем правилам венчания византийских императоров.^[102]

Женитьба на Софье дала повод Москве впервые заговорить о претензиях на Константинополь. Так, в ряде документов, датированных 1499 г., Софья именовала себя «царевной царьградской Великой княгиней Московской Софьей Великого князя Московского». Старый московский герб с Георгием Победоносцем, введенный князем Юрием Дмитриевичем, был заменен на двуглавого орла. Что означает этот герб, до Ивана и его бояр просто не дошло. С VII века до н. э. орел был символом Римской империи, с IV века н. э. двуглавый орел стал символом разделения Римской империи на Западную со столицей в Риме и Восточную со столицей в Константинополе. Для России же двуглавый орел был пустым обезьянничеством. Возвращение же его в 1991 г. произошло также без объяснения смысла, что вызвало у народа серию толкований – чернобыльский мутант; курица, слишком быстро вертевшая башкой перед объективом и т. д.

Но наиболее важным моментом для отношений с Литвой и Польшей было принятие Иваном титула Государя *Всея Руси*. Но ведь Иван III владел лишь частью того, что в конце XV века понималось под Русью в Москве, Вильно и Кракове. Замечу от себя, что тогда у этих трех стран даже и спора не возникало о конкретных землях, считать их русскими или нет, как, например, о Киевской земле, о Волыни, Брянской земле и др. Повторяю, тогда в официальных документах всех трех государств существовало единство по сему поводу. Изменения же в названиях появились спустя несколько веков.

Таким образом, Иван III выдвинул претензии на русские земли, находившиеся в составе Литвы и Польши, что не могло не вызвать резкой отповеди в Вильно и Кракове.

В борьбе с Литвой и Золотой Ордой Иван III решил опереться на нового союзника – Крымское ханство. Окончательно степной Крым был занят татарами в 1242 г. Крым стал улусом Золотой Орды и управлялся наместником хана (улусским эмиром). Столицей Крымского улуса и резиденцией улусского эмира стал город Кырым, построенный татарами в долине реки Чурук-Су на юго-востоке полуострова. В XIV веке название города Кырым перешло постепенно на весь полуостров Таврида. С конца XIII происходит исламизация татарского населения Крыма.

С начала XII века на берегах Тавриды возникают венецианские и генуэзские города-колонии. Эти колонии остаются и после захвата степного Крыма татарами. Между итальянцами и татарами неоднократно возникали конфликты, но в основном преобладало мирное существование. С одной стороны, прибрежные города-крепости были хорошо укреплены и могли получать подкрепление с моря, а с другой стороны, торговля с итальянцами приносила эмирам неплохие барыши, так зачем же резать курицу, несущую золотые яйца.

Большинство населения Крымского ханства составляли крымские татары. В XV веке они не представляли собой какого-либо единого народа или даже национальности. Это был коктейль из десятков народов. Там были и потомки монголов Чингисхана, и разного прочего сброда, пришедшего вместе с монголами, потомки кочевавших в домонгольский период половцев и других народов, а также потомки коренных жителей Крыма – тавров, киммерийцев, скифов и сарматов.

В 1474 г. Иван III заключил с крымским ханом Менгли Гиреем политический и военный союз против Золотой Орды и Великого княжества Литовского.

В 1492 г. умирает польский король Казимир IV. За годы его правления королевская власть сильно ослабла. В XV веке по отдельным областям Польши – воеводствам – стали собираться сеймики, представлявшие собой съезды местной шляхты, на которых она решала все вопросы, касавшиеся ее, и прежде всего вопросы о новых налогах. Первое время король сам объезжал эти сеймики, но затем стал приглашать представителей этих сеймиков в какой-либо определенный пункт. Иногда по требованию короля уполномоченные шляхты собирались на общий съезд – так входил в обычай общий для Польши сейм. Эта система сеймиков стала основной опорой господства шляхты. Нуждаясь в больших средствах для войны с

орденом, король Казимир IV вынужден был постоянно обращаться к сеймикам и таким образом укреплять их политическое значение.

К концу XV века окончательно организовался так называемый «вальный сейм», то есть общий для всей страны. Этот сейм делился на две палаты: верхнюю – коронную раду, или сенат, где заседали можновладцы – прелаты и сановники Польского государства, и вторую палату – посольскую избу, в которой заседали депутаты от шляхты, избранные на сеймиках. Сеймики получили еще большее значение. Они не только выбирали депутатов на вальный сейм, но также составляли для них обязательные указы. В вальном сейме депутаты выступали не от своего имени, а как представители сеймиков.

После смерти Казимира IV польские паны избрали королем Яна Ольбрехта (Альбрехта), а литовские – великого князя Александра. Иван III побаивался короля Казимира, но после его смерти решил начать большую войну. Иван III срочно отправил в Крым своего посла Константина Заболоцкого. Послу поручено было сказать хану Менгли Гирею, что король Казимир умер, но его сыновья такие же враги Москве и Крыму, как и отец, и чтобы хан с ними в союз не вступал, а пошел бы войной на Литву. Великий князь также хочет сам сесть на коня. Иван III рекомендовал хану идти на Киев. Хан выслушал Заболоцкого, но послал в Малороссию не всю орду, а лишь 500 всадников.

Сам Иван III со всем войском не желал идти в поход, а послал летом 1492 г. на Литву два сравнительно небольших отряда. Один отряд под командованием князя Федора Оболенского напал на Мценск и Любутск и сжег их, взял в плен наместников, бояр и много других людей. Второй отряд воеводы Даниила Щени^[103] в том же 1492 г. захватил город Вязьму, где княжил Андрей Юрьевич Вяземский, и город Хлепень, где сидел Михаил Дмитриевич Вяземский. Напомню, что Вяземский удел достался великому князю Витовту, и вяземские князья, почти 100 лет правившие им, верой и правдой служили Вильно.

Иван III любил не спеша расправляться со своими жертвами, вспомним те же Новгород и Тверь. Вяземское княжество не стало исключением из общего правила. Так произошло и с вяземскими князьями. Михаил Дмитриевич с семьей под стражей был отправлен на Северную Двину, где и умер (убит?). Куда делся Андрей Юрьевич Вяземский – неизвестно, во всяком случае, в 1495 г. в Вязьме уже сидел наместник Ивана III. Итак, наиболее знатные князья Вяземские были устранены, а вот многие боковые ветви были отправлены подальше от западных границ Московского государства.

В Литве забеспокоились и собрались мириться с Москвой. Чтобы склонить Ивана III к уступкам, ему решили предложить брачный союз с одной из его дочерей и Великим князем Литовским Александром. Но как это сделать? Ведь на границе Литвы и Руси идет война. Александр решил действовать обходным путем. Полоцкий наместник пан Ян Заберезский послал своего писаря Лаврина в Новгород к московскому наместнику Якову Захарьевичу Кошкину под предлогом покупки разных вещей в Новгороде, а на самом деле с предложением о сватовстве. Яков Захарьевич, узнав об этом предложении, сам поехал в Москву объявить о нем великому князю. Иван III сначала решил было с боярами, что Якову не следует посылать к Заберезскому своего человека с ответом на его предложение, но потом, когда Яков уже уехал в Новгород, великий князь передумал и послал ему приказ отправить своего человека к Заберезскому, не прекращая, впрочем, военных действий, «потому что и между государями пересылка бывает, хотя бы и полки сходились». Иван велел Якову Захарьевичу отвечать вежливо, потому что Заберезский писал вежливо. Посланный должен был все разведать – какие отношения у Александра с панами, какие слухи ходят про братьев Александра. В Москве поняли, зачем в Литве хотят начать дело о сватовстве, и потому посланец Якова Захарьевича должен был передать Заберезскому, что до заключения мира никаких переговоров о браке не будет.

На этом окольная дипломатия закончилась. Литовские паны завели переписку о браке напрямую с первым московским боярином Иваном Юрьевичем Патрикеевым. Наконец в ноябре 1492 г. в Москву прибыл литовский посол Станислав Глебович. Однако посол и московские бояре заспорили об очередности мероприятий. Глебович хотел свадьбы, а потом переговоров о мире, бояре предлагали заключить мир по воле Ивана III, то есть к Москве должен был отойти ряд пограничных городов (Мценск, Любутск и др.). В конце концов Станислав Глебович безрезультатно вернулся в Литву.

Но дипломатическая игра продолжалась. В Литву едет московский посол дворянин Загряжский. Задача послу была поставлена вполне конкретная – отспорить у Литвы города, захваченные московским войском. В ответной грамоте сенсацией стал новый титул Ивана III. До сих пор в верительных грамотах Казимиру Иван III писал так: «От великого князя Ивана Васильевича Казимиру королю польскому и Великому князю Литовскому послами есмо». Теперь же грамота начиналась: «Иоанн, божьею милостию государь всея Руси и Великий князь Владимирский, и Московский, и Новгородский, и Псковский, и Тверской, и Югорский, и

Болгарский, и иных, Великому князю Александру Литовскому».

Итак, впервые Великий князь Московский назвал себя «государем всея Руси». Что же произошло? Да ничего, кроме того, что военная мощь Литвы в тот момент была ослаблена, а силы Ивана III велики. Кроме того, Литве угрожал союзник московского князя крымский хан Менгли Гирей. Иных аргументов у Ивана III не было. Он даже не стал рассуждать о преемственности московских князей древнерусским киевским князьям. То ли в силу неубедительности сей посылки, то ли потому, что сам Иван с боярами имел весьма смутное представление о Киевском государстве. Послу же был дан такой наказ: «Если спросят его: для чего князь великий назвался государем всея Руси; прежде ни отец его, ни он сам к отцу государя нашего так не приказывали? То послу отвечать: государь мой со мной так приказал, а кто хочет знать зачем, тот пусть едет в Москву, там ему про то скажут».

Пока посол Загряжский собирался в Литву, литовские паны возобновили «окольную дипломатию». Опять полоцкий наместник Заберезский послал своего человека в Новгород к Якову Захарьевичу с просьбой продать двух кречетов. Яков немедленно известил великого князя. Тот отвечал, что дело не в кречетах, а посланник приехал, чтобы возобновить переговоры «для прежнего дела», то есть о великокняжеской дочери. Иван III велел Якову послать в Полоцк вместе с кречетами надежного и умного человека, который был бы там вежлив, но все выведал и высмотрел. А посланника Заберезского Иван приказал сопровождать до границы приставу и следить, чтобы он ни с кем в контакт не вступал. И впредь же так поступать со всеми, кто приедет из Литвы.

На сей раз Иван III выступил против «окольной» дипломатии. Когда великий князь Александр получил грамоту «государя всея Руси», он понял, что игра слишком серьезна и тут не до кречетов. В январе 1494 г. в Москву едут большие литовские послы. После долгих препирательств литовские послы уступили Ивану III большую часть спорных земель, и главное, в договорной грамоте Иван III был написан государем всея Руси, Великим князем Владимирским, Московским, Новгородским, Псковским, Тверским, Югорским, Пермским, Болгарским и иных.

По окончании переговоров Иван III объявил, что соглашается выдать дочь за Александра, если только, как говорили послы и ручались головой, неволи ей в вере не будет.

В январе 1495 г. новые послы приехали за невестой – московской княжной Еленой. В Вильно венчал Александра и Елену католический епископ, но русский поп Фома, приехавший с Еленой, стоял рядом и громко

молился. Александр и вельможные паны просили его помолчать, но Фома не унимался до конца церемонии.

Мир с Литвой просуществовал всего пять лет, а затем литовские паны нарушили его. Но на сей раз не напали на Московское государство, а, наоборот, попросились на службу к Ивану III. И полбеда, если бы они попросту драпанули через границу, так они попросились в Московское государство вместе со своими уделами.

Первым к Ивану III подался в 1499 г. князь Семен Иванович Бельский. Семен Иванович был правнуком Великого Литовского князя Ольгерда, то есть по отцовской линии он был литовцем. Сын Ольгерда Владимир в конце XIV века стал князем Киевским, а его второй сын Иван получил в удел город Белев. Этот Иван и стал родоначальником князей Бельских.

Семен Бельский прибыл в Москву, «бил челом великому князю, чтоб пожаловал, принял в службу и с отчиной». Причиной своего поступка Бельский назвал притеснения православных в Литве – «терпят они в Литве большую нужду за греческий закон».

Иван III принял Бельского и послал сказать Александру: «Князь Бельский бил челом в службу; и хотя в мирном договоре написано, что князей с вотчинами не принимать, но так как от тебя такого притеснения в вере и прежде от твоих предков такой нужды не бывало, то мы теперь князя Семена приняли в службу с отчиною». Бельский тоже послал Александру грамоту, где слагал с себя присягу по причине принуждения к перемене веры.

За Бельским перешли с богатыми волостями князья, до сих пор бывшие заклятыми врагами Великого князя Московского: князь Василий Иванович, внук Дмитрия Шемяки, и сын соратника Шемяки Ивана Андреевича Можайского князь Семен Иванович. Князь Семен перешел с Черниговом, Стародубом, ^[104] Гомелем и Любичем; Шемячич – с Рыльском и Новгородом Северским. Вместе с ними последовали и другие князья – Мосальские, Хотетовские, и все по причине якобы гонения за веру.

На самом же деле никаких гонений за веру в 1500 г. не было, тем более в пограничных с Москвой уделах и княжествах. На самом деле князья Литовской Руси были мало знакомы с московскими порядками и нравом Ивана III. Они знали московского князя как удачливого и очень богатого правителя и надеялись на получение денег и новых вотчин.

И поначалу московские власти не спешили их разочаровывать. К Ивану перешли князья Трубецкие – Андрей, Иван, Федор Семеновичи и Иван Юрьевич с сыном Семеном. Вся эта компания потомков Гедемина к 1499 г. совместно владела небольшим городком Трубчевском. Им он был и

оставлен до конца XVI века. От них пошел род князей Трубецких.

Меньше повезло Василию Шемячичу. Он несколько лет верой и правдой служил Ивану III, а затем Василию III. Шемячич проявил себя талантливым полководцем и участвовал во многих походах на Литву и крымских татар. Но московским великим князьям не нужны были сильные князья-вассалы, а только холопы. И вот в 1522 г. Василий III вызывает Василия Шемячича в Москву. Тот, видимо, заподозрил неладное и попросил охранную грамоту, скрепленную «клятвою государя и митрополита». Митрополит Варлаам не согласился пойти на клятвопреступление и в конце 1521 г. оставил митрополичий престол. Его место занял более податливый Даниил, который согласился дать «крестоцеловальную запись» с тем, чтобы выманить «запазушного врага» в столицу.

18 апреля 1523 г. Шемячич прибыл в Москву, с почетом принят Василием III, но вскоре схвачен и брошен в тюрьму. По мнению посла германского императора Герберштейна, один Шемячич оставался на Руси крупным властителем, и «чтобы тем легче изгнать его и безопаснее властвовать, выдуманно было обвинение в вероломстве, которое должно было устранить его». Сын Василия Шемячича Иван, жена и две дочери были насильно пострижены в монахи и сосланы в Каргополь, сам Василий умер в заточении 10 августа 1529 г.

Та же участь ждала Ивана Ивановича Белевского (не путать с Бельским). Он стал известным московским воеводой, но в 30-х гг. XVI века был сослан в заточение в Вологду, а Белевский удел прекратил свое существование. Почти так же кончили и все остальные удельные князья.

Но, повторяю, князья, переходив к Ивану III, мечтали совсем о другом. Понятно, что литовский князь Александр не стал спокойно взирать на переход чуть ли не четверти своего княжества к Москве, и вновь началась война.

Основная часть московских войск шла под командованием служилого татарского хана Магмет-Аминя и воеводы Якова Захарьевича Кошкина. Эта рать заняла города Мценск, Серпейск, Мосальск, Брянск и Путивль. Князья Северские Можайский и Шемячич были приведены к присяге Ивану III.

Другую часть московского войска возглавил боярин Юрий Захарьевич Кошкин. Вскоре Юрий взял Дорогобуж. На соединение с Юрием Кошкиным Иван III направил тверскую рать под начальством князя Даниила Васильевича Щени. После соединения Щеня должен был командовать большим полком, а Юрий Кошкин – сторожевым. Таким образом, Юрий должен был подчиняться Щене. Кошкин обиделся,

заместничал и написал Ивану III, что ему нельзя быть ниже князя Данилы. Иван вежливо одернул зарвавшегося боярина: «Гораздо ль так делаешь? Говоришь, что тебе непригоже стеречь князя Данила: ты будешь стеречь не его, но меня и моего дела; каковы воеводы в большом полку, таковы и в сторожевом: так не позор это для тебя». С одной стороны, братья Кошкины оказали великому князю неоценимые услуги, одно участие в расправе над Новгородом чего стоило. А с другой стороны, Иван еще чтит старинные обычаи – негоже потомкам дружинника Кобылы быть выше потомка великого князя Гедемина. В Москве это был один из первых, если не первый случай, когда представитель служилого старомосковского боярства осмелился местничать с князем.

Получив послание Ивана III, Юрий Кошкин успокоился. Урок пошел впрок, и долгие десятилетия Кошкины – Захарьины – Романовы не осмеливались местничать ни с Гедеминovichами, ни с Рюриковичами.

Помирившиеся Юрий и Щеня 14 июля 1500 г. дали бой литовской рати на Митьковом поле на реке Ведроше. Благодаря внезапной атаке засадного полка литовцы были вдребезги разбиты, а гетман князь Константин Острожский со всеми литовскими воеводами взят в плен и отправлен в Москву.

Великий князь Литовский Александр стал с войском на реке Бобр, но, узнав о разгроме князя Острожского на Ведроше, отступил к Полоцку. Оставив сильные гарнизоны в Витебске и Полоцке, Александр осенью ушел зимовать к Вильно.

Осенью 1499 г. «по наущению Великого князя Московского царь перекопский Менгли-Гирей послал сына своего Ахмат-Гирея, султана с прочими своими детьми и с многими силами татарскими. И воевали [они] земли Волынскую и Подляшскую и Польскую, и сожгли тогда города Владимир и Брест, и воевали около Люблина до самой реки Вислы и, перейдя за Вислу, большой город Опатов сожгли и много зла причинили и сотворили несказанное кровопролитие христианам в Великом княжестве Литовском и в Польше, и, многие города и деревни сжегши, с большой добычей и множеством пленных ушли восвояси». [\[105\]](#)

В начале 1500 г. Великий князь Литовский нанял несколько тысяч наемников – поляков, чехов и немцев – и, собрав большое войско, двинулся к Минску. Тем временем новгородские, псковские и великолукские полки под начальством великокняжеских племянников Ивана и Федора Борисовичей и боярина Андрея Челядина взяли Торопец. Новые подданные – князья Северские Можайский и Шемячич вместе с братьями князем Ростовским и Семеном Воронцовым – одержали победу над литовцами под

Мстиславом. Русская летопись сообщает о семи тысячах убитых супостатах.

Сын Ивана III Дмитрий Жилка осадил Смоленск. Московское войско окружило город, вокруг были возведены осадные батареи, которые даже и ночью обстреливали Смоленск. Одновременно русские овладели Оршей.

На выручку Смоленску Великий князь Литовский Александр послал из Минска войско во главе с трокским старостой Станиславом Яновским. Литовцы форсировали Днепр и Оршу и направились к Смоленску. Русские были вынуждены снять осаду с города и отойти без сражения.

На литовском же театре военных действий после битвы на реке Ведроше боевые действия велись вяло, а в 1502 г. вообще не велись. Интенсивные баталии вели лишь дипломаты. Отчасти это объяснялось смертью в 1501 г. польского короля Яна Ольбрехта. В том же году королем был избран его брат Великий князь Литовский Александр.

Осенью 1502 г. крымские татары – союзники Москвы, – перейдя реку Припять, основательно пограбили Великое княжество Литовское. По приказу короля князь Семен Михайлович Слуцкий собрал большое войско из литовских и русских панов, австрийских наемников и т. д. Литовцы нагнали татар за Бобруйском в 10 верстах на реке Ули и разбили их. Тем не менее другие отряды крымских татар гуляли по окрестностям Слуцка, Клецка, Несвижа и даже Новогрудка.

25 марта 1503 г. в Москве был подписан русско-литовский «перемирный» договор, то есть перемирие сроком на 6 лет. Перемирная грамота была написана от имени великого князя Ивана, *государя всея Руси*, сына его *великого князя* Василия и остальных детей. Великий князь Литовский Александр обязался не трогать земель московских, новгородских, псковских, рязанских, пронских, уступил землю князя Семена Стародубского (Можайского), Василия Шемячича, князя Семена Бельского, князей Трубецких и Мосальских, города Чернигов, Стародуб, Путивль, Рыльск, Новгород Северский, Гомель, Любеч, Почеп, Трубчевск, Радогощ, Брянск, Мценск, Любутск, Серпейск, Мосальск, Дорогобуж, Белую, Торопец, Острей – всего 19 городов, 70 волостей, 22 городища и 13 сел.

27 октября 1505 г. на 67-м году от рождения и на 44-м году княжения умер Иван III. Московский престол перешел к его сыну Василию III (1479–1533). Польский король и Великий князь Литовский Александр пережил своего тестя менее чем на год и умер в августе 1506 г. Его место на литовском престоле занял брат Сигизмунд, который с 24 января 1507 г. стал и королем Польши.

Прежде чем переходить к правлению Сигизмунда I, следует упомянуть о переменах в государственном устройстве Польше, имевших большое значение для последующих событий. Так, Мельницким привилеем 1501 г. королевская власть была поставлена в полную зависимость от сената. Значение короля свелось по существу к роли председательствующего в сенате. Сенат сконцентрировал в своих руках всю полноту власти в государстве. Однако успех крупных феодалов не был длительным. В 1505 г. шляхта добилась издания Радомской конституции «Nihil novi» («Никаких нововведений»). По конституции 1505 г. король не мог издавать ни одного нового закона без согласия как сената, так и посольской избы.

Глава 12

Литовская невеста Василия III

Сразу же после вступления на престол Сигизмунд I отдал приказ о подготовке к походу на Москву. В Крым и Казань были отправлены большие послы поднимать татар на Василия III.

Следует заметить, что от Александра новый король унаследовал огромные долги. Дело дошло до того, что за шесть злотых была заложена даже кухонная посуда короля. Однако польская шляхта согласилась на новый разовый налог, давший казне 70 тысяч злотых. На эту сумму Сигизмунд даже нанял две «армии». В одной было 500 кавалеристов и 200 пехотинцев, а в другой 663 кавалериста и 1900 пехотинцев.

В начале 1507 г. в Москву прибыли послы Сигизмунда. Они известили Василия III о смерти Александра и о восшествии на престол Сигизмунда I. Послы объявили, что у великого князя Василия Васильевича и у короля Казимира был заключен вечный мир, по которому они обязались не забирать друг у друга земель и вод, что Казимир не нарушил ни в чем договора, а московская сторона нарушила. Так как правда королей Александра и Казимира известна всему миру, то Сигизмунд призывает великого князя Василия к уступке всех литовских городов, волостей, земель и вод, доставшихся его отцу во время прежних войн, а также к освобождению всех литовских пленников, дабы кровь христианская не лилась, ибо король в своей правде уповает на Бога.

В речи послов была явная угроза, что в случае неисполнения требований Сигизмунда будет объявлена война. Еще послы пожаловались, что московские подданные захватили четыре смоленские волости и дорогобужские помещики притесняют литовских пограничников.

Василий спокойно отвечал послам: «Мы городов, волостей, земель и вод Сигизмундовых, его отчин никаких за собою не держим, а держим с божиею волею города и волости, земли и воды, свою отчину, чем нас пожаловали и благословил отец наш, князь великий, и что нам дал бог, а то прародителей наших и вся Русская земля наша отчина... Как отец наш, и мы брату нашему и зятю Александру дали присягу на перемирных грамотах, так и правили ему во всем до самой его смерти. А с Сигизмундом королем нам перемирья не было. Если же Сигизмунд, как вы говорили, хочет с нами мира и доброго согласия, то и мы хотим с ним мира, как нам

будет пригоже». Потом, перечислив обиды, нанесенные литовцами русским, – взятие в Брянской области более ста сел и деревень, грабеж купцов козельских, алексинских, калужских, псковских, занятие волостей князя Бельского, – Василий велел сказать королю, чтоб за все это было сделано надлежащее удовлетворение, а в противном случае он найдет управу.

Переговоры в Москве закончились в марте 1507 г., а 29 апреля московские полки уже пошли воевать Литовскую землю.

Положение литовского войска было осложнено конфликтом нового короля с фаворитом Александра князем Михаилом Глинским. Глинские вели род от татарина, приехавшего в Литву на службу к Витовту и крестившемуся по православному обряду. При Александре Михаил Глинский стал одним из богатейших владельцев Литвы и нашел много сторонников среди православной шляхты. Вначале Сигизмунд отнял у брата Михаила князя Ивана Львовича Киевское воеводство и дал вместо него Новгородское (Новогруденское). Глинский «за правдой» отправился в Венгрию к брату Сигизмунда королю Владиславу, но и заступничество Владислава не помогло. Тогда Глинский сказал королю: «Ты заставляешь меня покуситься на такое дело, о котором оба мы после горько жалеть будем», и вступил в переписку с Василием III. Последний уговорил князя Михаила, что вот-вот к Гродно подойдут русские воеводы, и чтобы Глинский тоже не медлил.

С семьей сотнями всадников из своей частной армии^[106] Михаил Глинский лихо форсировал Неман и ворвался в Гродно. Личный враг Михаила воевода виленский Ян Заберезский (в других документах Забржезинский) был убит в своей спальне. Его голову на сабле поднесли Глинскому. Тот велел нести ее впереди войска на древке шесть верст и потом утопить в озере. Покончив со своим главным врагом, Глинский разослал конницу искать и бить других враждебных ему панов. Через несколько дней, не дождавшись русских воевод, Глинский со своей армией ушел к Новгороду.

Лето 1507 г. оказалось очень жарким, дождей не было. По сему поводу и король Сигизмунд, и русские воеводы развели свои войска. Дождливой осенью и холодной зимой драться тоже было несподручно. И военные действия возобновились лишь поздней весной следующего года.

Частная армия Глинского опустошила Слуцкую и Копыльскую области и захватила города Туров и Мозырь. Великий князь Московский уведомил Глинского, что посылает ему на помощь полки под начальством князя Василия Ивановича Шемячича. Василий III писал, чтобы с этой помощью

Глинский «добывал ближайšie к себе города, а далеко с нею не ходил, дело делал бы не спеша», пока подойдет из Москвы другое, более многочисленное, войско.

Глинский хотел, чтобы Шемячич помог ему занять Слуцк, который, как писал он Василию III, находился близко от его городов. На самом же деле Глинскому хотелось овладеть Слуцком для того, чтобы жениться на его княгине Анастасии и получить право на Киев, которым раньше владели предки князей Слуцких. Но Шемячичу хотелось держаться ближе к северу, откуда должны были подойти московские полки, и потому решено было идти на Минск, отправив вперед «загоны» (отряды легкой кавалерии) в глубь Литвы для того, чтобы устроить панику и помешать сбору войск. Эти отряды подходили на 14 верст к Вильно, на 7 верст к Новогрудку, заходили под самый Слоним.

Две недели стояли Глинский с Шемячичем у Минска, дожидаясь вестей о подходе московских полков, но вестей не было, и это заставило их отступить от Минска и двинуться к Борисову. Отсюда Глинский писал Василию III, чтоб он смиловался «для пользы всего притесненного христианства, которое всю надежду полагает на бога, да на него. Велел бы своим воеводам спешить к Минску, иначе братья и приятели его, Глинского, и все христианство придет в отчаяние, города и волости, занятые с помощью великокняжескую, подвергнутся опасности, и самое благоприятное время будет упущено, ибо ратное дело делается летом». Но Василий III, извещая о движении своих воевод князя Даниила Васильевича Щени из Новгорода, Якова Захарьевича Кошкина из Москвы и Григория Федоровича из Великих Лук, приказал Шемячичу и Глинскому идти на соединение с ними в Орше.

Шемячич и Глинский двинулись к Орше, по дороге заняли Друцк. Одновременно с ними к Орше подошел князь Щеня с новгородскими полками, и воеводы начали вместе осаду крепости. Однако взять Оршу так и не удалось. Замечу, что третий воевода, Яков Захарьевич Кошкин, стоял без дела под Дубровной.

12 июня 1508 г. русские узнали, что королевские войска идут к Орше. Тогда воеводы отошли от крепости и стали на другом берегу Днепра, потом отступили еще дальше, к Дубровне, и простояли там семь дней. Но король за Днепр не пошел. По литовским же сведениям, король переправился через Днепр после того, как его отряды отогнали русских от берега. К ночи бой прекратился, и Глинский стал упрашивать московских воевод наутро дать бой королю, но те не согласились и в полночь отступили. Король побоялся их преследовать и вернулся в Смоленск.

Из Дубровны московские воеводы пошли на юго-восток, к Мстиславию, где разграбили и сожгли посад. Потом войско пошло к Кричеву, то есть московские воеводы все дальше расходились с Сигизмундом в разные стороны.

Сигизмунд начал собирать силы у Смоленска и готовиться к генеральному сражению. Войском должен был командовать литовский гетман князь Константи́н Острожский, которому удалось сбежать из Москвы. Но другие литовские вельможи воспротивились этому назначению, и поход сорвался. Литовские отряды успели только сжечь крепость Белую, овладеть Торопцом и занять Дорогобуж, который сожгли сами горожане, чтобы не оставлять врагу.

Но теперь в наступление перешли русские. Смоленский воевода Станислав Кишка, засевший в Дорогобуже, бежал при приближении московской рати. Дорогобуж был взят. Таким же способом воевода князь Даниил Васильевич Щеня взял Торопец. По каким-то неясным причинам далее русские воеводы не пошли.

Василий III пожаловал Михаила Глинского двумя городами – Малоярославцем и Медынью, несколькими селами под Москвой и «отпустил с ним в Литву полки свои для оберегания его вотчинных городов».

Итак, Сигизмунд I не имел сил более вести войну, а Василий III не имел более желания воевать. Посему оставалось только помириться. 19 сентября 1508 г. в Москву прибыли королевские послы – полоцкий воевода Станислав Глебович, маршалок Ян Сапега^[107] и другие. Уже 8 октября был заключен «вечный мир» (то есть бессрочный) между Московским государством и Литвой.

Согласно договору, Сигизмунд должен был уступить Москве в вечное владение приобретения Ивана III. Тяжелые для Литвы условия перемирия Литовского Великого князя Александра с Иваном III стали теперь условиями «вечного мира» между Сигизмундом и Василием III. Однако шесть волостей, занятых русскими войсками в ходе боевых действий 1507–1508 гг., пришлось вернуть. Среди этих волостей были и владения Глинских. Самим Глинским и всем желающим шляхтичам был разрешен свободный выезд из Литвы в Москву. Также оба государя обязались быть заодно против всех недругов, в том числе и «перекопского царя» татарского хана Менгли Гирея.

«Вечный мир» просуществовал всего лишь четыре года. Как написано в русской летописи, в мае 1512 г. «двое сыновей Менгли Гиреевых с многочисленными толпами напали на украину, на Белев, Одоев,

Воротынск, Алексин, повоевали, взяли пленных». Василий III выслал против них войско, но татары успели отступить с большой добычей, а московские воеводы догонять их не стали.

Тут надо сделать маленькое отступление. Как в летописи, так и у историка С.М. Соловьева слово «украина» написано с маленькой буквы. Это не то, что позже стали понимать под Украиной, а окраина русского государства. Замечу, что в XVI и XVII веках ряд территорий в Сибири в казацких челобитных в Москву именуется «украинами». Термин же Украина в современном понимании стал использоваться лишь во времена войн Богдана Хмельницкого.

Осенью 1512 г. русские лазутчики донесли из Крыма, что поход крымских царевичей был следствием договора, заключенного между Менгли Гиреем и Сигизмундом. Это известие в Москве сочли достаточной причиной для разрыва с Литвой, и Василий III послал Сигизмунду грамоту, упрекая его за оскорбление своей сестры Елены (вдовы Александра) и за старание поднять Менгли Гирея против Москвы.

Василий III вступил в союз с германским императором Максимилианом. В феврале 1514 г. в Москву прибыл императорский посол Синцен Памер и заключил договор, предусматривавший изъятие у Сигизмунда I земель Тевтонского ордена в пользу императора, а Киева и других русских городов в пользу Великого князя Московского.

Василий III еще до заключения договора, 19 декабря 1512 г., выступил в поход с двумя братьями, Юрием и Дмитрием, зятем – крещеным татарским царевичем Петром, с Михаилом Глинским и с двумя московскими воеводами князьями Даниилом Васильевичем Щеней и Иваном Михайловичем Репнѣй-Оболенским. Целью похода был Смоленск. Как сказано в летописи, шесть недель простояв под городом, великий князь назначил приступ. Псковские пищальники, получив от Василия III три бочки меду и три бочки пива, напились и в полночь ударили на крепость вместе с пищальниками других городов. Всю ночь и весь следующий день «бились они из-за Днепра и со всех сторон, много легло их от городского наряда [пушек. – А.Ш.]». Однако все приступы московской рати были отбиты, и Василий III в марте 1513 г. возвратился в Москву, так и не взяв Смоленска.

14 июня Василий опять выступил в поход. Сам он остановился в Боровске, а к Смоленску послал воевод боярина князя Репню-Оболенского и окольного Андрея Сабурова. Смоленский наместник Юрий Сологуб вышел с войском из города и контратаковал русских. Однако полки его были разбиты и бежали в крепость.

Вскоре под Смоленск прибыл и сам великий князь Василий. К городу были доставлены осадные орудия. Но литовцы храбро защищались.

8 июня 1514 г. Василий III в третий раз выступил к Смоленску. С ним шли братья Юрий и Семен, а третий брат, Димитрий, стоял в Серпухове для защиты южных границ от крымцев, четвертый же брат, Андрей, остался в Москве. 29 июля началась осада Смоленска.

Действиями пушек распоряжался пушкарь Стефан. Первым же выстрелом из огромной пушки Стефану удалось попасть в пушку в крепостной башне. Литовская пушка разорвалась, и все, кто находился в башне, были убиты. Через несколько часов Стефан дал залп из пушек меньших калибров «ядрами мелкими окованными свинцом», то есть пушки заряжались несколькими камнями средней величины, покрытыми свинцовой оболочкой. Таким образом, эти боеприпасы напоминали дальнюю картечь XVIII века с той разницей, что тогда ядра были чугунные. Смоляне не ожидали от русских такой пакости, и у стен собралось много военных и гражданских лиц, пришедших посмотреть на войско москвичей. Согласно русской летописи, этот залп «еще больше народу побил; в городе была печаль большая, видели, что биться нечем, а передаться – боялись короля». Тем временем великий князь велел Стефану дать третий залп, вызвавший новые потери среди осажденных.

Тогда православный владыка Варсонофий вышел на мост и стал просить у великого князя перемирия до следующего дня. Но Василий не согласился и велел бить по городу из всех пушек со всех сторон. Варсонофий вернулся в город, собрал весь церковный причт, надел ризу, взял крест, иконы и вместе с наместником Сологубом, панами и простыми людьми снова вышел на мост и обратился к Василию: «Государь князь великий! Много крови христианской пролилось, земля пуста, твоя отчина. Не погуби города, но возьми его с тихостию». Тогда Василий подошел к владыке для благословения, а затем велел ему, Сологубу и панам идти к себе в шатер.

На следующий день, 30 марта, Василий III послал в Смоленск своих воевод Данилу Щеня с товарищами, дьяков и подьячих с заданием переписать всех жителей и привести к присяге «быть за великим князем и добра ему хотеть, за короля не думать и добра ему не хотеть». К вечеру следующего дня все смоляне были переписаны и приведены к присяге. А 1 августа Василий III вместе с владыкой Варсонофием торжественно вступил в Смоленск, где был радостно встречен всем народом. После молебна и многолетия в соборной церкви владыка сказал великому князю: «Божиею милостию радуйся и здравствуй, православный царь Василий, великий

князь всея Руси, самодержец, на своей отчине, городе Смоленске на многие лета!»

Смоленским князьям, боярам и мещанам Василий объявил свое жалованье, уставную грамоту и назначил им наместником боярина князя Василия Васильевича Шуйского, а затем позвал всех обедать, а после обеда все получили великокняжеские дары. Сологубу же и сыну его Василий сказал: «Хочешь мне служить, и я тебя жалую, а не хочешь, волен на все стороны». Сологуб выразил желание вернуться к своему королю и был отпущен. А в Польше его объявили изменником и отрубили голову. Всем остальным королевским служилым людям Василий III так же предложил на выбор остаться у него на службе или возвратиться к Сигизмунду. Оставшиеся получили по два рубля и по сукну, те же, кто решил уехать к королю, получили по рублю. Многие смоляне уже давно хотели покинуть свой город, и тем, кто ехал в Москву, давали подъемные, те же, кто оставался, удерживали за собой свои вотчины и поместья.

В осаде Смоленска активное участие принимал Михаил Глинский. Он был уверен, что получит город себе во владение. Василий же не собирался отдавать этот ключевой пункт столь легко увлекающейся личности. Глинский сильно обиделся и вступил в переговоры с королем Сигизмундом. Тот обрадовался и переслал князю охранную грамоту. Глинский решил тайно покинуть свой отряд и бежать в Оршу, но один из близких его слуг в ту же ночь прискакал к князю Михайле Голице, доложил о бегстве своего господина и даже указал дорогу. Голица, предупредив воеводу Челядина, помчался вдогонку за беглецом и схватил его этой же ночью. На рассвете Голица соединился с отрядом Челядина, и они вместе повезли Глинского в Дорогобуж, где находился Василий III. Великий князь приказал заковать изменника и отправить в Москву. Изъятая у Глинского сигизмундова охранная грамота стала страшной уликой против него.

Генеральное сражение русских и литовских войск произошло 8 сентября 1514 г. близ Орши у слияния реки Крапивны с Днепром. Сигизмунд остался в городе Борисове с четырьмя тысячами воинов, а навстречу русским отправил князя Константина Острожского с тридцатью тысячами.

Русские воеводы князь Михайла Голица и боярин Иван Челядин заняли позицию на левом берегу Днепра, опираясь левым флангом на болота у Крапивны. В ночь на 8 сентября Острожский переправил через Днепр вплавь кавалерию, а за ней двинул пехоту по двум наскоро наведенным мостам. Челядин допустил большую ошибку, дав противнику без боя форсировать Днепр. К 9 часам утра литовское войско стояло в

полном боевом порядке на левом берегу.

Челядин построил свои войска в три растянутые линии, а на флангах послал отдельные отряды в тыл противнику. Голица, отделившись от правого крыла с большим отрядом конницы, стремительно ударил на левый фланг литовской кавалерии, но она выдержала удар, а польская конница из резерва атаковала отступавшего Голицу во фланг. Подоспевшее подкрепление позволило Голице вновь двинуться на противника. Но тут неожиданно неприятельская кавалерия расступилась и открыла пехоту, которая огнем с близкой дистанции привела ряды русского войска в беспорядок. Тогда Острожский ударил всей литовской конницей и, преследуя, занесся за вторую линию русских. На помощь прискакал полк Зборовского, который вместе с гусарами Шпаковского прорвался сквозь растянутую линию русских и ударил в копья.

Между тем на правом фланге литовцев их кавалерия, имея против себя превосходящую численностью русскую кавалерию, обратилась в тыл. Русская конница, в беспорядке преследуя литовцев, наскочила на засаду: скрытые до того пушки встретили ее страшным огнем. В то же время обратившаяся было назад литовская конница вместе с польскими латниками из резерва стремительно ударили на русскую ошеломленную и расстроенную конницу, опрокинули ее центр и левое крыло и гнали до реки Крапивны и левого берега Днепра. Русскому левому крылу некуда было отступать, и оно было большей частью истреблено.

Челядин со свежими войсками бездействовал, а когда решился ударить в тыл прорвавшимся, то был атакован латниками Сверчевского и легкой конницей Радзивилла.^[108] Русские не выдержали, подались назад и бросились к ближайшему лесу.

Битва эта продолжалась целый день и окончилась полным поражением русских. Сигизмунд, извещая магистра Ливонского ордена об Оршинской победе, писал, что москвичи из 80 тысяч человек 30 тысяч потеряли убитыми, в плен взяты восемь верховных воевод, 37 второстепенных начальников и полторы тысячи дворян. Однако из официальных литовских документов известно, что всего пленных, взятых как у Орши, так и в других местах, было 611 человек.

Следствием Оршинского поражения стала сдача без боя городов Дубровны, Мстиславля и Каючева. Правда, эти города сдавали не московские воеводы, а литовские феодалы, переметнувшиеся в свое время на сторону «москвитов». Так, мстиславский владелец князь Михайла Ижеславский, узнав о приближении королевского войска, отправил Сигизмунду грамоту с обещаниями верности и извинениями, что только по

необходимости служил некоторое время Великому князю Московскому.

В Смоленске сторонники короля устроили заговор, причем во главе его стоял православный владыка (епископ) Варсонофий. Он отправил к Сигизмунду своего племянника с письмом такого содержания: «Если пойдешь теперь к Смоленску сам или воевод прилещь со многими людьми, то можешь без труда взять город». Король обрадовался и направил заговорщикам милостивую грамоту и богатые дары.

Однако большинство смоленских дворян и мещан тяготели к Москве. Кто-то из них донес на заговорщиков московскому наместнику Василию Шуйскому. Тот велел схватить Варсонофия и других заговорщиков, посадил под стражу и о случившемся доложил великому князю в Дорогобуж. В это время к Смоленску подошел князь Константин Острожский. Надеясь на помощь Варсонофия, король отправил с Острожским только шеститысячный отряд. Но Шуйский разуверил его, повесив всех заговорщиков, кроме Варсонофия, на городских стенах на виду у польского отряда. Причем, как гласит летопись, «который из них получил от великого князя шубу, тот был повешен в самой шубе; который получил ковш серебряный или чару, тому на шею привязали эти подарки и таким образом повесили».

Тщетно после этого Острожский посылал смолянам грамоты с увещеваниями передаться Сигизмунду, тщетно пытался взять город приступом, королевских сторонников среди смолян больше не было, а остальные горожане бились крепко. Острожский был вынужден отступить, а московские ратные люди и смоляне преследовали его отряд, отбив почти весь обоз.

Таким образом, Оршинская битва стала хорошим примером в тактическом отношении, но ничего не дала в стратегическом. Войска обеих сторон остались примерно на тех же позициях.

Следует отметить, что православные князья и бояре, как русского, так и литовского происхождения, в целом не обнаруживали большого желания воевать с Василием III. Так, киевский воевода Андрей Немирович в письме литовской Раде жаловался: «Писал я к старостам и ко всем боярам киевским, чтоб ехали со мною на службу господарскую. Но никто из них не хочет ехать. Пожалуйста, напишите им, чтоб они поспешили за мною на службу господарскую».

И Сигизмунд, и Василий с переменным успехом натравливали друг на друга Менгли Гирея. Самый крупный набег на Московское государство крымцы предприняли летом 1517 г. Двадцать тысяч татар явилось в окрестности Тулы. Воеводы князь Василий Семенович Одоевский и Иван

Михайлович Воротынский успели подготовиться к обороне. Пешие рати встретили татар в засеках, а затем их стала преследовать конница. Как сказано в летописи, татар «много взяли в плен, так что из 20 000 очень мало их возвратилось в Крым, и те пришли пеши, босы и наги».

Василий III вступил в союз с императором Максимилианом и с Альбрехтом Бранденбургским, великим магистром Тевтонского ордена. И тут, видимо, впервые возникла идея раздела Польши и Литвы между Священной Римской империей, Тевтонским орденом и Москвой. Напуганный возможностью такой комбинации, Сигизмунд обратился к императору Максимилиану с просьбой о посредничестве в переговорах с Василием III. Император согласился, и его посол Сигизмунд Герберштейн прибыл в Москву 18 апреля 1517 г.

С большим трудом Герберштейну удалось склонить Василия к переговорам, и в сентябре 1517 г. в Москву явились сигизмундовы послы маршалки Ян Щит и Богуш. Но тут король, державший почти трехлетнюю паузу после Оршинской битвы, вновь решил воевать. Сигизмунд отправил гетмана Константина Острожского с большим войском к псковскому городу Опочке. Но 6 октября сильный приступ литовцев был отбит великокняжеским наместником Василием Михайловичем Салтыковым-Морозовым с большим уроном для осаждающих. Несмотря на это, Острожский не снял осаду с крепости, а распустил отряды для нападений на другие малые псковские крепости – Воронач, Вилье^[109] и Красный. Но московские войска, прибывшие на помощь к Опочке, в трех местах одержали победу над неприятелем, а воевода Иван Ляцкий наголову разбил шедший к Острожскому литовский отряд, заполучив при этом все их пушки и пищали.

Тем не менее литовские послы 29 октября 1517 г. были приняты великим князем в присутствии Герберштейна. Московские бояре потребовали от Литвы и Польши возвращения русских городов Киева, Полоцка, Витебска и других. Ведь недаром Иван III объявил себя государем всея Руси. С другой стороны, и Сигизмунд был не только польским королем, но и Великим князем Литовским и Русским.

Как писал С.М. Соловьев: «...чем бы ни кончились переговоры [с Литвой. – А.Ш.], на каких бы условиях на этот раз ни заключен был мир или перемирие, в Москве считали необходимым всякий раз наперед предъявлять права великого князя или царя, потомка св. Владимира, на все русские земли, принадлежавшие последнему, опасаясь умолчанием об этих правах дать повод думать, что московский государь позабыл о них,

отказывается от них».^[110]

Послы Сигизмунда в ответ потребовали возвращения Смоленска. Герберштейн попытался поддержать их, сославшись на то, что император Максимилиан отдал венецианцам Верону. На что Василий велел ответить: «Говорил ты, что брат наш Максимилиан Верону город венецианцам отдал: брат наш сам знает, каким обычаем он венецианцам Верону отдал, а мы того в обычае не имеем и вперед иметь не хотим, чтобы нам свои отчины отдавать».

Переговоры в Москве затянулись. А тем временем магистр Альбрехт начал боевые действия. Василий послал ему денег, чтобы нанять еще тысячу солдат. В 1518 г. князь Василий Шуйский с новгородскими полками и большим количеством пушек, а брат его Иван Шуйский с псковскими полками выступили в поход к Полоцку. Подойдя к городу, русские войска начали ставить туры и стрелять из пушек по стенам. Вскоре на помощь к осаждающим подошел московский отряд под началом князя Михаила Кислицы. Но гарнизону Полоцка удалось отбиться, а в лагере русских начался голод.

Отряд детей боярских был отправлен на стругах на фуражировку. Когда русские зашли в прибрежную деревню, литовский воевода Вольнец внезапно завладел их стругами. Дети боярские кинулись назад к Двине и попытались переплыть ее вплавь, при этом многие из них утонули. После этого случая Шуйский снял осаду и увел войска от Полоцка.

В следующем, 1519 году князь Михаил Кислица с новгородцами и псковичами пошел в Литву, под Молодечно и другие городки и, как выразился летописец, «вышли назад к Смоленску все сохраненные богом». Но больше известен поход князя Василия Шуйского от Смоленска, предпринятый в том же году, а также поход князя Михаила Горбатого от границ новгородских и псковских земель и князя Семена Курбского из Северной земли. Эти воеводы ходили к Орше, Могилеву и Минску, дошли до Вильно. Другие московские воеводы ходили к Витебску и Полоцку.

2 сентября 1520 г. в Москве было подписано перемирие на шесть лет. Весь 1521 г. прошел в переговорах, а к концу 1522 г. было подписано очередное перемирие. В значительной степени это было связано с казанским походом Василия III, описание которого выходит за рамки этой книги. До самой смерти Василия III в 1533 г. так и не было подписано «вечного мира», его заменяли перемирия от 25 декабря 1526 г. и от 24 марта 1532 г.

Видимо, стоит сказать несколько слов и о судьбе одного из важнейших действующих лиц русско-литовских войн – Михаиле Глинском. Как уже

говорилося, после неудачного побега в Литву Глинский был отправлен в заточение. Из тюрьмы его вызволила... импотенция Василия III.

В 1525 г. Великому князю Московскому стукнуло 46 лет, а детей у него еще не было. Василий остро переживал это. Один раз он при боярах даже впал в истерику и с плачем говорил: «Кому по мне царствовать на Русской земле и во всех городах моих и пределах? Братьям отдать? Но они и своих уделов устроить не умеют». На что бояре ответили: «Государь князь великий! Неplодную смоковницу посекают и измещут из винограда».

В конце 1525 г. митрополиту и боярам удалось склонить Василия к разводу. 23 ноября власти начали «розыск о колдовстве» великой княгини Соломонии. Действительно, несчастная женщина обращалась к знахарям за помощью от бесплодия.

Теперь Василий III имел основания предать жену церковному суду как ведьму. Но вместо этого он 29 ноября приказал увезти ее в девичий Рождественский монастырь на Трубе (на Рву), где ее принудительно постригли в монахини под именем София.

А тем временем московские бояре подыскиали и невесту Василию – Елену Глинскую. В выборе невесты решающую роль сыграли Захарьины и князья Шуйские. Невеста из клана Захарьиных или Шуйских не могла пройти, поскольку в этом случае против них ополчилась бы вся московская знать. Поэтому для стоявших у престола Захарьиных и Шуйских идеалом была невеста-сирота: отец в могиле, дядя в тюрьме, братья почти дети. Все были уверены, что брак Василия с красавицей Еленой сохранит статус-кво при дворе.

Юная красавица Елена пришлась по душе 47-летнему великому князю. Чтобы угодить ей, Захарьин, Шуйские и Горбатые просят освободить из заключения ее дядю Михаила Львовича Глинского. Василий III нехотя соглашается. В феврале 1527 г. Михаил был выпущен на свободу и получил на кормление город Стародуб Рязановский. Но М.Ю. Захарьин, М.В. Шуйский и Б.И. Горбатый были вынуждены «поручиться» за Глинского. В случае его нового побега в Литву они были обязаны уплатить в казну огромную по тем временам сумму – 5 тысяч рублей.

Ради молодой жены Василий III отступил от старых русских обычаев и первым из московских князей сбрил бороду. Летописец сообщает, что великий князь «возлюбил» Елену «лепоты ради лица и благообразна возраста, наипаче ж целомудрия ради». Ну, что касается ее «целомудрия», то тут вопрос остается открытым.

Прошел год, второй после свадьбы, а у Елены признаков беременности не появлялось. Великокняжеская чета зачастила по монастырям. Василий

III не скупился на богатые вклады в монастырскую казну.

И вот 25 августа 1530 г., то есть спустя четыре с лишним года после замужества Елена родила сына Ивана. Появление долгожданного наследника престола было встречено Василием III с огромной радостью. Не иначе, как помогли молитвы монахов о чадородии княгини. Однако у многих современников на этот счет были серьезные сомнения. Уже тогда начались разговоры о молодом воеводе Иване Федоровиче Овчине-Телепневе-Оболенском. Ивана с Еленой свела его родная сестра Аграфена Челядина, приближенная великой княгини.

В ночь со 2 на 3 декабря 1533 г. великий князь Василий III скончался в страшных мучениях. Великая княгиня не присутствовала при агонии мужа. Но, увидев митрополита с боярами, идущих в ее покои, Елена «упала замертво и часа с два лежала без чувств». Увы, длительный обморок Елены был всего лишь данью этикету. Не прошло и 40 дней со смерти мужа, как вся Москва заговорила о ее фаворите Иване Федоровиче Овчине-Телепневе-Оболенском. В начале января 1534 г. Овчина получил чин боярина.

Молодая вдова и ее фаворит попытались единолично править страной. Единственным методом управления у них были репрессии. 11 декабря, то есть спустя 8 дней после смерти Василия III, его брат Юрий Дмитровский был взят под стражу вместе с его боярами. Князь Юрий был заключен в ту же камеру, где уморили несчастного внука Ивана III – Дмитрия. Нетрудно догадаться, что и Юрий вскоре там тихо почил. Позже Елена повелела схватить и заключить в темницу и младшего брата мужа – князя Андрея Стародубского. На него надели не только цепи, но и подобие железной маски – «тяжелую шляпу железную». Как видим, у нас был приоритет даже с железными масками. И русская «шляпа железная» оказалась более эффективной, чем знаменитая французская железная маска времен Людовика XIV. В ней узник прожил менее полугода.

Наглость Овчины вывела из себя даже дядю великой княгини Михаила Львовича Глинского, который был назначен Василием III главным опекуном при младенце Иване. Однако Елена предпочла фаворита дяде. По ее повелению в августе 1534 г. Михаил Глинский был схвачен, ослеплен, закован в цепи и заключен в темницу, где и умер через несколько недель. Сразу же после ареста Глинского, опасаясь за свою жизнь, князь Семен Бельский и Иван Ляцкий бежали в Литву.

3 апреля 1538 г. умерла великая княгиня Елена Глинская. Немецкий барон Герберштейн, живший в Москве и оставивший подробные описания России, утверждал, что ее отравили. В самом деле, Елена не дожила до 25

лет, никакого мора в том году в Москве не было, так что вероятность естественной смерти весьма мала.

На седьмой день после смерти Елены в Москве произошел государственный переворот, во главе которого встал князь Василий Васильевич Шуйский. Иван Овчина и его сестра Аграфена были арестованы. На Овчину наложили «тяжелые железа», те самые, в которых в 1534 г. умер Михаил Глинский. Через несколько недель Овчину уморили голодом. Сестру же его Аграфену сослали на север в Каргополь и насильственно постригли в монахини. Заключение в правление Елены князя Иван Бельский и Андрей Шуйский были освобождены.

Надо ли говорить, как формировался характер великого князя Ивана, в 8 лет оставшегося полным сиротой, причем не только без родителей, но и без дедушек и бабушек, братьев, дядей и тетей. Мало того, ходили слухи и о его незаконном происхождении, ведь связь Елены Глинской с Иваном Овчиной ни для кого не была секретом. Недаром юный Иван приказал посадить на кол Федора, сына Ивана Овчины, а племянника Ивана Дорогобужского – обезглавить.

Глава 13

Борьба с Реформацией

А теперь перейдем к религиозной политике Сигизмунда I. Первая жена короля Варвара умерла в 1515 г. после долгой болезни. Германский император предложил Сигизмунду, которому уже исполнилось 50 лет, невесту – двадцатичетырехлетнюю итальянскую принцессу Бону Сфорцу, дочь миланского герцога Джованни Галеаццо. 18 апреля 1518 г. Сигизмунд Старый вступил в новый брак.

Бона привезла с собой новые вкусы и новые требования, и, угождая им, Сигизмунд перестроил старый Краковский замок, окружил себя певцами и поэтами, а шляхтичи из кожи лезли, чтобы показаться прекрасной королеве не хуже итальянцев.

Постепенно королева начала вмешиваться и в государственные дела. Бона была очень умна и еще больше жадна. Она начала торговать должностями. Полбеда, если речь шла о придворных, но королева полезла и в церковные дела. Если ранее кандидаты на церковные должности, как у католиков, так и у православных, худо-бедно выбирались собранием духовных лиц, то теперь все более и более стало входить в обычай непосредственное назначение их самим королем по рекомендации и ходатайству каких-нибудь влиятельных лиц.

Как писал В.А. Белов: «Духовные места король давал кому хотел, нисколько не соображаясь с нравственными достоинствами своего кандидата. Епископии, монастыри и церкви часто даются как награды за какие-либо государственные или военные заслуги, причем не обращается никакого внимания на нравственные качества того, кому они давались. Многие сами добивались их, так как получение духовной должности давало им материальное обеспечение, и для получения желаемого не останавливались ни перед какими средствами. Часто места даются еще при жизни занимающих их лиц. Примеров тому немало.

Около 1519 г. Сигизмунд дал грамоту пану Василию Евлашковичу, в которой обещал ему за заслуги отечеству его сыну Михаилу Копти предоставить какую-либо епископию – Владимирскую или Луцкую, – смотря по тому, какая из них раньше освободится. Епископ Владимирско-Брестский Пафнутий просил Сигизмунда I предоставить ему Луцкую кафедру после смерти престарелого владыки Кирилла, на что и

последовало согласие короля (в 1526 г.). Лаврашевскому архимандриту Алексию по ходатайству князя

К.И.Острожского и митрополита обещал дать Троицкий монастырь в Вильне после смерти немоощного архимандрита Тихона. В уплату долга из казны некоему Андрею Дягилевичу король предоставил в его пользование три Киевские церкви (Николаевско-Межигорскую, Николаевско-Иорданскую и Христо-Рождественскую) с тем, чтобы он сделался священником... Жидичниский монастырь отдан был королем (1507 г.) К.И. Острожскому с правом подавать туда архимандрита и распоряжаться его именьями, а Городенскому старосте Юрию Радзивиллу (в 1520 г.) в такое же подаванье отдана была находившаяся в его имении Котре Спасская церковь со всеми ее землями. Многие монастыри и церкви переходили преемственно от отца к сыну, и это, как видно из наказа Боны своему державцу Пинскому (1520 г.), сделалось обычным на Руси явлением. Впрочем, такой произвол в делах церковных нисколько не должен удивлять нас, так как Сигизмунд и Бона допускали подобного рода злоупотребления при раздаче и католических церковных должностей.

Со времени Казимира Ягеллона короли начинают проявлять особенную самостоятельность в назначении католических епископов и в утверждении монастырских аббатов. Сигизмунд I задался целью поставить в зависимость от себя раздачу всех церковных (католических) бенефиций. Назначение того или другого лица на должность бискупа или архиепискупа зависело от короля; он избирал кандидатов на кафедры, папе же предоставлено было только право апробации указанного королем лица. Кроме епископов, король сам назначал первых в каждой капитуле прелатов, некоторых каноников и значительное количество приходских священников. При этом допускались злоупотребления и по отношению к католической церкви. Бона, несмотря на то что была усердной католичкой, самым бесцеремонным образом торговала епископскими кафедрами и продавала их за хорошую плату явным сторонникам Реформации». ^[111]

Пущенные в Германии Мартином Лютером идеи Реформации очень быстро перенеслись в Польшу и Литву, где были встречены горячо и сочувственно. Естественно, что польские католические епископы попытались поставить заслон для проникновения в страну лютеранства. Еще в 1520 г. католическое духовенство, собравшись на Пиотрковском синоде под председательством примаса Яна Ласского, строго запретило католикам чтение книг, содержащих в себе идеи лютеранства. Запрещение это впоследствии несколько раз подтверждалось и на других соборах.

В том же 1520 г. Сигизмунд I издал распоряжение (эдикт), которым под

угрозой конфискации имущества и изгнания из отечества воспрещалось ввозить в Польшу и продавать сочинения Мартина Лютера. Строгие распоряжения против распространения Реформации потом повторялись несколько раз как со стороны духовенства, так и со стороны светского правительства. В 1522 г. Сигизмунд издал второй эдикт против лютеран. Но, видя бесполезность обоих своих эдиктов, король 7 марта 1523 г. издал третий эдикт, более строгий, в котором запрещалось привозить, читать и распространять сочинения Лютера и исповедовать смертоносные догматы протестантизма под страхом смертной казни (сожжения на костре) и конфискации имущества.

Однако эти свирепые эдикты остались в основном на бумаге. Другой вопрос, что фанатичные ксендзы в ряде случаев в инициативном порядке устраивали избиения протестантов. Так, например, в городе Несвиже католики загнали несколько десятков протестантов в маленькую часовню, где они набились буквально как сельди в бочке. Им было предложено отречься от своей веры. Когда через пять дней часовню открыли, то нашли живым только одного, который тоже под вечер умер.

Несмотря на репрессии, число сторонников «религиозных новшеств», по выражению польских историков, увеличивалось быстрыми темпами. Сначала протестантизм распространялся в форме лютеранства, но потом появились и другие его виды: цвинглианство, кальвинизм, социанизм. [\[112\]](#) Все виды и разветвления протестантизма нашли радушный приют в Польше и Литве и привлекали к себе многочисленных последователей.

Как уже говорилось, на момент смерти Василия III с Литвой действовало перемирие сроком на один год. Поэтому Сигизмунд и паны радные направили посланника Клиновского к великому князю, но он уже не застал Василия в живых. Елена и ее фаворит Овчина по каким-то причинам мира не захотели, но и не объявляли войны, то есть действовали по формуле «ни мира, ни войны», изобретение которой позже, в 1918 г., припишут Троцкому.

Итак, срок перемирия истек, и летом 1534 г. гетман Юрий Радзивилл вместе с татарским войском опустошил окрестности Чернигова, Новгорода Северского, Радогоща, Стародуба и Брянска.

Королю Сигизмунду стало известно, что московские бояре настолько конфликтуют между собой, что несколько раз их распри даже переходили в поножовщину. А в Пскове нет войска, сидят только купцы, переведенные из Москвы, да «черные люди» псковичи, которые часто сходятся на вече, наместники и дьяки им это запрещают, не зная, что они там замышляют.

Очень обрадовался Сигизмунд приезду знатных беглецов — князя

Семена Бельского и Ивана Ляцкого. Королю передали, что если он хорошо примет этих беглецов, то следом за ними из Москвы перебегут многие князья и знатные дети боярские, и Сигизмунд богато наградил Бельского и Ляцкого.

Осенью 1534 г. гетман Юрий Радзивилл отправил в Северскую землю воеводу Андрея Немировича и конюшего дворного Василия Чижа. Они сожгли Радогощ, но были разбиты и отступили от Стародуба и Чернигова. Князь Александр Вишневецкий также потерпел неудачу под Смоленском.

Литовские воеводы встречали активное сопротивление под городами, но не встречали московской рати в поле. В Москве татар боялись больше, чем Литвы, и все войска стояли под Серпуховом. Кроме того, внутренние смуты и распри мешали сбору и движению войск. И только в конце октября 1534 г. московская рать двинулась в Литву. Большой полк вели князья Михаил Горбатый-Суздальский и Никита Оболенский; передовой полк – боярин конюший князь Иван Овчина-Телепнев-Оболенский. Из Новгорода вел полки князь Борис Горбатый для соединения с князем Михаилом. Но теперь уже московские войска не встретили литовцев в поле и, в свою очередь, безнаказанно опустошили литовские области, не дойдя только 40 или 50 верст до Вильно. А князь Федор Федорович Овчина-Телепнев-Оболенский ходил из Стародуба до самого Новгорода Северского.

На следующий год в Москве узнали от лазутчиков о подготовке к походу королевского войска. Навстречу ему из Москвы отправилась большая рать: большой полк под начальством князя Василия Васильевича Шуйского и передовой полк – опять под начальством князя Ивана Овчины-Телепнева-Оболенского. Главная московская рать должна была взять Мстиславль, а псковские и новгородские войска под началом дворецкого [\[113\]](#) Бутурлина должны были построить город на литовской территории на озере Себеж.

Литовское же войско, избегая решительного сражения, двинулось в другую сторону, то есть на двести верст южнее направления главного удара русских на Мстиславль. Гомель сдался королевским войскам без сопротивления, но Стародуб, где воеводой сидел князь Федор Овчина-Телепнев-Оболенский, сопротивлялся отчаянно. Тогда немецкие инженеры прорыли подкоп под стены города и одновременно взорвали несколько фугасов. В образовавшийся пролом ворвались литовцы и, согласно летописи, перебили тринадцать тысяч жителей, то есть практически весь город. Сам же воевода попал в плен.

Городок Почеп еще до прихода Литвы был покинут жителями и сожжен русскими войсками. От Почепа литовское войско двинулось назад.

Основная московская рать осадила Мстиславль. Посад был взят, но замок (центральная цитадель) остался в руках литовцев. Постояв несколько недель у Мстиславля и опустошив окрестности, русские ушли.

Бутурлин с новгородцами и псковичами быстро построил новый укрепленный город, получивший название Себеж. Литовцам появление крепости у себя под носом явно не понравилось, и уже в феврале 1536 г. Себеж был осажден войсками воеводы Андрея Немировича. По зимнему пути литовцы легко подвезли осадную артиллерию. Но литовские пушки не смогли разрушить укрепления Себежа. Воевода приказал увеличить пороховые заряды, что сразу привело к разрыву нескольких пушек. 27 февраля русский гарнизон пошел на вылазку, осаждающие бежали через озеро, но подтаявший лед провалился, и озеро поглотило много людей и лошадей.

Весной и летом 1536 г. московские воеводы ходили воевать Литовскую землю под Любеч, сожгли посад Витебска, разорили много волостей и сел и возвратились домой с богатой добычей и большим полоном.

Кроме Себежа, на литовской границе были построены крепости Заволочье в Ржевском и Велиж в Торопецком уездах. Крепости Стародуб и Почеп, покинутые литовцами, были восстановлены.

Еще в сентябре 1535 г. литовцы в неофициальном порядке попытались заключить мир. А в июле 1536 г. король официально прислал малолетнему Ивану IV посла – кревского наместника Никодима Техановского. Наконец 18 февраля 1537 г. в Москве (по традиции, которую великий князь уже не желал нарушать) было подписано перемирие сроком на пять лет, считая с 25 марта 1537 г. По этому перемирию Гомель оставался за Литвой, а ряд городов по левой стороне Днепра – Кричев, Рославль, Мстиславль, Чернигов и новопостроенные крепости Себеж и Заволочье – за русскими.

Перемирие 1537 года соблюдалось обеими сторонами. Молодой Иван IV в это время был занят внутренними проблемами, крымскими и казанскими татарами. Литва и Польша тоже страдали от крымцев, да и престарелый Сигизмунд не желал новой войны.

Любопытно обращение короля к Литовской раде в сентябре 1538 г., где он сообщил, что до истечения перемирия с Москвой остается только три года, и потому надо думать, как быть в случае новой войны? «Что касается до начатия войны с нашим неприятелем московским, то это дело важное, которое требует достаточного размышления. Не думаю, чтоб жители Великого княжества Литовского могли одни оборонить свою землю без помощи наемного войска. Вам, Раде нашей, известно, что первую войну начали мы скоро без приготовлений, и хотя земские поборы давались, но

так как заранее казна не была снабжена деньгами, то к чему наконец привела эта война? Когда денег не стало, мы принуждены были мириться. Какую же пользу мы от этого получили? Если теперь мы не позаботимся, то по истечении перемирия неприятель наш московский, видя наше нерадение, к войне неготовность, замки пограничные в опущении, может послать свое войско в наше государство и причинить ему вред. Так, имея в виду войну с Москвою, объявляем вашей милости волю нашу, чтоб в остающиеся три года перемирных на каждый год был установлен побор на первый год серебщизна по 15 грошей с сохи, на второй – по 12, на третий – по 10; чтобы эти деньги были собираемы и складываемы в казну нашу и не могли быть употреблены ни на какое другое дело, кроме жалованья наемным войскам».

После этого воинственно настроенное панство как-то притихло и о войне более не заикалось. В итоге ровно день в день по истечении пятилетнего срока перемирия, 25 марта 1542 г., в Москве литовские послы подписали соглашение о продлении перемирия еще на семь лет с момента подписания.

В 1548 г. от апоплексического удара умер тучный Сигизмунд I Старый. На польский престол взошел его сын Сигизмунд II Август, он же стал и Великим князем Литовским.

Еще при жизни отца, 4 февраля 1537 г., Сигизмунд Август, которому исполнилось 15 лет, в главной церкви краковского замка дал клятву хранить все права, привилегии, свободы, иммунитеты церковные и светские, каким бы станам и людям (без всякого исключения) они не принадлежали.

На Виленском сейме в 1563 г. Сигизмунд II сделал много уступок в пользу шляхты, к числу которых относится и уничтожение обидных для православных пунктов Городельского постановления 1413 г. Сигизмунд Август уравнивал во всем с католиками и всех прочих «стану рыцарского и шляхетского, как Литовского, так и Русского народу, одно бы были веры христианской».

В 1568 г. на Гродненском сейме киевский митрополит Иона III Протасович попросил короля, чтобы «духовные должности не раздавались светским лицам, чтобы последние, по получении какого бы то ни было духовного уряда, оставались в звании мирян не более трех месяцев. Если кто не исполнит этого, то епископ данной епархии лишает его достоинства и хлебов духовных и отдает их людям духовным». Король согласился с этим, но оставил за собой право отбирать таковое достоинство и передавать его другим, «поддуг воли своее господарской», по донесении епархиальным (местным) владыкой.

Но когда митрополит обратился к королю с ходатайством предоставить и ему с епископами греческого закона постоянное место и голос в королевской раде в такой же мере, как это предоставлено высшей католической иерархии, то просьба эта была отклонена.

Тем временем протестантизм^[114] широко распространился среди польской и особенно литовской шляхты. Так, воевода^[115] виленский и канцлер литовский Николай Черный Радзивилл, двоюродный брат королевы Барбары, стал ревностным протестантом и делал все возможное для распространения нового учения в Литве. Он ввел его в своих обширных вотчинах и поместьях, вызвал из Польши самых знаменитых протестантских проповедников и принимал под покровительство всех отступивших от католицизма. Радзивилл простых людей привлекал угощениями и подарками, а шляхту – почти королевскими милостями, и, таким образом, почти все высшее сословие приняло протестантизм. С не меньшим успехом новая вера распространялась и в городах. Только сельское население в большинстве своем оставалось в прежней вере, особенно в русских православных областях.

В конце концов Радзивилл решил перетянуть на свою сторону самого короля. Он уговорил Сигизмунда в Вильно поехать на богослужение в протестантскую церковь, построенную напротив католической церкви святого Иоанна. Однако, как уже неоднократно бывало, случайность изменила историю Польши. Узнав, что Сигизмунд поедет в протестантскую церковь, доминиканец Киприан, епископ литопенский, вышел к нему навстречу, схватил за узду лошадь и сказал: «Предки вашего величества ездили на молитву не этою дорогою, а тою». Сигизмунд растерялся и был вынужден последовать за Киприаном в католическую церковь. В 1565 г. Николай Черный Радзивилл скончался. Во главе протестантского движения стал его двоюродный брат Николай Рыжий Радзивилл. Однако у Рыжего не было ни ума, ни воли, ни авторитета брата.

1565 год можно считать переломным в борьбе протестантизма с католичеством в Речи Посполитой.

Глава 14

Конец Ливонского ордена

Несмотря на многочисленные договоренности, как Ливонский орден, так и городские власти Ревеля и Риги по-прежнему препятствовали торговле Руси со странами Западной Европы, в первую очередь с Англией, Голландией и Францией. Они всеми силами старались не пропускать в Россию оружие, ученых и ремесленников, стремясь изолировать ее от научно-технического прогресса.

Так, в 1547 г. Иван IV договорился с императором Карлом V о наборе в Германии трехсот ученых и ремесленников для отправки в Россию через Любек и Ревель. Однако ревельские власти не пропустили их. В результате «иностранные специалисты» прибыли в Россию кружным путем.

Кроме того, ни в Новгороде, ни в Москве никогда не забывали о том, что наши пращуры были силой вытеснены из Прибалтики, а Ревель и Дерпт первоначально назывались Колыванью и Юрьевым.

В феврале 1557 г. Иван IV потребовал от Ливонского ордена, чтобы Дерптское епископство уплачивало Москве дань – в размере 1 марки с человека в год и, кроме того, покрыло в течение трех лет (до 1561 г.) те недоимки, которые накопились за предыдущие 50 лет, то есть с 1503 г. по 1553 г.

Орден согласился платить дань с 1557 г., а от выплаты старых задолженностей отказался. Мало того, 14 сентября 1557 г. орден заключил с Великим княжеством Литовским союз против Москвы, хотя согласно более раннему договору с Россией орден не имел права заключать военные союзы с Литвой, Польшей и Швецией.

Терпение Ивана IV переполнилось.

В январе 1558 г. сорокатысячная русская армия под командованием касимовского царя (хана) Шиг-Алея, князя М.В. Глинского и боярина Даниила Романовича Захарьина вторглась в Ливонию. Русская армия за месяц прошла по маршруту Мариенбург – Нейгаузен – Дерпт – Везенберг – Нарва. При этом не был взят ни один укрепленный город, но страна изрядно опустошена. В феврале армия вернулась в русские пределы. В районе Пскова, узнав об отправке посла магистра в Москву, Шиг-Алей приказал прекратить военные действия.

В марте 1558 г. экстренный ландтаг Ливонского рыцарства принял

решение собрать 60 тысяч марок для уплаты русскому царю дани и тем самым решить дело миром и предотвратить русские репрессии против Ливонии. Однако к маю 1558 г. было собрано лишь 30 тысяч марок. Хуже было то, что гарнизон Нарвы периодически стал открывать огонь по Ивангороду, находившемуся на противоположной стороне реки Наровы. Ивангородские пушкари отвечали, и не без успеха. 11 мая 1558 г. от их огня в Нарве возник сильный пожар. Русские решили воспользоваться оказией и пошли на штурм. После короткого, но кровопролитного боя они овладели крепостью, а гарнизон заперся в цитадели. На следующий день гарнизон сдался с правом свободного выхода.

Русские войска вошли в Ливонию и почти без сопротивления захватили Везенберг, Тольсбург и ряд других замков. Эсты охотно присягали московскому государю. Всем объявлялось, что присягнувшие останутся на местах, при прежних правах «по старине». К воеводам являлись для принятия русского подданства и из других отдаленных волостей.

В конце мая 1558 г. закончилось сосредоточение в Пскове сорокатысячной армии князя П.И. Шуйского с О.И. Троекуровым и А.И. Шеиным.

В начале июня русская армия осадила Нейгаузен. Магистр Фирстемберг с двухтысячным орденским войском и тысячным наемным отрядом епископа Дерптского стоял в нескольких переходах, близ Киремпе. 30 июня Нейгаузен сдался. Магистр поспешил отступить к Валку, а епископ ушел в Дерпт.

Ливонская война. Район боевых действий

Захватив замок Варбек при впадении реки Эмбах (Эмайыги) в Чудское озеро, русская армия на рассвете 11 июля стала в виду Дерпта. А через неделю, 18 июля, Дерптская крепость капитулировала перед князем Шуйским. Это было важнейшее приобретение Москвы за всю Ливонскую войну. Падение Дерпта произвело панику в Ливонии. Высылаемые из Нарвы и Дерпта русские отряды без сопротивления овладевали замками. Всего до октября 1558 г. русские взяли 20 крепостей с их волостями, а князь Шуйский писал в Ригу и Ревель, требуя сдаться, и грозил разорить их в случае отказа.

Утвердив условия капитуляции Дерпта, Иван Грозный даровал принявшим русское подданство ливонцам большие льготы, раздавал захваченные земли детям боярским, оставлял гарнизоны в побежденных крепостях, высказывая намерение присоединить эту область к владениям Московского государства. Осенью 1558 г. армия князя Шуйского была распущена.

15 января 1559 г. ливонскую границу перешла русская армия князя Микулинского. Она беспрепятственно прошла до Риги, опустошив полосу в 150 верст. Попытку сопротивления ливонцы проявили только под Тирзеном, но были разбиты и бежали. Взяв 11 крепостей (замков) и не удерживая их за собой, князь Микулинский опустошил оба берега Западной Двины, сжег корабли под Ригой и через месяц закончил погром в Ливонии.

Следует заметить, что коренное население Эстляндии не только не «поднялось как один против русских захватчиков», но и наоборот, эстляндские крестьяне осенью 1560 г. подняли восстание против немецких феодалов в округах Харою и Ляэнемаа. Вождем восстания стал простой кузнец. Восставшие осадили замок Лоде (Колувере), где заперся отряд Христофора Мюнхаузена. (Уж не предка ли того самого барона?) Однако на помощь осажденным пришел отряд рыцарей. Крестьянское ополчение было разбито, а бедолага кузнец четвертован. Тем не менее в течение всего 1561 г. в этих округах и в районе Дерпта продолжались волнения крестьян.

В сложившейся ситуации новый магистр ордена Готхард Кетлер обратился за помощью к соседним государствам. 31 августа 1559 г. Кетлер и король Польши и Литвы Сигизмунд II Август заключили в Вильно соглашение о вступлении Ливонии под протекторат Польши. Соглашение было дополнено 15 сентября 1559 г. договором об оказании Польшей и Литвой военной помощи Ливонии. Эти дипломатические акции послужили важным рубежом в ходе и развитии Ливонской войны: война России с Ливонией превратилась в борьбу государств Восточной Европы за ливонское наследство.

В том же 1559 г. ливонское правительство обратилось к сыну шведского короля Густава Вазы, герцогу Иоанну, правителю Финляндии, с просьбой ссудить 200 тысяч рейхсталеров и войско, предлагая в залог несколько земель в Ливонии. Молодой принц, желая расширить свои владения за счет этой страны, был не прочь вступить в переговоры, но его отец посоветовал не ввязываться в это дело, так как тогда придется поссориться не только с Москвой, но и с императором, королями польским и датским, которые все имеют свои притязания к Ливонии.

Густав Ваза, уже битый «московитами», предпочитал сохранять строгий нейтралитет. Когда ревельские суда напали в шведских водах при Биоркэ и Ниланде на лодки русских купцов и овладели ими, перебив людей, то по приказу короля ревельцев арестовали за это в Выборге. Густав Ваза отправил в Финский залив вооруженные суда для обеспечения безопасности русских купцов, о чем дал знать в Москву. Иван Грозный так отвечал ему на это: «Ты писал нам о неправдах колыванских людей

(ревельцев) и о своей отписке, которую послал в Колывань: мы твою грамоту выслушали и твое исправление уразумели. Ты делаешь гораздо, что свое дело исправляешь: Нам твое дело полюбилось, и мы за это твою старость хвалим».

Власти города Ревеля не надеялись на свои силы и обратились к датскому королю Кристиану III с просьбой принять их в свое подданство, так как некогда Эстония и Ревель были под властью Дании. Но и Кристиан III, подобно Густаву Вазе, был старик, приближавшийся к гробу. Он объявил ревельским послам, что не может принять в подданство их страну, потому что не имеет сил защищать ее в таком отдалении и от такого сильного врага. Он взялся только ходатайствовать за них в Москве, назначил послов, но умер, не отправив их.

Послы эти прибыли в Москву уже от имени его наследника, Фредерика II. Король в очень вежливых выражениях просил, чтобы царь запретил своим войскам входить в Эстляндию, как принадлежащую Дании. Иван Грозный резонно отвечал: «Мы короля от своей любви не отставим: как ему пригоже быть с нами в союзном приятельстве, так мы его с собою в приятельстве и союзной любви учинить хотим. Тому уже 600 лет, как великий государь русский Георгий Владимирович, называемый Ярославом, взял землю Ливонскую всю и в свое имя поставил город Юрьев, в Риге и Колывани церкви русские и дворы поставил и на всех ливонских людей дани наложил. После, вследствие некоторых невзгод, тайно от наших прародителей взяли было они из королевства Датского двух королевичей. Но наши прародители за то на ливонских людей гнев положили, многих мечу и огню предали, а тех королевичей датских из своей Ливонской земли вон выслали. Так Фредрик король в наш город Колывань не вступался бы». Ай да Грозный! Ответил не в бровь, а в глаз, и не только датским послам, но и нашим «демократам», болтающим об агрессии в Прибалтике в 1940 г. и пакте Молотова – Риббентропа.

Ревельский Вышгород (Тоомпера) в XVII веке

В конце 1559 г. эзельский епископ Менниггаузен вошел с датским королем Фредериком II в тайные сношения и продал ему свои владения Эзель и Пильтен за 20 тысяч рейхсталеров. Епископ получил деньги и на радостях драпанул с ними в Германию. Новый датский король Фредерик II, обязанный по отцовскому завещанию уступить своему брату Магнусу ряд земель в Голштинии, вместо их отдал ему свою новую покупку, и Магнус весной 1560 г. явился в Аренбурге, где к нему на службу поступило много дворян в надежде, что Дания не оставит его без помощи.

Магистру Кетлеру появление Магнуса в Остзейском крае явно не понравилось. Ведь магистр не получил за Эзель ни одного рейхсталера. Дело чуть не дошло до вооруженного конфликта, но 30 августа 1560 г. русские взяли Феллин, и магистру стало не до Магнуса.

В 1560 г. умер старый шведский король Густав Ваза. Магистрат Ревеля немедленно отправил депутатов к сыну и наследнику, который вступил на престол под именем Эрика XIV. Ревельцы просили денег взаймы. Честолюбивый Эрик отвечал, что «денег он по-пустому не даст, но если ревельцы захотят отдаться под его покровительство, он не из властолюбия, а из христианской любви и для избежания московского невыносимого соседства готов принять их, утвердить за ними все их прежние права и защищать их всеми средствами».

Ревельцы подумали и в апреле 1561 г. присягнули на верность шведскому королю при условии сохранения всех своих прав. Узнав об этом, магистр Кетлер вступил в переговоры с виленским воеводой Николаем Радзивиллом о присоединении Ливонии к Польше. В итоге в ноябре 1561 г.

Ливония с сохранением всех своих прав отошла к Польше, а магистр Кетлер получил Курляндию и Семигалию с титулом герцога и с вассальными обязанностями к Польше.

Ведя войну с Польшей, Иван IV старался сохранить мир со Швецией, ему пришлось закрыть глаза на захват шведами Ревеля. В августе 1561 г. в Новгороде был подписан договор о сохранении перемирия на 20 лет. А вот в договоре, заключенном в сентябре 1564 г., русским пришлось признать территориальные приобретения Эрика XIV. К шведам отошли Колывань (Ревель), Пернов, Пайда и Каркус с их уездами, за Россией же закрепилась Нарва.

По воле короля Эрика XIV отношения с Россией начали улучшаться. 16 февраля 1567 г. шведские послы в Александровской слободе заключили с Россией договор о дружбе, союзе и взаимопомощи. Иван IV наконец согласился, чтобы шведский король сносился непосредственно с Москвой, а не с новгородским наместником. Обе стороны согласились помогать друг другу войсками и деньгами в войне с Польшей.

Шведский генерал Горн взял захваченные поляками города Пернов и Вейсенштейн. Тем временем сильно накалилась обстановка внутри страны. Эрик вступил в конфликт с родным братом Иоанном (Юханом) герцогом Финляндским и большей частью шведской аристократии.

29 сентября 1568 г. в Стокгольме вспыхнуло восстание. Эрик был свергнут с престола, объявлен сумасшедшим и заключен в тюрьму. На престол взошел его брат Иоанн (Юхан III). Новый король был женат на сестре польского короля Сигизмунда II и настроен пропольски. Теперь разрыв с Россией был неизбежен.

В связи с ухудшением политической обстановки в Прибалтике Иван IV решил создать Ливонское королевство. Датский герцог Магнус (Арцимагнус Крестьяновис в русских летописях) принял предложение Ивана Грозного стать его вассалом и в мае 1570 г. был по прибытии в Москву провозглашен «королем Ливонским». Русское правительство обязалось предоставлять новому государству, обосновавшемуся на острове Эзель, свою военную помощь и материальные средства, чтобы оно могло расширить свою территорию за счет шведских и литовско-польских владений в Ливонии.

Союзные отношения между Россией и «королевством» Магнуса стороны намеревались скрепить женитьбой Магнуса на племяннице царя, дочери князя Владимира Андреевича Старицкого Марии.

Магнус рьяно взялся за создание своего королевства. 21 августа 1570 г. он подошел к Ревелю с двадцатипяти тысячным русским войском и

большим отрядом из пришлых и туземных немцев. Увещательная грамота, посланная к ревельцам, не подействовала, и Магнус повел осаду. Вынудить жителей к сдаче города голодом было невозможно, так как шведские корабли снабдили Ревель всем необходимым. Бомбардировка города также ничего не дала. 16 марта 1571 г. Магнус сжег свой лагерь и отступил от Ревеля. Неудачу Магнуса в дальнейшем стали объяснять тем, что датский король Фредерик II не оказал никакой поддержки Магнусу, номинально стоявшему во главе русских войск. Кроме того, Фредерик в самый разгар осады оказал шведам услугу: заключил с ними 13 декабря 1570 г. Шеттинский мир, позволив им тем самым высвободить флот и направить его к осажденному Ревелю.

В конце 1572 г. восьмидесятитысячное русское войско, во главе которого был сам царь, вступило в Эстляндию. Город Вейсенштейн был взят приступом, при котором пал царский любимец Малюта Скуратов-Бельский. Пленные шведы и немцы, по сообщениям ливонских летописцев, были сожжены. Овладев Вейсенштейном, Иван IV возвратился в Новгород.

Русские же воеводы продолжали военные действия в Эстляндии. Они взяли Нейгоф и Каркус. Но в чистом поле русские вой-

ска не могли противостоять хорошо обученной и соблюдавшей «европейский» строй шведской пехоте. У местечка Лоде русские войска потерпели поражение от шведского генерала Клауса Акесона Тотта. 13 июля 1575 г. на реке Сестре у Систербека съехались русские и шведские послы и подписали странное перемирие. Оно касалось лишь русско-шведской границы на Карельском перешейке и в Карелии. Спор же об Эстляндии должен был решиться оружием.

В начале 1576 г. шеститысячный русский отряд вновь вторгся в Эстляндию. Города Леаль, Лоде, Фикель, Габсаль сдались им без выстрела. Жители Габсаля вечером после сдачи затеяли пиры и танцы. Русские удивлялись этому и говорили: «Что за странный народ немцы! Если бы мы, русские, сдали без нужды такой город, то не посмели бы поднять глаз на честного человека, а царь наш не знал бы, какую казнию нас казнить». Эзель был опустошен. Падис сдан после однодневной осады, и шведы тщетно пытались взять его снова.

В январе 1577 г. пятидесятитысячное русское войско явилось под Ревелем и расположилось здесь пятью лагерями. На этот раз русские располагали довольно приличной осадной артиллерией. Согласно летописи, у них было четыре пушки, стрелявшие каменными ядрами по 225 фунтов, три пушки калибра 55–58 фунтов, шесть пушек от 20 до 30

фунтов и пятнадцать пушек от 12 до 6 фунтов.

Русские в течение полутора месяцев обстреливали Ревель. Чтобы поджечь город, по нему круглосуточно велся огонь раскаленными ядрами. Однако горожане приняли все меры противопожарной защиты. Были удалены все легковоспламеняющиеся предметы, организовано дежурство жителей и т. д. Ревель был хорошо укреплен, а на его стенах орудий было в пять раз больше, чем в русской осадной артиллерии. В итоге русским пришлось снять осаду с города.

1 мая 1576 г. на польский престол вступил (был выбран) князь Трансильвании Стефан Баторий. Стефан был видным полководцем, имел неплохое наемное войско из венгров и немцев и завоевал популярность у воинственно настроенной польской шляхты.

Вскоре Стефан Баторий взял Полоцк, а затем Велиж, Усвят, осадил Великие Луки и в 1581 г. подошел к Пскову. Битва за Псков стала самой яркой страницей Ливонской войны. Баторий привел под Псков стотысячное польско-литовское войско. Русские под командованием князя Ивана Петровича Шуйского отбили 31 штурм неприятеля и сами 46 раз совершали смелые вылазки в стан осаждавших. Героическая оборона псковичей спасла Ивана IV от полного поражения. Неудача под Псковом вынудила Стефана Батория пойти на мирные переговоры с царем.

Перемирие на 10 лет было подписано с Польшей и Литвой

5 января 1582 г. в Яме-Запольском при участии посредника от папы римского Антония Поссевино. По этому соглашению Россия уступила Польше всю Ливонию, Полоцк и Велиж на границе Смоленской земли, но сохранила за собой устье Невы.

В августе 1583 г. на мызе в устье реки Плюссы при впадении ее в Нарову был заключен так называемый «Первый Плюсский русско-шведский перемирный договор». Это был скорее не договор, а перемирие.

Говоря о разделе Прибалтики, следует отметить, что еще в 1537 г. Швеция стала протестантской страной.

После смерти польского короля Стефана Батория на престол был избран сын шведского короля Иоанна (Юхана) III Сигизмунд, ставший после коронации 27 декабря 1587 г. Сигизмундом III. В отличие от отца Сигизмунд был ярым католиком и ненавидел Реформацию.

В ноябре 1592 г. умер шведский король Иоанн III. Сигизмунд III отпросился на год у сейма, чтобы уладить свои наследственные дела. В феврале 1594 г. он короновался шведской короной в Упсале. Побыв пять месяцев в Швеции, Сигизмунд отправился в Польшу, поручив управление страной регенту – своему дяде Карлу Зюдерманландскому.

На родине Сигизмунд популярностью явно не пользовался. Масла в огонь подлила и женитьба Сигизмунда на католичке – австрийской принцессе. С отъездом Сигизмунда в Польшу власть в Швеции постепенно стала переходить к его дяде герцогу Карлу Зюдерманландскому. В 1597 г. ригсдаг официально объявил его правителем государства.

В ответ Сигизмунд собрал польские войска и начал боевые действия со Швецией. Он высадился непосредственно на территории Швеции, но 28 сентября 1598 г. был наголову разбит в битве при Стонгебру. В феврале 1599 г. ригсдаг лишил Сигизмунда королевской власти, однако депутаты не дали этого титула и Карлу, провозгласив его лишь наследственным правителем.

Покончив со сторонниками Сигизмунда в Швеции, Карл перенес боевые действия в Прибалтику. В 1600 г. шведы из Эстляндии вторглись в польские владения в Лифляндии. Однако через несколько месяцев полякам удалось вытеснить противника.

С 1604 г. шведский флот блокировал с моря Ригу, а в 1615 г. шведы высадили десятитысячный десант в устье Западной Двины. В битве у Саласпилса шведы были наголову разбиты, а король Карл с большим трудом избежал плена. (Официально он стал королем Карлом IX 22 марта 1604 г.)

По ряду причин в боевых действиях наступила двенадцатилетняя пауза. Одной из важных причин было участие польского и шведского королей в войне в России.

30 октября 1611 г. Карл IX умер, а на престол взошел его

17-летний сын Густав II Адольф. Между тем его двоюродный братец Сигизмунд III по-прежнему считал себя не только польским королем, но и шведским.

В 1617 г. Густав II вторгся в Лифляндию, осадил Ригу и взял Пернов. Однако Рига оказалась крепким орешком, и молодому королю пришлось вернуться в Эстляндию. Было заключено перемирие на 4 года. За это время Густав реорганизовал армию и резко усилил огневую мощь шведской пехоты.

24 июля 1621 г. Густав вывел из Стокгольма огромный флот и высадил в Лифляндии два больших десанта (у Пернова и в устье Двины). Оба десанта вскоре объединились и в августе приступили к осаде Риги. 15 сентября сильнейшая крепость Прибалтики капитулировала. Тем не менее боевые действия с перерывами продолжались еще 8 лет.

В 1629 г. в Альтмарке было заключено перемирие, по которому Швеция получала всю Восточную Лифляндию до устья Западной Двины и

большую часть побережья Пруссии.

Интересно, что лишь после Ливонской войны и гибели ордена в Прибалтике печатаются первые книги на эстонском и латышском языках – псалмы с молитвами. Светские книги пока отсутствуют. Любопытно, что не знавших письменности племена Прибалтики впервые с книгами познакомили русские еще до прихода крестоносцев. Книга у латгалов называлась gramota, а у эстов – raamat. Нетрудно сообразить, что оба термина представляют искаженное русское слово «грамота».

Воссоединение Московской Руси и Малороссии (Украины) в 1653 г. привело к войне с Польшей. Русские войска заняли Минск, Гродно, Вильно и вышли к Бресту.

Убитый в 1632 г. в битве при Люцене (Германия) шведский король Густав Адольф не оставил наследников мужского пола, и на престоле оказалась его дочь Кристина. Но поскольку она осталась незамужней, в 1654 г. шведские аристократы заставили ее отречься от престола в пользу 32-летнего Карла Густава, племянника Густава Адольфа по женской линии. Новый король получил имя Карл X Густав.

После отречения Кристины польский король Ян-Казимир вспомнил о правах своего отца Сигизмунда III на шведский престол.

Из-за казацких восстаний и войны с Россией Речь Посполитая и так была на грани краха, но хоть Ян-Казимир и не был этническим поляком, он пропитался «духом польским» и стал задиаться со шведами.

В конце 1655 г. шведские войска вторглись в пределы Речи Посполитой и заняли Познань, Краков и Варшаву. Польский король Ян-Казимир бежал в Силезию. Литовский гетман Януш Радзивилл перешел на сторону шведского короля Карла X Густава. Кстати, Радзивилл был протестант. Принимая под свою руку Радзивилла и других литовских панов, Карл обещал возвратить им все владения, занятые русскими. Русские и шведские войска вскоре вошли в соприкосновение, и начались споры за обладание различными населенными пунктами (Друей, Дрисой, Ковно и др.).

Карл X Густав предложил царю Алексею Михайловичу поделить Речь Посполитую. Но тот по глупости отказался.

17 мая 1656 г. царь Алексей Михайлович объявил войну шведскому королю Карлу X Густаву. Воеводе Петру Потемкину удалось взять Орешек и Ниеншанц. Русские вышли к устью Невы на побережье Финского залива.

Сам царь Алексей торжественно въехал в Полоцк и 15 июля выступил с полками против шведов в Ливонию. В ночь на 31 июля 3400 русских ратников пошли на штурм крепости Динабург. К утру крепость и цитадель

оказались в руках русских. Гарнизон крепости был почти полностью истреблен. Царь немедленно велел построить в Динабурге церковь св. Бориса и Глеба и город назвать Борисоглебовом.

Затем русские войска взяли Кокенгаузен. Этот старинный русский город Кукейнос был переименован в «Царевичев Дмитриев город». О нем царь писал сестрам: «Крепок безмерно, ров глубокий, меньшей брат нашему кремлевскому рву, а крепостию сын Смоленску граду; ей, чрез меру крепок. А побито наших 67 да ранено 430».

23 августа 1656 г. русское войско под началом самого царя Алексея осадило Ригу. 1 сентября шесть мощных осадных батарей открыли по городу стрельбу, которая не прекращалась даже по ночам.

2 октября рижский губернатор граф Магнус Делагарди сделал вылазку и нанес большой урон осаждающим. Эта вылазка, шайки крестьян, нападавшие на русских фуражиров, и слухи о подходе большого шведского войска с самим Карлом X Густавом во главе заставили царя снять осаду Риги и отступить в Полоцк. Дерпт сдался русским, но этим и кончились приобретения в Ливонии.

21 июня 1661 г. на мызе Кярун (в русских источниках – Кардис) был заключен Кардисский мирный договор, по которому Россия уступала Швеции все свои завоевания в Прибалтике. Граница между Россией и Швецией была установлена по Чудскому озеру и реке Нарове. Россия по-прежнему оставалась отрезанной от Балтийского моря.

Еще раньше, в 1660 г., в Оливе был заключен мир между Швецией и Речью Посполитой. Швеция получила небольшие приращения в Лифляндии, а король Ян-Казимир навсегда отказался от претензий на шведский престол.

Глава 15

Прибалтика в Северной войне

Карл Маркс в своей работе «Секретная дипломатия XVIII века» отметил: «Ни одна великая нация не существовала и не могла существовать в таком удалении от всех морей, в каком пребывала вначале империя Петра Великого, ...ни одна великая нация никогда не мирилась с тем, чтобы ее морские побережья и устья ее рек были от нее оторваны. Никто не мог себе представить великой нации, оторванной от морского побережья. Россия не могла оставить в руках шведов устье Невы, которое являлось естественным выходом для сбыта продукции... Петр, по крайней мере, в этой части захватил лишь то, что было абсолютно необходимо для нормального развития его страны». [\[116\]](#)

Тут придется заметить, что я в отличие от всех наших президентов, депутатов, олигархов и т. д. никогда не состоял в КПСС, и здесь мне Маркс интересен не как автор «Капитала», а как ярый ненавистник царизма. Добавлю по секрету, что он и его приятель Энгельс были порядочными русофобами. Тем и ценны свидетельства Маркса.

Петр I, начиная войну за выход России к Балтийскому морю, оказался прозорливее Ивана Грозного и Алексея Тишайшего. Те пытались вести войну в одиночку, а молодой царь повел коалиционную войну. Против Швеции образовалась мощная коалиция – Россия, Польша, Саксония и Дания. Вероятность вступления в войну на стороне Швеции какого-либо государства была ничтожно мала.

Первым войну начал курфюрст Саксонии Фридрих Август I, он же по совместительству польский король Август II. В феврале 1700 г. семитысячная саксонская армия вошла в шведскую Лифляндию и с ходу овладела крепостью Динамюнде. [\[117\]](#) Однако с ходу взять Ригу саксонцам не удалось и пришлось перейти к правильной осаде.

Шестнадцатитысячная датская армия во главе с королем Фредериком IV вторглась в Голштинию. Датчане взяли крепость Гузум и осадили Тоннинген. После взятия Тоннингена датчане планировали захват шведской Померании.

К большому удивлению противников Швеции, ее поддержали Англия и Голландия. Шведская, голландская и английская эскадры подошли к Копенгагену. Карл XII пригрозил полностью разрушить город, если датчане

откажутся подписать мир на его условиях.

Датчане приняли это требование. 7 августа 1700 г. в Травендале между Швецией и Данией был подписан договор, по которому последняя отказалась от союза с Россией, Саксонией и Польшей, признала независимость Голштинии и обязалась уплатить Швеции военные издержки.

15 сентября 1700 г. Август II снял осаду Риги. Таким образом, у Карла XII руки были развязаны, и он мог заняться Россией.

9 августа 1700 г. Россия объявила Швеции войну. 22 сентября русская армия осадила шведскую крепость Нарву. Однако 19 ноября у Нарвы внезапно появилось шведское войско во главе с самим королем Карлом XII. Русские были наголову разбиты.

Но ни «нарвская конфузия», ни поражения союзников не остановили Петра. Для России было важно, чтобы ей никто не мешал воевать со Швецией.

Тем не менее Петр строго выполнял все обязательства перед союзниками. Так, в начале 1701 г. восемнадцать солдатских полков и один стрелецкий полк (всего около 20 тысяч человек) под командованием князя Н.И. Репнина двинулся из Пскова к Динабургу.

21 июня русские полки соединились с саксонским войском.

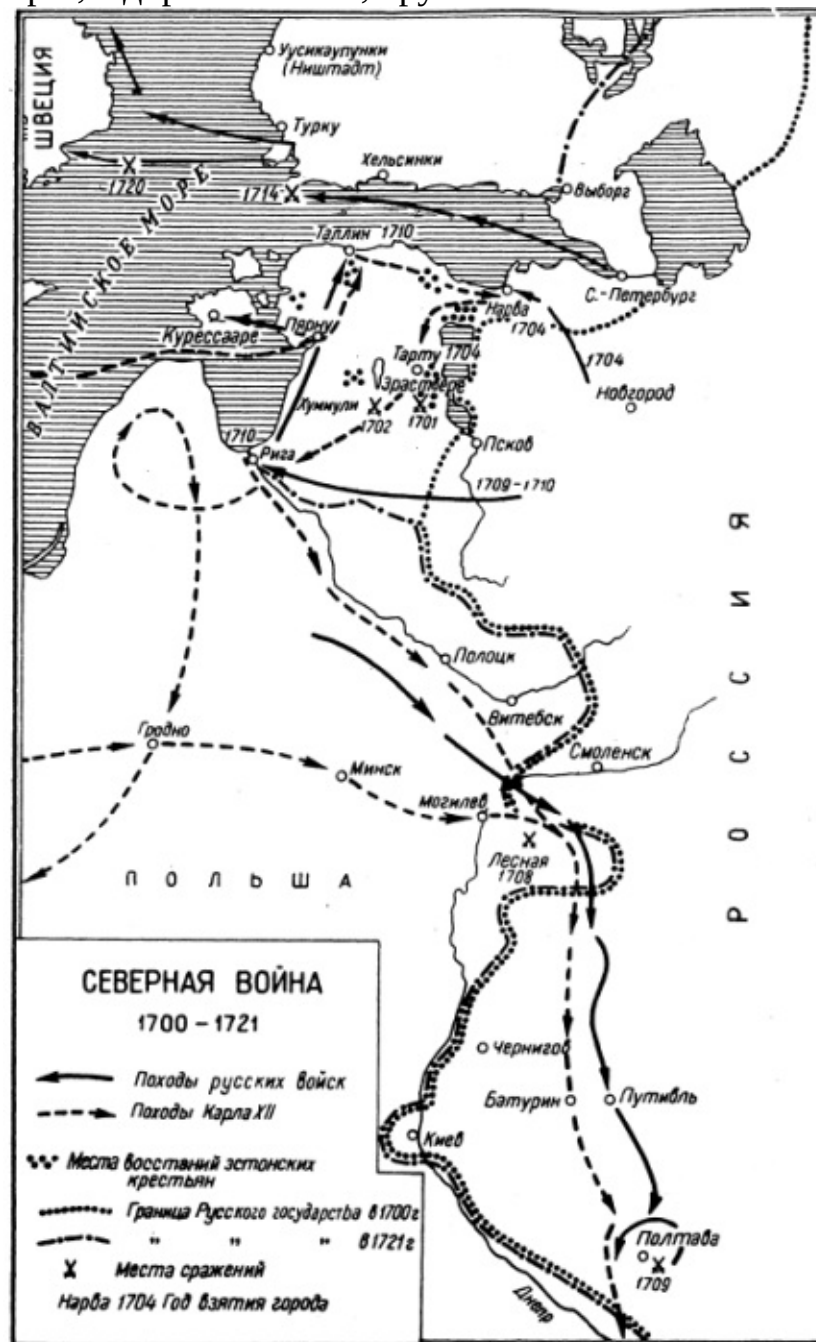
Однако злодей Карл помешал неторопливым сборам русско-саксонского воинства. 9 июля 1701 г. шведское войско форсировало Двину на глазах изумленных союзников. Саксонский фельдмаршал Штейнау, вместо того чтобы атаковать шведов на переправе, приказал своей армии готовиться к обороне. Мало того, он разделил свое войско, послав 16 тысяч русских солдат во главе с Репниным строить укрепления на Двине в 12 верстах от основ-

ных сил. На левом берегу Двины Карл XII быстро построил полки и стремительно атаковал противника. Через два часа все было кончено. Союзники потеряли всю артиллерию, лагерь и две тысячи человек убитыми, большинство из которых были саксонцы, поскольку в битве участвовало только четыре тысячи русских.

Услышав гром артиллерийской канонады, Репнин быстро поднял войска и без потерь форсированным маршем повел их через Друю и Опочку к Пскову. Там 15 августа он соединился с войсками Шереметева.

Новая победа поставила перед шведским королем старую дилемму – с кем воевать дальше? Есть сведения, что Карл думал захватить Псков и двинуться в глубь России. Однако через несколько дней Карл отказался от этого плана. Псков был сильно укреплен, да и от Пскова до Москвы по

прямой 600 верст, а дороги плохие, кругом болота.

Северная война 1700–1721 гг.

Совсем иная ситуация была в Польше. Там гораздо проще было решить основную проблему шведской армии – снабжение продовольствием. Плотность населения там высокая, народ побогаче, чем в России. Да и Швеция рядом, нет проблем с перевозкой по Балтийскому морю подкреплений, вооружения и продовольствия. В Польше хватало

магнатов, недовольных Августом, а война против своего короля в Польше уже лет 200 считалась не преступлением, а делом житейским. Нельзя сбросить со счетов и субъективного фактора. Девятнадцатилетний Карл люто ненавидел Августа II. В письме к французскому королю Карл выразился таким образом об Августе: «Поведение его так позорно и гнусно, что заслуживает мщения от Бога и презрения всех благомыслящих людей».

Наконец Карл сделал выбор – шведская армия двинулась в глубь Курляндии.

Несмотря на первые неудачи, русские войска под командованием генерал-фельдмаршала Шереметева с сентября 1701 г. начали активные действия в Прибалтике. После нескольких небольших боестолкновений на Рождество Шереметев задумал произвести внезапное нападение на шведов, несмотря на сильный мороз и глубокий снег. Тринадцать тысяч русских при двадцати орудиях 23 декабря скрытно перешли границу. Шведские дозоры обнаружили неприятеля, но не смогли правильно определить его численность. Шлиппенбаху доложили о 3–5 тысячах русских.

Генерал Шлиппенбах сосредоточил все свои силы у мызы Эрествере. У него было около четырех тысяч солдат и три тысячи местных жителей – ополченцев. 29 декабря в 11 часов утра русские драгуны атаковали шведов у Эрествере. Однако конница была рассеяна картечью и ружейным огнем шведов. Но вскоре подошла русская пехота, и после пятичасового боя Шлиппенбах был вынужден отступить и укрыться за стенами Дерпта. В руках русских оказалось 350 пленных и 16 пушек. По русским данным, было убито три тысячи шведов (по мнению автора, эта цифра сильно завышена), у русских же убитых около тысячи человек.

Преследовать шведов Шереметев не рискнул и вернулся назад в Псков, оправдавшись перед царем усталостью лошадей и глубоким снегом. Зато вволю пограбили местное население («чухну») малороссийские казаки. Сотни чухонцев были уведены казаками в плен. Шереметев писал царю, что он «не велел отнимать Чухну у черкасс, чтоб охочее были».

Что делать! Война есть война, и у меня нет ни малейшего желания врать и представлять русских солдат ангелами.

В конце мая 1702 г. Петр начал торопить Шереметева к выступлению из Пскова в Лифляндию: «Есть ведомость, – писал царь фельдмаршалу, – что неприятель готовит в Лифлянты транспорт из Померании в 10 000 человек, а сам, конечно, пошел к Варшаве. Теперь истинный час (прося у Господа сил помощи), пока транспорт не учинен, поиском предварить».

Шереметев двинулся с тридцатитысячной армией против

Шлиппенбаха, у которого было восемь тысяч человек. 18 июля армии встретились при Гуммельсгофе. В бою шведы потерпели страшное поражение, они потеряли около 5,5 тысяч человек убитыми и 300 пленными. Русским досталось 6 медных и 9 чугунных пушек, а также 16 знамен. У нас убито 411 человек и примерно столько же ранено.

Регулярные войска Шереметева взяли и разорили город Марленбург, а также мызы Валмер, Трикат, Кригедербен и Гемелтай.

В Марленбурге произошел незначительный эпизод, изменивший впоследствии историю России. Русские драгуны схватили шестнадцатилетнюю Марту, жену шведского трубача Иогана Крузе. Сам трубач драпанул из города вместе с остальными солдатами. Марта была свежа и смазлива, и у драгун ее купил или отнял (есть разные версии) генерал Р.Х. Бауэр. Позже Бауэр уступил ее фельдмаршалу Шереметеву. От Шереметева Марта попала к Алексашке Меншикову, а тот предложил ее «мин херцу».

Пока Шереметев громил мызы в Эстляндии, полковник Толбухин на Чудском озере приказал построить солдатам большие лодки. На них Толбухин атаковал отряд шведских судов, состоявший из четырех шкут (в других источниках они названы яхтами). Одну из шкут удалось взять на abordаж, одну шведы взорвали сами, а остальные были брошены у берега.

Однако все успехи русских в Прибалтике король Карл XII рассматривал как булавоочные уколы. Шведы взяли Варшаву и нанесли ряд тяжелых поражений саксонским войскам. В Польше Карлу удалось посадить на престол свою марионетку Станислава Лещинского.

В конце мая – начале июня 1703 г. русские войска овладели крепостями Ям, Копорье, Мариенбург. Тем самым шведы были изгнаны с территории Ижорской земли – древней вотчины Господина Великого Новгорода.

Прежде чем овладеть Дерптом и Нарвой, Петр решает разделаться со шведской флотилией на Чудском озере. Шведская озерная флотилия в навигации 1702 г. и 1703 г. опустошала русские берега. Было уничтожено свыше 30 деревень и потоплено много русских судов, включая галиоты и галеасы. Осенью 1703 г. флотилия ушла зимовать в город Дерпт по реке Амовже (она же Эмбах и Эмайыги).

В апреле 1704 г. семитысячный русский отряд при 18 пушках под началом генерал-майора Вердена скрытно занял позицию у впадения реки Амовжи в Чудское озеро. Верден получил указание не впускать шведскую эскадру в озеро.

Ничего не подозревая, шведы двинулись вниз по течению, но 3 мая в

устье реки попали в русскую засаду. С берега ударили пушки, а на воду были спущены лодки с пехотой, которая попыталась взять шведские суда на бордаж. Флагманское судно адмирал Лошер приказал взорвать, а остальные 13 сдались русским. Победителям досталось 86 пушек и 138 пленных. В донесениях взятые суда именуются шкутами. Они представляли собой небольшие парусно-гребные суда с вооружением от 2 до 14 пушек малого калибра.

Вечером 4 июня 1704 г. под Дерптом появился авангард армии фельдмаршала Шереметева. Дерпт был укреплен сравнительно слабо. Строительство земляных бастионов еще не было закончено. Вооружение крепости состояло из 84 пушек, 18 мортир, 6 гаубиц и 16 дробовиков. Гарнизон состоял из 5 тысяч человек под командованием полковника Шютте.

9 июня к Дерпту подошли основные силы русских вместе с Шереметевым. Непосредственно осаду города вели пять драгунских полков общей численностью 4975 человек и шесть пехотных полков численностью 5702 человек. Вместе с ними прибыло

55 орудий и 159 человек прислуги. Всего в районе Дерпта силы русских составляли 21 578 человек.

Бомбардировка крепости была начата 10 июня. Русские осадные батареи расположились на обоих берегах реки Амовжи. 3 июля к осадной армии внезапно приезжает сам Петр и фактически принимает командование на себя. 6 и 7 июля русские огнем 24 пушек и 11 мортир обстреливают Русские ворота, снеся до основания башню над ними. В ночь на 10 июня русские вывели из туров траншеи от ворот Святого Якова до Пороховой башни, приблизившись, таким образом, к пункту атаки с двух сторон. К вечеру 12 июля уже все было готово для штурма. Напротив Русских ворот через Амовжу под прикрытием дыма от загоревшегося на шведском берегу дровяного склада русские наскоро возвели мост.

Штурм длился семь часов подряд. Штурмующие продвинулись до палисада перед крепостной стеной и срубили его, в то время как обороняющиеся расстреляли свои снаряды. Стволы их мушкетов так накалились, что нельзя было держать их в руках. Наши солдаты взобрались на рavelин перед Русскими воротами, повернули шесть шведских пушек к воротам и разбили их.

Когда русские овладели Пороховой башней, комендант полковник Шютте решил сдать крепость. Один за другим погибли четыре шведских барабанщика, бивших «шамад» (сигнал к сдаче). Лишь звуки трубы приостановили сражение, и осажденные обратились «со упросительными

от всего дерптского гарнизона пунктами», составленными комендантом крепости. Шютте просил разрешить гарнизону выход «с литаврами, с трубами и со всею музыкою», с распущенными знаменами, шестью пушками, всем огнестрельным оружием и месячным запасом продовольствия.

Царь от имени фельдмаршала отправил коменданту не лишенный иронии ответ: «Зело удивляется господин фельдмаршал, что такие запросы чинятся от коменданта, когда уже солдаты его величества у них в воротах обретаются и которые так озлоблены, что едва уняты». Подобные условия были бы уместны до штурма, а не тогда, когда осажденные лишились выбора. Гарнизону было разрешено покинуть крепость с семьями, пожитками и запасом продовольствия, но без артиллерии. Победителям достались огромные трофеи: 132 орудия, 15 тысяч ядер, запасы продовольствия. Но и потери были достаточно велики: 800–900 человек убитыми и 2250–2500 ранеными. Осажденные потеряли около полутора тысяч человек убитыми.

9 августа 1704 г. русские штурмом взяли Нарву. Шведский комендант Горн отказался сдаться и оборонялся, пока не увидел русских солдат в цитадели. Только тогда Горн приказал барабанщикам в знак сдачи ударить в барабаны. Однако расвирепевшие русские солдаты не обращали на это внимания и кололи барабанщиков. Тогда сам Горн ударил в барабан. Тем не менее русские продолжали убивать в городе всех, кто попадался под руку, не делая разницы между солдатами и мирными жителями.

Петр приказал навести порядок в городе и, сев на коня, обскакал нарвские улицы. По пути Петр лично заколол двух русских мародеров. Прибыв к ратуше, где собралась знать города, Петр увидел между ними и Горна. Царь подбежал к генералу и влепил ему увесистую плюху. Петр кричал в гнев: «Не ты ли всему виноват? Не имея никакой надежды на помощь, никакого средства к спасению города, не мог ты давно уже выставить белого флага?» Потом, показывая шпагу, обогренную кровью, Петр продолжал: «Смотри, эта кровь не шведская, а русская. Я своих заколол, чтоб удержать бешенство, до которого ты довел моих солдат своим упрямством».

16 августа без боя капитулировал гарнизон Иван города.

При штурме Нарвы русские потеряли 1340 человек ранеными и 359 человек убитыми. Потери шведов за всю осаду составили 2700 человек. В Нарве было взято пушек, мортир и гаубиц 425, фальконетов и дробовиков 82, ружей 11 200. В Иван городе пушек взято 95, мортир и дробовиков 33.

3 сентября 1705 г. капитулировала Митава (Елгава). Там было найдено

290 пушек, 58 мортир и гаубиц, 13 505 ядер и 2125 бомб.

Ливонцы, а затем шведы и поляки построили в Прибалтике десятки мощных каменных крепостей, и чтобы выбить оттуда шведов, потребовались значительные силы, а они нужны были Петру в Польше, на Украине и в районе Петербурга.

В июне 1709 г. в сражениях под Полтавой и Переволочной шведская армия потерпела страшное поражение, а сам Карл XII стал полупленником-полугостом турецкого султана.

После Полтавы Петр решил окончательно очистить от шведов Эстляндию и Курляндию, где шведские гарнизоны все еще удерживали ряд городов.

Самым укрепленным городом Прибалтики была Рига. Город защищал гарнизон численностью 13 400 человек под началом генерала Нильса Штремберга. В Риге находилось 563 пушки, 66 мортир и 12 гаубиц.

К Риге из-под Полтавы была двинута сорокатысячная русская армия под командованием фельдмаршала Б.П. Шереметева. Кроме того, некоторые части и осадная артиллерия из центральной России были отправлены на стругах и лодках с верховьев Западной Двины. Армия Шереметева двигалась крайне медленно и лишь в начале октября 1709 г. подошла к крепости Динабург. Обращу внимание читателя, что Динабург был в то время польским городом, но русские войска передвигались по Польше как у себя дома.

Из Динабурга основные силы армии Шереметева двинулись к Риге по правому берегу Двины, а четыре драгунских полка генерал-поручика Р.Х. Боура и донские казаки атамана Митрофана Лобанова шли левым берегом. 15 октября русские вступили в шведские владения, а 27 октября осадили Ригу. Одновременно была осаждена небольшая шведская крепость Динамюнде в семи километрах от стен старой Риги, на берегу моря в устье Западной Двины.

10 ноября под Ригу прибыл Петр I. Через четыре дня началась бомбардировка города. Однако особых повреждений ни стены, ни город не получили. Русскому командованию пришлось отказаться от штурма и ограничиться блокадой города. Эта задача была возложена на шеститысячный отряд под началом князя А.И. Репнина. Остальные войска были уведены на зимние квартиры в Курляндии и Литве. Петр уехал в Петербург, а Шереметев – в Москву.

Тем не менее бомбардировки Риги продолжались. 12 декабря от попадания мортирной бомбы загорелась крепостная башня, в которой были размещены запасы пороха. Сильный взрыв лишил осажденных части их

порохового запаса и произвел гнетущее впечатление на горожан.

Несмотря на блокаду, зимой 1709/1710 г. рижане систематически получали продовольствие и боеприпасы из Динамюнде, куда они доставлялись морем. Чтобы прервать эту коммуникацию шведов, Петр специально прислал под Ригу своего фаворита Меншикова с указом: «...от прихода неприятельских кораблей к Риге большую обсервацию иметь, и что принадлежит к пресечению неприятельской коммуникации устроить». Далее в указе говорилось: «...для принятия с моря неприятельских судов» перегородить Западную Двину «бревнами с цепями и сделать несколько прамов и на них поставить пушки».

Выполняя указ царя, Меншиков и Шереметев построили свайный мост через Западную Двину. Перед мостом были протянуты связанные цепями бревна. На обоих берегах реки у моста русские построили батареи с тяжелыми пушками калибра 12, 18 и 24 фунтов. Зимой 1709/1710 г. в верховьях Западной Двины близ Торопца корабельным мастером В. Шленграфом были построены два речных прاما и пять малых судов, которые после схода льда отправили к Риге.

Эти мероприятия не замедлили сыграть свою роль уже 28 апреля 1710 г., когда девять небольших шведских судов попытались пройти от Динамюнде к Риге. Шведы попали под сильный огонь русских батарей и, не сумев форсировать заграждения на реке, вернулись обратно.

К 29 апреля с зимних квартир к Риге подошла вся армия Шереметева. Петр очень боялся высадки шведского десанта в районе Динамюнде или в районе Пернова.

10 мая осаждающие получили существенное подкрепление – несколько десятков осадных пушек и мортир, доставленных по реке генерал-поручиком Я.В. Брюсом. Русская армия начала подготовку к масштабной бомбардировке Риги и к ее последующему штурму. Однако 14 мая в лагере осаждающих началась «моровая язва» – эпидемия чумы, занесенная, по-видимому, через Курляндию из Пруссии. В результате русский осадный корпус с мая по декабрь 1710 г. потерял 9800 человек.

Чума проникла и сквозь стены Риги. Смертность населения в городе была достаточно велика, источники приводят различные цифры умерших от чумы, максимальная цифра – 60 тысяч человек.^[118]

Из-за эпидемии русское командование было вынуждено отложить штурм, но приняло решение усилить блокаду, чтобы вынудить город сдаться, не доводя дело до штурма. Для этого перед войсками была поставлена задача овладеть предместьями Риги и установить в непосредственной близости к городу мортирные батареи. Выполнение

этого возлагалось на бригадира Штафа и полковника П.П. Ласси с отрядом численностью 2400 человек. В ночь на 30 мая Штаф, атаковавший правый фланг шведских укреплений, ворвался в предместье. Шведы, бросив пушки, отошли за стены города. 31 мая Ласси закрепил успех Штафа, войдя в предместье с левого фланга. В результате положение осажденных еще более ухудшилось. Русские войска развернули интенсивные инженерные работы и постепенно приближались к крепостным веркам. В занятом ими предместье были установлены три мортирные батареи (14 мортир).

С началом навигации шведский флот попытался оказать помощь осажденному городу. У Динамюнде сосредоточилась эскадра в составе 24 судов. Ее появление вызвало «необычную радость» среди осажденных. Но высадить десант противнику не удалось. Все его атаки отбивались огнем русских батарей с обоих берегов Западной Двины. 9 июня трем шведским судам удалось прорваться к Риге, но огонь с русских батарей заставил их отойти назад к Динамюнде. В конце концов вся шведская эскадра ушла в море и более не появлялась у устья Западной Двины.

В начале июня 1710 г. русское командование вновь начало готовиться к штурму. Шереметев предложил шведскому командованию сдать город, но граф Штремберг ответил отказом. 14 июня русские начали интенсивную бомбардировку Риги. В течение 10 дней (с 14 по 24 июня) было выпущено 3389 бомб.

25 июня Штремберг наконец вступил в переговоры с русскими. К этому его побудила не столько бомбардировка, сколько требования немецкого населения города (дворянства, купечества и духовенства) о прекращении боевых действий. Не надо было иметь семи пядей во лбу, чтобы понять, что после Полтавы шведы проиграли войну окончательно и бесповоротно.

Переговоры о сдаче Риги продолжались более недели, и лишь 4 июля был подписан акт о сдаче города. Согласно условиям капитуляции, шведский гарнизон имел право свободно покинуть город. И действительно, 5132 солдата во главе с графом Штрембергом с музыкой вышли из города. Однако, как и в других аналогичных случаях, русские нарушили условия капитуляции. Так, генерал-майор Альфендель и 351 человек офицеров и солдат были сразу оставлены в плену как лифляндцы из завоеванных русскими городов. В городе было арестовано 22 члена магистрата и 610 горожан.

Победителям досталось 561 пушка, 66 мортир и 7 гаубиц. Сообщая в Москву о взятии Риги, Шереметев писал: «С божьей милостью мне удалось с главным лифляндским городом Ригой, который до сего времени никогда и

никакими средствами не был взят и во всей Европе непреступной девственницей считался, обручиться и привести его, как невесту, к честному соглашению».

4 июля князь Репнин вступил в город с шестью пехотными полками. 12 июля в Ригу торжественно въехал и сам Б.П. Шереметев. У Карлусовых ворот магистрат преподнес ему золотые ключи от города. В кирхе Шереметев принял присягу Петру от курляндского дворянства и духовенства. Шереметев подтвердил все духовные и гражданские права рижан.

30 сентября Петр в Санкт-Петербурге подтвердил капитуляцию, подписанную Штрембергом и Шереметевым, но велел задержать в плену весь шведский гарнизон. Сам Штремберг был доставлен к царю в Петербург, а позднее обменян на русского генерала Вейде.

После взятия Риги основные русские силы подошли к крепости Динамюнде. Ее гарнизон к началу боевых действий составлял 1200 человек, позже морем было доставлено еще 700 человек. Во время эпидемии чумы свыше 90 процентов гарнизона умерло, так что оборонять крепость было попросту некому. 8 августа комендант Динамюнде К.А. Штакельберг капитулировал. В Динамюнде русским досталось 198 пушек, 14 мортир и 13 гаубиц.

После взятия Динамюнде русские войска двинулись к небольшой шведской крепости Пернов, расположенной на восточном берегу Рижского залива в устье реки Перновы. Крепость Пернов была вооружена 201 орудием, а ее гарнизон первоначально составлял около тысячи человек, но ко времени подхода русских большая часть гарнизона умерла от чумы. 14 августа гарнизон Пернова капитулировал практически без боя, из крепости вышло лишь 120 солдат и офицеров, остальные стали жертвами чумы. В крепости русскими было найдено 183 пушки, 14 мортир и 4 гаубицы.

Одновременно небольшой русский отряд занял остров Эзель. Единственный укрепленный пункт острова – крепость Аренсбург была занята «без всякого сопротивления от неприятеля». В качестве трофеев русским войскам досталось 66 пушек и 4 мортиры.

Теперь в Прибалтике у шведов осталась одна только крепость Ревель. Операция против Ревеля была начата еще в декабре 1709 г., когда нарвский комендант полковник В.Н. Зотов двинулся с тремя драгунскими полками к Феллину в Эстляндию. Вступление русских войск побудило большинство жителей Эстляндии укрыться в Ревеле, несмотря на «универсалы» русского командования, призывавшие к спокойствию, и обещания, что разорения им никакого не будет, если русским войскам будет поставляться

продовольствие. Шведский гарнизон Ревеля составлял 4500 человек.

Подойдя в августе 1710 г. к Ревелю, отряд Зотова расположился лагерем у Верхнего озера, служившего главным источником снабжения города пресной водой. По приказу Зотова канал, подававший воду из озера в Ревель, был немедленно перекрыт. Город лишился не только пресной воды, но и мельниц, расположенных на канале. Вскоре гарнизон Ревеля и его жители почувствовали тяжесть блокады. Из-за скопления большого числа людей в городе начались болезни. 11 августа в городе был зарегистрирован первый случай чумы, свирепствовавшей затем в Ревеле до самого конца блокады.

15 августа по личному приказу Петра под Ревель прибыло шесть пехотных полков и один пехотный батальон под командованием бригадира Иваницкого. Они заняли высоту на берегу моря, чтобы иметь возможность вести огонь по шведским судам, направляющимся к городу. 18 августа к Ревелю подошла конница генерала А.Г. Волконского.

В конце августа из Пернова к Ревелю подошли войска генерал-поручика Боура. С прибытием этих войск сухопутная блокада Ревеля стала непроницаемой, но с моря шведские корабли свободно входили в Ревельский порт. Русский флот в районе Ревеля вообще не появлялся.

Петр решил воздействовать на психологию немецкого населения Ревеля и отправил в город «универсал», в котором обещал «сохранить в полной неприкосновенности... евангелическую религию, распространенную сейчас во всей стране и городах, все ее старые привилегии, свободы и права».

Универсал Петра, падение Риги и Пернова, а главное, эпидемия чумы сильно подорвали моральный дух гарнизона и жителей. Поэтому до бомбардировки города и штурма дело не дошло.

29 октября 1710 г. Ревель капитулировал. Согласно условиям капитуляции, гарнизон эвакуировался в Швецию. В Ревеле русскими трофеями стали 10 мортир, 57 медных и 174 чугунных пушек. После взятия Ревеля боевые действия в Прибалтике закончились.

Петр немедленно приступил к исправлению крепостей и гаваней в Лифляндии и Курляндии. По его указу был сформирован пятнадцатитысячный лифляндский корпус из «природных тамошних дворян», то есть немцев. Царь приказал на выгодных условиях пригласить «иноземцев [в основном немцев. – А.Ш.] на заселение мест, опустошенных язвою» (чумой). Что, не хватало Петру русских мужиков, или он боялся русским дать вольности, обещанные лифляндцам и курляндцам?

Глава 16

Немецкий заповедник имени Петра Великого

30 августа (10 сентября) 1721 г. в Ништадте был подписан русско-шведский мирный договор. Согласно статье 4 договора Петру I «и его потомкам и наследникам Российского государства в совершенное неприкосновенное вечное владение и собственность» передавались Лифляндия, Эстляндия с островами Эзель, Даго и Меном и всеми другими до курляндской границы.

В статье 9 говорилось: «Его царское величество обещает при том, что все жители провинций Лифляндских и Эстляндских, также и острова Эзеля, шляхетные и нешляхетные, и в тех провинциях обретающиеся города, магистраты, цехи и цунфты [разновидность цехов. – А.Ш.] при них, под свойским правлением имевших привилегиях, обыкновениях, правах и справедливостях постоянно и непоколебимо содержаны и защищены будут.

10. Таков в таких уступленных землях не имеет никакого принуждение в совести введено быть, но паче евангелическая вера, кирхи и школы и что к тому принадлежит на таком основании, на каком при последнем свейском правительстве, были оставлены и содержаны, однако ж во оных и вера греческого исповедания впредь також свободно и без всякого помешательства отправлена быть может и имеет».^[119]

Сразу замечу, что Ништадтский мирный договор никто не отменял, и, следовательно, он имеет юридическую силу до сих пор. Правда, ряд договоров, заключенных правопреемницей империи Российской Федерацией после 1991 г., противоречат статье 4 Ништадского мира. Но новые договоры не делают Ништадтский мир ничтожным, и я уверен, что если не в ближайшие годы, то в середине XXI века наши государственные и военные руководители вспомнят о статье 4 Ништадского мира.

Что же касается статей 9 и 10, то они носили исключительно декоративный характер и не были обязательны для исполнения российскими властями. Во-первых, уже в XVIII веке, справедливо названном веком просвещения, было смешно думать, что можно на века сохранить в неприкосновенности средневековые реликты – цеха, магистраты и т. п. А во-вторых, политическое и военное положение в

районе Прибалтики коренным образом изменилось со времен Ливонской войны. Ни Швеция, ни Речь Посполитая уже не могли и мечтать о вторжении в Эстляндию и Лифляндию, что бы там ни творили русские цари.

Тем не менее Петр I подтвердил права и преимущества земских и городских сословий Лифляндии и Эстляндии, но «с оговоркою, по которой дальнейшее сохранение этих прав и преимуществ должно было зависеть от усмотрения верховной самодержавной власти в России, и затем внутреннее земское управление и управление городов оставил в том виде, как было при шведах, без всяких существенных изменений».^[120]

В 1713 г. «Петр I повелел учредить Рижскую губернию, отделив Ревель, Дерпт и все прилежащие к ним территории и включив их в состав губернии Ревельской. В 1722 г. Дерптский уезд был выделен из Ревельской и присоединен к Рижской губернии. Во главе их были поставлены губернаторы из приближенных царского двора, а их заместителями и сановниками в аппарате губернатора, как правило, были прибалтийские дворяне. Последние в своей административной деятельности прежде всего старались блюсти интересы и привилегии местного рыцарства, и обычно указы царского правительства приобретали силу в Прибалтийских губерниях лишь в той мере, в какой они соответствовали местным правовым нормам и интересам немецко-прибалтийских дворян. Это в равной мере относилось и к городским магистратам, и к немецким купцам.

Даже официальным языком в Прибалтийском крае был признан немецкий, и переписка губернских учреждений с коллегиями велась обычно на немецком языке, исключением являлись лишь бумаги, поступающие из так называемых «русских канцелярий» лифляндских и эстляндских генерал-губернаторов. Уже одним этим можно объяснить то обстоятельство, что дела, связанные с Прибалтийским краем, в центральных государственных учреждениях обычно попадали к чиновникам немецкого происхождения соответствующих департаментов. Кроме того, в административный аппарат края подбирались лица, знакомые с остзейскими порядками и привилегиями, а такими опять-таки оказывались чиновники из немцев. Таким образом, получалось, что вплоть до самых высших инстанций управлением Лифляндией и Эстляндией ведали чиновники преимущественно немецкой национальности, что не было предусмотрено никакими привилегиями, но, несомненно, благоприятствовало сохранению остзейской автономии».^[121]

Система сословно-представительных органов прибалтийского

рыцарства, утвержденная еще шведскими королями, давала значительные преимущества немецко-помещичьему дворянству в Прибалтийском крае. В середине XVIII века были составлены особые привилегированные дворянские списки-матрикулы. В них занесли в Лифляндии 172 дворянские фамилии, в Эстляндии – 127 и на острове Эзель – 25. Предки этих дворян владели землями еще во времена Ливонского ордена, шведских и польских королей. Только они получили право полного голоса и являлись членами высшего органа местного самоуправления – ландтага. На территории Эстляндии насчитывалось около 240–250 таких привилегированных дворянских семей, остальные землевладельцы, или так называемые земские дворяне, пользовались ограниченными правами.

Ландтаг (эстляндский, лифляндский и эзельский), сословный орган дворянства, собирался раз в три года и обсуждал все вопросы, касающиеся губернии, избирал чиновников местного самоуправления, суда и полиции. Его постановления имели силу закона для местного населения.

Из представителей наиболее родовитых семей избирали ландратов, руководивших губернией в перерывах между ландтагами. Должности их были пожизненными. Однако эти лица и учреждения присваивали себе права и функции правительственной власти и государственных органов. Судьи получали право фактически безапелляционно произносить приговоры по всем крестьянским делам. Лютеранская церковь и школа превратились в часть сословной организации дворянства, а пастор обязан был помогать вотчинной полиции в установлении личности беглых крепостных.

До прихода русских немецкие дворяне имели право по своему усмотрению наказывать, вплоть до квалифицированной казни, своих крепостных. В 1711 г. лифляндские дворяне обратились к Петру с «покорнейшей просьбой» подтвердить 26-ю статью привилегий Сигизмунда II Августа о праве суда над своими крестьянами по уголовным и гражданским делам. Однако русские власти указали, что рассмотрение уголовных дел есть прерогатива государственных судов, то есть казнить или калечить крестьян теперь было запрещено.

Чтобы захватить в свои руки все доходы от сельского хозяйства, помещики угрозами и наказаниями принуждали крестьян продавать им свои продукты, а городские товары (соль, железо, сельдь и др.) покупать исключительно у помещиков. Некоторые помещики даже стали торговцами-оптовиками. Так, например, ляудонский барон скупал у крестьян в год больше чем две тысячи пудов льна, а крестьянам, в свою очередь, продавал соль. Купленный лен помещики затем продавали

торговцам. Также помещики скупали зерно, из которого готовили солод, гнали водку или же мололи его на своих мельницах и продавали муку. Все эти работы крестьяне должны были выполнять в порядке барщины и предназначенные для продажи товары отвозить на своих подводах по назначению.

От торговой деятельности помещиков страдали интересы не только крестьян, но и городских торговцев. Поэтому рижский, перновский и дерптский магистраты и бюргеры обратились к генерал-губернатору с просьбой запретить помещикам скупать крестьянские продукты для перепродажи, мотивируя свою просьбу тем, что торговля и ремесла должны быть предоставлены исключительно городским жителям.

Споры и экономическая борьба между дворянством и представителями видземских городов продолжались весь XVIII век, так как помещики, не желая отказываться от увеличения своих доходов, всеми силами и средствами добивались сохранения за ними права торговли.

С приходом русских эстонские и латышские крестьяне толпами бежали от немецких помещиков. В 1715 г. только в латышской части Лифляндской губернии считались в бегах 1870 крепостных, в том числе сбежавших из частновладельческих имений – 1350, из казенных – 520 человек.

По настоянию видземских баронов рижский генерал-губернатор опубликовал множество патентов о выдаче беглых, о строгом их наказании, о телесном наказании тех крестьян, которые укрывают беглых или иными способами содействуют побегам. Помещики же за укрывательство беглых наказывались крупными денежными штрафами. Патент от 18 февраля 1719 г. предусматривал самые варварские наказания для беглых: выжигание каленым железом клейма на лбу, отрезание ушей и носа.

Между прочим, после присоединения к России в Эстляндии и Лифляндии остались свободными от помещиков (убитых или беглых) огромные территории, особенно в Лифляндии и на острове Эзель. Они вроде бы стали государственными имениями.

Вскоре, однако, большая часть из них была раздарена преемниками Петра I. В Лифляндии в 1726 г. государственным имениям принадлежало 45,4 % общего числа гаков, а к 1758 г. эта цифра уменьшилась до 17 %. В Эстляндии к этому времени в руках государства осталось всего 2 % от общего количества гаков.

Ну, допустим, русское правительство не нуждалось в государственных крестьянах. Так раздайте их русским дворянам, а те привезут свою дворню, попов, и пошла-поехала естественная русификация. Увы, Анна Иоанновна

раздала все имения исключительно немцам.

Город Ревель получил самоуправление, осуществляемое магистратом, выбранным из наиболее богатых жителей. Магистрат и рейнское управление – обер-лантгерихты – содержались на средства городской казны. Был свой магистрат и в Риге, Дерпте и других крупных городах. Любопытно, что дерптская «Коронная школа» при Петре I и его преемниках была на «жаловании императорском», хотя обучение там велось исключительно на немецком языке.

После 1710 г. в Ревеле началось большое строительство. Русские создали новую гавань (на том месте, где она находится и сейчас), так как прежняя гавань у Морских ворот не отвечала потребностям ни военного, ни торгового флотов. В новой гавани были построены многочисленные каменные здания, верфь и мастерские. В районе Ласнамяги был разбит парк, украшенный скульптурами, известный под названием парка Кадриорг. В течение нескольких десятилетий Ревель сильно вырос и расширился. Рядом с Кадриоргом возник новый пригород Слобода (в просторечии Лободка). Пригороды, сожженные шведами летом 1710 г., были отстроены заново.

Со второй четверти XVIII века Ревель стал превращаться в аванпорт Петербурга в начале и конце навигационного периода, когда лед препятствовал судоходству в восточной части Финского залива. В связи с этим в 1734 г. были освобождены от таможенного обложения товары, провозимые через Эстляндию в Петербург. Несмотря на это, в связи с резким увеличением грузооборота Ревельского порта сбор таможенных доходов существенно возрос: 5339 талеров в 1711 г., 25 891 талер в 1725 г. и 52 878 талеров в 1740 г.

Петр I подарил Риге 20 торговых кораблей. Вскоре и рижские бюргеры начали строить большие торговые суда.

В 1710 г. Ригу посетили 15 кораблей, на следующий год – 79, в 1725 г. – 388, в 1740 г. – 597. С 1766 по 1776 г. в Ригу прибывали в среднем ежегодно по 765 кораблей, а с 1776 г. по 1785 г. – 841 судно.

Уже в 30-х гг. XVIII века Рига стала второй по объему торговли гаванью Балтийского моря. Граждане Риги официально делились на две части – немцев и «не-немцев» (так в официальных источниках). По национальности большинство «не-немцев» были латышами, но с появлением русских в 30-х годах XVIII века магистрат стал и их записывать в «не-немцы». Не состоя в гильдии, «не-немцы» не могли занимать должности в городском самоуправлении, не имели права заниматься более доходными отраслями промышленной деятельности и

торговлей.

Опасаясь конкуренции «не-немцев», рижские немецкие цеха и гильдии издавали различные постановления, гарантировавшие немецкому меньшинству господствующее положение и всячески ограничивавшие доступ в привилегированные цеха. Так, например, в уставе цеха мясников имелось постановление, что учениками можно принимать только лиц, родители которых были немцами, а из цеха должны были немедленно исключаться все, женившиеся на «не-немках». В уставе цеха скорняков было постановление, что мастер, принявший ученика – «не-немца», подвергался наказанию, а ученик изгонялся из мастерской.

Магистрат Риги в 1738 г. опубликовал следующее распоряжение: «Так как, согласно старым постановлениям, не-немцам не дозволяется владеть недвижимым имуществом, и, кроме того, им не могут быть предоставлены принадлежавшие бюргерам права, вольности и преимущества, к которым надо причислить также владение недвижимым имуществом, то в силу этого предписывается всем и каждому не-немцу, владеющим в городе недвижимым имуществом, ликвидировать и продать его в течение одного года и одного дня здешним бюргерам или тому, кто имеет право владеть им». [\[122\]](#)

Эстонские историки Г.И. Наана и А.К. Вассар писали: «В Эстляндии и Лифляндии в основном сохранился также сложившийся в предыдущем столетии феодальный порядок управления и судопроизводства, который характеризуется привилегиями дворянства и городов, господством лютеранской церкви, признанием немецкого языка в качестве официального языка, сохранением различий в обложении податями и в течение долгого времени даже сохранением местных пошлин. Все это и составляло существо так называемого остезейского особого порядка, который отделял эти губернии от остальной России и предоставлял почти неограниченную власть местным помещикам-немцам. Остезейский особый порядок серьезно препятствовал более тесному сближению Эстонии с Россией и чрезвычайно усиливал крепостнический гнет немецких помещиков над крестьянскими массами. Остезейский особый порядок был воплощением феодально-крепостнической реакции и отсталости». [\[123\]](#)

Как видим, Петр и его преемники создали в Прибалтике эдакий германский заповедник. Местное население не только не обрусевало, а все более и более онемечивалось. Вспомним, что до Петра I все московские цари и великие князья, присоединив к Московскому государству окраинные территории, кнутом и пряником пытались перемешать их население с

русскими из центральных областей.

Почему же Петр и все последующие цари, за исключением разве что Екатерины Великой, создавали этот заповедник? Основных причин две.

Во-первых, Петр был германофилом и предпочел бы больше иметь германских подданных, чем русских людей. Спор о том, было ли знаменитое «завещание Петра Великого» подлинным, выходит за рамки работы. Скажу лишь одно, если это завещание и фальшивое, то наш великий реформатор постоянно думал о возможности присоединения германских земель.

Все наши цари лезли в германские дела, и их остановил лишь разгром Франции в 1870 г. и создание Германской империи. Вполне логично, что захват немецких земель царями мог быть облегчен при наличии мини-Германии в составе своей империи.

Была и вторая причина, куда более прозаичная. Ни один царь после Петра не сидел твердо на троне. Недаром в Европе острили, что «русский режим – это самодержавие, ограниченное удавкой». Призрак Ропши или Михайловского замка не давал спокойно спать всем императорам, включая Николая II.

Романовы знали римскую формулу «разделяй и властвуй» и с удовольствием взирали на конфликт между русским и германским дворянством. Вспомним, сколько германских фамилий встречается среди руководителей карательных служб XIX века. Правда, иной раз и достаточно обрусевшие немцы досаждали династии. Их хватает и среди убийц Павла, и среди декабристов.

Русская образованная общественность от аристократов до разночинцев считала Прибалтику чем-то типа Саксонии или Баварии, а об эстонцах или латышах никто ничего не знал. Так что на фразу из повести и фильма «Гардемарины, вперед!» – «Ах ты, сука курляндская!» – латыши не обижаются. Русский человек, пусть даже поручик, и не знал, что в Курляндии, кроме немцев, есть еще какие-то латыши.

Стоит заметить, что «германский заповедник» раздражал Екатерину Великую. Она, будучи этнической немкой, больше заботилась об интересах России, чем псевдорусская династия Романовых.

Вот, к примеру, в 1762 г. рижский магистрат пожаловался русскому генерал-губернатору Броуну, что русские, приехавшие в Ригу, начали заниматься содержанием трактиров и мелкой торговлей. По мнению магистрата, их надо было принудить к физическому труду, «что принесло бы пользу рижской торговле и всей городской общине». Сейчас националисты и их приспешники в России утверждают, что Прибалтика

была колонией России. Представим на секунду, что туземцы из Сенегала или Нигерии жалуются, что французы или англичане ведут у них торговлю, вместо того чтобы заниматься тяжелым физическим трудом!

Матушка Екатерина оставила сию просьбу без последствий, а 7 декабря 1765 г. утвердила новый Устав о рижской коммерции, сильно ограничивавший права магистрата. Но немцы из магистрата не унимались. Вот характерный пример. Один приехавший из-за границы немец, по фамилии Эфлейн, женатый на латышке, дочери Яна Штейгнауера, в 1767 г. подал магистрату просьбу о принятии его в полноправные бюргеры Риги. Магистрат отклонил просьбу Эфлейна на том основании, что его жена – латышка и что «пострадает хорошая слава города и торговля с заграницей, если бюргерами начнут принимать латышей, что ни в коем случае не являлось намерением ее императорского величества и ее предшественников...».

Но обстановка была уже иная, и сенат, который должен был решать дело Эфлейна, указал на эту перемену в политике правительства: «Рижское Большой гильдии мещанство, не входя в ее императорского величества попечение о истинной пользе своих верноподданных городов, каково особливо высочайше изъяснить... соизволила в изданном 1763 года июля 25 дня манифесте, затмевает опубликованные манифесты...» Сенат приказал зачислить Эфлейна и его жену полноправными рижскими гражданами. Давая по этому делу указание принципиального характера: «...да и впредь в Риге принятием в мещанство таковых же, поступать на основании опубликованного в 1763 году 25 июля ее императорского величества высочайшего манифеста и тамошних вышеписанных законов».

Мнение о том, что на немецких помещиках держалась вся экономика Эстляндии и Лифляндии, более чем неосновательно. Помещики все больше становились должниками ростовщиков и богатых купцов. К концу XVIII в. сумма долгов лифляндских поместий составляла 11 млн. рублей серебром. ^[124] Не лучше обстояло дело в Эстляндии. Имена закладывались и перезаклаывались, часто продавались. Если с 1761 по 1770 г. в Лифляндии было продано всего

8 имений, то за вдвое меньший срок (с 1796 по 1800 г.) – 83.

В подобной ситуации русское правительство могло безболезненно для экономики края начать процесс русификации, выкупая за умеренную плату имения с крестьянами. Эти имения можно было пожаловать русским дворянам или, еще лучше, перевести в казенные земли, а крестьян – в казенные крестьяне. Взамен лояльным германским дворянам можно было дать земли в Центральной, а еще лучше, в Новой России.

Глава 17

Присоединение Курляндии к России

В XVIII веке Курляндское герцогство находилось в вассальной зависимости от Речи Посполитой. Однако к 1710 г. на его территории дислоцировались русские войска.

Во время свидания Петра I с прусским королем Фридрихом I в октябре 1709 г. в Мариенвердере было решено, что курляндский герцог Фридрих-Вильгельм должен жениться на одной из родственниц русского царя. Тем самым Петр I рассчитывал обеспечить известное влияние России на дальнейшую политику герцогства.

В 1710 г. Фридрих-Вильгельм приехал в Петербург, где обвенчался с племянницей царя Анной Иоанновной. А перед венчанием был заключен договор, по которому Фридрих-Вильгельм обязывался в случае войны соблюдать по отношению к России доброжелательный нейтралитет, а также содействовать торговым сношениям между Россией и Курляндией и обеспечить русским купцам свободный проезд в Западную Европу. Для герцога самым важным было получение 40 тысяч рублей приданого Анны Иоанновны и 160 тысяч рублей ссуды, на которые он хотел выкупить заложенные имения. Однако на обратном пути в Митаву (с 1917 г. Елгава), 6 января 1711 г. Фридрих-Вильгельм внезапно умер. Как утверждают современники, герцог в Петербурге попросту запил, и причиной его смерти стало неумеренное потребление алкоголя.

Теперь курляндским герцогом стал наследник престола – дядя умершего герцога Фердинанд. В Митаву он не поехал, а остался в Данциге и оттуда управлял герцогством не столько при помощи советников герцогства, сколько через своих доверенных лиц.

Поскольку Северная война была еще не закончена, Петр I не рискнул силовым путем аннексировать Курляндское герцогство, но и отдавать его тоже не хотел. По его приказанию в Митаву была отправлена на жительство вдова Фридриха-Вильгельма с «ограниченным контингентом» русских войск.

В результате в герцогстве возникло, как говорят в Польше, «бескорольевье». Формально герцогом был Фердинанд, польское дворянство в Курляндии пыталось вернуть край Речи Посполитой, а «русская» партия из немецких дворян соответственно ориентировалась на Петербург.

В 1730 г. Анна Иоанновна стала русской императрицей. Ее фаворитом и самым влиятельным человеком при дворе был курляндец Эрнст-Иоганн Бирон. Русская дипломатия уделяла исключительное внимание событиям в герцогстве.

После смерти польского короля Августа II Россия поддерживала его сына, будущего польского короля Августа III, в его борьбе за польскую корону против Станислава Лещинского. Август III при поддержке русских войск стал польским королем, а в 1736 г. польский сейм по настоянию России отказался от включения Курляндии в состав польского государства, признавая по-прежнему личную зависимость герцогства от Польши.

В 1737 г. умер герцог Фердинанд, и курляндский ландтаг в июне того же года избрал герцогом Бирона. Дело решили русские деньги и русские полки на границе.

Став герцогом, Эрнст Бирон продолжал жить во дворце в Петербурге. Анна Иоанновна перед смертью в 1740 г. назначила наследником престола своего трехмесячного внучатого племянника Иоанна, а регентом до его совершеннолетия – Бирона. Однако в ночь с 8 на 9 ноября 1740 г. фельдмаршал Миних с ведома матери императора Иоанна VI Анны Леопольдовны произвел военный переворот. Бирон и его сторонники были арестованы, а затем герцога отправили в ссылку в Сибирь, в Пелым.

Через 16 дней в Петербурге произошел новый переворот – рота гвардейцев 25 ноября возвела на престол Елизавету Петровну. Новая императрица улучшила участь Бирона – ему определили местом ссылки Ярославль вместо Пелыма.

До 1758 г. Курляндия оставалась без герцога, а затем польский король Август III (а по совместительству саксонский курфюрст) уговорил Елизавету Петровну сделать герцогом своего сына Карла Саксонского. Избрание католика герцогом вызвало недовольство населения Курляндии, большинство которого состояло из протестантов.

Императрица Екатерина II нашла решение Елизаветы неразумным: «В деле о Курляндии, чем более о нем думаю, тем менее нахожу там здравого смысла». ^[125] И она надумала вернуть на курляндский престол... Эрнста Бирона, которому шел уже 73-й год.

Польский король Август III потребовал, чтобы Бирон представил ему свои требования, на что русский посол Ржичевский ответил, что «Бирон собственно не обязан просить о том, что у него никто и ни по каким правам отнять не мог». ^[126] А матушка-государыня пригрозила выгнать непослушного короля из Польши. В Курляндию вновь вошел довольно

приличный контингент русских войск.

30 декабря 1762 г. в Митаву с большим торжеством въехал Бирон со своим сыном Петром.

По указу императрицы принц Карл был выслан из Митавы. Однако сторонники Польши, их называли «каролинцами», решили дать бой Бирону в ландтаге. Ландтаг отказался присягать новому герцогу. В ответ Екатерина II предложила дворянам в четырехнедельный срок принести присягу Бирону. Неподчинившимся грозило расквартирование в их имениях русских войск на постой. Угроза эта возымела свое действие, и даже наиболее оппозиционно настроенные дворяне были вынуждены повиноваться.

После смерти Эрнста Бирона ему наследовал сын Петр. «Каролинцы» во главе с дворянином Говеном Младшим начали борьбу против нового герцога. Дворяне опять отказали в присяге герцогу. Дело дошло до того, что в 1771 г. по требованию русского правительства Говена арестовали в Варшаве. Среди его бумаг нашли переписку с саксонским двором. Говен был осужден на три года и заточен в крепость. А после императрица просто купила Говена, и он стал вождем «русской партии».

В 1784 г. Петр Бирон, формально оставаясь герцогом, подался от греха подальше в Германию. Через три года он вернулся в Митаву, но его власть стала номинальной. Герцогство контролировали богатые дворяне и резиденты императрицы.

В мае 1794 г. польские конфедераты вторглись в Курляндию. Герцог и ландтаг обратились за помощью к России. Русские войска к августу навели порядок в Курляндии.

Анархия в герцогстве порядком надоела как дворянам, так и горожанам. Поэтому делегаты курляндского дворянства начали в Петербурге переговоры о возможности подчинения герцогства России. Герцог вначале протестовал против этого, но вскоре понял тщетность подобных протестов и, в свою очередь, начал в Петербурге переговоры о размерах компенсации за добровольный отказ от герцогства.

В январе 1795 г. герцог Петр лично прибыл в Петербург. Через два месяца переговоры завершились, и герцог 28 марта подписал отречение от престола, выторговав себе за это 2 млн. рублей компенсации за свои имения, 69 тысяч талеров ежегодной пенсии и обеспечение вдовьей доли для своей жены.

В апреле 1795 г. курляндское дворянство официально признало подчинение своего герцогства России. Екатерина II утвердила за дворянством все его прежние права и привилегии. 27 мая 1795 г.

Курляндское герцогство стало Курляндской губернией Российской империи.

Глава 18

Как два Николая спасали остзейских баронов

В сентябре 1836 г. епископом Рижским был рукоположен Иринарх (в миру Яков Дмитриевич Попов). С первых дней своего пребывания в Риге Иринарх вел активную деятельность по распространению православия в крае. Он сделал много для того, чтобы старообрядцы Риги и окрестностей стали посещать православные храмы. Епископ активно обращал эстонцев и латышей в православие.

В конце 30-х гг. XIX века в результате сильных неурожаев жизнь крестьян Лифляндской губернии значительно ухудшилась. 1 июля 1841 г. лифляндский губернатор сообщал министру внутренних дел, что «крестьянские поля, засеянные озимыми урожаями прошлого года, не позволяют надеяться даже на самый небольшой урожай». Зима и весна 1841 г. выдались крайне тяжелыми. Хлеба вымокли и не уродились, не хватало и корма для скота. Крестьянам угрожал голод. Большинство помещичьих имений в результате неурожая также находились в тяжелом положении. На помощь от государства не приходилось рассчитывать, так как во многих других губерниях урожай был еще хуже, чем в Лифляндии.

Среди крестьян Венденского и Валкского уездов пошли слухи о том, будто правительство предлагает им переселиться в южные губернии, где они получают землю в собственность и разные льготы. Для этого якобы нужно объявить желание переселиться и записаться в Риге у начальства или у православных священников. Под влиянием этих слухов в управление рижского генерал-губернатора стали приходить за справками толпы крестьян, где им разъясняли необоснованность дошедших до них сведений.

Хождения крестьян в Ригу приняли массовый характер, и

2 июня генерал-губернатор М.И. Пален опубликовал сообщение, которое затем было зачитано в кирках. Крестьян извещали, что никакого переселения не производится и что в Россию и в Сибирь переселяют только преступников в кандалах. По распоряжению генерал-губернатора Палена с 9 июня чиновники и полиция стали производить допросы всех являвшихся в Ригу крестьян. В течение первого месяца было допрошено более 600 крестьян. Все жаловались на тяжелое материальное положение, плохие виды на урожай, на притеснения помещиков.

Пален – лютеранин и сам крупный помещик – попытался сделать виноватой православную церковь и лично епископа Иринарха. Генерал-губернатор просил шефа жандармов графа Бенкендорфа запретить епископу Иринарху принимать просьбы от крестьян до восстановления спокойствия в крае и отсылать крестьян к гражданскому начальству. 27 июля преосвященный Иринарх отвечал на требования генерал-губернатора: «Запереть двери для крестьян я не могу без особенного на то разрешения начальства, ибо это значило бы отказаться произвольно и без видимой нужды от одной из главных обязанностей, возлагаемых на меня саном и местом, а отсылать приходящих людей к гражданскому начальству считаю излишним, ибо они явились, побывав уже у гражданского начальства, что доказывают их бритые головы, и что притом окружающая мой дом полиция и без того берет их всех к допросам в губернское правление».^[127]

Узнав об ответе, Пален через Бенкендорфа, воспользовавшись сфабрикованными свидетельскими документами о подстрекательской деятельности православных священников, добился того, что 29 июля император Николай I запретил епископу принимать от крестьян просьбы по вопросам, не касающимся веры. Но поток просителей не прекращался. 4 августа шестеро латышей не были допущены полицией к Иринарху уже и с прошениями о присоединении их с семьями к православию. Их арестовали, но прошения их все же дошли до епископа – священник рижского кафедрального собора Михаил Заволоцкий составил их по просьбе крестьян и передал Иринарху. В своем рапорте священник писал, что не может отказать гонимым просителям, потому что «отриновение такового их чистого желания почитал неизвинительным проступком перед начальством и непростительным грехом пред Самим Богом; ото всех явившихся мне чухон я отобрал показания, каковые при сем долг имею благопочтительно представить на архипастырское благоусмотрение вашего преосвященства».

В одном из подобных прошений крестьяне писали епископу Иринарху: «Бог положил на сердце нам и всем семействам нашим твердое желание принять ту православную веру, которую имеет наш отец и государь, с тем, чтобы эта вера была бы верой до самой смерти как нас, так и семей, и детей наших, и всего будущего нашего потомства до конца света. Надеюсь и веря, что в сей православной вере мы найдем себе покой и утешение, как в вере, которую мы душевно почитаем, которую просим позволить нам и семействам нашим принять, сию православную веру».^[128] Это прошение было составлено от имени 768 крестьян Верроского и Дерптского уездов.

Аналогичное прошение поступило еще и от 83 крестьян тех же уездов.

12 августа 1841 г. граф Н.А. Протасов в письме епископу Иринарху предлагал «в точную сообразность высочайшей воли... строго подтвердить подведомственным вам лицам, дабы от помянутых крестьян отнюдь не были принимаемы прошения, какого бы, впрочем, они ни были содержания, впредь до совершенного прекращения возникшего между ними волнения и получения особого высочайшего разрешения на счет изъявляемого ими желания присоединиться к православию». [\[129\]](#)

«Если гражданское начальство, – писал Святейшему синоду епископ Иринарх, – нашло нужным прибегнуть к употреблению военной силы, то это не для утишения возмущения, которого не было и нет... а для истребления возродившегося в крестьянах сильного и решительного желания принять православие. Слышно, что начальник губернии ездит теперь по уездам с жандармами и казаками и отбирает от крестьян показания касательно их религии». [\[130\]](#)

Сложилась поистине дикая ситуация: православный царь Николай I, официальный глава православной церкви, устроил репрессии против прибалтийских крестьян, желавших принять православие. По официальным данным, в православие перешло более 74 тысяч латышей. Лютеранские пастыри запрещали хоронить умерших православных латышей на деревенских кладбищах. А царь-батюшка посылал против них войска.

В 1858 г. в местечке Махтра в уезде Харююмаа эстонские крестьяне выступили против введения помещиками-немцами «экстраординарной барщины». Русские власти направили туда большой отряд регулярных войск. В начале 1859 г. военно-полевой суд приговорил 65 крестьян к тысяче ударам палками, а затем 37 из них были насильно сосланы в Сибирь.

В том же 1858 году 56 эстонских крестьян из имений Ання и Курисоо мирно отправились в Ревель, где подали жалобу на помещиков в губернское правление. Только за факт подачи жалобы все 56 человек были арестованы, а затем публично выпороты на базарной площади. История эта достаточно ординарная, обычная для Прибалтики. Получила же она огласку лишь потому, что русский учитель гимназии В.Т. Благовещенский написал о расправе в Лондон А.И. Герцену, а тот описал все в «Колоколе».

Герцен не побоялся сказать то, о чем давно шепотом говорили в Петербурге – Павел I, Александр I и Николай I, будучи этническими

немцами, благоволили остзейским баронам в ущерб интересам государства Российского. В статье «Русские немцы и немецкие русские» Герцен назвал Николая I «одним из самых замечательных русских немцев». Герцен со всей ненавистью пламенного русского патриота обрушился на прибалтийских немецких баронов, которые подвизались на царской службе в роли жандармов и палачей. Они всячески выслуживались перед царским правительством, лишь бы сохранить свои привилегии, дававшие им право на эксплуатацию латышских и эстонских крестьян. По адресу прибалтийских дворян и придворных аристократов-космополитов Герцен писал, «что их отечество в канцелярии и казарме, а совесть их в Зимнем дворце, что они слуги государевы, а не государства, что они отделяют в своей привязанности особу государя от отечества».^[131]

Как известно, в 1861 г. в России было отменено крепостное право. Но барщину в Прибалтике русские власти отменили лишь в 1868 г.

Первая русская революция не обошла и Прибалтику. Так, 30 апреля – 2 мая 1905 г. в Ревеле произошла первая политическая стачка. Октябрьская всероссийская политическая стачка 1905 г. началась в Эстляндии 14 октября стачкой железнодорожных рабочих в Ревеле, Нарве, Валге и других городах, а также на железнодорожных станциях. 16 октября царские войска обстреляли митинг рабочих в Ревеле, было убито свыше 90 и ранено более 200 человек. Похороны жертв 20 октября вылились в грандиозную сорокатысячную демонстрацию. Всеобщая забастовка закончилась 26 октября. По всей Эстляндии в ней участвовало 20 тысяч промышленных и железнодорожных рабочих.

Еще больший размах приобрело революционное движение в деревне. Эстляндские крестьяне только 12–20 декабря 1905 г. сожгли и разгромили свыше 120 помещичьих имений. Владельцами почти всех этих имений были немцы.

Тут бы царским министрам вспомнить мудрую русскую пословицу: «Не было бы счастья, да несчастье помогло». Нет бы немного погодить, пока усобица между немцами и прибалтами достигнет апогея, а уж потом ввести войска, действуя в качестве третьей нейтральной силы. Объявить, что германские бароны сами спровоцировали беспорядки и выселить немцев с целью обеспечения их же безопасности в центральные районы России, пусть даже с предоставлением компенсации. А конфискованные имения поделить между безземельными русскими крестьянами. Местных жителей, особо запятнавших себя насилиями и убийствами, отправить в пожизненную ссылку в Сибирь.

Таким образом, под предлогом умиротворения края можно было

провести интенсивную русификацию Прибалтики. Кстати, очень многие народы в Средней Азии и на Кавказе предпочитали правление русских власти феодалов-иноплеменников.

Однако Николай II выбрал самый наихудший для России вариант, послав русские карательные отряды. В декабре 1905 г. во всей Прибалтике было введено военное положение. Такое решение вполне объяснимо: сам Николай II на 95 % был немцем, а была ли среди оставшихся 5 % хоть капля русской крови – вопрос спорный. Его жена была немкой, а среди сановников преобладали этнические немцы или их ближайшие родственники.

Большей частью русских карательных отрядов в Прибалтике командовали офицеры из этнических немцев. По их приказанию войска творили дикие расправы над крестьянами. Так, только в Эстляндии с конца декабря 1905 г. по февраль 1906 г. каратели расстреляли около 300 крестьян, а свыше 600 были подвергнуты публичным телесным наказаниям.

То же самое происходило в Лифляндии и Курляндии. Там было разгромлено 573 имения, а убытки немецких помещиков исчислялись в 12 млн. рублей золотом. Каратели убили несколько тысяч крестьян. В ответ были созданы партизанские отряды «лесных братьев». Так, в городе Туккул в ночь на 30 ноября 1905 г. латыши напали на русских драгун и убили 20 из них. С января по ноябрь 1906 г. «лесные братья» совершили свыше 400 вооруженных нападений. Действия партизан продолжались до конца декабря 1906 г.

Позже германские пропагандисты и местные националисты возложат всю ответственность за бойню 1905–1906 гг. исключительно на русских, точнее, на русский народ в целом.

А ведь именно немцы столетиями делали невозможным сближение русского народа и народов Прибалтики. Представим на секунду, если бы Петр I или Екатерина II выдворили бы из Прибалтики немцев. Эстонцы и латыши просто физически не могли бы не воспринять просвещение и культуру от русских. Добавим еще экономические факторы, и в Прибалтике за два-три столетия произошло бы то, что произошло в Вологодской области или на Ижорской земле (в районе Невы), то есть почти полное обрусение населения.

Наконец, не будем забывать, что во второй половине XIX века к империи были присоединены огромные территории в Средней Азии и на Дальнем Востоке – по площади больше, чем Англия, Франция и Италия, вместе взятые. Чтобы освоить их, требовались десятки миллионов

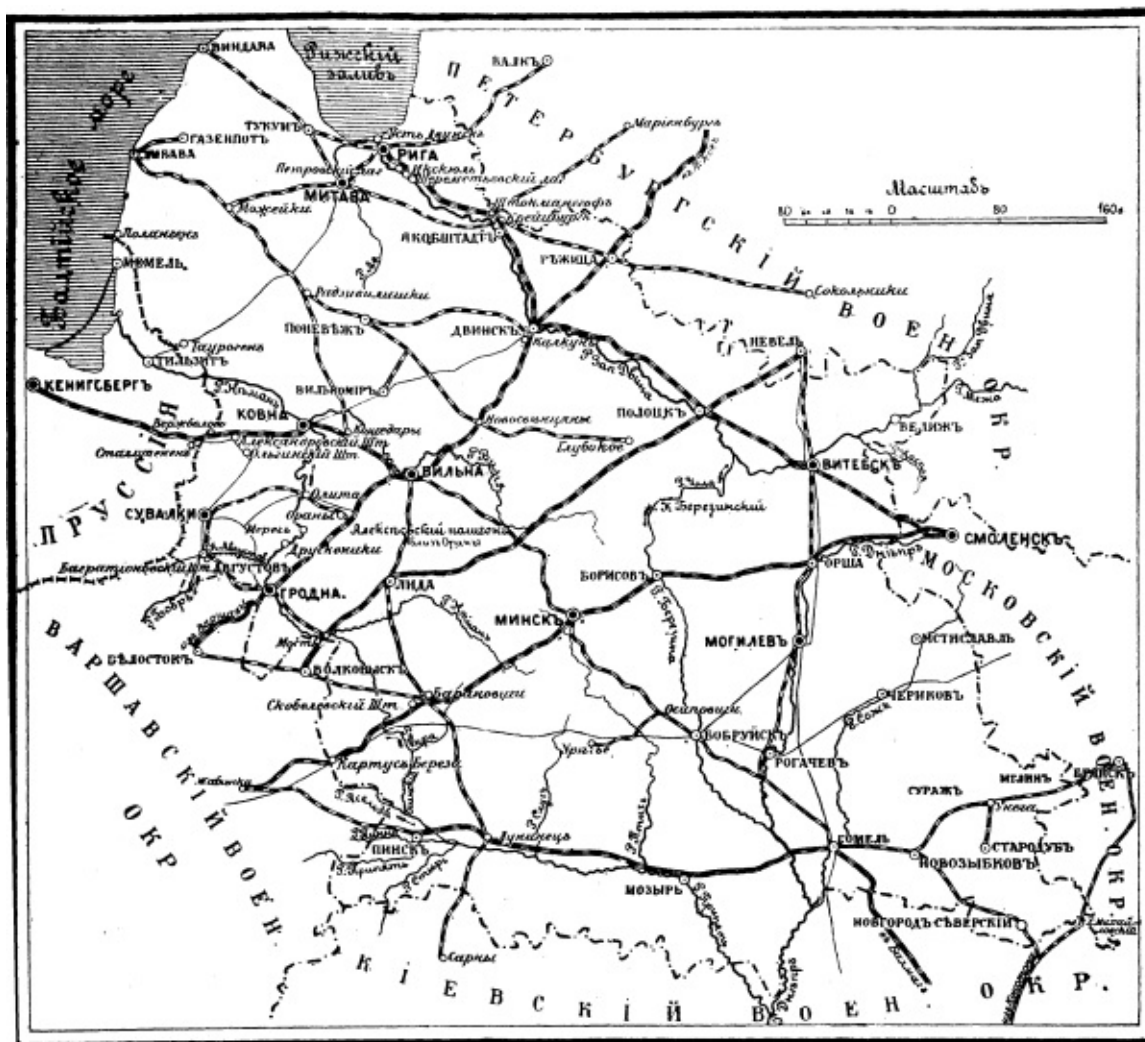
переселенцев.

Но русское правительство в переселенческой политике с 1861 г. по 1917 г. делало «шаг вперед, два шага назад», то стимулируя переселенцев, то вставляя им палки в колеса.

Робкие попытки русификации Прибалтики наши власти начали производить лишь с конца 60-х гг. XIX века. В 1867 г. был принят закон о введении русского языка в качестве основного языка во всех государственных учреждениях прибалтийских провинций. Новый император Александр III, вступив на престол, впервые отказался подтверждать права и привилегии провинций. В 1885–1890 гг. во всех школах было введено преподавание на русском языке, с 1891 г. все приходские книги лютеранской церкви также должны были вестись по-русски. Возвращение в лютеранство из православной церкви было запрещено. В 1888 г. на прибалтийские провинции была перенесена российская полицейская система, а в 1889 г. – судебная. В начале 90-х гг. XIX века германские названия ряда городов были заменены на русские. Так, Динабург стал Двинском, Динамюнде – Усть-Двинском, Дерпт – Юрьевым и т. д.

В 1801 г. Лифляндская, Курляндская и Эстляндская губернии были слиты в одну с центром в Риге, а в 1876 г. все три губернии были восстановлены и существовали до 1917 г. По данным переписи населения 1897 г., в Ревеле проживало 10 тысяч русских (около 16 % всех жителей города). В Юрьевском уезде насчитывалось свыше 10 тысяч человек с родным русским языком, из них в самом Юрьеве – около 4 тысяч, почти все они – русские. На западном берегу Чудского озера и по реке Нарва (включая город Нарва) проживало свыше 15 тысяч русских.

По данным переписи 1897 г., литовцы составляли на современной территории Литвы лишь 61,6 %, на втором месте были евреи (13,1 %), потом поляки (9,7 %), русские (4,8 %), белорусы (4,7 %), немцы (4,4 %), латыши (1,3 %). При этом во всех крупных городах литовцы составляли незначительное меньшинство: в Вильно преобладали евреи (40 %), поляки (31 %) и русские с белорусами (24 %), а литовцы составляли 2 %; в Ковно (с 1917 г. Каунас) также большинство составляли евреи (35,2 %), русские с белорусами (25,8 %) и поляки (22,7 %), а литовцы – только 6,6 %.

Виленский военный округ

К 1 января 1914 г. в Курляндской губернии проживало 583 тысячи человек, в Лифляндской – 1062 тысячи человек и в Эстляндской – 395 тысяч человек. А все население империи составляло 151 578 тысяч человек.

В 1912 г. на долю этих трех губерний приходилось 5,9 % обрабатывающей промышленности империи и 5,3 % всей промышленности.

В Прибалтике сеть железных дорог была куда гуще, чем в Центральной России. Уже в 1866 г. в строй вошла 479-километровая железная дорога Рига – Динабург – Витебск; через два года – железная дорога Рига – Митава. В 1871 г. стала действовать 314-километровая железная дорога Либава – Кошедары и т. д.

В 1906 г. на Западной Двине плавало 180 пароходов и 823 баржи и

парусных судов.

В 1912 г. из Риги вывозили больше товаров, чем из любого другого порта империи, – 140,5 млн. пудов. Далее следовали Петербург – 113 млн. пудов и Одесса – 99 млн. пудов. Правда, по ввозу товаров Рига занимала второе место после Петербурга.

Эти цифры наглядно опровергают миф о том, что Прибалтика была колонией царской России. Наоборот, как к 1914 г., так и к 1991 г. в Прибалтике были сконцентрированы огромные ценности, на 90 % созданные трудом русского народа. Это порты, дороги, заводы, каналы, речные и морские суда, десятки тысяч каменных домов и прочая, и прочая.

И в 1917 г., и в 1991 г. националисты силой захватили огромные ценности, никогда им не принадлежавшие. По аналогии представим себе богатую советскую семью 80-х гг. XX века, состоящую из мужа, жены, детей и тетушки-приживалки. Где были сосредоточены основные ценности семьи? В кабинете мужа? В спальне супругов? В комнате детей? Нет. В большой прихожей, где на диване спала тетушка. Там стоял гардероб с шубами жены, шкаф с аудио– и видеоаппаратурой, там же в тумбочке хранились ключи от автомобиля и катера мужа. И вот в результате ссоры семья делит квартиру. И тут тетушка, вклад которой в бюджет семьи был значительно ниже того, что она проедала, заявляет – «шубы, видео, автомобиль и катер мои – они или их ключи находились в моей комнате». «Тетенька, но это все ведь куплено не на твои деньги. Ты не носила шубы, не водила автомобиль или катер». (95 % товарооборота прибалтийских портов в 1914 г. и 1990 г. шло на нужды центральных областей России). «А мне плевать!» – говорит тетушка. А родственники, вместо того чтобы дать ей хорошего пинка, начинают ей платить за пользование своими (!) шубами, автомобилем и катером.

Глава 19

Тевтоны возвращаются

С началом войны в Прибалтике резко усилились антигерманские настроения. Царское же правительство немедленно взяло немцев под защиту. Главный начальник Двинского военного округа генерал от инфантерии Чурин уже 2 августа 1914 г. издал специальное объявление относительно прибалтийских немцев. Там говорилось, что они «не могут почитаться врагами России и находятся наравне с прочими подданными Российской империи под покровительством правительства».

Гражданская администрация также встала на защиту немцев в Прибалтике. Курляндский губернатор С.Д. Набоков, чтобы предупредить возможные выступления латышей и эстонцев против немцев, 23 июля 1914 г. опубликовал обращение к населению, в котором отмечалась преступность любых насильственных действий по отношению к немцам и указывалось, что немцы, как граждане Российской империи, вправе рассчитывать на защиту закона. За высказывания против немцев Набоков закрыл газету «Голос Либавы» и арестовал ее редактора.

Немцы вели себя в Прибалтике более чем вызывающе. Когда в 1914 г. в Ригу прибыли первые эшелоны с пленными немцами, рижские соплеменники встретили их с цветами.

По требованию главнокомандующего русской армией великого князя Николая Николаевича в конце 1914 г. жандармский генерал П.Г. Курлов был назначен в качестве помощника Двинского военного округа особоуполномоченным по гражданскому управлению Прибалтийского края. Ему предоставили все права генерал-губернатора, независимо от прав командующего армией по административным и хозяйственным вопросам.

П.Г. Курлов писал: «Первое, что мне бросилось в глаза в Риге, это – вывески на немецком языке и господствовавший в городе немецкий говор».

[\[132\]](#)
Риторический вопрос – а о чем думали русские власти в предшествующие 200 лет?

Замечу, что и Курлов действовал крайне мягко. Например, он запретил государственным служащим разговаривать в «присутственных местах» по-немецки.

Между тем и латыши, и эстонцы постоянно обращались к властям за

поддержкой в предотвращении германского засилья. Так, частный поверенный латыш П.А. Эверс писал П.Г. Курлову: «Освободите нас от них [немцев] и будьте уверены, что нет народа, который будет больше благодарен, больше предан русскому народу и царю».^[133]

Между тем не только сановники, но и большая часть либеральной интеллигенции поддерживала германское засилье в Прибалтике. Еще в 1883 г. Н.С. Лесков в статье «Русские деятели в Остзейском крае» писал: «Правитель... обязан заботиться, чтобы всякий племенной антагонизм смешанного населения не усиливался, а сглаживался, и чтобы все равно чувствовали справедливость в беспристрастии правящей власти... История русской администрации в Остзейском крае имеет немало доказательств, что предпочтения как в ту, так и в другую сторону приносили гораздо более вреда, чем пользы».^[134]

Браво, Лесков! Все произошло с точностью до наоборот!

В связи с наступлением немцев по приказу генерала М.В. Алексева началось выселение неблагонадежных немцев из района, занимаемого 10-й армией. Их вывозили в тыловые губернии и расселяли там под негласным наблюдением полиции. Так, по приказу военных властей население прибалтийской колонии Штокмангоф (350 немецких семейств) отправили в Пермскую губернию «за явно враждебное отношение к российским войскам и из опасения шпионажа и содействие противнику».^[135]

Высылка немцев шла из рук вон бестолково. Как писала А.Ю.Бахтурина: «Одинаково негативную реакцию вызывали и высылка и аресты в крае, и отмена таких распоряжений, являвшаяся фактическим признанием того, что военные власти творят произвол».^[136]

В 1915 г. главнокомандующий русской армией великий князь Николай Николаевич приказал Курлову выселить из Курляндской губернии всех евреев, невзирая на пол, возраст и положение. Поводом для этого послужила гибель русского отряда под Шавлями. Почему-то командование решило, что внезапное нападение немцев стало возможным благодаря еврейским шпионам. Курляндская губерния входила в черту еврейской оседлости, так что предстояло выслать большую часть населения губернии, в том числе и врачей из лазаретов и госпиталей. И только по ходатайству Курлова Николай Николаевич отменил свой приказ.

8 сентября 1915 г. главнокомандующий Северным фронтом генерал Н.В. Рузский отправил в Совет министров телеграмму с предложением заменить всех немцев, занимавших в Прибалтике административные должности, русскими, что было необходимо для успокоения латышей.

Совет министров обсудил это предложение, и выяснилось, что тогда придется заменить половину состава всей администрации прибалтийских губерний. В результате это предложение так и не было реализовано.

В 1915 г. правительство решило провести эвакуацию из Курляндии ряда заводов, имевших важное оборонное значение. Но и это мероприятие царские бюрократы фактически провалили, хотя эвакуация проходила почти в идеальных условиях. Немецкие войска продвигались крайне медленно. Так, в июле 1915 г. фронт шел по линии Газенпот – Ковно, но через полгода фронт проходил по линии Митава – Двинск. Германская авиация не препятствовала эвакуации.

П.Г. Курлов, один из главных организаторов эвакуации, уже в эмиграции писал: «Станки разных заводов смешивались... Внутри империи эти заводы [то есть эвакуированные. – А.Ш.] вопреки утверждению генерала Беляева в совещании восстановлены не были, и часть станков совершенно пропала и даже была выброшена из вагонов».

[\[137\]](#)

Еще в июне 1915 г. на всей оккупированной территории Белоруссии, Литвы и Курляндии по приказу фельдмаршала Гинденбурга была создана «Область управления верховного командования Восточного фронта» (сокращенно Ober-Ost). Само управление находилось в Ковно, и им руководил майор немецкой армии Альфред фон Гослер, отвечавший за всю политическую и хозяйственную жизнь области Ober-Ost. Большую помощь в этой работе ему оказывали прибалтийско-немецкие помещики. Их представители уже в самом начале оккупации отправились в столицу Германии и предложили свою помощь в укреплении оккупационного режима, намереваясь присоединить всю Курляндскую губернию к Германии.

Предложения курляндских баронов в Берлине встретили с большим пониманием. Германское правительство создало специальную комиссию, в задачу которой входила разработка плана колонизации Курляндии. В Германии были изданы книги и брошюры, в которых прославлялась «Курляндия – красивая немецкая земля на побережье Балтийского моря», а каждому немецкому крестьянину обещались земля и ухоженные хозяйства, если он пожелает жить в этом «старинном немецком крае».

Предусматривалось выделение помещиками трети своих земель для нужд колонистов, а также размещение приезжих в тех крестьянских дворах, хозяева которых стали беженцами.

В Курляндской губернии выходило лишь несколько газет на латышском языке, да и те подвергались строгой цензуре. Средние школы,

за исключением нескольких частных, перешли на обучение на немецком языке. В основных школах обучение могло вестись и на латышском языке, но если в какой-либо школе учился хотя бы один немецкий ученик, то обучение в этой школе должно было вестись на немецком языке, чтобы немцу не приходилось говорить по-латышски.

Все чиновники и учителя, не говорившие по-немецки, увольнялись с работы, а на их место назначались прибалтийские немцы, а в отдельных случаях даже немецкие солдаты.

В сентябре 1917 г. литовские националисты в районах Литвы, оккупированных немцами, создали совет («Летувос тарибу») во главе с Антанасом Сметоной. Совет этот контролировали оккупационные власти. 11 декабря 1917 г. «тариба» провозгласила восстановление Литовского государства и приняла акт «О вечных союзных связях Литовского государства с Германией», которые должны были быть подкреплены военной конвенцией о транспортном сообщении, таможенным союзом и введением единой валюты.

В оккупированной части Латвии немцы не стали поначалу создавать какие-либо органы самоуправления, вся власть была сосредоточена в руках германских военных комендантов.

Сразу же после Февральской революции все царские чиновники, представлявшие царскую власть, бежали из Латвии. Но чтобы «свято место» не пустовало, Временное правительство назначило исполняющим обязанности комиссара по Лифляндской губернии адвоката Красткална.

Однако тут на политическую арену вышла и новая сила – латышские стрелки. Царское правительство начало формирование латышских национальных частей еще летом 1915 г. К концу 1916 г. было сформировано восемь стрелковых полков (38 тысяч солдат и тысяча офицеров) и один запасной полк (10–15 тысяч военнослужащих). Полки были сведены в две бригады, а затем в Латышскую стрелковую дивизию в составе 12-й армии Северного фронта. Свыше 60 % личного состава латышских стрелков были рабочими и батраками.

26 марта (8 апреля) 1917 г. в Риге был создан Временный комитет большевистской организации СДЛК и латышских стрелковых полков. 27–29 марта (9–11 апреля) 1917 г. на съезде делегатов полковых кандидатов был избран Исполком Объединенного совета латышских стрелков, так называемый «Исколастрел».

В неоккупированной части Латвии образовалось двоевластие, так же как и в Центральной России, то есть Исколат (Исполнительный комитет Совета рабочих, солдатских и безземельных депутатов Латвии) и комитет

Временного правительства.

21 августа (3 сентября) 1917 г. германские войска взяли Ригу. Деятели из Исколата бежали сначала в Венден, а затем в Валке. Получив сведения о событиях в Петрограде 8–9 (21–22) ноября, руководство Исколата собрало пленум Совета. Пленум объявил о полном переходе власти к Советам на всей территории Латвии, неоккупированной немцами.

16—18 (29–31) декабря 1917 г. на II съезде Советов Латвии в городе Вольмаре был избран новый Исколат в составе 24 человек. Он и стал первым правительством Латвийской социалистической республики. Председателем был избран Ф. Розинь.

В сентябре – октябре 1917 г. германский флот высадил десант на Моонзундские острова. Ленин писал: «Воюют геройские матросы, но это не помешало двум адмиралам скрыться перед взятием Эзеля!!»^[138]

Назвать сие иначе, как бессовестным враньем, нельзя. Как раз матросы и солдаты бежали при одном появлении немцев. У русских было достаточно сил, чтобы полностью уничтожить десант и нанести серьезные потери флоту, но личный состав уже не хотел воевать. В Ревеле революционные моряки провели голосование, идти ли на помощь защитникам Моонзунда. Команды эсминцев, канонерских лодок и малых судов проголосовали против, а вот команды дивизии линкоров все как один были за. Итоги голосования определяла осадка судов – дредноуты не могли пройти через Моонзундский пролив.

Я не сгущаю краски. Вот Протокол совета флагманов от 18 октября 1917 г.: «Обстоятельства взятия немцами Моонзундской позиции показывают, что сухопутные части потеряли всякую сопротивляемость воле противника; от начала до конца эта операция полна примеров полного упадка духа наших войск и чрезвычайной восприимчивости к панике и бунту обезумевших от страха людей».^[139]

И это говорится в издании Штаба Красного флота.

А вот еще цитата из того же источника: «18 февраля в течение дня Начальник Обороны Финского залива в Ревеле получил с ряда приморских батарей сведения, что команды батарей не находят возможным сражаться, основываясь, во-первых, на декрете Народных Комиссаров о выходе России из состояния войны и о полной демобилизации армии, и, во-вторых, на декрете о роспуске флота».^[140]

18 февраля 1918 г. германские войска из Курляндии начали наступление на Ревель. Большевикам оставалось только драпать. Утром 24 февраля объявили себя распушенными местные советские организации:

Совет Депутатов и Краевой Эстляндский Комитет. В Ревеле накануне его занятия немцами не оказалось никакой гражданской власти, а в крепости – военной.

Правда, большинству судов Балтийского флота удалось уйти в Гельсингфорс. (Идти в Кронштадт не позволяли льды). На кораблях было эвакуировано свыше 4 тысяч гражданских беженцев. В Ревеле остались 4 устаревшие подводные лодки («Крокодил», «Пескарь», «Стерлядь» и «Белуга»), портовое судно «Могучий», 11 транспортов, 36 буксиров, теплоходы-заградители № 2, № 3, № 8 и № 9.

19 февраля (3 марта) 1918 г. Советская Россия и Германия в Брест-Литовске подписали мирный договор. Согласно ему, Россия уступала Германии области, лежащие западнее линии Брест-Литовск – Каменец – Литовск – Пружаны – Зельва – Мосты – Орле – Докудова – Дзевенишки – западнее Слободки – Гервяты – Михалишки – восточнее Свенцяны – Маленгяны – Дрисвяты – Друя и далее по течению Западной Двины до Огер – и, оставляя Ригу к западу, линия границы выходила к Рижскому заливу, проходя по нему в северном направлении между материком и Моозундским архипелагом и к выходу из Финского залива, остающегося целиком к востоку от разграничительной линии.

Россия обязывалась вывести свои войска с территории Эстляндии и Лифляндии, граница России с которыми должна идти по реке Нарове и Чудскому и Псковскому озерам, и куда вводились германские полицейские части.

По инициативе германских оккупационных властей 8 марта 1918 г. в Митаве был собран Курляндский ландтаг из 80 делегатов, большинство которых составляли германские дворяне и богатые бюргеры. Ландтаг принял решение о провозглашении под скипетром германского императора и прусского короля Курляндского герцогства.

15 марта Вильгельм II подписал акт о признании Курляндского герцогства самостоятельным государством. 12 апреля в Риге, на объединенном ландесрате Лифляндии, Эстляндии, города Рига и острова Эзель (так называемый совет прибалтийских земель; 58 делегатов, как и в ландтаге, представляли те же социальные слои) было объявлено о создании Балтийского герцогства (в его состав вошло и Курляндское герцогство), об отделении Эстонии и Латвии от России, установлении персональной унии Балтийского герцогства с Пруссией.

Правителем Балтийского герцогства стал Генрих Гогенцоллерн, брат Вильгельма II. Решение ландесрата вызвало противодействие населения и правительства РСФСР. Полномочный представитель РСФСР в Германии в

ноте от 26 мая заявил о непризнании Советским правительством решения маленькой группы лиц за волеизъявление всего народа.

На территории Балтийского герцогства были запрещены все партии, профсоюзы и общественные организации, закрыты газеты и журналы. Единственным государственным языком для делопроизводства и обучения в школах стал немецкий. Дерптский университет в Эстонии был объявлен немецким. Немцы вывозили из Прибалтики все хоть сколько-нибудь ценное, вплоть до древесины и чернозема.

27 августа 1918 г. в Берлине Советская Россия и Германия подписали добавочный договор к Брестскому мирному договору. Согласно статьям этого договора, для облегчения русских торговых сношений через Эстляндию, Лифляндию, Курляндию и Литву с Балтикой устанавливались:

1. Свободный транзитный провоз товаров через них в обе стороны.
2. Низкие железнодорожные и фрахтовые тарифы.
3. Свободное судоходство по Западной Двине (Даугаве), за исключением ряда жандармских правил и постановлений.
4. России должны быть предоставлены в портах Ревеля, Риги и Виндавы (Таллина, Риги и Вентспилса) отдельные свободные гавани (причальные стенки) и складские помещения.

Как видим, и Брестский мир, и добавочный договор, которые были подписаны Россией, фактически не имевшей армии, под угрозой германского вторжения, были нам намного выгодней, чем позорная капитуляция Горбачева и Ельцина перед прибалтийскими националистами в 1991 г.

Между тем немцы в узком анклав между линией прекращения огня и административной границей с Эстляндией в сентябре 1918 г. начали формирование русского Особого Псковского добровольческого корпуса (Псков входил в этот анклав). Были сформированы Псковский, Островский и Режицкий полки по 500 человек, две батареи, а также отряды внешней и внутренней охраны.

21 октября в командование белой Северной армией вступил генерал-майор А.Е. Вандам (настоящая фамилия Едрышкин).

Еще в 1916 г. для борьбы с немцами на Чудском озере была создана небольшая военная флотилия. 28 октября 1918 г. капитан

2 ранга Д.Д. Нелидов увел из Гдова в Псков к немцам три канонерские лодки «Дельфин», «Народник» и «Президент», а команда последней канонерки «София» осталась верной большевикам.

7 ноября к генералу Вандаму перешла часть 3-го Петроградского конного полка при двух конных пушках во главе с ротмистром С.М. Булак-

Булаховичем.

В конце октября 1918 г. в Риге, опять же с санкции немцев, началось формирование ландвера.^[141] В состав его вошли латышские и германские (из курляндцев) добровольцы во главе с майором Флотчером, русские белые офицеры во главе с ротмистром князем А.П. Ливеном и солдаты германской армии под командованием полковника Бишофа.

Но вот 9 ноября 1918 г. в Берлине была провозглашена республика, а спустя два дня в Компьенском лесу подписано перемирие между странами Антанты и Германией. Согласно статье 12 Компьенского соглашения, германские войска оставались в захваченных западных областях России «для борьбы с большевизмом». Этот день можно считать началом полномасштабной гражданской войны в Прибалтике.

Глава 20

Как Эстония «победила» Россию

Сразу же после революции в Германии в Прибалтике лопнуло марионеточное герцогство и образовались национальные буржуазные правительства. 9 ноября 1918 г. Литовский совет (тариба) сформировал правительство во главе с А. Вольдемаросом.

17 ноября в Риге собрались представители восьми буржуазных партий центристского толка; ни левых, ни правых там не было. Серьезной роли эти партии не играли, в каждую входило лишь по несколько десятков функционеров. Тем не менее это собрание объявило себя Народным Советом – «единственным высшим носителем власти в Латвийском государстве».

На следующий день в Рижском драматическом театре председатель Народного Совета объявил о создании Латвийского государства и правительства. «Президентом министров» (так в документе) там же в театре объявили Карла Ульманиса. Он заявил: «Все граждане, невзирая на национальность, призываются на помощь, ибо в Латвии будут обеспечены права всех народов. Это будет государство справедливости, в котором не может быть ни ущемления, ни несправедливости».^[142]

11 ноября в Ревеле было создано правительство из представителей центристских партий «Союза аграриев», «Эстонской трудовой партии» и правых социал-демократов. Премьером стал Константин Пятс, заместителем премьера и министром иностранных дел – Я. Постка. Последние два еще пару лет назад работали адвокатами, Пятс был присяжным поверенным в конторе Постки.

Обратим внимание, что если Советы выбирала хоть какая-то часть населения – рабочие крупных заводов, воинские части, команды кораблей и т. д., то ни одно из этих правительств не избиралось. Все происходило по простейшей схеме: в годы войны или чуть раньше собирались группы людей, от силы несколько десятков. Затем это объединение назвалось партией. Пока Вильгельм II был у власти, эти господа вели себя тихо и богобоязненно, а затем быстро смекнули, что тевтонцам скоро придется собирать чемоданы. Далее представители этих партий заявлялись в германскую комендатуру – вот мы хотим быть правительством «белым и пушистым». Германские офицеры презирали эту публику, но в

сложившейся обстановке вынуждены были терпеть.

Советское правительство аннулировало условия Брестского мира, и части Красной армии повсеместно перешли демаркационную линию.

24 ноября красные начали бои за Псков, который обороняли три полка 5-й германской дивизии и около трех тысяч белогвардейцев из новосозданной Северной армии. Германские войска, почти не сопротивляясь, отошли к Изборску, и к середине дня 25 ноября красногвардейцы очистили Псков. Белые части разбились на отдельные отряды, отходившие в секторе от Юрьева до Ревеля.

6 ноября 1918 г. полковник Северной армии Генрих фон Неф заключил в Ревеле соглашение с эстонским правительством о совместных действиях. А в середине ноября в Гельсингфорсе (Хельсинки) состоялось совещание белогвардейцев, на котором присутствовал сбежавший из Петрограда генерал Юденич.

Между тем в Ревеле (Таллине) 19 ноября состоялись выборы в Совет рабочих депутатов. Большинство голосов получили большевики. В заявлении Таллинского совета говорилось: «Таллинский Совет рабочих депутатов приветствует пролетариат России как могучий авангард всемирной социалистической революции, который, более года борясь в исключительно тяжелых условиях против империалистов всего мира, сумел отстоять свою свободу и обуздать свою буржуазию.

Пролетариат Эстонии все еще находится в тяжелых условиях... Крикуны и агенты буржуазного правительства заявляют, что из английских гаваней в Таллин скоро придут новые отряды усмирителей. Эстонская буржуазия предала нас иностранным насильникам. Эстонская буржуазия вступила в тесную связь с империалистами Англии и Америки. Трудовой же народ Эстонии протягивает братскую руку трудовому народу России для борьбы против общего врага за Эстонскую Советскую Республику».^[143]

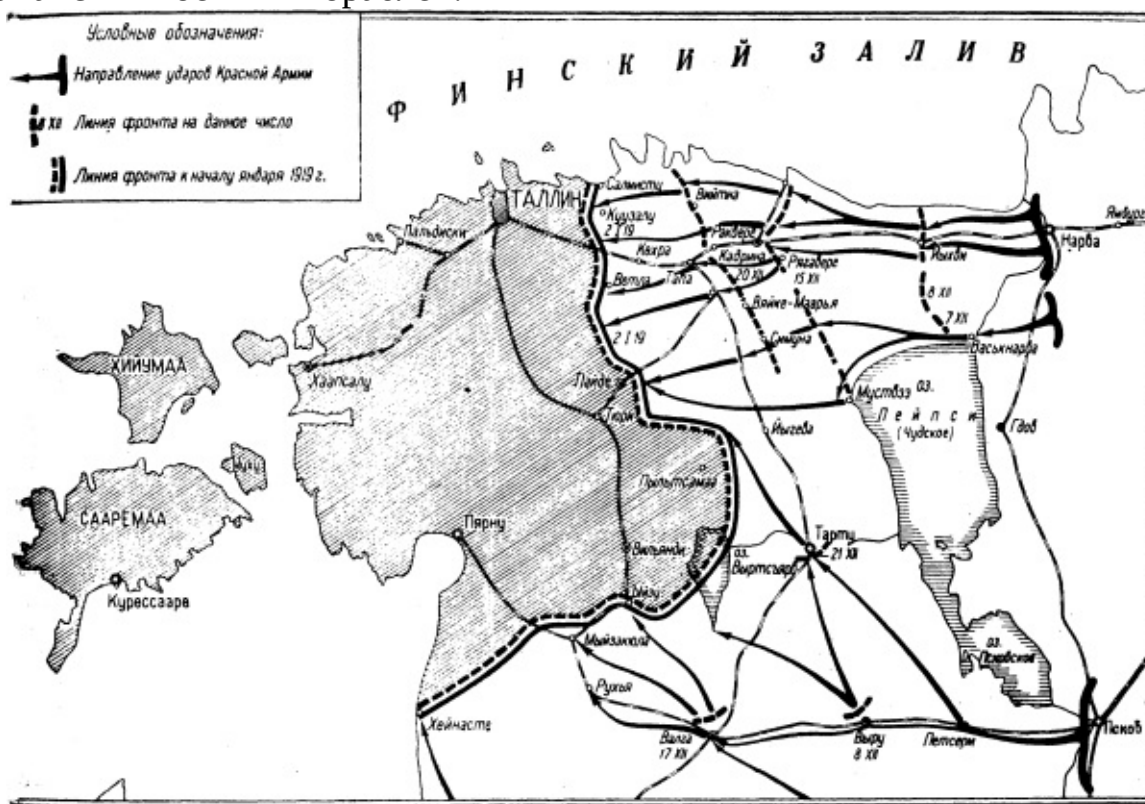
По инициативе Совета эстонские рабочие восстановили на фабриках и заводах восьмичасовой рабочий день.

Совет призвал таллинский пролетариат провести 20 ноября однодневную забастовку в знак протеста против нового созыва буржуазного Земского совета. В этой забастовке участвовало около четырех тысяч рабочих.

Советское правительство решило прийти на помощь таллинским рабочим, окончательно выдворить немцев и не допустить ввода туда войск Антанты. Для этого было запланировано наступление сухопутных войск в районе Нарвы, а также два морских десанта – малый в районе Нарвы и большой в районе Ревеля. Однако большой десант был сорван из-за

саботажа руководства Главного управления водного транспорта, которое заявило об отсутствии топлива для транспортов, и Морское ведомство не пожелало выделить достаточно топлива для отряда транспортов.

В итоге операция ограничилась небольшим десантом севернее Нарвы у местечка Гунгербург (Нарва-Йыэсуу). 690 десантников, большей частью эстонцы, были погружены на транспорты «Актив», «Ильзе» и «Нарген», которые конвоировали крейсер «Олег» и эсминцы «Азард» и «Меткий». Командовал десантом В. Пусс. На случай появления британского флота к Ревелю была послана подводная лодка «Тур». Утром 28 ноября лодка вошла в Ревельскую бухту и не обнаружила там британских или германских военных кораблей.

Операции Красной армии по освобождению Эстонии. Ноябрь 1918 г. – январь 1919 г.

Утром 28 ноября крейсер «Олег» открыл огонь из 152-мм орудий по району Гунгербурга. Затем эсминец «Меткий» и транспорты вошли в реку Нарову и высадили десант на ее левый берег. Там десантникам удалось захватить в плен 85 немцев.

В то же утро с юга на Нарву начал наступление Вильяндиский эстонский коммунистический стрелковый полк, а с востока – Юрьевский (Тартуский) эстонский коммунистический стрелковый полк. К утру 29

ноября Нарва была полностью очищена от немцев и белоэстонцев. В тот же день в Нарвской ратуше открылось заседание руководства эстонских секций РКП(б) и Временного революционного комитета Эстонии, на котором была провозглашена Эстонская Советская Республика (Эстляндская трудовая коммуна).

На Юрьев наступал 49-й полк Красной армии. Однако там 20 декабря вспыхнуло восстание рабочих и солдат 2-го белоэстонского полка. Когда 49-й полк вошел в Юрьев, там уже была установлена советская власть.

Но тут в события в Прибалтике вмешались наши заклятые друзья англичане. Их войска еще до начала полномасштабной Гражданской войны в России оказались по всему периметру бывшей империи – в Мурманске, Архангельске, Карелии, Прибалтике, Крыму, на Кавказе, в Средней Азии и на Дальнем Востоке. Причем вопреки сказкам советских историков англичане не собирались восстанавливать царский режим и вовсе не желали быстрой победы белой армии. Англии в 1918–1920 гг., как и сейчас Америке, не нужна была ни царская, ни советская, ни демократическая Россия. В лучшем случае англосаксы согласны на Московское княжество в границах XV века.

Сразу же после перемирия с Германией британское адмиралтейство направило 6-ю эскадру легких крейсеров, флотилию эсминцев и большой транспорт с грузом вооружения и боеприпасов для белогвардейцев и прибалтийских националистов. Командовал соединением контр-адмирал Александер Синклер. 28 ноября 1918 г. британская эскадра была уже в Копенгагене. После краткого захода в Либаву (Лиепая) англичане двинулись в Финский залив.

Воинство Пятса и К^о воевать явно не желало. 19 декабря начальник штаба Вирусского (Нарвского) фронта сообщал о массовом паническом отступлении войск на этом фронте: «Здесь солдаты просто бегут, и больше ничего. В бегство их обращают даже 3–4 большевика, и притом совершенно пассивных».

Не лучше обстояло дело и с боеспособностью кайстелийта (местного ополчения). Так, 24 декабря командующий Вирусским фронтом сообщил военному министру буржуазного правительства, что «кайстелийт ни в малейшей степени не отвечает своему назначению... Когда противник приближается на расстояние в 10–20 верст, весь кайстелийт пускается наутек... В вирусском кайстелийте насчитывалось 2100 человек, сейчас же из них осталось всего тридцать человек, да и то лишь потому, что это

школьники и находятся в отдельном вагоне при штабе». ^[144]

2 декабря в порт Виндаву прибыли четыре легких крейсера, шесть эсминцев и несколько тральщиков. Следует заметить, что все британские корабли были новейшей постройки. После короткой стоянки британская эскадра двинулась в Ревель.

В ночь с 4 на 5 января 1919 г. на mine подрывался и затонул британский крейсер «Кассандра». Зато британский транспорт «Принцесса Маргарет» сумел выгрузить в Ревеле несколько тысяч винтовок, пулеметы и 76-мм зенитные орудия, которые немедленно были отправлены на фронт.

С 15 декабря 1918 г. британские крейсера и эсминцы начали систематический обстрел красных частей на правом фланге 7-й армии. После 20 декабря к ним присоединилась канонерская лодка «Лембит» (бывшая русская канонерка «Бобр», захваченная 3 апреля 1918 г. немцами на Аландских островах и переданная ими белоэстонцам).

Балтийский флот, несмотря на подавляющее превосходство по числу кораблей и огневой мощи, не смог оказать достойного отпора англичанам. Отчасти это было связано с ледоставом в районе Кронштадта. (В западной части Финского залива лед встает позже, а то и вообще море не замерзает.) Но главной причиной стали низкий уровень дисциплины военморов и бездарность красного командования.

2 декабря подводная лодка «Тигр» выходит из Кронштадта. Ее цель – вести разведку, а при случае и атаковать британские силы. Однако из-за неисправности она через два дня вернулась в базу. 11 декабря в поход выходит подводная лодка «Тур», 23 декабря – «Пантера». Однако и они возвращаются из-за технических неисправностей и тяжелой ледовой обстановки.

Командование Балтийского флота решило провести операцию в районе Ревеля силами «отряда судов особого назначения Балтфлота» в составе линкора «Андрей Первозванный», крейсера «Олег» и эсминцев «Автроил», «Азард» и «Спартак». Обладая большим перевесом в огневой мощи, отряд теоретически мог вдребезги разнести британскую эскадру. Однако из-за бездарности командира отряда мичмана Ф.Ф. Раскольниковца суда отряда действовали порознь, а их командиры даже не знали всего плана операции.

Так, крейсер «Олег» занял позицию восточнее острова Сурсари, а линкор «Андрей Первозванный» (командир В.Т. Загуляев) – у маяка Шепелевский. 26 декабря эсминец «Спартак» обстрелял острова Аэгна и Найссаар (Нарген), а затем захватил и отправил в Кронштадт финский пароход. В 13 ч. 15 мин. 25 декабря на подходе к Ревелю «Спартак» встретил английский отряд в составе легких крейсеров «Калипсо» и

«Карадос», эсминцев «Вендетта» и «Вайкфул». «Спартак», отстреливаясь, стал отходить, но из-за паники на борту сбился с курса и около 14 часов сел на банку Курадимуна (Девельсей) и был вынужден сдаться в плен англичанам. В тот же день англичане у острова Махни (Экхольм) захватили эсминец «Автроил».

Оба эсминца англичане передали эстонцам, и они под названиями «Леннук» и «Вамбола» вошли в состав эстонского флота. До этого в составе одного флота были канонерские лодки: «Лембит» (вооружение: две 120-мм и четыре 75-мм пушки) и «Лайне» (две 47-мм пушки). Командовал флотом бывший капитан торгового флота адмирал Йохан Питка.

Взятых в плен красных моряков эстонцы отправили в концлагерь на острове Найссар, где сразу же были зверски убиты 36 человек. Захваченный же на «Спартаке» Ф.Ф. Раскольников по приказу Троцкого был оперативно разменян на 17 британских офицеров.

Поначалу наступление красных вдоль побережья Финского залива развивалось успешно. Красные 16 декабря заняли Кунду, и к началу января 1919 г. части 7-й армии находились в 30–35 км от Ревеля. Большая часть местного населения поддерживала большевиков.

14 и 15 декабря в боях под Кундой и Раквере вооруженный отряд, организованный рабочими Кунды, открыл огонь по бронепоезду белых. Около станции Юлемисте рабочие завода «Двигатель» разрушили железнодорожный мост, чтобы не допустить выезда белого бронепоезда.

В первый месяц после победы Октябрьской революции большевики собирались дать окраинам широкую автономию, однако в связи с интервенцией, обострением Гражданской войны и резким ростом сепаратистских настроений Ленин предложил создавать советские республики. 25 декабря Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет (ВЦИК), заседавший под председательством Я.М. Свердлова, обсудил вопрос о признании Эстонской, Латвийской и Литовской советских республик. ВЦИК принял по докладу Сталина решение о признании независимости прибалтийских советских республик. В своем решении ВЦИК выразил «твердую уверенность, что только ныне, на почве признания полной свободы самоопределения и перехода власти в руки рабочего класса, создается свободный, добровольный и нерушимый союз трудящихся всех наций, населяющих территорию бывшей Российской империи».

Здесь следует отметить, что речь шла не о правительствах сепаратистов, а только о советских республиках, соединенных с центром более чем тесными узами.

Буржуазное эстонское правительство объявило всеобщую мобилизацию и сбор «народного ополчения». Но в него вместо ожидаемых 25 тысяч записалось немногим более 800 человек. На заседании правительства премьер-министр К. Пятс должен был признать, что всеобщая мобилизация тоже не оправдала возлагаемых на нее надежд, что, только «угрожая 15-летними каторжными работами, мы смогли собрать мобилизуемых. Но затем началось бегство с линии фронта, дезертиры уходили, унося и казенное обмундирование».^[145]

Любопытно, что тот же Пятс, уже после окончания кризиса, 30 апреля 1919 г. в речи на заседании Учредительного собрания напомнил, каково было настроение народа в конце 1918 г. Он сказал: «Наша армия должна была воевать также против внутреннего врага, который окружал ее со всех сторон. Отовсюду нашей армии наносили вред... Вы бы послушали, что говорили наши гимназисты, когда они вернулись с фронта. Усталые, голодные заходили они на хутора просить хлеба, но им ничего не давали. Когда же они говорили, что они красные, то сразу же им выносили хлеб и прочее».^[146]

А пока премьер приказал держать в Палдиски под парами специальное судно, на котором правительство намеревалось драпануть в случае опасности. Восстание рабочих в Таллине было предотвращено лишь пребыванием на рейде английской эскадры.

Все свои надежды националисты возлагали на оккупацию Эстонии войсками Антанты. 27 декабря 1918 г. правительство на закрытом заседании решило послать делегацию к адмиралу Синклеру, чтобы передать ходатайство о немедленной оккупации Эстонии. 29 декабря делегация, состоявшая из представителей аграрной партии, народной партии, трудовиков и социал-демократов, передала британскому адмиралу меморандум, в котором просила «правительство его величества оккупировать и взять под свой военный протекторат территорию Эстонской республики, подчинив своему высшему командованию все военные силы, которые уже созданы, а также те, которые будут созданы в будущем».^[147]

Одновременно эстонское правительство обратилось за помощью к Финляндии, и в конце декабря 1918 г. – начале января 1919 г. в Ревеле высадилось три тысячи белофиннов.

В конце декабря 1918 г. эстонское правительство назначило главнокомандующим Йохана Лайдонера. До 1918 г. он числился полковником Генерального штаба Иваном Яковлевичем Лайдонером. Худобно были сформированы новые 1-я, 2-я и 3-я пехотные дивизии.

Уходя в ноябре 1918 г. из Эстляндии, немцы бросили там значительное число исправного оружия, в том числе 125 артиллерийских орудий, 226 бомбометов и минометов, два бронепоезда и т. п. А также белоэстонцы получили английское вооружение.

За счет этого белым в Эстонии удалось сформировать четыре бронепоезда – «Адмирал Колчак», «Адмирал Эссен», «Талабчанин» и «Псковитянин». Несколько бронепоездов, как для широкой, так и для узкой колеи, сформировали и белоэстонцы.

6—7 января 1919 г. объединенные силы эстонцев, финнов и белогвардейцев перешли в наступление в Северной Эстонии. С моря их поддерживали британские корабли, канонерская лодка «Лембит» и введенный в строй 6 января эсминец «Леннук» (бывший «Автроил»).^[148] Балтийский же флот был скован льдом в Кронштадте и не мог оказать поддержки своим частям.

8 января в тылу красных в районе Локса с трех пароходов и ледокола «Гектор» был высажен десант из 120 эстонцев и 200 финнов. Красная армия начала отступление. 12 января эстонский десант занял местечко Кунда, а 17 января в районе Нарвы было высажено 200 эстонских солдат.

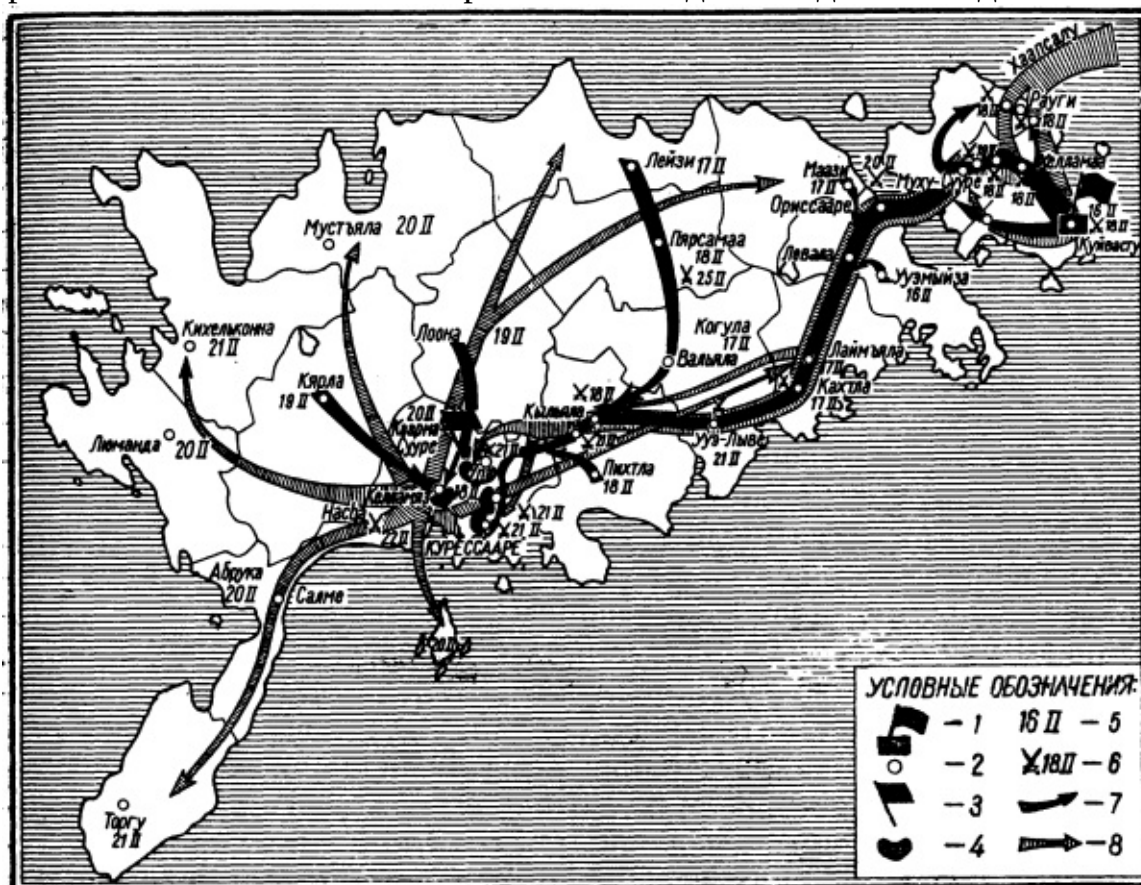
19 января советские войска оставили город Нарву и отступили за реку Нарову. В итоге на несколько месяцев фронт стабилизировался на линии реки Наровы и Чудского озера.

Любопытна радиотелеграмма, отправленная обнаглевшим эстонским командованием морякам Балтийского флота: «21 января в 2 ч. 15 м. Нарва пала. Очередь за Петроградом и Кронштадтом. Для того, чтобы отличить настоящих виновников от невинных людей, предлагается всем матросам и солдатам Кронштадта немедленно арестовать комиссаров и отправить на особом корабле в Ревель. Требование должно быть выполнено к 25 января. В случае невыполнения этого требования, после взятия Кронштадта будут расстреляны без разбора все матросы и солдаты». И подпись – «Ревель».^[149]

Хорошо бы напомнить это эстонским историкам, болтающим об «освободительной войне 1918–1920 гг.».

Прекращение наступления белоэстонцев в значительной степени было связано с восстанием на острове Эзель (Сааремаа). Непосредственным поводом к восстанию стала мобилизация, проводимая буржуазным правительством. 16 февраля мобилизованные крестьяне и рабочие из различных волостей были собраны в имении Куйвасту для отправки на подводах в Хаапсалу. Люди собрались, но чтение приказа встретили насмешками. Когда этапный комендант стал угрожать оружием, крестьяне

открыли ответный огонь и застрелили коменданта и двоих солдат.

Восстание трудящихся Сааремаа. 1 – исходный пункт восстания, 2 – центры восстания, 3 – штаб восставших, 4 – главные силы восставших, 5 – дата начала восстания в волостях, 6 – места сражений восставших с подразделениями карательного отряда, 7 – направление наступления восставших, 8 – путь карательного отряда

Уже на следующий день к восстанию примкнуло не менее тысячи человек. К 18 февраля они уже контролировали большую часть острова Сааремаа и соседний остров Муху. Крестьяне осадили город Курессааре, где оборонялся местный гарнизон и зажиточная часть горожан.

По приказу Пятса на остров были переброшены пехотные и кавалерийские части. В бою 21 февраля у деревни Упа повстанцы потеряли 140 человек убитыми и 110 пленными. На следующий день они были разбиты у деревни Насва, а 25 февраля – у Пярсамаа.

По приговору военно-полевого суда было расстреляно несколько сот повстанцев. Не менее ста человек, включая женщин, были подвергнуты телесным наказаниям. Любопытно, что судебные процессы над

участниками восстания на Сааремаа происходили и в 1925-м, и в 1927-м, и даже в 1930-м гг. Возможно, кому-нибудь из читателей размеры репрессий покажутся незначительными по сравнению с тем, что происходило в 1918–1919 гг. в России, но надо знать масштаб и не забывать, что речь идет всего лишь о маленьком острове.

5—7 июня 1919 г. в Эстонии прошли выборы в Учредительное собрание. Коммунисты в выборах не участвовали, а ограничились распространением «Списка распятого трудового народа», где значились имена 120 расстрелянных перед выборами товарищей. Ну а социал-демократы обещали, что Учредительное собрание осуществит социализм «законным путем», Эстония станет в результате выборов «трудовой республикой», будут начаты мирные переговоры, а земля перейдет к тому, кто ее обрабатывает; пусть только крестьянство поможет «установить независимость». Многие поверили, и большинство мест получили социал-демократы, трудовики и эсеры – 78 мест из 120.

После выборов было сформировано «социалистическое правительство» из девяти членов. «Соцы» получили 4, трудовики – 3, а народная партия – 2 портфеля. Пост премьер-министра занял трудовик О. Штрاندман. «Социалистическая программа» была предана забвению на следующий же день после выборов.

При активной поддержке правительства Штрандмана 19 апреля 1919 г. на базе Северного корпуса в Эстонии была создана белая Северо-западная армия. До 2 октября 1919 г. ею командовал генерал-майор А.П. Родзянко (в ноябре 1918 г. он сам себя произвел в генерал-майоры), а затем генерал от инфантерии Н.Н. Юденич. 11 августа 1919 г. британский генерал Ф. Марш у себя в кабинете в Ревеле сформировал «Правительство русской Северо-Западной области» («Северо-Западное правительство»). Председателем Совета министров и министром иностранных дел стал нефтяной магнат С.Г. Лианозов, военным министром – Юденич, морским министром – контр-адмирал Пилкин. Замечу, что иных «морских сил», кроме трех канонерок Чудской флотилии, у этого правительства не было. Для начала «борцы за единую и неделимую» признали независимость Эстонии, а заодно пообещали Маннергейму отдать Великой Финляндии Карелию и Кольский полуостров.

Даже Колчак отказался признать «Северо-Западное правительство», зато в августе 1919 г. Юденич лично получил от англичан 860 тысяч фунтов стерлингов.

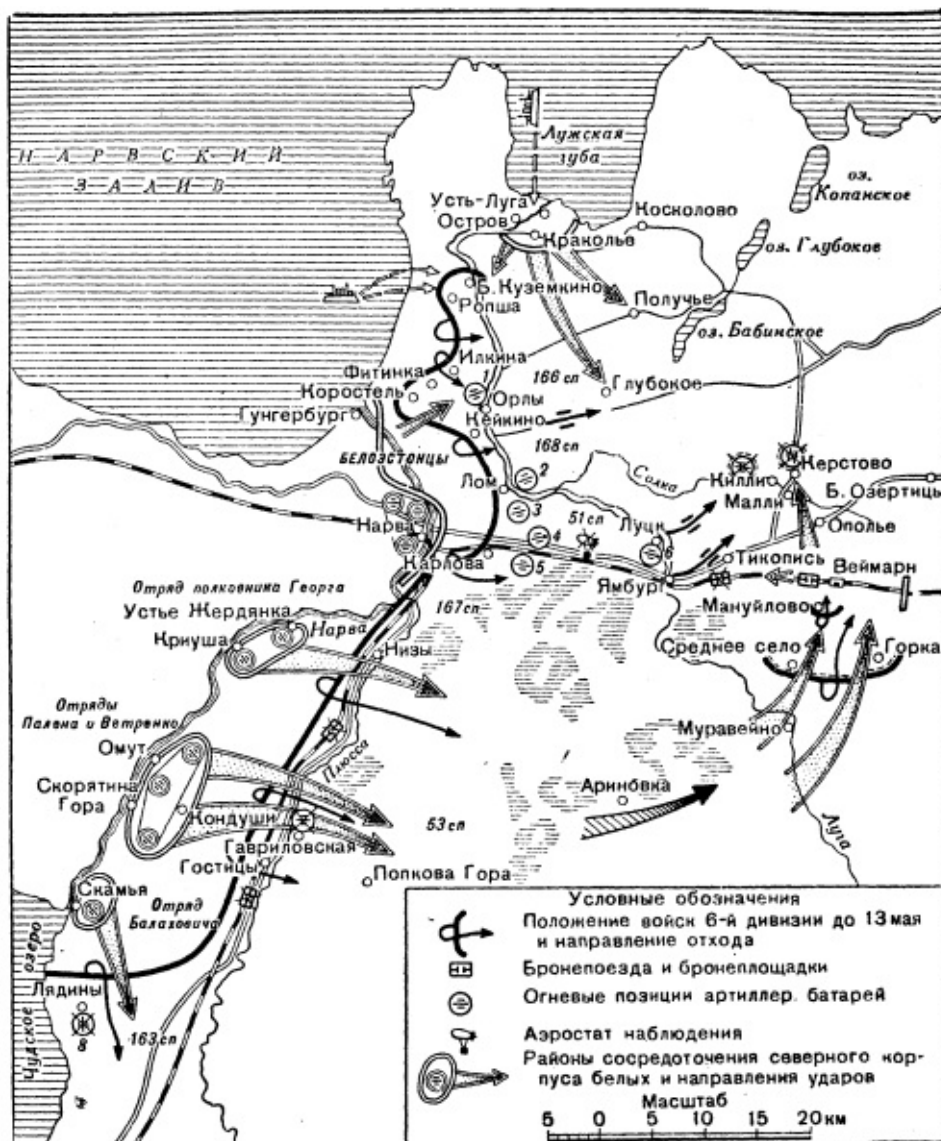
Советское командование не уделяло серьезного внимания эстонскому флоту. Так, нарвский участок обороняла 6-я стрелковая дивизия

численностью до 5 тысяч штыков и сабель, 147 пулеметов, 32 орудия, 2 бронепоезда и 4 броневика. На 80-километровом фронте обороны слабые части дивизии располагались в виде отдельных застав. Наименее надежно прикрываемым участком обороны (7–8 бойцов на 1 км фронта) был левый боевой участок, где оборонялись 167-й и 53-й стрелковые полки. Большую плотность (до 45 бойцов на 1 км фронта) имели части среднего боевого участка (4-й эстонский и 51-й полки), оборонявшие шоссейную и железную дороги Нарва – Петроград.

Эстонское командование и белогвардейцы скоординировали планы своего наступления с Финляндией. 28 апреля 1919 г., чтобы отвлечь внимание командования 7-й армии и руководства Петроградского Совета от нарвского участка и еще более ослабить его, финская добровольческая армия перешла в наступление на Олонец и отбросила части 1-й дивизии далеко к югу.

В ночь на 13 мая передовые части северо-западного корпуса, переодетые в красноармейскую форму, пробрались в тыл 53-го полка 6-й дивизии и захватили в деревне Попкова Гора штаб левого боевого участка. Вслед за передовыми частями перешли в наступление и главные силы северо-западного корпуса. Отряды Палена и Ветренко, сбив сторожевые посты, захватили у деревни Гавриловская взвод 2-й батареи Маркова, подорвали у деревни Низы две бронеплощадки и глубоко вклинились в расположение 53-го и 167-го полков.

К исходу 13 мая фронт обороны левого боевого участка оказался прорванным. Развивая успех и стремясь отрезать пути отхода главным силам 6-й дивизии, отряды Георга, Палена и Ветренко устремились к станции Веймарн и Ямбургу. 15 мая они вышли к реке Луге и форсировали ее у деревни Муравейно. Отряд Булак-Балаховича овладел Гдовом, а белоэстонские части атаковали 116-й полк с фронта и высадили десант в районе Усть-Луги. Возникла реальная угроза окружения частей дивизии.

Прорыв северо-западным корпусом белогвардейцев обороны 6-й стрелковой дивизии 7-й армии

К исходу 16 мая белые заняли станции Веймарн и Вруда, а утром 17 мая овладели разездом Тикопись и узлом грунтовых и шоссе-ных дорог у селений Крестово, Мали и Кили, отрезав, таким образом, пути отхода частям среднего и правого участков 6-й дивизии.

Чтобы не оказаться в окружении, 16 июня вечером, в 22 часа, части среднего и правого участков 6-й дивизии начали поспешный отход. К 20 мая части 6-й дивизии потеряли 20 орудий из 28 и отошли на линию Воронино – Волгово.

Так же неудачно развивались оборонительные бои на гдовско-псковском направлении. К 20 мая части 10-й дивизии отошли к реке Желча.

В течение 21–22 мая в боях на южных подступах к Пскову 1-й и 2-й красные эстонские полки перешли на сторону белогвардейцев, открыв им путь к городу.

С моря эстонцы и белые наступали, поддерживаемые британской эскадрой и довольно мощным для опереточной эстонской армии флотом – эсминцами «Вамбола», «Леннук», канонерскими лодками «Лембит» и «Ташия» (русский ледокол «Геркулес», вооруженный одной 130-мм и двумя 75-мм пушками). При этом английский крейсер «Кюрасао» подорвался на mine и был уведен в Англию на ремонт.

Британская авиация базировалась в Финляндии и регулярно бомбила Кронштадт и корабли Балтийского флота.

Эстонские историки пытаются представить майские бои как противостояние белых и красных. На самом деле имел место интернациональный конфликт. Вот характерный пример: 18 мая 1919 г. эсминец «Гавриил» вошел в Копорский залив для обстрела побережья, занятого противником. Советский эсминец был атакован четырьмя британскими эсминцами. Пока шел бой, по красным судам, находившимся восточнее «Гавриила», открыла огонь финская батарея из района форта Ино. В свою очередь, форт Красная Горка открыл ответный огонь из 12-дюймовых орудий. На форту Ино был замечен пожар, и огонь финнов прекратился. Британские эсминцы повернули назад, и «Гавриил» благополучно вернулся в Кронштадт.

С подходом к красным резервов фронт к 23 мая стабилизировался, а через 5 дней части нарвского участка перешли в контрнаступление при поддержке 40 орудий. За 7 дней советские войска отбросили противника на 20–25 км.

Советские войска поддерживали с фланга эсминцы и мониторы Балтийского флота. 4 июня эсминцы «Азард» и «Гавриил» потопили в Копорском заливе большую английскую подводную лодку Л—55. Тем не менее из-за множества мин в Финском заливе, постоянных технических неисправностей на кораблях, а главное, из-за расхлябанности «братишек» Балтийский флот не сумел реализовать свое большое численное превосходство над англо-эстоно-финскими силами.

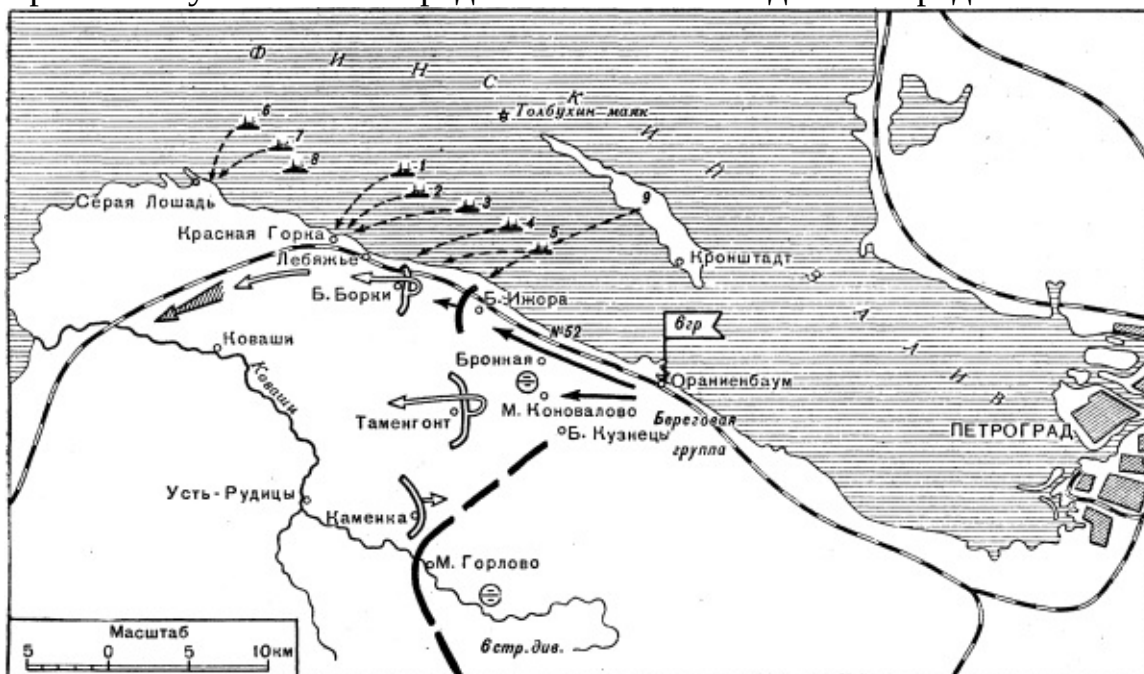
4 июня белые и эстонцы начали новое наступление. Его успеху способствовала измена 3-го Петроградского полка. 12 июня части северо-западного корпуса белых приблизились на 8—10 км к красногорскому укрепленному району и создали непосредственную угрозу захвата фортов Красная Горка, Серая Лошадь и других.

В ночь на 13 июня комендант форта Красная Горка бывший поручик

Н.М. Неклюдов с группой сообщников поднял мятеж. Коммунисты форта были арестованы. Гарнизону Неклюдов объявил, что Москва, Петроград и Кронштадт захвачены белыми. К Красной Горке присоединился небольшой форт Серая Лошадь.

Со стороны большевиков по Красной Горке вели огонь линкоры «Петропавловск» (выпустил 568 – 305-мм снарядов) и «Андрей Первозванный» (170 – 305-мм снарядов), крейсер «Олег», эсминцы и форт Риф. Гидросамолеты красных сбросили на форт почти полтонны бомб, семь тысяч стрел и тонны листовок. Пальба велась два дня – к вечеру 15 июня Красная Горка перестала отвечать на обстрел. Ночью в форт Красная Горка вошла разведка красных. Форт был пуст, мятежники разбежались.

Позже советские историки будут рассказывать байки о многочисленных взрывах и пожарах в форту, о больших потерях мятежников и т. п. Пожар в действительности был – сгорел жилой городок вблизи форта. Ни одно же из орудий форта не потеряло боеспособности, разве что у некоторых орудий мятежники сняли важные детали замков. Мятежники по эффективности стрельбы не уступали большевикам: ни одно красное судно не получило попаданий. Пострадали от огня форта Красная Горка лишь несколько кронштадтских обывателей, вышедших на набережные Купеческой и Средней гаваней поглядеть на представление.

Ликвидация мятежа на форту Красная Горка. 1 – «Петропавловск», 2 – «Андрей Первозванный», 3 – «Олег», 4 – «Всадник», 5 – «Гайдамак», 6 –

«Гавриил», 7 – «Свобода», 8 – «Азард», 9 – Риф.

С военной точки зрения наиболее неприятным последствием мятежа для большевиков стал выход из строя 305-мм орудий линкора «Петропавловск», совершенно расстрелянных в ходе «представления».

20 июня 7-я красная армия перешла в наступление и к концу августа войска лужского и псковского участков, нанеся новое поражение северо-западной армии, освободили города Лугу и Псков и прижали ее остатки к реке Нарове.

В конце июня – начале июля 1919 г. английский флот на Балтике был усилен крейсерами «Дели», «Даная», «Дентлесс» и «Каледан», а также гидроавианосцем «Виндиктив» (12 самолетов). Однако долго плавать на Балтике «Виндиктиву» не пришлось. В июле он налетел на камни у Выборга и ушел на ремонт в Англию.

30 июня в Биоркэ прибыло еще семь торпедных катеров, и еще один затонул при буксировке в Балтийском море. Несколько позже в Финский залив прибыл монитор «Эребус» с 381-мм артиллерией.

В ночь с 17 на 18 августа 1919 г. английские торпедные катера атаковали корабли Балтийского флота в Кронштадтской гавани. Пять катеров вышли из Биоркэ и два катера – из Териоки. Они встретились в районе форта Ино, а оттуда пошли Северным фарватером к Кронштадту. В результате атаки был поврежден старый линкор «Андрей Первозванный» и потоплен старый крейсер «Память Азова», который использовался как база подводных лодок. При этом три катера были потоплены огнем эсминца «Гавриил».

31 августа подводная лодка «Пантера» у остова Сескар потопила английский эсминец «Витториа», а 4 сентября на русском минном заграждении погиб однотипный с «Витториа» эсминец «Верулам».

6 августа в Ревельском порту выгрузили первые четыре английских танка типа Mk.V. Вскоре был создан танковый дивизион под командованием капитана 1 ранга П.О. Шишко. На вооружении дивизиона имелось шесть танков Mk.V.

17 октября из Финляндии прибыли три французских танка «Рено». Ими был укомплектован специальный отряд из русских и французов.

К началу октября общая численность белых и эстонских войск, сосредоточенных на фронте в 195 км, была доведена до 35 тысяч человек при 77 орудиях.

28 сентября 1919 г. войска Юденича на псковском направлении перешли в наступление, нанесли отвлекающий удар, прорвали фронт 10-й и

19-й стрелковых дивизий и захватили станцию Струги Белые, прервав тем самым железнодорожное сообщение между Лугой и Псковом. Командование 7-й армии, не имея сведений о группировке противника, сняло из района Нарвы 3-ю бригаду 6-й стрелковой дивизии и вместе с 3-м легким артиллерийским дивизионом направило ее на оборону псковского направления. Используя ослабление нарвского участка, белые войска 11 октября обрушились превосходящими силами на части 6-й дивизии и отбросили их на восток. 11 сентября в боях под Гдовом белые впервые применили танки.

12 октября красные начали отход к Петрограду. А тем временем эстонский адмирал Питка решил овладеть фортом Красная Горка. Для этого был создан десантный отряд численностью в 1000 человек при 250 лошадях, двух 152-мм гаубицах и двух 76-мм пушках. К операции были привлечены весь эстонский флот и отряд британских кораблей.

14 октября эстонцы высадили десант в районе Калницкой пристани и вскоре захватили ряд прилегающих деревень. На этом их успехи и закончились после подхода частей Красной армии.

20 октября линкор «Севастополь», стоявший в Петрограде у Гутуевского острова, начал вести огонь из 12-дюймовых орудий по району Красное Село – Павловск. На следующий день обстрел был продолжен.

К 16 октября белые уже контролировали все железные дороги в Петроград, за исключением Николаевской (Петроград – Москва). Для захвата ее в район железнодорожной станции Тосно Юденич послал 1-ю пехотную дивизию, но ее командир туда не пошел, а направился к Петрограду, чтобы успеть к «дележке пирога». Это стало роковой ошибкой белых – именно по этой дороге в Петроград непрерывно шли эшелоны с полками. Всего в конце октября – начале ноября туда прибыло 11 стрелковых полков и бригада курсантов, свыше 35 орудий и 4 бронепоезда.

К исходу 20 октября войска Юденича вышли на линию южнее фортов Красная Горка и Серая Лошадь, Большая Ижора, Большой Узигонт, Сосновка, Московская Славянка, восточнее Ям-Ижора, Аннолово и далее на юг.

Переломным моментом в борьбе за Петроград стали бои за Пулковские высоты, господствовавшие над юго-западной частью города. 21 октября 1919 г. красные перешли в контрнаступление. Упорные встречные бои шли за Царское Село. Любопытно, что там танки белых напоролись на красных латышей. Два танка Mk.V было подбито, затем латыши перешли в контратаку и отбросили противника.

23 октября красные овладели Павловском и к исходу 26 октября

вышли на подступы к Гатчине.

Активно велись и операции на море. При попытке в ночь на 21 октября поставить минное заграждение в Копорском заливе погибли на минах три эсминца Балтийского флота.

27 октября в Копорском заливе появился самый мощный британский монитор «Еребус» (водоизмещением 8 тысяч т, вооруженный двумя 381-мм и десятью 102-мм пушками). Он открыл огонь по форту Красная Горка. Корректировка огня велась английскими самолетами, базировавшимися на Финляндию. 30 октября «Еребус» в сопровождении английских и эстонских эсминцев («Леннук» и «Вамбола») вновь вел обстрел Красной Горки. На сей раз над фортом для коррекции артогня был поднят аэростат с летчиком-наблюдателем В.П. Конокотиным. Британский истребитель с двух попыток не сумел уничтожить аэростат. В конце концов Конокотин из ручного пулемета «Люис» сбил истребитель, а затем благополучно совершил посадку.

«Пятнадцатидюймовки» монитора и «двенадцатидюймовки» форта стреляли одинаково метко – за два дня ни один снаряд не попал ни в форт, ни в корабль.

Формат книги не позволяет остановиться на деталях боевых операций, но, поверьте, они буквально вопиющие! Командиры красных, белых, эстонцев и англичан воевали более чем бездарно и совершали одну глупость за другой, не реализуя имеющиеся возможности. А что взять с Троцкого, Юденича и Питки?

27 октября Юденич вновь попытался атаковать, введя в бой последний резерв. Почти одновременно войска красной 15-й армии перешли в наступление в районе Луга – Ямбург. 31 октября была занята Луга, а 3 ноября – Гатчина. Войска Юденича отошли в район Волосово, где попытались задержать дальнейшее продвижение советских войск.

На подступах к железнодорожному узлу Волосово начиная с

5 ноября завязались упорные кровопролитные бои. Белые создали здесь сильную укрепленную позицию, оборудовав ее инженерными сооружениями полевого типа и обеспечив системой плотного пулеметного и артиллерийского огня. 6 ноября красные перешли в наступление, нанося удары с фронта и флангов. На Волосово были двинуты бронепоезда «Ленин» и № 38. На следующий день белые оставили Волосово.

14 ноября пал Ямбург. К 1 декабря северо-западная белогвардейская армия была окончательно разбита, уцелевшие части отступили за реку Нарову в Эстонию, где 5 декабря 1919 г. были интернированы.

В декабре 1919 г. британская эскадра покинула Финский залив, где

начинался ледостав. Теперь эстонскому правительству лишь оставалось заключить мир с большевиками. Что же касается генерала Юденича, то он убыл в Париж, где немедленно приобрел особняк за 3 млн. франков, а еще 9 миллионов положил в несколько французских банков. (О сих операциях славного генерала поведала белогвардейская газета «Русское слово».)

31 декабря 1919 г. в городе Юрьеве (Тарту) было подписано перемирие между Эстонией и Советской Россией, а 2 февраля 1920 г. там же заключен мир. Согласно его условиям, Россия признала независимость Эстонии. Государственная граница между РСФСР и Эстонией устанавливалась в основном по линии старой границы с Эстляндской и Лифляндской губерниями с присоединением к Эстонии двух районов.

Первый: между течением реки Наровы и участком от Нарвского залива до Чудского озера по линии Ропша – Илькино – Кеикино – Извоз – Кобыляки – Кривая Лука – Печурки – слияние трех истоков реки Втроя и отсюда до деревни Куричек, южнее которой граница пересекала берег Чудского озера и шла далее по старой линии границы, следовавшей по акватории озера и делящей его по фарватеру на западную и восточную половины вплоть до выхода из Псковского озера у Поддубья, откуда начинался второй участок.

Второй: между старой линией границы, существовавшей до 1917 г. между Псковской губернией и Лифляндией и участком, ограниченным линией Поддубье – Грящице – Махинцы – Новая – восточнее озера Поганово – западнее Выморски, далее линия поворачивала на запад к деревне Спрехтичи и от нее к югу до фольварка Кудепи.

Таким образом, к Эстонии прирезывалась от России полоса шириной от 10 до 25 км, проходящая к востоку от старой границы, идущей по естественным рубежам (течению реки Наровы и озерам Чудскому и Псковскому). Эта полоса становилась нейтральной (демилитаризованной) зоной на все время действия договора. Так были отторгнуты исконно русские земли, никогда в истории не переходившие ни к Ливонии, ни к Швеции, ни к иным государствам.

Кроме того, договор 1920 г. содержал статьи о безвозмездном отказе РСФСР от прав на бывшее российское имущество на эстонской территории, о выплате Эстонии золотом 15 млн. рублей, о возврате в Эстонию культурных ценностей, освобождении Эстонии от ответственности за долговые обязательства России.

Думаю, что сейчас трудно осудить Ленина и Троцкого за подписание столь невыгодного и унижительного мира. Россия по-прежнему была в кольце фронтов. А вот о чем думали Пятс и К^о, унижая великую державу,

совершенно непонятно. Преступник, приставивший нож к горлу человеку, находящемуся в беспомощном положении, должен рано или поздно понести ответственность. Наши либералы оплакивают «несправедливо осужденных» в 1940 г. политиков и офицеров Эстонии. Ну что ж, они получили свое хотя бы за один Юрьевский договор.

Позже эстонские националисты создали миф об «освободительной войне 1918–1920 гг.». На самом деле белоэстонцы вместе с Юденичем, англичанами и финнами шли «освобождать» Петроград, форты Кронштадта и Псковскую губернию. Причем роль эстонских вооруженных сил в этом интернациональном походе была минимальна. Если бы не союзники, с белоэстонской армией могли покончить сами красные эстонцы и латыши.

Глава 21

Курляндская оперетта

В Латвии правительство Ульманиса было создано фактически на германские деньги. «Судя по распискам в получении денежных сумм, немецкие оккупационные учреждения за время с 22 ноября 1918 г. по 4 января 1919 г. перевели временному правительству

3 миллиона 750 тысяч оккупационных марок. То был едва ли не единственный источник финансирования создаваемого госаппарата и армии». [\[150\]](#)

Ряд авторов утверждают, что Ульманис был «облатышившимся немцем», прибавив к своей фамилии латышское окончание «ис».

18 декабря 1918 г. в Риге нелегально была созвана 17-я конференция партии Социал-демократии Латвии (в марте 1919 г. она была переименована в Коммунистическую партию Латвии – КПЛ). Конференция приняла постановление о подготовке вооруженного восстания. А 4 декабря было создано временное советское правительство во главе с П.И. Стучкой.

Согласно директиве Троцкого от 8 декабря 1918 г. в составе Западной армии была создана Армия Советской Латвии. Фактически армия была создана на базе 1-й латышской стрелковой дивизии, собой интернациональной дивизии (с 12 февраля 1919 г. – 2-я стрелковая дивизия) и 2-й Новгородской стрелковой дивизии.

Армия Советской Латвии стремительно наступала. 2 января 1919 г. Ульманис со своим кабинетом бежал в Митаву, а на следующий день в Ригу вступили красные латыши.

Весьма любопытен и состав армии буржуазной Латвии, без боя сдавшей Ригу. Это три роты германских добровольцев (ландвера), которыми, кстати, командовали царские офицеры, естественно, немцы по происхождению; рота капитана К.И. Дыдорова, состоявшая из этнических русских, и две (!!!) латышские роты. Всего около 1000 человек. Затем оно воинство пыталось оборонять Митаву, но 8 января драпануло оттуда при одном виде красных частей. К этому времени Ульманис был уже в Либаве, а 11 января вообще покинул Прибалтику.

9 января красные взяли город-крепость Двинск (Динабург), а к концу февраля была очищена вся территория Латвии, за исключением района Либавы.

13—16 января 1919 г. в Риге состоялся 1-й Вселатвийский съезд Советов, который принял конституцию Советской Латвии. Главой ЦИК и Совнархоза избрали Петра Стучку. Помещичьи земли были национализированы, началась подготовка строительства ГЭС на Западной Двине.

Однако в развитие событий в Латвии вновь вмешались немцы. По условиям перемирия с Антантой все германские части должны были покинуть Прибалтику. Но многие германские военные не хотели покидать Курляндию, где много веков правили германские бароны. Ульманис и его правительство тоже не желали ухода немцев, и по соглашению между представителями Германской империи и правительствам Латвии, заключенному еще в Риге 29 декабря 1918 г., «правительство Латвии согласно признать по ходатайству о том все права гражданства в Латвии за всеми иностранцами, состоящими в армии и прослужившими не менее 4 недель в добровольческих частях, сражающихся за освобождение латвийской территории от большевиков». ^[151] Это соглашение подписали с германской стороны – Виннинг, а с латвийской – председатель Совета министров К. Ульманис и министры Р. Паэгле и Я. Залит. По этому соглашению германские добровольцы, приобретая права гражданина в Латвии, вместе с этим приобретали и права на покупку земельных участков на территории республики.

6 января 1919 г. в Либаве началось формирование русского добровольческого отряда ротмистра князя А.П. Ливена. К концу января его численность достигла 65 человек, а к началу марта – 250 человек. Отряд временно вошел в состав «балтийского ландвера». Чисто формально отряд Ливена был подчинен генералу Деникину.

В начале февраля 1919 г. в Либаву с согласия германского правительства прибыл генерал Рюдегер фон дер Гольц. В 1918 г. он отличился в гражданской войне в Финляндии, а в Курляндии его прозвали Черным рыцарем. С этого времени он стал командиром 6-го резервного корпуса, куда вошли балтийский ландвер и другие германские добровольческие части. Немцы сделали новым главой Латвийского правительства пастора Андериевса Ниедра. Пастор безропотно выполнял все указания Черного рыцаря. В 1928 г. в свое оправдание Ниедра писал: «Если бы Германия не дала нам в помощь шестой резервный корпус, то Петр Стучка еще и сейчас сидел бы в Риге».

Всего под командованием Гольца оказалось 40–50 тысяч солдат, свыше 95 % из которых были этнические немцы. 26 февраля «корпус» взял Виндаву, где находился небольшой отряд латышских стрелков, не имевших

артиллерии. Там немцы обнаружили около 100 трупов немецких солдат, которые были захвачены в плен еще в январе, но позже с ними расправились латышки. Вообще латышки очень не любили немцев, а те, в свою очередь, именовали их «Flintenweiber» («ружейные бабы»).

По приказу Гольца из состава ландвера была выделена особая команда для зачистки Виндавы. Сама зачистка представляла собой расстрел без суда и следствия всех подозрительных гражданских лиц.

Далее Черный рыцарь двинулся к Риге. Маяковский на это откликнулся подписью к карикатуре: «Гольц фон-дер прет на Ригу. Храбрый. Гулай, пока не взят за жабры». Увы, для последнего у красных латышей не было ни сил, ни средств.

Обратим внимание, если на красную Ригу наступали немцы, то защищали ее в подавляющем большинстве этнические латыши. Вот свидетельство участника боев князя Ливена: «В течение апреля нам удалось определить те большевистские силы, которые защищали фронт Рижского плацдарма от моря до Западной Двины у Фридрихштадта. Севернее Митаво-Рижского шоссе стояли почти исключительно латышские полки, силою в среднем в 800 человек, а именно: против Шлока на взморье – роты береговой охраны и один батальон 1-го латышского стрелкового полка; южнее от озера Баббит до полотна Риго-Митавской железной дороги с севера – 1-й, 2-й и 3-й латышские стрелковые полки с тремя легкими и одной тяжелой батареей.

На Риго-Митавском шоссе 1-й Устьдвинский полк с одной батареей латышской тяжелой артиллерии и одной гаубичной.

Против Митавы, между Риго-Митавской и Московско-Виндавской железными дорогами находились 10-й латышский стрелковый полк, батарея тяжелой латышской артиллерии и два эскадрона латышской кавалерии.

Южнее Московско-Виндавской железной дороги, по восточному берегу реки Курляндской Аа от Митавы до города Бауска, стояли 16-й латышский стрелковый полк, 8-й латышский стрелковый полк, 1-й Витебский полк, 99-й стрелковый полк, входивший в состав Новгородской дивизии, 38-й стрелковый полк и три батареи полевой артиллерии.

Южнее города Бауска, в Литве, 32-й и 33-й стрелковые полки и части 22-го Московского полка с двумя полевыми батареями.

Резервы красных были сосредоточены впереди Риги, сюда входили: несколько эскадронов латышской кавалерии, саперы, автобронероты, матросский отряд под командой германского матроса, интернациональный батальон и роты рижских рабочих». [\[152\]](#)

После упорных боев 22 мая Рига пала. По свидетельству командира роты балтийского ландвера К.И. Дыдорова, в штурме города участвовали аж две (!) белолатышские роты. Латышское советское правительство бежало в город Резекне. В Ригу из Либавы перебралось правительство Ниедры.

Между тем после падения Риги в тыл красным латышам ударили белоэстонцы. Князь Ливен писал: «В начале июня, при преследовании большевиков, ландверные части неожиданно натолкнулись южнее города Вендена на передовые посты эстонцев, уже очистивших северную часть Венденского и Вольмарского уездов от большевиков. Ландвер полагал, что встретит у эстонцев поддержку. Но не то случилось. После нескольких случайных выстрелов между передовыми постами эстонцы выдвинули свой бронированный поезд, началась перестрелка, и ландвер, перейдя в наступление, прогнал эстонцев из города и занял Венден».^[153]

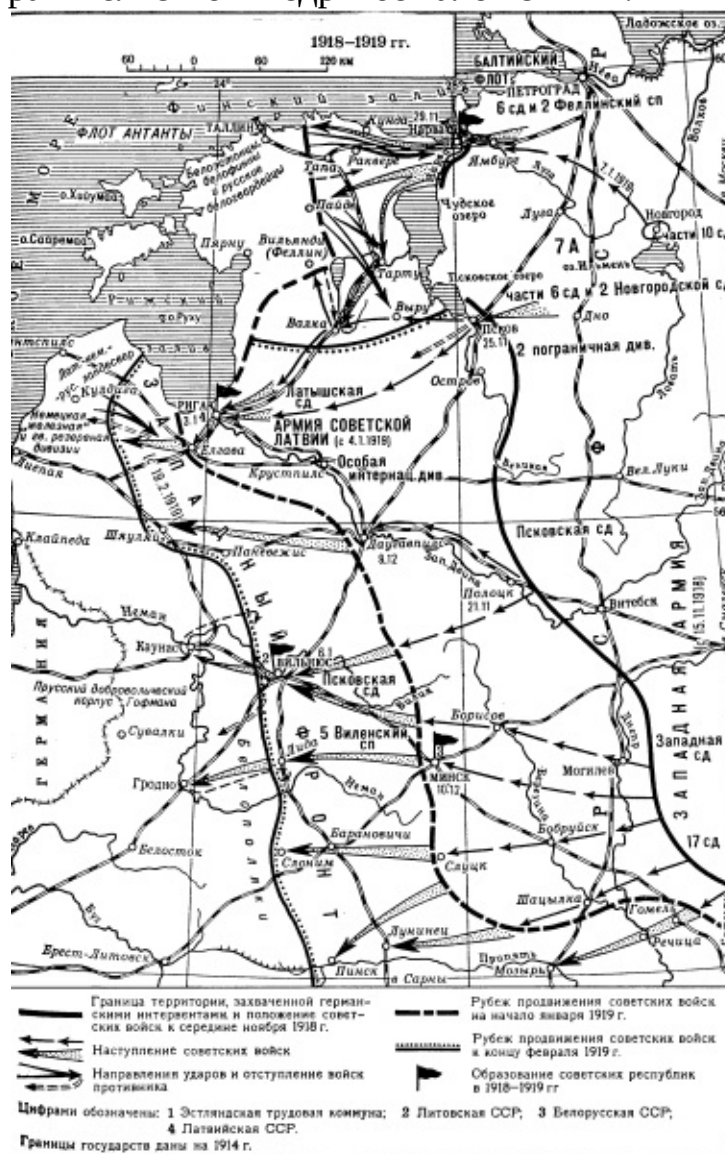
Замечу, что Венден (с 1918 г. Цесис) находится всего в 80 верстах от Риги.

9 июня в Венден прибыли представители Антанты. Немцы потребовали немедленного очищения эстонцами территории Латвии. Однако позже договорились, что эстонцы временно оставят за собой три небольших района. Эти предложения были приняты командованием ландвера. Эстонцы настояли на том, чтобы предварительно получить согласие своего правительства, и поэтому следующая встреча была отложена на 16 июня. Однако к этому времени из Англии прибыл глава союзных миссий генерал Гофф. Он не только не утвердил соглашения, но и предъявил немцам ультиматум: 1. Ландвер должен немедленно отойти за реку Лифлянскую Аа (Гауя). 2. Все германские части должны покинуть Прибалтийский край. 3. Правительство Ульманиса должно быть признано.

Немцы отказались, и 19 июня ландвер перешел в наступление в направлении Лимбажи. 20 июня немцы заняли Страупе, 21 июня прорвали фронт на участке белолатышского Цесисского полка и достигли станции Лоде. Однако эстонское командование подтянуло резервы и 22 июня перешло в контрнаступление. Неся большие потери, ландвер начал отступать. 23 июня силами эстонцев и Северолатвийской бригады был занят Цесис, 24 июня – Сигулла. Немцы пытались удержаться в Инчукалесе, где имелись окопы времен мировой войны, но 26 июня были выбиты и оттуда.

В начале июля объединенные силы эстонцев и Земитанса оказались уже в предместьях Риги, овладели Даугавгравой, Мангальской и Вецмилгрависом. Немецкие войска и учреждения готовились оставить

Ригу. 26 июня правительство Ниедры бежало из Риги.

Гражданская война в Прибалтике и Белоруссии. 1918-1919 гг.

Эстонская артиллерия вела обстрел Риги и сумела вывести из строя водопроводную станцию, оставив город без воды.

Но тут опять вмешалась тетушка Антанта. Представители американской делегации на Парижской мирной конференции предложили делегациям Эстонии и Латвии заключить с немцами перемирие, угрожая в противном случае прекратить продовольственные поставки странам Прибалтики.

В итоге при посредничестве англичан и французов в местечке Страздумуйже 3 мая 1919 г. было заключено перемирие. По его условиям ландвер и другие немецкие части к вечеру 5 июля должны были покинуть

Ригу. Было выдвинуто и формальное требование к германским войскам – «в кратчайший срок оставить территорию Курляндии». В договоре указывалось, что «германские войска в пределах Курляндии прекращают все наступательные операции, за исключением военных действий против сил советской Российской республики».

Кроме того, части ландвера, остававшиеся в Курляндии, должны быть очищены от всех, кто служил ранее в кайзеровской армии, а сам ландвер должен быть подчинен британскому полковнику Александру (Александреру?).

6 июня в Ригу вошли отряды проэстонски настроенных латышей Йоргиса Земитанса, а 9 июля на пароходе «Саратов» под охраной английской эскадры в город вернулся Ульманис со своим правительством. 13 июля собрался Народный совет, по существу, в новом составе. «По желанию союзников» он поручил Ульманису составить приемлемый для Антанты кабинет министров. Портфели в этом кабинете «по рекомендации представителей союзников» получили шестеро латышей, три прибалтийских немца и один еврей. Тем самым американский полковник Грин настоял на своем требовании о широком представительстве остзейцев в кабинете Ульманиса. В свою очередь, Ульманис уже 18 июля в одном из писем говорил о нежелательности «раздувания в пропаганде и прочих статьях гнева против дворянства, так как подобные преувеличения очень не нравятся союзникам».

Теперь представители Антанты потребовали от всех сторон в Курляндии объединить усилия в борьбе против большевизма.

Части ландвера под командованием Александра были отправлены на «антибольшевистский фронт» в район Крейцбурга. Генерал Гольц по настоянию союзников был вынужден уехать в Германию.

Латышские подразделения полковника Яниса Балодиса, ранее вместе с ландвером бравшие Ригу, и подразделения Йоргиса Земитанса, пришедшие с эстонцами, в июле были реорганизованы и объединены в так называемую Латвийскую национальную армию. Поскольку между Земитансом и Балодисом существовало неприкрытое соперничество, правительство Ульманиса не рискнуло назначить одного из них главнокомандующим армией. Этот пост получил бывший царский офицер генерал-майор Давидс Симансанс – фигура явно компромиссная. Он только в начале июня поступил на службу латвийскому правительству. Земитанс был назначен начальником Рижского гарнизона, а Балодис – командующим так называемым Восточным фронтом в Латгалии.

Всего к 1 июля 1919 г. в латвийской армии имелось около 25тысяч

человек, включая ландвер и мобилизованных.

Германские войска начали покидать Курляндию, причем демобилизованным солдатам германское правительство вместе с отпускными билетами выдавало заграничные паспорта сроком на полтора года. Вспомним, что в 1919 г. в Германии имели место политические беспорядки, зачастую переходившие в боевые действия, голод и разруху. Так что многие германские солдаты и офицеры предпочитали остаться в Латвии, поверив Ульманису, что им будут выданы наделы земли. В балтийский ландвер им теперь путь был заказан, и многие немцы вступили в русские белые части, в том числе в корпус графа Келлера. Замечу, что в Курляндию ехали демобилизованные солдаты даже из Германии. Только в июле 1919 г. туда прибыло не менее 20 тысяч солдат. К этому времени у Курляндии находилось 6 тысяч русских белогвардейцев.

Не успел Гольц уехать из Митавы, как там среди немецких солдат начались крупные беспорядки. В ночь с 23 на 24 августа взбунтовавшиеся солдаты разоружили весь латышский гарнизон, сорвали с латышских казенных зданий латышские национальные флаги, арестовали латышских чиновников и латышского коменданта и разгромили здание латышской комендатуры. Германские солдаты попытались разгромить и местный банк, но их офицеры воспрепятствовали этому. Солдаты потребовали от своих командиров вести их на Ригу, чтобы потребовать у латышского правительства обещанную им землю.

Военный министр Германии Густав Носке, узнав о беспорядках, потребовал, чтобы Гольц, только что прибывший в Берлин, возвращался обратно в Митаву и навел там порядок. Через два дня генерал был уже в Митаве и сразу же распорядился арестовать зачинщиков, усилил патрули и потребовал от латышского правительства вывести из Митавы латышский гарнизон, чтобы не раздражать понапрасну немецких солдат.

Черный рыцарь знал, что у Антанты нет сухопутных сил в Прибалтике и союзники не рискнут их туда вводить. Мало того, летом—осенью 1919 г. в связи со сменой британского кабинета и волнениями среди рабочих начался вывод английских войск с территории бывшей Российской империи – Мурманска, Архангельска, Кавказа, Прикаспия и т. д. Но с другой стороны, Франция постоянно угрожала вводом своих войск в Центральную Германию, если немецкие войска не покинут Прибалтику.

В сложившейся ситуации оптимальным вариантом было бы превращение германских войск в русские белогвардейские части. Но таковым нужен был и командующий. Подчиняться Деникину, находившемуся в двух тысячах километров от Митавы, Гольц не желал.

Нужен был свой ручной вождь. И им стал полковник Павел Рафаилович Бермонт, «большой друг Германии», как его именовал Черный рыцарь. Нашему читателю эта видная фигура Гражданской войны практически неизвестна, поэтому о нем стоит рассказать подробнее.

Жил-был в Тифлисе еврей-ювелир Рафаил Берман. И говорят, жил не хуже других, но, увы, его сын Пейсах не захотел пойти по стопам отца. Впрочем, такая ситуация была у многих евреев-ювелиров. Вспомним хотя бы, как огорчили сыновья главного нижегородского ювелира Мойшу Свердлова. Наш же юный Рафаилович увлекся музыкой. В 1901 г. его призвали в армию и зачислили капельмейстером в 1-й Аргунский казачий хор. Однако хорошего музыканта из Пейсаха не получилось, и он выбирает военную карьеру. Он отличился в Русско-японской войне, получил «Георгия» и первый офицерский чин. Где-то около 1905 г. он крестился и стал Павлом Бермонтом (Бермондтом). Как видим, небольшое удлинение, и фамилия звучит как немецкая. Но этого нашему Рафаиловичу показалось мало, и он каким-то способом был усыновлен князем Михаилом Аваловым. Замечу, что в отличие от тех же Рюриковичей в Кахетии числились десятки князей, иной раз не имевших и пары слуг. Среди таковых был и Авалов. Итак, теперь наш Рафаилович на службе был Бермонтом, а при необходимости в иных местах представлялся князем Павлом Михайловичем Аваловым.

При «проклятом царизме» военная карьера Рафаиловича не удалась, и он к февралю 1917 г. дослужился лишь до ротмистра. Первые два года после падения монархии судьба носила нашего героя то в Киев, то в Питер, и вот наконец в Митаве всплыл полковник Бермонт.

Тут по указанию Гольца наш герой собирает большую рать. Правительства стран Антанты, по существу, не возражали против перехода немецких войск в части Бермонта. По признанию руководителя британской военной миссии в Берлине генерал-майора Малкольма, «постольку, поскольку полковник Бермонт предполагает использовать свои войска против большевиков, он может оказать нам услугу». Переходу немецких солдат в войско Бермонта способствовало и обещанное высокое жалованье (солдатам 11 марок в день, офицерам – до 40 марок), и возможность безнаказанно грабить местное население. Недаром английская газета «Морнинг пост» писала, что немецкие солдаты в Прибалтике «в первую очередь заняты воровством и грабежом, а военная служба у них на втором месте».

26 августа 1919 г. в Риге под контролем представителей Антанты состоялось совещание «прибалтийских воевод», на котором было решено

наголову разгромить «проклятых большевиков». Принятый на совещании Протокол решения об общем наступлении небезынтересен с точки зрения истории «освободительных войн» Эстонии и Литвы, и посему его стоит привести полностью.

«Протокол решения об общем наступлении, выработанном на совещании, обсуждавшем 26 августа 1919 г. политическое положение и вопрос о взаимном соглашении

Подписи:	Фронт:	Участки фронта:
Генерал К.М. Лайдонер	Эстонский	От побережья до жел. дор. Ямбург — Гатчино включительно
Генерал Десино	Русский	От железной дороги до р. Великой
Генерал Лайдонер	Эстонский	От р. Великой до северного берега Буланского озера
Полковник Калнин	Латвийский	От Лубанского до Балтиновского озера включительно (задача — оборона восточной границы Латвии)
Полковник Бермондт	Русский	Задача от Двинска продвигнуться на Великие Луки
Полковник Беньяшевич	Литовский	От Балтиновского озера до пункта в 35 километрах юго-западнее Двинска (задача — оборона восточной гр. Литвы)
Капитан Мысловский	Польский	От литовцев к Востоку

Заверил И.Г. Марч, бригадный генерал.

Рига, 26 августа 1919 г.»^[154]

На этом заседании британский генерал Марч сказал полковнику Бермонту, что ему предоставляется полная свобода вербовки и для дальнейшего снабжения войск Бермонта всем необходимым из Германии препятствий не будет, что Антанта сделала германскому правительству представление о возобновлении прекратившейся было в германских лагерях вербовки русских военнопленных.

Из протокола совещания ясно, что в задачу полковника Бермонта, подписавшего наравне с другими протокол об участии в комбинированном наступлении на Петроград в помощь Юденичу, входило наступление со стороны Двинска на Великие Луки, чтобы в момент подхода войск Юденича к Петрограду перерезать Николаевскую железную дорогу.

На самом рижском совещании 26 августа генерал Юденич, занятый ликвидацией прорыва красных под Изборском, отсутствовал. Его замещал генерал-лейтенант К.Н. Дессино, представитель Северо-западной армии при латышском правительстве. Видимо, у Дессино возникли опасения, что полковник Бермонт не выполнит боевой задачи и снова уклонится от выхода из Митавы. Поэтому через 4 дня в Ригу явился сам Юденич и вызвал Бермонта из Митавы.

А наш Рафаилович взял да и не приехал. Юденич был взбешен. Он же при царе-батеньке был генералом от инфантерии, главнокомандующим Кавказским фронтом, а сейчас командовал Северо-западной армией, а тут какой-то ротмистр, объявивший себя полковником, взял да и послал...

Таким образом, положение генерала Юденича в глазах латвийского правительства, латышской армии и союзных миссий оказалось нелепым. Однако Юденич отправил к Бермонту в Митаву начальника своего штаба полковника Генерального штаба Прюффинга с требованием, чтобы полковник Бермонт немедленно явился в Ригу к генералу Юденичу дать свои объяснения. Но полковник Прюффинг вернулся в Ригу, так ничего и не добившись от Бермонта. Юденич и представители Антанты неоднократно писали Бермонту, пытаясь доказать, что от его выхода из Митавы и благоприятного разрешения запутанного курляндского вопроса зависит судьба Петрограда и всего объединенного Северо-западного фронта. Но все было напрасно – Бермонт упорно молчал. Генерал Юденич уехал из Риги, направив Бермонту свой ультиматум: в десятидневный срок обсудить положение, подчиниться и прислать ответ.

Бермонт твердо решил не уходить из Митавы. Понять его несложно. Красные уже накустыляли многим генералам, начиная от Колчака и кончая Миллером, и рисковать своим воинством наш полковник не хотел. Главное же, воюя с красными, он бы таскал каштаны из огня для других – того же Юденича или Деникина. В случае же победы белых Бермонт заведомо бы оказался на третьих ролях, захватив же Курляндию, а то и всю Прибалтику, и сохранив в целостности свою армию, Рафаилович мог поторговаться с любым победителем, будь то Троцкий или Деникин. А для того чтобы как-то оправдать свое поведение, он 12 сентября отправил специальную делегацию в штаб генерала Деникина с ходатайством – признать его корпус входящим в состав Южной Добровольческой армии и разрешить ему оставаться в пределах Курляндии и Литвы. Однако генерал Деникин, предупрежденный Юденичем, не принял эту депутацию. Апеллирование Бермонта к адмиралу Колчаку через посредство русского посла в Париже В.А. Маклакова также кончилось неудачей.

В связи с сообщением официоза 6-го резервного корпуса в выходящей в Митаве газете «Die Trommel», что войска полковника Бермонта признаны адмиралом Колчаком и вошли в состав Южной армии генерала Деникина, В.А. Маклаков поместил в парижской газете «La Cause Commune» следующее сообщение: «Российское посольство настоящим опровергает появившееся сообщение, что в состав русских армий, находящихся под командованием адмирала Колчака и генерала Деникина, входят части под названием „Русско-Германские войска“, которые частью составлены из германских добровольцев, набранных в Германии.

Российское посольство заявляет по этому поводу, что в борьбе, предпринятой для восстановления России, временное правительство под председательством адмирала Колчака никогда не обращалось за помощью к германцам. Оно никогда не просило об этом, не давало никому подобных полномочий и в его среде такой вопрос никогда не поднимался. В соответствии с этим действует и генерал Деникин. Он признал адмирала Колчака Верховным Правителем, и его правительство Юга России находится в контакте с Омским правительством, которое, таким образом, является общенациональным и объединенным правительством России».

[155]

1 октября 1919 г. в Митаве Бермонт собирает совещание под председательством бывшего премьера А. Ниедра, на котором было принято решение о наступлении на Ригу, а в дальнейшем свергнуть правительства Латвии и Эстонии, превратить эти государства в российские провинции с ограниченной автономией и без права содержания собственного войска, полностью восстановить все привилегии прибалтийского дворянства. Позднее предполагалось назначить Ниедру генерал-губернатором Лифляндским и Курляндским.

Естественно, что все решения были согласованы с Гольцем. Зоктябрь Гольц издал приказ о том, что командование всеми оставшимися в Курземе частями принимает на себя Бермонт. Было подписано секретное соглашение: немецким солдатам обещали российское подданство, право обосноваться на жизнь в России с получением затем земельных наделов. Гольц писал, что «с 3 октября прибалтийское начинание внешне окончательно становится русским предприятием... Только таким путем, может быть, удастся успешно довести прибалтийское начинание до конца».

[156]

В тот же день (3 октября) германское правительство, которое подверглось сильному натиску Антанты, обратилось к германским военным служащим в Курляндии с воззванием: «Солдаты! Вы читали ноту

Антанты по поводу эвакуации Прибалтики, грозящую германскому народу новой блокадой, прекращением всякого кредита и запрещением подвоза сырья. Военные круги Антанты настаивают на новом наступлении, которое завершится занятием Франкфурта; руководящие французские газеты, как, например, „Temps“, настаивают на оккупации Рурского района. И все это из-за того, что часть немцев балтийского добровольческого корпуса не желает покинуть чужой страны, оттого, что они остаются там вопреки приказу правительства, хотя такое преступное упрямство грозит великой опасностью, может оставить миллионы немцев без работы, вызовет крайнюю нужду и, в конце концов, навлечет перед началом зимы бедствия голода, и все это произойдет не только по инициативе Антанты, но и вследствие отказа от повиновения со стороны собственных соотечественников».^[157]

Но Гольц и Бермонт – персонажи тертые. И вот по русско-германскому войску выходит приказ майора Зиберта: «После того как все попытки добиться от латышского правительства выполнения данного им обещания по поводу поселения в Латвии оказались тщетными, не пожелавшие возвратиться в Германию части 6-го резервного корпуса в полном составе перешли к русским и образовали немецкий легион, подчиненный русскому полковнику Бермонту (кн. Урусову).^[158] Немецкий легион временно займет местность вокруг Бауска и приготовится к походу. Железная дивизия, действующая в полном согласии с немецким батальоном, сконцентрирует свои части к северу от Митавы и в самой Митаве.

В переговорах с полковником Бермонтом для нас уже выработаны следующие условия: жалованье – согласно окладов в русских войсках, но с таким расчетом, чтобы никто не получал меньше, чем он получал в немецкой армии. Семьи солдат будут по-прежнему получать паек, который будет выплачиваться в германской валюте или другими деньгами по курсу... Каждый участник предстоящего похода... имеет право по окончании похода на русское подданство и на поселение в уже существующих немецких колониях или, по желанию, в другом месте на территории России».^[159]

Бермонт объявил о создании Западной добровольческой армии. Он заявил: «Моя армия идет на борьбу с злейшим врагом народов – большевиками, с которыми злонамеренные люди стремятся заключить мир. Я иду на освобождение России от большевиков и их ига...

Главнокомандующий Западной добровольческой армией полковник Авалов».^[160]

6 октября Бермонт-Авалов основал так называемый Правящий совет во главе с царским сенатором графом Константином Паленом. Этот совет должен был играть роль консультативного органа при главнокомандующем армией по вопросам гражданского правления.

9 октября при совете был основан Комитет управления Латвийского края в составе барона В. Штромберга, Т. Ванкина и инженера Кампе.

Ну, раз есть правительство, нужны и деньги. И в Берлине заработали печатные станки. В обращение были пущены банкноты достоинством в 1, 5, 10 и 50 марок, всего на общую сумму в 10 миллионов марок. На одной стороне этих банкнот (их прозвали «аваловки») текст был на немецком языке, а на другой – на русском. Поверх русского текста красовалось изображение двуглавого орла с короной, а внизу немецкого текста – знак германского ордена Железного креста. Время выпуска «аваловок» значилось: «Митава, 10 октября 1919 г.»

Авалов выпускал и собственные почтовые марки с изображением Ильи Муромца и восьмиугольного креста. Нельзя обойтись и без знамен. В производство пошли флаги: сине-бело-синий фон, в левом углу – маленький русский национальный флаг, посередине – русский герб, в центре которого помещались три отдельных герба – Лифляндии, Курляндии и Эстляндии.

4 октября Бермонт отправил Деникину послание, извещая его о том, что Западнорусская армия сначала возьмет Ригу, а затем продвинется в направлении Даугавпилс – Великие Луки – Невель – Новосокольники на соединение с частями, находящимися под командованием других белогвардейских генералов.

В распоряжении Бермонта имелись значительные силы, в том числе и немецкая «железная дивизия», так называемый «немецкий легион»; корпус имени графа Келлера; группа полковника Вирголича и т. д. Всего в армии Бермонта (со всеми тыловыми учреждениями) насчитывалось около 51 тысячи человек, из которых около 40 тысяч были немцами.

Армия располагала сотней пушек, 50 минометами, 600 станковыми пулеметами, сотней аэропланов, тремя бронепоездами и десятью броневиками. Таким образом, Бермонт располагал куда большими силами, чем Юденич, армия которого в конце сентября 1919 г. насчитывала 18,5 тысячи солдат. Кроме того, к Бермонту непрерывно шло пополнение из Германии – люди, оружие, военные материалы. В конце октября военный агент Бермонта в Берлине подпоручик Эберхарт сообщал в Елгаву, что он закупил у германской фирмы «Гуго Стиннес» 12 танков.

К концу октября 1919 г. под давлением германского правительства фон

дер Гольц был вынужден окончательно покинуть Курляндию, но у Бермонта-Авалова хватало толковых германских офицеров. Взять того же... Гейнца Гудериана. Да, да! Того самого! Правда, еще не генерал-полковника, а всего лишь капитана. Но именно в Курляндии возшла звезда знаменитого полководца.

Остапа, пардон, Рафаиловича, несло... Верные Юденичу люди донесли в Ревель: «В этот день вечером Селевиным был устроен бал в честь командующего, которого при входе встретили криками „ура“, а посреди ужина по команде Селевина все гости опустились на колени и под звуки гимна „Боже, царя храни“ провозгласили Бермонта монархом всея Руси, на что получили замечание Бермонта: „Это, господа, преждевременно“». [\[161\]](#)

Ульманис и К^о всполошились – во всей Латвии была объявлена новая мобилизация, а также произведена реквизиция лошадей. Большая часть латышских войск была снята с большевистского фронта в Латгалии и переведена под Ригу. Ульманис отправил в Эстонию, Литву и Польшу эмиссаров с просьбами о помощи и для заключения военной конвенции.

В латышском Народном Совете впервые прозвучало требование социал-демократов о необходимости заключения мира с Советской Россией, чтобы освободить латышскую армию, силы которой должны быть направлены исключительно на борьбу с русско-германской реакцией.

7 ноября Бермонт-Авалов отправил в Ригу телеграмму Ульманису:

«Находя настоящий момент подходящим, чтобы отправиться на антибольшевистский фронт, я прошу Ваше Превосходительство озаботиться созданием условий, позволяющих моим войскам незамедлительно вступить в бой против красноармейских орд советской России, находящихся на границах Лифляндии и представляющих угрозу для всех соседних с ней культурных наций. Относительно распоряжений, которые возглавляемое Вами правительство намерено отдать, чтобы гарантировать незамедлительный пропуск состоящим под моим командованием войскам на фронт, я прошу немедленно меня уведомить.

Митава, 7 октября 1919 г.

Командующий Западной армией полковник Бермонт-Авалов». [\[162\]](#)

Ответило ли литовское правительство на телеграмму или нет, неясно, но 8 октября в 10 часов утра над Ригой появились три аэроплана, сбросившие несколько тяжелых бомб и прокламации на русском языке, в которых говорилось: «В любую минуту между латышами, эстонцами и

большевиками может быть заключен мир. Таким образом, латыши и эстонцы становятся нашими врагами... Тех латышей, которые остались верны царю, закону и порядку», трогать не следует, в то время как остальные «озверевшие выродки рода человеческого, забывшие Бога и Евангелие, будут уничтожены огнем и мечом». ^[163]

В тот же день латвийское правительство послало на имя мирной конференции Верховного совета в Париже и маршала Фоша телеграммную ноту с просьбой о защите от нападения Бермонта и в происшедшем обвиняло исключительно Германию.

Аваловцам первоначально противостоял латышский Южный фронт под командованием полковника Зелитанса. В составе фронта было 11,5 тысячи штыков, 9 пушек, два аэроплана, один бронепоезд и три броневика. Кроме того, в «Рижском охранном районе» находилось 5 тысяч солдат.

Значительная часть войск находилась на Латгальском фронте, действуя против большевиков. Там была и Курземская дивизия (бывшая бригада Балодиса). Ульманис знал, что ее костяк воевал в мае 1919 г. вместе с немцами, и к боям с аваловцами дивизию не привлекали. Там же, на Латгальском фронте, находился и ландвер, офицеры которого вступили в связь с Бермонтом. В районе Мадоны (с 1920 г. Биржи) ландвер имел боестолкновения с латышскими частями, но соединиться с аваловцами не успел.

8 октября войска Бермонта-Авалова захватили города Двинск и Тукумс, а на следующий день овладели пригородами Риги. Полковник Земитанс со своим штабом в панике бежал из Риги и приказал войскам занять позиции у Югльских озер. 10 октября правительство Ульманиса бежало в Цесис, предварительно сделав заявление, в котором говорилось, что правительство надеется, «что жители Риги с присущим им хладнокровием и любовью к порядку сумеют вынести и это испытание». Народный совет также перебрался в Цесис. В Риге началась паника, и в сторону Юглы потянулись потоки беженцев.

Казалось, что судьба Риги уже predetermined. Но в последний момент Бермонт остановил свои войска и при посредничестве западных союзников решил вступить в переговоры с Ульманисом.

Эта задержка и решила судьбу кампании. К вечеру 10 октября в Ригу прибыли четыре эстонских бронепоезда, а в ночь на 11 октября к крепости Динамюнде подошли четыре британских и четыре французских корабля.

Вмешательство эстонцев в принципе понять можно – с одной стороны, они боялись, что Бермонт, захватив Латвию, займется Эстонией. Ну а с другой стороны, они по-прежнему мечтали отхватить северную часть

Латвии. Забегая вперед, скажу, что в последнем они преуспели, и в качестве компенсации за расходы по интервенции Эстония получила латвийский город Валка.

Зачем же в курляндские дела полезла тетушка Антанта, можно только гадать. Лондон и Париж одновременно стремились к двум взаимоисключающим целям – подавить большевизм в России и создать барьер из государств-лимитрофов. Еще 16 января 1919 г. Джордж Ллойд заявил в Париже: «...положение в России очень скверное; неизвестно кто берет верх, но надежда на то, что большевистское правительство падет, не оправдалась. Есть даже сообщение, что большевики теперь сильнее, чем когда бы то ни было, что их внутреннее положение сильно, что их влияние на народ теперь сильнее... Но уничтожить его мечом... это означало бы оккупацию нескольких провинций в России. Германия, имея миллионы человек на восточном фронте, держала только край этой территории. Если послать теперь для этой цели тысячу британских солдат в Россию, они взбунтовались бы... Мысль о том, чтобы уничтожить большевизм военной силой – безумие... Военный поход против большевиков сделал бы Англию большевистской и принес бы Лондону Совет».^[164]

Тут, как говорится, лучше не скажешь! И соответственно перед тетушкой Антантой стояла дилемма – или мириться с большевиками, разумеется, стараясь получить более выгодные условия; или решительно поддержать какого-либо энергичного белого генерала: Колчака, Деникина, а за неимением лучшего сошел бы и Бермонт. Кстати, и как стратеги, и как политики Колчак и Деникин были по крайней мере не выше нашего Рафаиловича. А вот помогать белому вождю следовало не войсками (это стало бы ему медвежьей услугой), а деньгами, современным оружием и снаряжением и, что очень важно, обеспечением тылов и флангов от любых националистических бандформирований, начиная от воинства К.Пятса и кончая бухарским ханом.

Однако союзники боялись прихода к власти белого диктатора и воссоздания «единой и неделимой» куда больше, чем Ленина и Троцкого. В результате политика Антанты напоминала действия шизофреника. С одной стороны, она поддерживала белых, а с другой, националистов всех мастей – грузинских, украинских, польских, финских, эстонских и т. д. Европейцам не был понятен менталитет русского человека, от мужика до князя, который, увидев, как ляхи и чухонцы идут на Русь, сам пойдет под знамена не то что Левы Троцкого, но и Стеньки Разина.

Под сильным нажимом союзников и эстонцев генерал Юденич подмахнул приказ по армии:

«Нарва, 9 октября 1919 г. № 73.

Ввиду преступного выступления полковника Бермонта против Латвии, отрешаю полковника Бермонта от должности командующего корпусом имени графа Келлера и объявляю его изменником родины.

Главкомандующий Северо-Западным фронтом
ген. Юденич». [\[165\]](#)

Я умышленно привожу приказ целиком, дабы читатель оценил комизм ситуации. Во-первых, Юденич отдает приказ Бермонту, который не только никогда не подчинялся, но даже никогда с ним не контактировал. Во-вторых, под ружьем у Бермонта находилось свыше 50 тысяч человек, а бравый генерал «отрешал» его лишь на командование корпусом имени Келлера, в котором числились лишь несколько сотен человек. Не мог же уважаемый Николай Николаевич «отрешить» Бермонта от командования немецкой «железной дивизией». Оперетта есть оперетта, но ведь надо и меру знать. Вместо этого Юденич подарил латышской армии четыре пушки. В ответ на это командующий латышской армией Симонсон послал телеграмму:

«Главкомандующему Северо-Западной армией
генералу Юденичу.

Начальник миссии союзников сообщил мне радостную весть, что вы послали в Ригу для нашей армии 4 орудия. Этот подарок в нынешний тяжелый момент борьбы за родину приходит вовремя и свидетельствует о благожелательных отношениях Вашего Высокопревосходительства к нашей республике...

Рига, 14 октября 1919 г.

Генерал Симонсон». [\[166\]](#)

Мог бы, конечно, Николай Николаевич латышам и землицы подарить, ну, к примеру, Псковскую губернию. А то ведь в том же 1919 г. он подарил генералу Маннергейму Восточную Карелию и Кольский полуостров, а сейчас мог бы и Симонсону поспособствовать.

Аваловская компания не осталась в долгу и выдала Юденичу на полную катушку. 12 октября была послана радиотелеграмма:

«Ревель. Генералу Юденичу.

Контрнаступление на эстонские и латышские войска было произведено с той целью, чтобы войска мои не попали в положение, в

котором находилась Ваша Северная армия, тыл которой обеспечен не был. За Вашими приказами последовали заявления от Ваших офицеров, что приказы эти необязательны по отношению ко мне, ибо Вы не являетесь хозяином в Ваших действиях. В таком духе я понимаю Вашу последнюю телеграмму. Моими последующими операциями я надеюсь принести пользу не только отечеству, но и Северной армии. В истинность приводимых Вами обвинений я не могу верить, ибо в то время, когда Ваши войска находятся в состоянии, непереносимом для русской гордости, моя армия в Курляндии находится на должной высоте и высоко держит в былом величии русское знамя.

Полковник Авалов». ^[167]

14 октября последовала радиотелеграмма Юденичу от графа Палена, главы Совета Западного русского правительства: «Совет знает, что Ваше выступление совершается в пользу врагов России, направлено против русской армии, защищающей последний клочок русского берега, и навязано Вам темными силами». ^[168]

С октября Антанта прервала морские коммуникации с Германией. Германские коммерческие пароходы, шедшие в Ревель, Либаву и Ригу, были задержаны в Балтийском море британской эскадрой и отправлены в Копенгаген. Несколько германских торговых кораблей были арестованы англичанами в Либавском и Ревельском портах.

Между тем всю ночь на 10 октября и весь последующий день через Двину шла артиллерийская дуэль, и лишь поздно вечером аваловская артиллерия прекратила обстрел Риги.

Днем 14 октября в штаб казачьего полка в Усть-Двинске ^[169] заявился британский офицер с командой и от имени командира эскадры предъявил ультиматум с требованием к 12 часам дня 15 октября очистить крепость Усть-Двинск. В случае же неподчинения приказу британская эскадра, стоявшая в Риге, откроет огонь по крепости и предместью Больдераа. А тем временем крупные силы латышской армии приступили к обложению с суши Усть-Двинска и предместья Больдераа.

На следующий день, 15 октября, спустя четыре часа после истечения срока ультиматума, британо-французская эскадра открыла ураганный огонь по Усть-Двинску, предместью Больдераа и всем укреплениям. В состав британского отряда под командованием британского адмирала Вальтера Ковэна входили три крейсера – «Дракон» («Dragon»), «Даная» и «Клеопатра» – и четыре больших эсминца, а в состав французского отряда

– четыре эсминца. Всего на борту кораблей находилось двенадцать 152-мм и тридцать две 102-мм пушки, не считая многочисленных орудий калибра 76, 65 и 40 мм.

Очевидец писал: «Огонь эскадры в полном смысле слова был уничтожающий. Вся местность буквально кипела от разрыва снарядов. Как велики были потери несчастной армии, можно судить по тому, что английская эскадра состояла из четырех крейсеров новейшего типа, одного крейсера-истребителя типа „F—85“, двух канонерок и двух эскадренных миноносцев, не считая четырех французских миноносцев, только что прибывших из Либавы. О губительной силе огня свидетельствовала и сводка Западной армии, сообщавшая, что в течение 50 минут по одной только крепости Усть-Двинск было выпущено свыше ста тяжелых снарядов, вырывавших в земле воронки диаметром от 2 до 3 саженей. Действие огня было ошеломляющее. Бермондтовские батареи были буквально сметены. Сразу же после обстрела латышские войска стремительно бросились занимать крепость и Больдераа. Часть латышских войск вошла в крепость с суши, часть высадилась с заранее оборудованных пароходов и барж, ожидавших конца обстрела в Двине. Пленных и раненых латыши не брали и беспощадно приканчивали на месте, согласно приказу: „Пленных не брать!“ Каким-то чудом уцелели только 350 русских солдат, которых латыши пощадили и взяли в плен».^[170]

Рижский историк Ю.Ю. Мелконов сообщил автору, что огнем кораблей Антанты был полностью разрушен целый квартал жилых домов в Задвинье.

В ответ на бомбардировку Усть-Двинска союзной эскадрой артиллерия аваловцев вновь открыла огонь по Риге и предместью Торенсберг. На сей раз применялись, помимо фугасных, и химические снаряды удушающего действия. От применения газов в городских больницах скончались 28 человек.

Корабли союзников, в свою очередь, бомбардировали занимаемые аваловцами предместья Риги Торенсберг и Гагенсберг. Русско-германская артиллерия отвечала. Общие повреждения кораблей союзников англичане до сих пор не сообщили, известно лишь, что 17 октября крейсер «Дракон» получил попадание снаряда, убившего 9 и ранившего 4 моряков.

В конце концов Бермонт решил вывести свои части из зоны обстрела корабельной артиллерии. Левое крыло русско-германской армии было отведено на хорошо оборудованные Олайские позиции.

Следует заметить, что и артиллерия Западной армии нанесла серьезные повреждения судам Антанты. Об этом красноречиво

свидетельствуют многочисленные могилы британских и французских моряков в Риге. Теперь «незалежные» власти чуть ли не ежегодно устраивают торжества у этих могил с приглашением представителей флотов Англии и Франции. Однако население Риги понятия не имеет, кто стрелял в антантовцев и в кого они стреляли. Британский адмирал, приехавший в честь очередного поминовения убитых, сделал доклад о событиях октября 1919 г. для узкого круга латышских политиков. Историк Ю.Ю. Мелконов попытался получить в британском посольстве стенограмму выступления адмирала, но ему отказали без указания мотива.

После отхода аваловцев от Риги серьезных боев не было. Русско-германская Западная армия медленно продвигалась в Курземе. 22 октября она захватила Сяды (Салдус), 30 октября – Тальсен (Талси) и Цабельн (Сабиле), 9 ноября – Гольдинген (Кулдигу).

4 и 14 ноября части майора Плеве предприняли атаки в районе Либавы, но были отброшены огнем орудий с британских кораблей.

Тем временем латвийские власти объявили тотальную мобилизацию под антигерманским лозунгом: «Вновь идет Черный рыцарь! К оружию! На последний бой!» Эти призывы печатались в газетах, в расклеенных по городу листовках и сообщениях государственных учреждений. В армию призывались лица 1884–1900 гг. рождения. 22 октября стали создаваться роты добровольцев, в которые могли вступать мужчины старше 35 лет. Остальные жители Риги мужского пола в возрасте от 18 до 60 лет (за исключением пасторов, врачей и больных) обязаны были, согласно правительственному распоряжению от 4 ноября, вступать в отряды обороны.

Компартия Литвы в тот момент считала, что пришли в столкновение две контрреволюционные, одинаково враждебные трудовому народу силы, и призвала трудящихся бойкотировать объявленную Временным правительством мобилизацию, не распылять своих сил и всегда быть готовыми взяться за оружие по призыву коммунистов. Подобная тактика не учитывала эмоции латышей и привела к оттоку сочувствующих компартии.

В результате тотальной мобилизации латышская армия увеличилась на 8 тысяч штыков. В октябре 1919 г. англичане и французы поставили Ульманису 22 пушки, 124 пулемета, 18 600 винтовок, 30 тысяч снарядов, 10 миллионов патронов, а также обувь и провиант.

Начались массовые аресты всех сочувствующих Германии. Ниедра, Ванкин и еще 168 политических и общественных деятелей были объявлены государственными преступниками, а их недвижимость секвестрирована.

Сразу после начала наступления аваловцев на Ригу Ульманис послал

своих эмиссаров в Варшаву за помощью. Пилсудский обещал помочь, но взамен потребовал Либавский порт и Латгалию. В итоге стороны не сошлись в цене, и Польша сохранила нейтралитет в Курляндской оперетте.

А тем временем артиллерийская дуэль через Двину продолжалась. Аваловцы бессистемно обстреливали кварталы Риги, чередуя фугасные снаряды с химическими. «Один снаряд, разорвавшись в квартире датского консула Нильсена, разрушил всю обстановку и убил жену консула. Сам консул, отравленный газами, был отправлен в больницу. 29 октября в 3 часа дня снаряд попал в городскую столовую, переполненную посетителями. К счастью, снаряд, пробив толстую стену, не разорвался, но осколками кирпичей было ранено восемь человек.

Между прочим, подвергся бомбардировке и городской музей, в котором осколками снарядов были испорчены некоторые картины русско-латышских художников, в частности, «Северная ночь» академика Пурвита, «Купальщицы» Розенталя и «Вечер» Клевера». [\[171\]](#)

22 октября состоялось объединенное заседание священников, пасторов, ксендзов и раввинов под председательством рижского благочинного протоирея Тихомирова. Духовенство постановило послать полковнику Бермонту, германскому и антантовским правительствам, папе, епископам Кентерберийскому, Парижскому и Упсальскому, курляндскому суперинтенданту и берлинскому богословскому факультету телеграмму, в которой говорилось: «Уже 14 дней армия полковника Бермонта обстреливает город снарядами с удушливыми газами. Каждый день требует новых жертв. Мирное население страдает чрезвычайно. Разрушаются не только частные дома и имущество, но также и церкви. Мы обращаемся ко всем священнослужителям христианских церквей, в особенности к духовенству в Курляндии, с молитвенной просьбой употребить все свое влияние для прекращения обстрела невинного города». [\[172\]](#)

Полковник Бермонт в ответ на это воззвание немедленно ответил рижскому духовенству радиотелеграммой: «Ваше радио за № 01216 получено. Пока не будут сняты пулеметы с колоколен, уведены батареи с улиц и площадей и пока не прекратится обстрел незащищенного города Торенсберга, я принужден отвечать на огонь латышских войск, от которых зависит прекращение военных действий.

Командир Западной добровольческой армии князь Авалов». [\[173\]](#)

Средства массовой информации Антанты растиражировали заявление рижского духовенства в Западной Европе и США. Между тем население Риги страдало не столько от аваловских снарядов и авиабомб, сколько от

действий эстонских союзников. «Богатое и зажиточное население Риги если не терпело особенных страданий от голода и холода, то страдало от разбоя эстонских солдат и грабителей, действовавших под видом солдат, взламывавших и грабивших не только магазины, но и частные квартиры. Не только ночью, но и днем эстонские грузовые автомобили совершенно бесцеремонно подъезжали к какому-нибудь заранее намеченному магазину или складу, солдаты громили его, нагружали автомобиль платьем, мануфактурой, обувью или другими предметами и увозили все это в Валк. Правительство и военные власти смотрели на этот разбой сквозь пальцы, может быть, потому, что запрещением грабежа боялись обидеть своих сильных союзников и защитников... а может быть, потому, что большинство разграбленных магазинов принадлежало евреям.

Евреям вообще во время бермонтовщины пришлось перестрадать немало. Вооруженные грабители, в форме и без нее, забирались в еврейские квартиры под предлогом поисков спрятанного оружия, перерывали шкафы, комоды, кровати, забирали деньги, золотые и серебряные вещи и другие ценности. Хорошо, если дело ограничивалось только грабежом; были случаи, когда сопротивлявшиеся грабежу подвергались избиению и даже расстрелу. Особенно памятен кошмарный случай с убийством отца и сына Мееровичей. Когда тот и другой стали бороться с грабителями, последние позвали солдат арестовать Мееровичей, якобы сигнализовавших неприятелю из окон своей квартиры. Арестованные были отправлены в комитет по охране Риги, прозванный за свою жестокость «чрезвычайкой», где военный суд, заслушав обвинения солдат, постановил казнить Мееровичей. Последним тут же на дворе солдаты разmozжили головы ручными гранатами, после чего на улицах были расклеены объявления комитета с сообщением о казни Мееровичей «за шпионаж в пользу неприятеля и сигнализацию из окон»». ^[174]

Попытки Бермонта захватить Виндаву и Либаву закончились неудачей. Аваловцы подошли к Виндаве на 25 верст, но вернулись, узнав о приходе туда британских эсминцев. 5 ноября двенадцать рот Западной армии атаковали Либаву, но были отражены латвийским гарнизоном и огнем трех больших британских эсминцев типа «Вотчмен». В ответ три аваловских самолета сбросили на британские эсминцы несколько бомб.

16 октября в латвийской армии были произведены кадровые перестановки: были сняты главнокомандующий и его начальник штаба генерал Симонсон и полковник Лаймнеш, а вместо них назначены полковник Баллод и полковник Раузин.

В ночь на 10 ноября 1919 г. латыши и эстонцы начали генеральное

наступление под прикрытием огня британской эскадры. Аваловцы были отброшены от Риги. Трофеями латышей и эстонцев стали 11 орудий, 18 минометов, 3 бомбомета и 110 лошадей.

Латышские войска двинулись к аваловской столице Митаве. Там началась паника, латышский комитет во главе с Ниедрой и Ванкиным и «правительство» графа Палена разбежались кто куда.

19 ноября полковник Бермонт бесследно исчез. Командование Западной армией принял германский генерал-лейтенант Эбергард. В тот же день Эбергард отправил радиотелеграмму латышскому главнокомандующему: «Западная русская армия перешла под охрану Германии, и я принял на себя командование. Прошу сообщить радиотелеграммой о Вашем согласии объявить в ночь с 19-го на 20 ноября перемирие, чтобы начать мирные переговоры».^[175]

Казалось бы, все, конец кровопролития, русские и немцы без боя хотят уйти в Германию. Но великие латышские стратеги только вошли во вкус. И вот 21 ноября в 5 часов утра латышская артиллерия начала с трех сторон обстрел Митавы. От попадания снаряда возник пожар в старинном замке Бирона, горели гимназия и реальное училище. Всего за час артобстрела в городе вспыхнуло до сорока пожаров. Обстрел продолжался непрерывно, а главная сила огня была направлена на вокзал и пароходную пристань, где находилась «Митавская речная флотилия».

Замечу, что Бермонт приказал вооружить и бронировать пять речных пароходов общества «Аусбург». Между прочим, 22 мая 1919 г. два бронепарохода («Кондор» и «Секундас») поддерживали огнем роту Баллонда, наступавшую на Ригу.

Как писал Н. Бережанский: «Пожар митавского замка Бирона продолжался трое суток, и замок выгорел дотла, к огромной радости латышей, исторически ненавидевших этот замок.

Митавский замок был построен великим Растрелли, в момент возведения Эрнеста Иоганна Бирона, находившегося тогда в зените своей славы при дворе Анны Иоанновны, в Курляндские герцоги (1737)».^[176]

Позже латвийские националистические и коммунистические историки будут в унисон обвинять в гибели творения Растрелли... немцев. В книге «Латвия на грани эпох» говорится: «Отступая, бермонтовские „культуртрегеры“ сожгли Елгавский дворец, здание Петровской академии, ряд других значительных сооружений».^[177]

Однако пожар Митавского замка показался Ульманису недостаточно эффектным финалом оперетты, и он 25 ноября объявил войну... Германии.

Ряд рижских газет вышли с заголовками: «На Берлин». Конечно, Ульманис прекрасно знал возможности своего воинства, но ему так хотелось получить «бабки», пардон, репарации. Однако англичане обалдели от такой наглости «прибалтийского Наполеона» и резко цыкнули. В итоге 1 декабря 1919 г. Ульманис объявил о перемирии и «прекращении войны с Германией».

Правда, 2 декабря латыши все-таки попытались атаковать отходивших аваловцев, но 3 декабря германские войска – егерский батальон и 2-й и 3-й пехотные полки – изрядно наkostenяли противнику под Окмянами.

В начале декабря 1919 г. около 20 тысяч русских и немцев аваловской армии спокойно перешли германскую границу и были интернированы в Восточной Пруссии в лагере Альпенгробен. Сразу же личный состав – как русские, так и немцы – начали разбегаться кто куда. К 1 июня 1920 г. лагерь был переведен в Магдебург, к тому времени интернированных осталось не более 5 тысяч.

Аваловские офицеры Фрич, Гудериан, Кюхлер, Клейст, Рабенау, Сикет фон Арним, Штильпнагель, Заломон и другие стали впоследствии известными военачальниками Третьего рейха.

А что же стало с нашим Рафаиловичем? Драпая из Митавы в Германию, он произвел сам себя в генерал-майоры. В 1925 г. в Гамбурге сей генерал-майор издал солидный том «В борьбе с большевизмом».

В начале 1930-х гг. Бермонт возглавляет Русское Национал-социалистическое движение. Символом РОНД был двуглавый орел с образом святого Георгия на груди и свастикой в лапах. Штурмовые отряды Бермонта маршировали по улицам германских городов. Знал бы пап-ювелир, что его любимый сын забудет дорогу в синагогу и станет лидером фашистов.

Однако в 1934 г. Бермонт не поладил с нацистским руководством. Речь шла о каких-то крупных финансовых аферах. И наш Рафаилович угодил в тюрьму. Но через полтора года бедолагу выпустили, и он оказался в Белграде, а оттуда уехал в США. Чем там занимался Рафаилович – не ясно, но, во всяком случае, на публике не показывался и умер в Нью-Йорке в 1974 г.

Закончив «бермонтовщину», вернемся к большевистскому фронту. А что же делала в это время Красная армия? Да ничего! Нет, я не шучу. Вот цитата из официального издания морского штаба: «В дальнейшем (после оставления Риги), связь флотилии [Советской Латвии. – А.Ш.] со Штабом и Морским Управлением Латвии была окончательно потеряна и Штаб Армии Советской Латвии, переезжая из города в город и реорганизуясь, не

присылал своих декретов и руководящих указаний.

Не имея боевых заданий, флотилия не переставала работать над улучшением своей организации». [\[178\]](#)

Итак, у красных в Курляндии была своя оперетта под названием «большие реорганизации». В ходе очередной реорганизации армия Советской Латвии 7 июня 1919 г. была переименована в 15-ю армию. Таким образом, у Советской Латвии остался только флот, а конкретно Флотилия Советской Латвии, которая только 26 ноября 1919 г. была переименована в Западно-Двинскую флотилию.

После ухода в Восточную Пруссию Западной армии латышское командование сосредоточило все свои силы в Латгалии и 3 января 1920 г. внезапно начало наступление при поддержке польских войск. 3 января пала мощная крепость Двинск (до 1892 г. Динабург). К 15 января войска Ульманиса заняли всю Латгалию. Заодно латыши попытались захватить пограничные районы РСФСР – Себежский и Дрисский уезды Псковской губернии. Однако, встретив сильное сопротивление Красной армии и местных отрядов самообороны, латвийские власти пошли на переговоры о перемирии.

13 января 1920 г. советское правительство Красной Латвии объявило о самороспуске и с остатками красных войск перешло в РСФСР, в Псковскую губернию.

Советское правительство имело физическую возможность свергнуть правительство Ульманиса, но из-за тяжелой обстановки на других фронтах и в народном хозяйстве страны решило заключить мир. 13 января 1920 г. ЦИК Латвийской Социалистической Советской республики объявил о самороспуске. А 30 января в Москве было подписано перемирие между РСФСР и Латвией.

Латвия осталась нейтральной в ходе нападения Польши на Советскую Россию в апреле 1920 г. Однако латвийские войска всячески мешали частям Красной армии, действовавшим недалеко от линии перемирия.

Хорошей иллюстрацией этого служит хроника действий советской Западно-двинской флотилии. Когда флотилия поднялась по Двине до линии перемирия с Латвией, латыши сосредоточили войска на правом (своем) берегу и начали переправляться на левый (советский) берег Двины. 22 мая в 10 ч. 46 мин. у деревни Узмены флотилия высадила десант, который вскоре попал под огонь латышской батареи, установленной у деревни Труба. Флотилия обстреляла деревню и батарею из артиллерийских орудий, батарея была подавлена, а десантный отряд занял деревню Узмены.

Через некоторое время Узмены были обстреляны латышским

бронепоездом с железнодорожной станции Дрисса, огонь которого корректировался с колокольни церкви в двух верстах впереди Узмены. Затем бронепоезд обстрелял корабли флотилии. Ответным огнем корабельной артиллерии была сбита колокольня и обстрелян бронепоезд. Флотилия пошла вперед и в упор начала бить по городку Дрисса и бронепоезду, и сразу же латыши прекратили огонь.

В 18 ч. 30 мин. 19 мая разведчики донесли о подходе большого отряда латышских кавалеристов. Чтобы избежать окружения десантного отряда, действовавшего на правом берегу Двины, десантников перевезли на судах вверх по течению до деревни Ракусино.

Присутствие советских войск в районе юго-западнее Дриссы настолько нервировало латышское командование, что оно, не считаясь ни с заключенным перемирием, ни с обязательством не перебрасывать своих войск на левый берег Двины, переправляло пехотные и конные части, которые, не ограничиваясь только охраной или обороной, вели активную разведку, завязывая с частями Красной армии серьезные бои.

В конце июля 1920 г. Западновинская флотилия оказалась уже в глубоком тылу советско-польского фронта. Латыши стали вести себя куда тише, даже со своего берега громко поздравляли экипажи судов с победой над поляками. Однако 11 июля катер № 1 был обстрелян пулеметным огнем в районе Дриссы.

11 августа 1920 г. в Риге стороны подписали окончательный мирный договор. Согласно договору, к Латвии присоединялась бывшая третья часть Витебской губернии, так называемая Латгалия (Малые Ифлянты).

Новая русско-латвийская граница проходила от фермы Шафраново до города Друя, оттуда на Новое Село, затем поворачивала к северу на Пазино, огибая западнее Росицу и продолжаясь оттуда до Полищино, откуда шла в сторону Себежа, огибая станцию Посиня с востока, а оттуда продолжалась в северном направлении до озера Синее, вдоль реки Синяя с запада, сворачивая у Ровнова до озера Петель, и оттуда по реке Лъжа продолжалась до Старины, а затем до Малы Мельница – Умерниши и оттуда по реке Кухва до Дубинино и далее по реке Опочка до стыка с русско-эстонской границей.

Экономические статьи договора были явно невыгодны России.

Латвия получала полное право на имущество Российской империи, находящееся на ее территории, а также вывезенное после 1 августа 1914 г.

Россия возвращала Латвии за свой счет эвакуированные из нее во время войны 1914–1918 гг. ценности, а также библиотеки, архивы и т. п.

В счет возвращаемых ценностей Россия передавала Латвии авансом

44 млн. рублей золотом в двухмесячный срок.

Россия освобождала Латвию от ее доли долговых и прочих финансовых обязательств по отношению к России и другим кредиторам Российской империи.

Россия предоставляла Латвии право на лесоразработки с площади 100 тысяч десятин на территории РСФСР.

Насколько тяжелым и издевательским был Рижский мир для России, говорит факт передачи нескольких десятков торговых пароходов и ледоколов Балтийского флота Латвии. И это при том, что финны и эстонцы в 1918–1920 гг. и так захватили большую часть торгового флота Российской империи, плававшего на Балтике. Грабительский мир был силой навязан Советской России под дулами пушек Антанты и мог существовать, лишь пока Россия стояла на коленях.

Глава 22

Литва – брачные хлопоты (Литва на распутье)

23 ноября 1918 г. литовское буржуазное правительство Вольдемароса издало закон о формировании национальной армии. Для этого правительство Германии предоставило Литве заем на 100 млн. марок и начало передавать вооружение и снаряды. Между тем по всему краю легально и нелегально создавались Советы рабочих и крестьянских депутатов.

8 декабря 1918 г. ЦК Компартии Литвы на нелегальном заседании в Вильнюсе создал Временное революционное правительство под председательством Мицкявичюса-Капсукаса.

15 декабря Вильнюсский совет рабочих депутатов взял власть в городе. 16 декабря Временное революционное рабоче-крестьянское правительство опубликовало манифест, который провозглашал низложение власти германских оккупантов, роспуск националистического «Литовского совета» и образование независимой Литовской ССР, а также ее единение с Советской Россией.

16—19 декабря в Вильно, Ковно, Шяуляе, Паневеж (Паневежис) прошли политические демонстрации под лозунгом «Вся власть Советам!».

Фактически в Вильно имело место троевластие – правительство Вольдемароса, большевики и германские оккупационные власти.

Надо ли говорить, что на помощь литовским большевикам были двинуты части Красной армии.

В связи с хаосом в крае несколько буржуазных партий (христианские демократы, прогрессисты и социал-демократы) создают правительство во главе с М. Слежявинюсом.

31 декабря 1918 г. германские оккупационные войска покидают Вильно. Вместе с ними бежало и буржуазное правительство.

На следующую ночь город Вильно был захвачен польскими бандформированиями численностью около тысячи человек, так называемыми легионерами. Однако 6 января 1919 г. Красная армия выбила поляков из города.

11 января буржуазное правительство Литвы, обосновавшееся в Ковно (Каунасе), обратилось к правительствам Германии и Антанты с просьбой

оставить германские войска в Западной Литве «для борьбы против Советов». Тетушка Антанта дала добро, и немцам к середине февраля удалось удержать фронт по линии Лида – Варена – Езнас – Лентварис – Жасляй – Сесикай – Рамигала – Шяуляй – Мажейкяй. Немцы разгромили местные Советы в Ковно и в ряде других городов.

В феврале 1919 г. польские войска вторглись на территорию Белоруссии и Литвы. Польский диктатор Пилсудский решил создать «конфедерацию» Польши, Литвы и Белоруссии. Я взял слово «конфедерация» в кавычки потому, что фактически польские националисты ни в XIX веке, ни сейчас, в 2006 г., не желали и не желают признавать в составе своего государства иных национальностей. Так что болтовня о конфедерации была лишь фиговым листком для Версальской компании и обманом для населения Белоруссии и Литвы.

Большевикам давно были известны намерения Пилсудского и К^о воссоздать Речь Посполитую «от можа до можа», то есть от Балтики до Черного моря. В ответ Первый Всероссийский съезд Советов рассмотрел вопрос об образовании Литовско-Белорусской ССР. 2 февраля 1919 г. этот вопрос рассматривался в Центральном Бюро КП(б) Белоруссии при участии председателя ВЦИКа Я.Свердлова, председателя Литовского Советского правительства В.Мицкявичуса-Капсукаса и других представителей Белоруссии и Литвы. Решение по объединению Литвы и Белоруссии было принято единогласно. Объяснялось это необходимостью объединения белорусского и литовского народов перед угрозой войны со стороны Польши, а также тем, как подчеркнул Свердлов, чтобы «обезопасить эти республики от возможности проявления в них национально-шовинистских устремлений».

Первый съезд Советов Литвы, состоявшийся 18–20 февраля 1919 г., также высказался за слияние республик. Объединенное заседание ЦИКа Белорусской ССР и ЦИКа Литовской ССР, проходившее в Вильно, сформировало правительство Литовско-Белорусской ССР (Совнарком во главе с Мицкявичусом-Капсукасом), а также избрало ЦИК Литвы и Белоруссии во главе с К. Циховским.

В состав нового государственного образования вошли территории Минской, Виленской и часть Ковенской губерний с населением более 4 миллионов человек. Это гособразование получило официальное название – Социалистическая Советская Республика Литвы и Белоруссии. Столицей стал город Вильно.

В марте 1919 г. была образована единая Коммунистическая партия Литвы и Белоруссии. Председателем ЦК избрали Мицкявичуса-Капсукаса,

а секретарем – В. Кнорина.

Новая республика в большинстве официальных документов и в быту именовалась сокращенно – Литбел.^[179]

В республике началась национализация промышленности, банков, железных дорог, было введено всеобщее обучение, всеобщая трудовая повинность, равноправие национальностей, церковь отделена от государства, уничтожены сословия и титулы и т. д.

В решении аграрного вопроса правительство и ЦК Компартии Литбела допустили ряд ошибок, как-то: отказ от передачи крестьянам конфискованных помещичьих земель, ускоренные темпы создания коллективных хозяйств. Но завершить реформы большевикам не удалось.

14 февраля 1919 г. германские войска пропустили польские части через свои порядки до линии река Неман до Скиделя – река Зельвянка – река Ружанка – Пружаны – Кобрин. После ухода немцев из Белостока его заняли польские войска. Так с февраля 1919 г. возник сплошной советско-польский фронт от реки Неман до реки Припять. 2 марта польские части генерала С. Шептицкого заняли Слоним, а 5 марта части генерала А. Листовского заняли Пинск.

8 апреля Литовско-Белорусская республика была объявлена на военном положении. 19 апреля был создан Совет обороны под председательством Мицкявичюса-Капсукаса. Членами Совета стали Калманович и Уншлих; позже в Совет вошли Е.Б. Бош,

В.Г.Кнорин и Циховский. К Совету обороны перешла вся полнота военной и государственной власти в республике. На фронт было мобилизовано около трех тысяч коммунистов и комсомольцев. В Красную армию призвано около 90 тысяч трудящихся, большинство из которых отправлено на Западный фронт.

15 апреля польское правительство официально предложило Литве восстановить унию, но это не устраивало ни литовских большевиков, ни националистов. 19–21 апреля польские войска генерала Ригл-Смиглы захватили Вильно. Правительство же Литбела перебралось в Минск.

29 апреля 1919 г. польский диктатор Пилсудский обратился с воззванием «К населению бывшего Великого княжества Литовского», в котором пообещал установить свободу «в этом крае». В Виленской декларации, принятой польским сеймом, говорилось: «Отечество Костюшки, Мицкевича и Траугута принадлежит Польше, как часть неделимая».

К середине июня 1919 г. три четверти территории Литбела были оккупированы поляками. Республика находилась в агонии.

Литовско-белорусская армия, состоявшая из трех дивизий, приказом Главкома от 9 июня 1919 г. была преобразована в 16-ю армию.

16 июля Совнарком Литбела прекратил свою деятельность, а управление уездами, контролируемые Красной армией, передали Минскому губревкому. Однако КП(б) Литбела разделилась на две самостоятельные партийные организации лишь 5 сентября 1920 г.

8 августа 1919 г. поляки захватили Минск, а 25 августа Красная армия оставила город Зарасай – «последний центр советской власти в Литве».

После падения Минска ЦК КП(б) Литбела переехал в Смоленск. 3 сентября при ЦК было создано Бюро нелегальной работы, которое руководило партийным подпольем в Литве и Белоруссии.

Под сильным давлением Антанты польское правительство временно отказалось от планов поглощения всей Литвы, но Вильно с областью по-прежнему контролировался поляками. Литовское же буржуазное правительство по-прежнему оставалось в Ковно (Каунасе). Антанта периодически подкармливала Литву. Так, согласно заключенному еще 28 июня 1919 г. соглашению, Литва получила от США 30 паровозов, значительное количество вооружения и патронов, продовольственных товаров, медикаментов и т. д. По соглашению от 30 июня США поставляли Литве товары на сумму свыше 882 тысяч долларов. По соглашению от 17 сентября 1919 г. с Францией Литва получила 30 паровозов и вооружение на 5 миллионов франков.

В начале сентября 1919 г. на узкой линии фронта между отрядами литовских националистов и Красной армии установилось фактическое перемирие. 11 сентября правительство Советской Республики предложило Литве заключить мирный договор, однако националисты тянули время, рассчитывая на падение советской власти, а пока, как говорится, ни мира, ни войны.

Польский диктатор Пилсудский также выжидал. Ему не нравились ни Ленин, ни Троцкий, но еще больше он боялся появления в Москве Антона Деникина, который еще в детстве натерпелся от русофобствующих панов. Но вот Деникин был разбит Красной армией и отправился в Париж писать мемуары. Правда, в Крыму засел Врангель, но его шансы овладеть Москвой были минимальны. Тем временем польская армия получила от Антанты солидную помощь: 1494 орудия, 2800 пулеметов, 385,5 тысячи винтовок, 42 тысячи револьверов, около 700 самолетов, 200 бронемашин, 800 грузовиков, 576 млн. патронов, 10 млн. снарядов, 4,5 тысячи повозок, 3 млн. комплектов обмундирования, 4 млн. пар обуви, средства связи и медикаменты.

И вот на рассвете 25 апреля польские войска начали решительное наступление на всем фронте от Припяти до Днестра. Увы, маршал Пилсудский и его генералы были удивительно бездарны. Вместо сильного удара на Западном фронте с целью уничтожения основных сил Красной армии и захвата Смоленска, а затем Москвы, поляки нанесли главный удар на Украине. 6 мая польские войска взяли Киев. Но далее их наступление захлебнулось, и в ночь на 11 июня гордые ляхи в панике бежали из Киева.

Ровно через месяц красная 16-я армия заняла Минск. 14 июля красные части нанесли поражение группировке генерала Желиговского на реке Вилии и вступили в Вильно. В тот же день литовская армия начала наступление против поляков. Как писал военный историк и участник боев на Западном фронте в 1920 г. Н.Е. Какурин: «Взаимодействие литовской и красной армий было бы весьма выгодно для обеих сторон в стратегическом отношении, если бы литовское правительство пошло до конца по этому пути. Но этого не произошло. После 4-дневных переговоров с литовцами было заключено соглашение, согласно которому правый фланг Западного фронта не должен был переходить крупными силами условной линии Новые Троки – Ораны – Гродно – Сидра. Впоследствии была установлена новая разграничительная линия: Ораны – Меречь – Августов. К северо-западу от этой линии литовская армия пользовалась полной оперативной самостоятельностью.

После падения Вильно Пилсудский 15 июля приказал отвести армию своего Белорусского фронта на линию: Пинск – Огинский канал Шара – Неман до Гродно». [\[180\]](#)

Любопытно, что Пилсудский уже после захвата Вильно Красной армией «великодушно» решил передать его Литве. Теперь же Литва получила Вильно из рук Советской России. 12 июля 1920 г. в Москве был заключен мирный договор между Россией и Литвой. Согласно договору, Россия безоговорочно признала независимость и самостоятельность Литвы. Стороны обязались не допускать на своей территории пребывания правительств, организаций и групп, ставящих своей целью вооруженную борьбу против другой стороны. Не допускать на своей территории пребывания их представительства и вербовку в ряды их армий. Россия обязалась соблюдать и гарантировать нейтралитет Литвы.

Советская Россия передавала Литве почти всю бывшую Виленскую губернию, за исключением Диснинского и Вилейкинского уездов и южной части Ошмянского уезда, а также оставляла за Литвой значительную часть Гродненской губернии с городом Гродно.

В преамбуле договора сказано: «Настоящий договор не может быть

прецедентом для третьих сторон, так как Россия и Литва никогда не находились между собой в состоянии войны». Этим советское правительство подчеркивало, что никому, кроме Литвы, оно не будет дарить или уступать какой-либо части советской (российской) территории.

Согласно экономическим условиям договора, право на российское имущество, находившееся до 1914 г. на территории Литвы, переходило к Литовскому государству. Россия возвращала Литве эвакуированные в 1914–1917 гг. имущество и документацию. Россия освобождала Литву от долговых и иных обязательств по отношению к России и от ее доли в российском долге. Россия обязалась выдать Литве 3 млн. рублей золотом в полуторамесячный срок. Россия предоставляла Литве концессию на рубку леса со 100 тысяч десятин. Условия рубки регулировала смешанная комиссия.

Как видим, и с Литвой Россия заключила неравноправный договор. В мировой истории можно найти множество случаев, когда сильная сторона навязывала слабой невыгодный мир и он длился веками, но обратная ситуация никогда не длилась долго.

Итак, Англия, Франция и США, используя военную силу, шантаж и экономическую помощь, создали в Прибалтике малые государства, которые должны были служить барьером между Россией и Германией. Их и на западе, и в России политики окрестили лимитрофами – по аналогии с государственными образованиями по краям Римской империи. Название «лимитрофы» произошло от латинского слова «лимитрофус» (пограничный, питающий). В «Малой советской энциклопедии», изданной в Москве в 1929 г., говорится, что независимость государств-лимитрофов весьма относительная и они полностью зависят от Англии и Франции.

Всякая же болтовня об освободительных войнах хороша лишь для совковых интеллигентов-образованцев. В XX веке с помощью военной силы и экономических вливаний можно было оторвать любой кусок от большого государства и сделать его «независимой республикой». Так, если бы Архангельская губерния или область Войска Донского имели географическое положение, подобное прибалтийским лимитрофам, то Антанта и там могла бы создать «Поморскую» или «Казачью» республики, которые стали бы не менее независимыми, чем та же Эстония. А кто не верит, пусть обратится к истории Китая или Кореи XX века. До 1945 г. ни одному историку не приходило в голову считать жителей острова Формоза (Тайвань) или южной части Кореи особым народом, отличным от остального населения Китая или Кореи. А сейчас руководство этих стран открыто заявляет, что у них совсем другой народ. И действительно, за 62

года раздельного существования население этих стран стало коренным образом отличаться друг от друга. Пройдет еще несколько десятилетий, и объединение Тайваня с Китаем и обеих Корей станет физически невозможно. В самом конце XX века в Южной Корее выпустили Северо-Южнокорейский словарь на 50 тысяч слов. Так ведь это уже другой язык!

Глава 23

«Уродливые детища Версальского пакта»

Подробное изложение последствий Версальского договора выходит за рамки нашей работы, но именно этот «разбойный мир» стал главной причиной Второй мировой войны. В истории неоднократно бывало, что победители навязывали побежденным несправедливые и оскорбительные условия мира. Но тут был особый случай. Ни Германия, ни Россия не были побеждены военной силой. Вина за развязывание мировой войны лежит в равной степени как на правительствах Германии и Австро-Венгрии, так и на правительствах Англии, Франции и России.

Бедственное положение, в котором оказались Германия и Россия в 1918 г., было связано с прошедшими там революциями, в ходе которых к власти пришли люди, не имевшие никакого отношения к развязыванию войны. Казалось, почему бы Англии, Франции и США не заключить честный мир без аннексий и контрибуций, к которому давно призывали большевики и другие левые партии?

Увы, правительства Антанты даже не пригласили в Версаль представителей Советской России. Две великие державы, имевшие самые сильные в мире армии, Германия и Россия, были насильственно расчленены. Причем новые границы были установлены вопреки этническим границам расселения народов, вопреки воле народов, без учета исторических и культурных факторов. По словам В.И. Ленина, Версальский мир создал мировой порядок, державшийся на вулкане. В другом месте Ленин утверждал, что, подписав Версальский договор, «мировая буржуазия» нанесла сама себе наиболее страшный удар.

А вот свидетельства из другого лагеря. Британский премьер Ллойд Джордж в 1918 г. сказал: «Не надо создавать новую Эльзас-Лотарингию». Он имел в виду Польшу, но это равно подходит и к прибалтийским государствам.

А 25 марта 1919 г. Ллойд Джордж прислал президенту Франции Клемансо и президенту США Вильсону меморандум, озаглавленный «Некоторые замечания для мирной конференции до составления окончательного проекта мирных условий». В меморандуме премьер писал: «Вы можете лишить Германию ее колоний, довести ее армию до размеров полицейской силы и ее флот до уровня флота державы пятого ранга. В

конечном итоге это безразлично: если она сочтет мирный договор 1919 г. несправедливым, она найдет средства отомстить победителям».^[181]

Январь 1933 года. Маленький городок Ментона на Лазурном берегу на юге Франции. Умирающий старик торопится закончить свои «Воспоминания». Он выводит: «Мне было ясно тогда, беспокойным летом двадцатого года, как ясно и сейчас, в спокойном тридцать третьем, что для достижения решающей победы над поляками советское правительство сделало все, что обязано было бы сделать любое истинно народное правительство. Какой бы ни казалось иронией, что единство государства Российского приходится защищать участникам III Интернационала, фактом остается то, что с того самого дня Советы вынуждены проводить чисто национальную политику, которая есть не что иное, как многовековая политика, начатая Иваном Грозным, оформленная Петром Великим и достигшая вершины при Николае I: защищать рубежи государства любой ценой и шаг за шагом пробиваться к естественным границам на западе! Сейчас я уверен, что еще мои сыновья увидят тот день, когда придет конец не только нелепой независимости прибалтийских республик, но и Бессарабия с Польшей будут Россией отвоеваны, а картографам придется немало потрудиться над перечерчиванием границ на Дальнем Востоке».^[182]

Через месяц состоялись скромные похороны великого князя Александра Михайловича, внука императора Николая I. Большевики убили двух его братьев, лишили его титула, звания полного адмирала, дворцов в Петербурге, Стрельне и Хараксе... Какое же надо было иметь мужество и аналитический ум, чтобы написать эти строки!

В 1922–1938 гг. СССР проводил очень осторожную внешнюю политику. Наше правительство постоянно шло на уступки в политических и экономических вопросах соседям как на Западе, так и на Дальнем Востоке. Сейчас эти уступки нам кажутся унижительными для великой державы.^[183] Однако большевикам нужна была мирная передышка для того, чтобы восстановить разрушенное войной народное хозяйство, провести коллективизацию и индустриализацию, а также создать современную армию. Кроме того, советское руководство, включая Сталина, в те годы находилось в плену ленинской доктрины, согласно которой главной целью мировой буржуазии является свержение советской власти в России.

Это определило и политику в отношении Прибалтийских государств. 28 сентября 1926 г. в Москве был заключен «Советско-литовский договор о ненападении и мирном разрешении пограничных конфликтов», а 4 мая

1932 г. аналогичный договор был заключен в Москве с Эстонией. Согласно его условиям: «Стороны взаимно гарантируют неприкосновенность границ, определенных мирным договором от 2 февраля 1920 г., и обязуются воздерживаться от нападения одна на другую.

Стороны обязуются не принимать участия в политических соглашениях, направленных явно против другой стороны, а также во враждебных экономических или финансовых коалициях, имеющих целью подвергнуть другую сторону бойкоту».^[184]

Оба договора после их продления имели срок действия – 1945 год (включительно).

Представляю, как обрадуется читатель – «либерал»: «Вот оно, коварство Сталина, заключил договор о ненападении, а в 1940 г. напал...» Ну, до 1940 г. мы еще дойдем, а вот посмотрим, как выполняла договор Эстония в 1930-х гг.

В феврале 1930 г. в Таллине начались первые переговоры Эстонии и Финляндии о военном сотрудничестве. На этом совещании стороны решили попытаться наглухо забить «окно в Европу», прорубленное Петром Великим, то есть готовились к морской блокаде СССР. Как блокировать? Ведь в 1930 г. Балтийский флот был сильнее как минимум на порядок флотов Финляндии и всех трех прибалтийских республик, вместе взятых.

Да, действительно, в открытом море один линкор «Марат» за полчаса перетопил бы все флоты лимитрофов. Но тут дело было не столько в кораблях, сколько в географии и береговой артиллерии.

Еще в ходе Первой мировой войны Россия в самом узком месте Финского залива, на его южном и северном берегах, построила десятки мощных береговых батарей, вооруженных новейшими орудиями калибра 305 мм, 254 мм, 234 мм, 203 мм и 152 мм. Подавляющее большинство этих батарей в целости и сохранности достались финнам и немцам.

С 1922 г. и финны, и эстонцы затратили большие средства на приведение в порядок береговых батарей и их модернизацию. В итоге при попытке прорыва корабли Балтийского флота должны были пройти около 100 км под огнем 305-мм орудий, одновременно стрелявших с финского и эстонского берегов и островов. А на расстоянии около 70 км залив с обеих сторон перекрывался огнем 254-мм, 234-мм, 203-мм и 152-мм орудий. В самом узком месте Финского залива по советским кораблям за 5 минут можно было выпустить до 1000 снарядов крупного калибра. Данные о подготовке к заграждению Финского залива были совсем недавно опубликованы профессором Хельсинкского университета Яри Лескиненем.

Обе страны готовились перекрыть залив несколькими рядами минных

заграждений. За минными заграждениями на всякий случай должны были дежурить семь современных подводных лодок (пять финских и две эстонских).

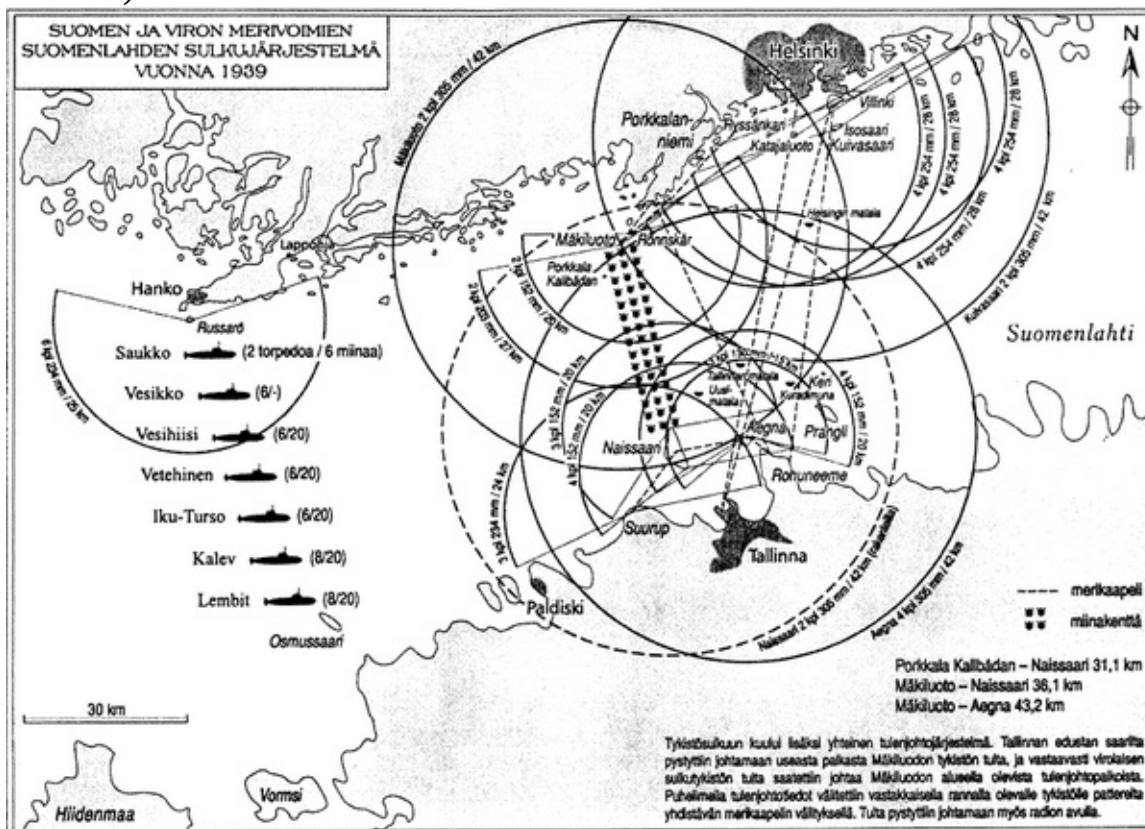

Схема заграждения Финского залива морскими силами Финляндии и Эстонии. 1939 г. Из книги Я. Лескинена «Братская Государственная тайна»

Штабы обеих стран до деталей согласовывали проведение операций по заграждению залива. Ежегодно летом, начиная с 1930 г., оба флота проводили секретные маневры по постановке минных заграждений. В ходе учений 1936 г. береговые батареи финнов и эстонцев обстреливали реальные цели в центре Финского залива.

Любопытна и позиция нейтральной Швеции. Она еще в 1930 г. заключила секретное соглашение с Финляндией и Эстонией, что в случае их конфликта с СССР она не будет формально объявлять войну России, но пошлет в эти страны свои сухопутные части, корабли и самолеты под видом добровольцев.

Финско-эстонский барьер был неприступен для Балтийского флота как в 1930 г., так и в 1939 г. Это подтвердила и советско-финская война 1939–1940 гг., в ходе которой линкорам и крейсерам Балтийского флота не

удалось полностью подавить ни одной финской береговой батареей. «Прорубить окно в Европу» могла только Красная армия.

Знали ли в Москве о вопиющих нарушениях Эстонией договора о ненападении? Разумеется, знали, но Сталину ничего не оставалось, как до поры до времени прикидываться дурачком, которого легко обвести вокруг пальца.

Определенную опасность для Советского Союза представляли и сухопутные силы государств-лимитрофов. Разумеется, в одиночку они не смогли бы вести боевые действия, а вот в случае большой войны с государствами Европы и нашей страной они вполне могли напасть на своего восточного соседа. Согласно «Записке начальника генштаба Красной Армии Наркому обороны СССР Маршалу Советского Союза К.Е. Ворошилову о наиболее вероятных противниках СССР» от 24 марта 1938 г., «Финляндия, Эстония и Латвия разворачивают 20 пехотных дивизий, 80 танков и 436 самолетов». ^[185] Там же говорилось: «Что же касается Латвии, Финляндии и Эстонии, то при их выступлении или же нарушении Германией их нейтралитета, нужно считаться с появлением германских войск на их территориях.

Хотя немцы сейчас и помогают Латвии в строительстве железных дорог, однако железнодорожный транспорт этого государства не позволяет развернуть на его территории большие силы. Все же нужно считаться с появлением на территории Латвии 10–12 германских дивизий. Перевозка этих сил может быть совершена как по железным дорогам, так и морем.

В империалистическую войну германское командование стремилось цементировать армии союзников включением в них своих частей. Поэтому весьма вероятно, что на территории Эстонии и Финляндии появятся германские дивизии.

Армии этих государств, весьма вероятно, будут направлены германским командованием для концентрического удара на Ленинград и вообще на отрезание Ленинградской области от остальной территории СССР». ^[186]

Предоставлю читателю самому судить, насколько прогноз, сделанный в марте 1938 г., оправдался летом 1941 г.

Несколько слов стоит сказать о внутренней политике лимитрофов. Начну с того, что никакой демократии в Прибалтике и на дух не было.

Так, в ответ на успехи компартии Эстонии на выборах Госсобрания второго созыва эстонская охранка отметила день смерти Ленина 21 января 1924 г. волной массовых арестов. Были разгромлены и закрыты 185

обществ и организаций, арестовано около 200 левых депутатов разных уровней. В феврале 1924 г. на таллинском «процессе 12» были осуждены И. Лауристин, Я. Томп, Э. Рынгелепп, А. Ваарман и другие. В результате репрессий численность компартии (около 2000 человек) начала сокращаться. А 27 ноября 1924 г. в Таллине завершилась очередная судебная расправа – «процесс 149». Подсудимый Я. Томп, председатель ЦС профсоюзов и депутат парламента, за возглас «Да здравствует рабоче-крестьянское правительство!» был немедленно подвергнут военно-полевому суду и расстрелян. Были приговорены к пожизненной каторге 39 человек: Г. Абельс, Х. Аллик, Х. Арбон, А. Веймер, Я. Камберг, П. Кээрдо, О. Кюннапуу, Л. Лайд, Э. Моргенсон, Л. Рейнсон,

И. Саат, В. Сасси, О. Сепре и другие. Семерым несовершеннолетним (Р. Буш, А. Вальдсак, Л. Вельс, А. Резев и др.) пожизненную каторгу «милостиво» сократили до 15 лет.

«В 1920-х годах рост заработной платы эстонских рабочих резко отставал от роста цен. Номинально заработок увеличивался, но реальная зарплата в 1924–1928 годах была даже намного ниже уровня 1913 года. Кодекс законов о труде, действовавший в Эстонии, был принят еще царским правительством, однако даже он не всегда соблюдался. В марте 1926 года Государственное собрание Эстонии приняло закон о компенсации за земли, отчужденные у помещиков на основании аграрного закона 1919 года, причем сумма компенсации превышала ту сумму, которую крестьяне когда-то уплачивали помещикам при освобождении от крепостной зависимости. Согласно новому закону, крестьяне, поселившиеся на отчужденных землях, фактически превращались на 60 лет в должников помещиков и их банкиров-посредников (именно такой срок потребовался бы на выплату компенсаций за землю при среднем доходе крестьянина)».

[\[187\]](#)

Правящей партией в Эстонии долгое время был «Союз земледельцев». Вопреки своему названию он представлял в основном интересы крупных собственников и ориентировался на Англию и США. Лидерами «Союза земледельцев» были Константин Пятс и генерал Йохан Лайдонер.

Крупнейшей оппозиционной партией с 1930 г. стал «Союз ветеранов освободительной войны» (в стране их называли партией «вапсов»). Лидерами «Союза...» были Сирк, Ларка и доктор Хялмар Мяэ, позже, в годы гитлеровской оккупации, возглавивший «Эстонское самоуправление». Вапсы боролись за создание фашистской диктатуры по германскому образцу.

Весной 1934 г., накануне выборов главы государства по новой

конституции, премьер-министр Пятс решил не испытывать судьбу. Он сменил начальника штаба армии вапса Ю. Тырванда и 12 марта 1934 г. вывел на улицы Таллина войска. Лидеры вапсов были арестованы, их газеты и организации запрещены, в стране объявлено военное положение.

Государственный переворот свершился, в Эстонии была установлена диктатура Пятса, выборы отложены на неопределенный срок, парламент распущен «на летние каникулы», а затем 2 октября вовсе ликвидирован. Все партии были запрещены, а затем принудительно слиты в единый «Отечественный союз» («Изамаалиит»). В результате репрессий численность компартии снизилась до 400 человек.

В 1936 г. в Эстонии был проведен референдум о принятии новой конституции, при подготовке которого правительство издало секретный циркуляр, предназначенный органам исполнительной власти на местах. В циркуляре говорилось, что «к голосованию не надо допускать таких лиц, о которых известно, что они могут голосовать против национального собрания... Их надо немедленно препровождать в руки полиции». На выборах в парламент кандидатов могли выставлять только «общественные комитеты» из членов «Изамаалиита» или «Кайтселиита» (военизированных организаций наподобие национальной гвардии), к тому же под строгим контролем полиции. В 50 округах из 80 выборы вообще не проводились под тем предлогом, что в них все равно выдвинуто по одному кандидату, а значит, и выбирать незачем. Однако там, где выборы состоялись, число голосов, поданных за правительственных кандидатов, составило менее 50 % (например, в Таллине и Вильянди – 10–20 %). Согласно новой конституции, парламент отныне состоял из двух палат: первая палата (Государственная дума) была выборной, вторая (Государственный совет) состояла из людей, которых назначал сам президент или которые входили туда по должности (в том числе епископы, члены правительства). Президент мог в любое время распустить Государственное собрание или отменить принятые им законы. ^[188]

Историк М.Ю. Крысин писал: «В 1937 году было продано с аукциона рекордное число разорившихся крестьянских хозяйств—7923. Сумма задолженности крестьянских хозяйств в 1940 году составила 150 миллионов крон. Зато правительством поощрялась скупка земель крупными собственниками – некоторым из них удавалось сосредоточить в своих руках по 3–4 и более усадеб, общей площадью от 100 до 600 гектаров. Например, барон Врангель сосредоточил в своих руках в уезде Вирумаа более 1 тысячи гектаров земель. Таким же путем большинство помещиков вновь восстановило свои владения. Права народа также все

более ограничивались, чему служили принятые новым парламентом „Закон об обществах и союзах“, „Закон о профессиональных обществах работников и их союзах“, „Закон о собраниях“ и другие. Вся их деятельность должна была строиться „в государственном духе“, любое неодобрение политики правительства вело к их запрету. Полиция имела право под этим предлогом закрыть любую газету или общество. Права профсоюзов были фактически упразднены – любые их акции протеста квалифицировались как „наносящие вред народному хозяйству“ или „направленные на достижение политических целей“. На основании „Закона о городах“ и „Закона об уездах“ полномочия бургомистров, волостных и уездных старшин были расширены настолько, что „даже в царской России власть этих должностных лиц не простиралась так далеко“.

В довершение всего, в 1938 году были созданы так называемые «лагеря для лодырей» – лагеря для принудительного труда безработных. В них заключали на срок от 6 месяцев до 3 лет всех «шатающихся без работы и средств к существованию». Там для них был установлен тюремный режим, 12-часовой рабочий день и телесные наказания розгами. Говоря о «лагерях для лодырей», так и хочется вспомнить известную детскую сказку, где полицейский в «стране дураков» обвиняет Буратино в совершении «страшного преступления», которое заключалось в том, что тот «беспаспортный и безработный субъект». Что было дальше, всем известно – Буратино бросили... не в лагерь, а в пруд. Однако шутки шутками, а вполне реальные «лагеря для лодырей» в Эстонии, по сути, были прототипом концлагерей и гетто, созданных позднее гитлеровцами по всей Прибалтике». [\[189\]](#)

В феврале 1922 г. в Риге Учредительное собрание принимает конституцию. Латвия становится республикой с парламентом (сеймом) из 100 депутатов, избираемых на три года. Провозглашенные в конституции принципы демократии были нарушены уже при подготовке к выборам. Так, избирательные списки кандидатов от профсоюзов были отклонены. Проводились массовые аресты коммунистов и профсоюзных активистов. Только 11 июня 1921 г. было казнено два члена ЦК компартии Латвии и 7 активистов. В результате победили только националистические партии. Из 100 депутатских мест социал-демократы (меньшевики) получили 38, «Крестьянский союз» Ульманиса – 17 мест.

В 1920 г. в Латвии латыши составляли 72,8 % населения, русские – 7,8 %, евреи – 5,0 %, немцы – 3,6 %. Для национального состава населения послевоенной Латвии было характерно заметное увеличение численности русских со 125 тысяч в 1920 г. до 207 тысяч в 1935 г. Численность

русскоязычного населения была еще выше. Так, в 1930 г. в Латвии доля русских по национальности составляла 10,6 %, а считали русский язык родным 13,3 %.

Однако с 1920 г. по 1934 г. количество русских основных школ сократилось в полтора раза при существенном увеличении латышских школ. Одной из причин этого стали принятые в начале 1932 г. «Правила о государственном языке», которые значительно повысили роль латышского языка в управлении и быту.

В ночь с 15 на 16 мая 1934 г. активисты партии «Крестьянский союз» при поддержке армии и военных отрядов айзсаргов совершили государственный переворот.

Было сформировано правительство во главе с Ульманисом. Он немедленно ввел в стране военное положение сроком на 6 месяцев, но позже его продлил на 6 лет. На следующий после переворота день айзсарги устроили в Риге сожжение запрещенных книг по образцу германских штурмовиков. Все политические партии и организации запрещались, а введенное военное положение давало право подавлять все выступления против правительства. Так, 16 мая была расстреляна демонстрация коммунистов, а 17 мая новое правительство, пустив в ход оружие, подавило стачку рабочих деревообрабатывающих предприятий.

Сразу после прихода к власти Ульманис создает целый ряд концлагерей для «инакомыслящих», в основном для коммунистов и лидеров профсоюзов. Один из таких лагерей находился в Лиепае (Либаве), а другой – в Калнциемских каторжных каменоломнях.

Права национальных меньшинств в Латвии были ограничены. Школы национальных меньшинств подчинили общему руководству Министерства просвещения. Оно стимулировало обучение детей в латышских школах. Началась довольно быстрая ассимиляция представителей национальных меньшинств в латышскую среду, особенно в смешанных семьях.

В 1939 г. правительство Ульманиса издало «Закон о предоставлении работы и распределении рабочей силы». Согласно новому закону, теперь без разрешения Центрального управления труда рабочий не мог сам выбирать работу. «В соответствии с законом, предприятиям Вентспился, Даугавпился, Лиепаи, Елгавы и Риги запрещалось принимать на работу людей, которые в течение последних 5 лет (то есть со дня переворота 1934 года) не жили постоянно в перечисленных городах. Центральное управление труда в принудительном порядке отправляло рабочих на лесо- и торфоразработки и в кулацкие хозяйства. Зарплата была нищенской – 1–2 лата в день – и позволяла лишь с трудом существовать. Вся страна

фактически была превращена в большой концлагерь, и неудивительно, что среди рабочих нередко были случаи самоубийств. Не легче было и положение малоземельных крестьян. Налоги с крестьянских хозяйств составляли 70 % бюджета государства в 1934–1938 годах». [\[190\]](#)

В Литве коммунистическая партия находилась под запретом. Поэтому III съезд компартии Литвы пришлось провести в Германии, в Кенигсберге.

15 февраля 1922 г. Учредительный сейм Литвы принимает закон о земельной реформе. Суть реформы заключалась в конфискации крупных землевладений (в основном польских помещиков) и разделе земли среди новых поселенцев. Реформа носила очень ограниченный характер и была направлена против поляков.

Правительство Литвы в 1920–1923 гг. добивалось передачи важного балтийского порта и города Мемеля и прилегающей области.

В 1252 г. на берегу Балтийского моря крестоносцы построили замок Мемельбург. В дальнейшем Мемель находился под властью Ливонского ордена, а затем – Пруссии.

Все изменилось в 1919 г., когда после поражения Германии в войне в соответствии с Версальским мирным договором Мемельская область (край) была отделена от Германии, изъята из состава Восточной Пруссии (Кенигсберг и прилегающий район были сохранены за Германией) и передана под коллективное управление стран Антанты. Фактически от имени Антанты краем в 1919–1923 гг. управляла Франция. При этом державы-победительницы (Англия, Франция, Италия и Япония) первоначально отнюдь не собирались передавать Мемель Литве.

В 1922 г. страны Антанты решили превратить Мемель в вольный город подобно Данцигу.

В декабре 1922 г. мемельские литовцы создали в крае «Главный комитет по спасению Малой Литвы», как называли тогда Мемельский и Тильзитский районы Восточной Пруссии. 10 января 1923 г. около трех тысяч шауляй (стрелков литовской армии), переодетых в штатское, под видом рабочих, рыбаков, крестьян проникли в Мемель, Шилуте и другие населенные пункты и инициировали там «народное восстание литовцев за присоединение края к Литве». Боевики из «Союза стрелков» разогнали немецкую директорию (исполнительный орган власти в Мемельской области) и сформировали свою администрацию. Германских войск в Мемельской области не было, а дислоцированный там французский батальон сопротивления не оказал, хотя один француз был убит и двое ранено.

16 января 1923 г. в Мемельский порт вошел польский военный

корабль, а на границе началось сосредоточение польских войск. Однако решительный протест СССР удержал Польшу от вторжения в Мемельскую область.

В итоге Мемель остался у литовцев, которые переименовали его в Клайпеду.

16 февраля 1923 г. конференция послов западных государств приняла решение о передаче Литве суверенных прав на Клайпеду и область. При этом Литва была обязана предоставить широкую автономию местным жителям, кроме того, Польша получила право использования Клайпедского порта.

Перепись в Клайпедской (Мемельской) области, предпринятая литовскими властями в 1925 г., показала, что литовцы, несмотря на два года правления, здесь по-прежнему являются меньшинством (26,6 %). Относительное большинство составляли немцы (41,9 %), следующую значительную группу составляли «мемельцы» (24,2 %), остальные жители были представлены евреями, поляками и другими национальностями. Кто такие «мемельцы» («мемельяндеры») – вопрос сложный. Многие считают их потомками пруссов, еще не до конца ассимилированных немцами. Большую роль имело то, что в Литве господствующей религией было католичество, а в Клайпедской области 94 % населения были протестанты.

Во время литовского правления на выборах в Законодательный сеймик Клайпедской области блок немецких партий регулярно получал 22–25 мест из 29, а лишь 4–7 мест доставалось литовским партиям.

17 декабря 1926 г. в Литве произошел государственный переворот, в результате которого была установлена диктатура Анастаса Сметоны. Через 10 дней по приговору военно-полевого суда было расстреляно руководство компартии Литвы.

12 апреля 1927 г. Сметона объявил себя «вождем нации» и окончательно распустил парламент. Вплоть до 1 ноября 1938 г. в стране действовало военное положение.

Итак, судьба всех трех лимитрофов была одинаковой – диктатура, отсутствие нормально функционирующего парламента, запрет политических партий. Советская пропаганда называла эти режимы фашистскими. Я думаю, это явный перебор. Сравнивать лимитрофы с Германией или даже Италией попросту смешно. Ближайшая же аналогия – диктатуры в странах Латинской Америки в 30—40-х гг. XX века.

Глава 24

Как Молотов и Риббентроп определили границы «незалежной» Прибалтики

20 марта 1939 г. министру иностранных дел Литвы Юозасу Урбшису был вручен так называемый «ультиматум Риббентропа» – требования Германии вернуть Мемельскую область. В противном случае немцы грозили восстанием местных «фольксдойче», а если хоть один из них будет убит в ходе беспорядков, то в Литву войдут части вермахта. Литовское правительство обратилось за помощью к Англии, Франции и Польше, но те ограничились лишь соболезнованиями. Через два дня Сметона принял условия Риббентропа. 23 марта германо-литовский договор о воссоединении Мемельской области с Германией был подписан.

Посланник Литвы в Москве Ю. Балтрушайтис сообщил о подробностях этих переговоров наркому иностранных дел СССР М.М. Литвинову 29 марта 1939 г.: «Риббентроп обращался с Урбшисом весьма грубо, вручив ему проект соглашения и потребовав немедленного подписания. Когда Урбшис стал возражать, Риббентроп заявил, что Ковно будет сровнен с землей, и что у немцев все для этого готово».^[191]

23 марта в Мемель вошла эскадра германских кораблей. На «карманном линкоре» «Дойчланд» прибыл сам Адольф Гитлер, который произнес помпезную речь с балкона городского Драматического театра. Мемельская область была включена в состав рейха.

Интересно, что правительство Литвы решило обратить потерю Клайпеды в свою пользу. 4 мая 1939 г. литовский посланник в Берлине Казис Шкирпа по заданию литовского правительства обсудил с начальником отдела Прибалтики в МИДе Германии В. Грундхерром вопрос о возвращении Литве Виленской области в случае начала германо-польской войны.

С началом немецкого наступления на Польшу правительство Литвы сосредоточило на польской границе все три свои дивизии, а польское командование, в свою очередь, выставило заслон из двух дивизий на литовской границе. Однако советское правительство не хотело, чтобы Литва дружила с Гитлером против Польши, и после соответствующего дипломатического демарша литовские войска остались на своих позициях.

11 апреля Гитлер утвердил «Директиву о единой подготовке вооруженных сил к войне на 1939–1940 гг.», в которой предусматривалось, что после разгрома Польши Германия должна взять под свой контроль Латвию и Литву. Как было сказано в приложении к директиве: «Позиция лимитрофных государств будет определяться исключительно военными потребностями Германии. С развитием событий может возникнуть необходимость оккупировать лимитрофные государства до границы старой Курляндии и включить эти территории в состав империи». ^[192]

23 августа 1939 г. в Москве был подписан Пакт о ненападении между Германией и СССР. Позже его заморские русофобы и отечественные либералы назовут «пактом Молотова – Риббентропа». Дело в том, что в дипломатии уже много столетий договора именуются по названиям населенных пунктов, где они были подписаны. Например, Парижский мир 1856 г., Мюнхенский пакт 1938 г., Ялтинские соглашения 1945 г. и т. д. Соответственно, договор должен называться Московским.

В дополнительном секретном протоколе к договору говорилось:

«1. В случае территориальных и политических преобразований в областях, принадлежавших прибалтийским государствам (Финляндии, Эстонии, Латвии, Литве), северная граница Литвы будет являться чертой, разделяющей сферы влияния Германии и СССР. В этой связи заинтересованность Литвы в районе Вильно признана обеими Сторонами.

2. В случае территориальных и политических приобретений в областях, принадлежащих Польскому государству, сферы влияния Германии и СССР будут разграничены приблизительно по линии рек Нарев, Висла и Сан». ^[193]

Замечу, что большинство международных договоров XVII—XX веков содержали секретные статьи или дополнительные протоколы, и всякие истерики по поводу существования секретного протокола к Московскому договору неуместны.

1 сентября германские войска вступили на польскую территорию. 3 сентября Англия и Франция объявили войну Германии, и германо-польский конфликт превратился в мировую войну. В течение первых же двух недель польские войска были наголову разбиты, а польское правительство бежало в неизвестном направлении. 17 сентября в Польшу вступили части Красной армии с целью взять под защиту белорусское и украинское население земель, которые были захвачены в 1918–1920 гг. поляками. Вечером 18 сентября начальник польского гарнизона Вильно полковник Я. Окулич-Козарин отдал приказ своим частям отойти без боя.

Тем не менее в Вильно в ряде мест произошли уличные бои, в которых в основном участвовали польские учащиеся гимназий и члены военизированных формирований. К вечеру 19 сентября танковые части советской 11-й армии полностью овладели городом Вильно. В боях за Вильно 11-я армия потеряла 13 человек убитыми и 24 ранеными, было подбито пять танков и четыре бронемашинны.

Как уже говорилось, секретный протокол разделил Прибалтику. Эстония и Латвия входили в сферу влияния СССР, а Литва – Германии. 20 сентября в МИДе Германии был составлен проект договора с Литвой, фактически превращавший ее в германский протекторат. Утром 25 сентября Гитлер подписал директиву № 4, согласно которой следовало «держат в Восточной Пруссии наготове силы, достаточные для того, чтобы быстро захватить Литву, даже в случае ее вооруженного сопротивления».

Судя по всему, советская разведка работала оперативно, и через несколько часов Молотов позвонил послу Шуленбургу и попросил его прибыть в Кремль к 20 часам. Там Сталин, согласно докладу Шуленбурга, предложил: «из территорий к востоку от демаркационной линии все Люблинское воеводство и та часть Варшавского воеводства, которая доходит до Буга, должны быть добавлены к нашей порции. За это мы отказываемся от претензий на Литву».^[194] Шуленбург пообещал немедленно доложить своему правительству.

27 сентября в Москву вновь прибыл Риббентроп, и в тот же день был подписан германо-советский договор о дружбе и границе между СССР и Германией, а также новый секретный протокол. В этих документах были учтены предложения Сталина – кусок Польши отошел к Германии, а Литва вошла в сферу интересов СССР. В секретном протоколе советское правительство обязалось не чинить препятствий этническим немцам, проживавшим в Прибалтике, если те пожелают уехать в рейх.

10 октября 1939 г. в Москве был подписан «Договор о передаче Литовской республике г. Вильно и Виленской области и о взаимопомощи между СССР и Литвой». Согласно этому договору, в целях закрепления дружбы между СССР и Литвой Советский Союз передает Литве город Вильно и Виленскую область с установлением новой границы между СССР и Литвой.

27 октября литовские войска под командованием генерала Виткаускаса пересекли польско-литовскую границу и на следующий день вступили в Вильно. К этому времени в Виленской области проживало 457 тысяч человек, из которых менее 100 тысяч были этническими литовцами, а в

самом Вильно их было менее 2 %.

Передача Вильно вызвала протест в Белоруссии, где этот город считали «исконно белорусским». Любопытно, что до конца сентября 1939 г. советские газеты печатали материалы об «историческом праве белорусов на Вильно». Смену ориентации нарком иностранных дел В.М. Молотов объяснил так: «Виленский край принадлежит Литве не по своему населению. Мы знаем, что большинство населения в этом регионе – не литовцы. Но историческое прошлое и стремления литовского народа тесно связаны с городом Вильно, и правительство СССР сочло необходимым пойти навстречу этим моральным соображениям».^[195]

Забегая вперед, скажу, что в ноябре 1940 г. из состава Белорусской ССР Литве были переданы три района – Гадутинковский, Паречский и Свентянский.

После окончания войны литовские советские власти начали притеснять белорусов. Литовская пропаганда утверждала, что «они не белорусы, а „потерянные литвины“, что им нужно лишь сменить фамилии, добавив „ас“, „ис“ или „ус“». После окончания Второй мировой войны в Вильно были закрыты белорусская гимназия, белорусский Музей имени И. Луцкевича, начала выходить газета „Червоны штандар“ на польском языке. Белорусам-католикам вбивалось в головы, что они самые настоящие поляки. Менялась белорусская топонимика: Медники стали называться Мединкай, Свентяны – Швенченис и т. д.».^[196]

Население Литвы в целом поддерживало заключение договора с СССР. Вот как описывал события, происходившие в Каунасе на следующий день после подписания советско-литовского договора, временный поверенный в делах СССР в Литве Ф.Ф. Молочков в своем письме от 14 октября 1939 г. на имя заведующего отделом Прибалтийских стран Наркомата иностранных дел СССР А.П. Васюкова:

«11 октября 1939 г.

С утра весь город украсился государственными флагами. На улицах царил исключительное возбуждение: люди целовались, поздравляли друг друга, обменивались мнениями и т. п. Бросалось в глаза, что главной причиной возбуждения среди уличной массы была передача Литве Вильно и Виленского края. В 11 часов дня работа учреждений, промышленных и торговых предприятий была прекращена. Рабочие и служащие были призваны демонстрировать перед Военным музеем и домом Президента... После речи Сметоны неожиданно для всех выступил журналист Палецкис. Он заявил, что действительным виновником торжеств является СССР, а не

отдельные литовские учреждения и лица, которые ничего не сделали и сделать в отношении Вильно не могли, что напрасно имя СССР игнорируется. Затем потребовал отставки правительства, как он заявил, насилия и бесправия.

Получилось замешательство. Президент при последних словах ушел с балкона.

Затем колонны демонстрантов по Лайсвес-аллее стали расходиться по домам. Однако для того чтобы эти колонны не прошли мимо здания Полпредства (находится в конце этой улицы), полиция стала направлять поток людей в боковые улицы.

Все же у здания Полпредства с криками «ура» и лозунгами по адресу Советского Союза были демонстрации: большой колонной студенты, затем группа актеров драмы Гостеатра и две огромные демонстрации рабочих...

Вечером у здания Каунасской тюрьмы собралась толпа в 300 человек, главным образом рабочих и трудовой интеллигенции. Состоялся митинг с требованием амнистии, реформ и отставки правительства.

Вызванные наряды полиции и засада митинг разогнали, сильно избив и переезжав многих участников...»^[197]

Однако в договоре с Литвой был и секретный протокол, согласно которому СССР имел право содержать на территории Литвы «20 тысяч человек наземных и воздушных сил».

Еще раньше, чем с Литвой, Советский Союз заключил пакт о взаимопомощи с Эстонией и Латвией. И оба пакта имели секретные приложения. Так, согласно договору, подписанному 28 сентября 1939 г. в Москве, Эстония обеспечивала за Советским Союзом право иметь на островах Сааремаа, Хийумаа и в городе Палдиски базы военно-морского флота с ограниченным контингентом обслуживающего персонала.

Базы эти сдавались в аренду. Границы баз, их точная дислокация, численность войск и цена аренды предусматривались особым соглашением.

По этому пакту базы не нарушали суверенитета Эстонии, так как участки, отводимые под базы и аэродромы, оставались территорией Эстонской республики.

Как видим, термин «ограниченный контингент» был в моде еще тогда. 10 октября 1939 г. оный «контингент» был ограничен 25 тысяч человек.

5 октября 1939 г. в Москве был подписан пакт о взаимопомощи между СССР и Латвией. Согласно ему, Латвия предоставляла СССР право на организацию военно-морских баз в городах Лиепая и Вентспилс и базы береговой артиллерии на побережье между Вентспилсом и Питрагсом для

охраны Ирбенского пролива.

Все базы предоставлялись на условиях арендной платы.

СССР вводил в Латвию для охраны баз ограниченное количество советских войск, численность которых определялась особым соглашением.

С чисто военной стороны Советский Союз приобрел огромные стратегические преимущества, получив базы в Прибалтике. Следует заметить, что во многих случаях части РККА размещались в казармах, построенных русским Военным ведомством, а рядом находились могилы русских военных, служивших в этих гарнизонах в течение двух столетий. Линкоры и эсминцы становились у тех же причалов, которые они были вынуждены покинуть двадцать с лишним лет назад из-за германского наступления.

Важным моментом являются указания Сталина осенью 1939 г. не только не форсировать процесс «советизации» лимитрофов, а, наоборот, осаживать местных коммунистов.

Так, итальянский посол в Эстонии В. Чикконарди сообщал в Рим 11 ноября 1939 г.: «В настоящий момент Советский Союз не заинтересован в ускорении хода событий в Прибалтике... Когда во время прибытия русских войск в Эстонию представители местных коммунистов направились в советское полпредство, чтобы передать послание Сталину, то полпредство само попросило эстонскую полицию вмешаться и арестовать их. Утверждается, что московское правительство сообщило эстонскому правительству о своем намерении не только не одобрять ни одного движения местных коммунистов, но и оставить за эстонским правительством полную свободу противодействия этому и даже подавления, с использованием в случае необходимости крайних мер».^[198]

Нарком иностранных дел Молотов для предотвращения выступлений прибалтийских коммунистов направил 23 октября 1939 г. полпреду СССР в Эстонии К.Н. Никитину телеграмму, в которой писал: «Нашей политики в Эстонии в связи с советско-эстонским Пактом взаимопомощи Вы не поняли. Из Ваших последних шифровок видно, что Вас ветром понесло по линии настроений „советизации“ Эстонии, что в корне противоречит нашей политике. Вы обязаны, наконец, понять, что всякое поощрение этих настроений насчет „советизации“ Эстонии или даже простое непротивление этим настроениям на руку нашим врагам и антисоветским провокаторам. Вы таким неправильным поведением сбиваете с толку и эстонцев, вроде Пийпа [член Госдумы Эстонии, министр иностранных дел Эстонии], который думает, видимо, что ему теперь необходимо говорить просоветские речи 7 Ноября. Вы должны заботиться только о том, чтобы

наши люди, и в том числе наши военные в Эстонии, в точности и добросовестно выполняли Пакт взаимопомощи и принцип невмешательства в дела Эстонии, и обеспечить такое же отношение к пакту со стороны Эстонии. Во всем остальном, в частности 7 Ноября, Вы не должны выходить за обычные рамки работы полпредства. Главное, о чем Вы должны помнить, – это не допускать никакого вмешательства в дела Эстонии». [\[199\]](#)

Глава 25

Второе рождение Советских республик

Почему осенью 1939 г. Сталин ограничился вводом в лимитрофы небольших контингентов по 20–25 тысяч человек, а в июне следующего года «оккупировал» Прибалтику?

25 октября 1939 г. Сталин заявил Димитрову: «Мы думаем, что в пактах о взаимопомощи (Эстония, Латвия и Литва) нашли ту форму, которая позволит нам поставить в орбиту влияния Советского Союза ряд стран. Но для этого нам надо выдержать – строго соблюдать их внутренний режим и самостоятельность. Мы не будем добиваться их советизации. Придет время, когда они сами это сделают!»^[200]

Что это – хитрость и коварство кремлевского диктатора? Нет! За 8 месяцев ситуация в Европе кардинально изменилась. Немцы в апреле 1940 г. молниеносно захватывают Данию и большую часть Норвегии. А 10 мая вермахт начинает генеральное наступление на западе. Уже через 5 дней капитулирует голландская армия. Еще через 5 дней немцы прижимают к берегу у Дюнкерка британскую армию и часть войск Франции и Бельгии. 26 мая англичане начинают эвакуацию, а фактически бегство из Дюнкерка, бросив всю артиллерию, танки, автомобили и т. д. 28 мая капитулирует бельгийская армия.

Если в 1940 г. был бы жив Джон Рид, он наверняка бы написал книгу «Два месяца, которые потрясли весь мир». С октября 1939 г. до 10 апреля 1940 г. большинство нейтральных стран, руководство Германии, да и многие политические деятели Англии и Франции надеялись, что война так и ограничится Польской кампанией, а в 1940 г. будет заключен компромиссный мир. Действия Сталина в Прибалтике в октябре 1939 г. – апреле 1940 г. показывают, что и он рассчитывал на мирное урегулирование в Европе в течение нескольких ближайших недель.

Здесь и далее стоит отметить, что все обличители Сталина исходят из презумпции его гениальности: мол, все западные политики – наивные люди, они де могли ошибаться, а злодей Сталин все знал, все предвидел и посему виноват всегда и во всем.

Кроме того, Сталина серьезно удивило и напугало сопротивление Финляндии в 1939–1940 гг. А вдруг и прибалты начнут так сражаться с Красной армией?

В июне 1940 г. советское правительство предъявило правительствам стран-лимитрофов данные о многочисленных случаях нападений на советских солдат и других существенных нарушениях прибалтийскими договорами с СССР. Не вижу смысла вступать в полемику с националистическими авторами по поводу того, были ли справедливыми те или иные конкретные обвинения. Важно лишь то, что в целом советское правительство было право.

В начале 1940 г. в странах-лимитрофах произошла резкая поляризация политических сил. С одной стороны были коммунисты и большая часть рабочих, а с другой – представители буржуазии, зажиточные крестьяне и довольно многочисленная прослойка рабочих и крестьян, обманутых националистической пропагандой. Дело в том, что основной упор пресса и деятели правых партий делали не на обличение национальных революционеров, а на защиту «свободы и независимости» от русских завоевателей.

У людей, одержимых величием малой нации, постоянно отказывает чувство реальности, адекватности отображения ситуации в мире. Те же поляки с удовольствием вспоминали, как они били немцев и русских в 1919–1920 гг., и были уверены, что то же повторится в 1939 г. Прибалтийские националисты сами себя уверили, что это они победили Россию в 1919 г., а теперь вот и финские друзья накладываются Красной армии.

Военные и политики прибалтийских стран решили создать военный союз с привлечением в него Финляндии. Объяснять, против кого был направлен этот союз, думаю, нет нужды.

К началу 1939 г. военная мощь прибалтийских государств оценивалась следующим образом:

Таблица 1

Вооруженные силы прибалтийских государств к 1 января 1939 г.

[\[201\]](#)

Государство	Эстония	Латвия	Литва	Всего
Годные к службе, тысяч чел.	191	305	380	876
Военнообученные, тысяч чел.	181	239	145	565
Численность армии, тысяч чел.:				
— мирного времени	20	25	28	73
— военного времени	129	168	130	427
Военизированные отряды, тысяч	50—60	40—50	50—60	140—170
Дивизии	4	4	3	11
Артиллерийские полки	6	6	3	15
Кавалерийские полки	1	1	—	2
Кавалерийские бригады	—	—	1	1
Орудия	450	350	400	1200
Танки и бронемашины	58	44	45	147
Самолеты	70	90	132	292

Интересен текст телеграммы наркома иностранных дел СССР В.М. Молотова полпредам СССР в Литве, Латвии, Эстонии и Финляндии. В ней говорилось: «После подписания Эстонией, Латвией и Литвой пактов взаимопомощи с СССР Балтийская Антанта, члены которой, Латвия и Эстония, были еще раньше связаны военным союзом против СССР, не только не ликвидировалась, но усилила враждебную СССР и заключенным с ним пактам деятельность, включив в военный союз и Литву, а также стала подготавливать включение в него Финляндии. До пактов Балтийская Антанта не собиралась почти год. После подписания пактов она имела две конференции лишь на отрезке трех месяцев (декабрь 1939 г., март 1940 г.). На этих, проводившихся фактически за спиной СССР, конференциях секретно намечались способы борьбы против растущего влияния СССР в Прибалтике и против пактов взаимопомощи в частности...

Вообще, начиная с декабря 1939 года, Антанта развила исключительную, никогда в прошлом не наблюдавшуюся активность, причем во всех возможных направлениях — военном, политическом, экономическом, культурном, печати, туризме и пр. Все эти мероприятия, как в крупных, так и второстепенных областях, носили и носят на деле антисоветский характер.

В Балтийской Антанте за последние месяцы усилились секретно от СССР согласованные меры военного характера в Эстонии, Латвии и

Литве».^[202]

Замечу, что это не пропагандистское заявление, а совершенно секретная информация для советских дипломатов.

В сложившейся ситуации небольшие советские гарнизоны в странах-лимитрофах не только были не в состоянии отразить внешнюю агрессию, но и могли быть блокированы или уничтожены армиями лимитрофов и военизированными молодежными отрядами.

15—16 июня 1940 г. советское правительство предъявило ультиматум правительствам прибалтийских стран. В частности, ультиматум требовал создать такие правительства, которые способны были бы не только честно выполнять договор о взаимопомощи, но и активно бороться за его осуществление.

В Прибалтику были введены новые советские дивизии. Толпы людей повсеместно приветствовали Красную армию.

Можно ли назвать такую встречу «оккупацией»? Разве так варшавяне и парижане встречали немцев? Ну ладно, там шла война, а Дания была оккупирована без единого выстрела, но вышли ли на улицы Копенгагена толпы людей, чтобы приветствовать части вермахта?

17—20 июня прежние правительства Прибалтики были распущены, а взамен образованы «народные правительства» во главе с Ю. Палецкисом (Литва), А. Кирхенштейном (Латвия) и И. Варесом-Барбарусом (Эстония). Замечу, что ни один из них не был коммунистом, и вообще в этих правительствах коммунистов практически не было.

Вслед за этим последовал роспуск ультраправых партий и вооруженных молодежных организаций.

С 1989 г. в отечественных СМИ появилось множество фантастических по глупости и лживости сенсаций, связанных с заключением пактов с государствами-лимитрофами. Вот, к примеру,

М.И.Семиряга писал: «С целью принудить правительство Эстонии принять требование о заключении пакта о взаимопомощи советское руководство прибегло к военной провокации и потопило 27 сентября 1939 года в Нарвском заливе собственное торговое судно „Металлист“. Советская сторона утверждала, что судно было обстреляно „неизвестной“ подводной лодкой, которая базировалась в Эстонии, и было потоплено с провокационной целью советским миноносцем путем тарана. Об этом рассказали оказавшиеся в немецком плену в 1941–1943 гг. советские моряки. Один из членов экипажа подводной лодки Щ—303 сообщил, что его лодка в сентябре 1939 г. получила боевое задание потопить „Металлиста“. Но две выпущенные торпеды не повредили судно. Позже

оно было потоплено тараном миноносца».^[203]

Что же случилось на Балтике в сентябре 1939 г.? Действительно, 28 сентября 1939 г. газета «Известия» опубликовала сообщение: «27 сентября около 6 часов вечера неизвестной подводной лодкой в районе Нарвского залива был торпедирован и потоплен советский пароход „Металлист“ водоизмещением до 4000 тонн». Там же говорилось, что атакованный через несколько часов подводной лодкой транспорт «Пионер» выбросился на камни в районе банки Вигрунд.

Дело в том, что с началом войны Германии и Польши пять больших польских подводных лодок вышли в Балтийское море. Три из них – «Рысь», «Бык» и «Сеп» – 16–17 сентября интернированы в Швеции, а подводная лодка «Орел» («Ожел») 15 сентября прибыла в Таллин, где тоже была интернирована. Вопреки всем морским законам с интернированного судна не был снят боезапас, а также оставлены топливо и экипаж. В ночь с

17 на 18 сентября «Орел» покинул Таллин и ушел в неизвестном направлении. Позже поляки будут утверждать, что в начале октября «Орел» пытался, но неудачно, торпедировать германский пароход.

Что же касается «Металлиста», то тут возникли две версии. По одной из них, он стал жертвой паники, охватившей экипажи наших судов после появления на Балтике пяти польских подводных лодок, и экипаж со страху покинул судно. Подобное случилось и с «Пионером», со страху севшим на мель. По второй версии, «Металлист» мог быть действительно атакован (безрезультатно или с легкими повреждениями) польской подводной лодкой («Орлом» или «Волком»).

Кстати, по британской версии, подводная лодка «Волк» прибыла в Англию в конце сентября, а «Орел» – 14 октября. Но по каким-то соображениям об их прибытии объявили аж 8 декабря 1939 г.

В любом случае «Металлист» не был потоплен в сентябре 1939 г. Летом 1940 г. он неоднократно приходил с грузами на Таллинский рейд. 26 июля 1941 г. (!) «Металлист» был потоплен в военно-морской базе Ханко огнем финской береговой батареи. А подводная лодка Щ—303 с начала октября 1939 г. по июль 1941 г. находилась на капремонте в Ленинграде, на заводе № 194. Соответственно в конце сентября на лодке сдавали боекомплект и проводили обычные мероприятия, предшествующие уходу на завод. Да и кто рискнул бы отправить на «провокацию» неисправную лодку?

Итак, мы имеем статью в газете «Известия», редакция которой получила неверную информацию или спутала версии. А спустя 63 года издательство «Высшая школа» выпускает книгу Семиряги, полную

клеветнических измышлений.

В июле 1940 г. в трех прибалтийских республиках прошли выборы в парламенты (сейм). В Литве в выборах приняли участие 1 386 569 человек, то есть 95,51 % всех имевших избирательное право. За кандидатов «Союза трудового народа» Литвы голосовали 1 375 349 избирателей, то есть 99,19 % участвовавших в голосовании.^[204] В выборах во II Государственную думу Эстонии приняли участие 591 030 избирателей, или 84,1 % от их общего числа. За кандидатов «Союза трудового народа» Эстонии проголосовал 548 631 человек, то есть 92,8 % от числа голосовавших.^[205] В Латвии в выборах участвовали 1 246 214 избирателей, то есть 94,8 %. За кандидатов «Блока трудового народа» голосовали 1 155 807 человек, или 97,8 % от общего числа проголосовавших.^[206]

В выборах участвовала и национальная оппозиция – либеральные партии, требовавшие сохранения и защиты частной собственности.

Естественно, в ходе выборов случались и подтасовки, в которых были повинны обе стороны. Так, в списках либералов обнаружилось немало «диктаторских функционеров», которые скрывали этот факт. С другой стороны, неожиданно был принят закон, по которому отказывалось в регистрации организациям, не успевшим опубликовать избирательные платформы. В итоге число оппозиционных кандидатов сократилось до минимума: в Эстонии, скажем, остался всего один. Хотя, судя по настроению населения, вполне можно было обойтись и без этого.

Тем не менее выборы состоялись, и, как говорилось выше, явка была массовой. На выборах присутствовали иностранные корреспонденты. В частности, американская корреспондентка Стронг писала, что люди «просто не понимали, что такое выборы» – большинство людей голосовало впервые. Так, она приводит замечательный диалог с литовской избирательницей:

- Вы за советскую Литву или за так называемую независимую Литву?
- Что я знаю о такого рода вещах? Но Сталин, отец наш, говорит очень хорошие вещи.
- Кто вы по национальности – русская или литовка?
- Я католичка.^[207]

Выборы превратились в большой праздник – с пением и концертами.

Наиболее радикальные противники просоветской ориентации пытались вести на участках «агитацию против участия в голосовании и против отдельных кандидатов, а также антисемитскую агитацию... Демонстративно рвали и разбрасывали на пол избирательные

карточки...» Массового характера такие действия, однако, не имели. На первые выборы после диктатуры пришло подавляющее большинство населения.

Спору нет, выборы были не особенно демократическими. Но прибалтийские националисты и русские «либералы», говоря о них, передергивают карты и говорят о массовых репрессиях, высылках в Сибирь и т. п. Да, такие явления были в Прибалтике, но через несколько месяцев после выборов.

Риторический вопрос, насколько демократичными будут выборы в Российской Федерации в 2007 г., в 2008 г. по сравнению с выборами в июле 1940 г.? Самый умеренный ответ тут, что в обоих случаях это «выборы без выбора». Голосуй за правительственную партию или за «конструктивную оппозицию!» («Чуть-чуть левее, Ваше Сиятельство»). У нас забыли, что термин «оппозиция» произошел от слова «противоположный». Есть ли сейчас в России партия, платформа которой противоположна на 180° политике «Единой России»: в отношении собственности, по национальному вопросу, по отношению к США и НАТО? Так было и в Прибалтике в 1940 г. – или за коммунистов, или за «конструктивную оппозицию».

Уже на первом заседании народного сейма Латвии, которое состоялось 21 июля 1940 г., была провозглашена советская власть, принята Декларация о вхождении Латвии в состав СССР, декларировано образование Латвийской ССР, а в Москву направлена просьба о принятии Латвийской ССР в состав Советского Союза.

В тот же день, 21 июля, принимаются Декларации о вступлении Литвы в СССР, о провозглашении в республике советской власти.

21 июля открывается I сессия Государственной думы в Таллине, на которой провозглашается Эстонская Советская Социалистическая республика, а на следующий день принимается Декларация о вступлении Эстонии в СССР.

3—5 августа 1940 г. на VII сессии Верховного Совета СССР принимается решение о вхождении Латвии, Литвы и Эстонии в состав Советского Союза.

Советское правительство не только не изменило навязанные РСФСР в 1919–1920 гг. границы, но и увеличило территорию Литвы. Так, СССР добился у Германии уступки Литве Вилькавишского уезда и части Мариампольского, Сеймского и Алитского уездов с населением 184 108 человек (на декабрь 1939 г.). За это, в соответствии с секретным протоколом, подписанным 10 января 1941 г., СССР согласился уплатить

7500 тысяч долларов, что соответствовало 31 500 тысяч германских марок.

А еще раньше, в ноябре 1940 г. из состава Белорусской ССР Литве были переданы Свентяны, Солечники и курорт Друскеники. Эта территория с населением 65 тысяч человек составляла 2600 кв. км.

Летом 1940 г. по согласованию с германским правительством было проведено выселение свыше 60 тысяч этнических немцев из Эстонии, Латвии и Литвы. При этом СССР выплатил большую компенсацию за недвижимость, принадлежавшую переселенцам. Любопытно, что с 1990 г. в Прибалтике раздаются требования о выплате Россией компенсации всем выселенным из Прибалтики в 1940–1941 гг. и ведется широкая кампания по возвращению частной собственности прежним владельцам. Но почему-то все это не касается выселенных в 1940 г. немцев. Интересно, кто сейчас владеет бывшей германской собственностью? С исторической точки зрения эта недвижимость должна принадлежать потомкам выселенных граждан. Но с другой стороны, поскольку СССР платил компенсацию за нее, недвижимость должна принадлежать правопреемнику СССР – Российской Федерации.

С конца июня 1940 г. в Прибалтике новое правительство приступило к разоружению населения и военизированных организаций. К 15 июля 1940 г. только в Латвии и Литве у них было изъято 36 214 винтовок и карабинов, 21 250 пистолетов и револьверов, 433 легких и 17 танковых пулеметов и даже один танк.

Присоединение Прибалтийских республик к СССР потребовало изменения структуры военных округов. 13 августа 1940 г. в Риге было сформировано Управление Прибалтийского военного округа. Через 4 дня округ переименовали в Прибалтийский Особый ВО. В него вошли территории Эстонии, Латвии и Литвы.

17 августа 1940 г. нарком обороны С.К. Тимошенко издал приказ о сохранении существующих в Эстонии, Латвии и Литве армий. При этом национальные армии преобразовывались в корпуса из двух стрелковых дивизий. Всего в каждом корпусе имелось

15 142 человека. Корпусам присваивались наименования: Эстонскому корпусу – 22-й стрелковый корпус, Латвийскому корпусу – 24-й стрелковый корпус, Литовскому корпусу – 29-й стрелковый корпус.

В составе Латвийского и Литовского корпусов сверх указанных выше частей приказывалось иметь по одному кавалерийскому полку по 1175 человек каждый.

На формирование корпусов приказывалось обратить все войсковые части и учреждения, входившие в состав Эстонской, Латвийской и

Литовской армий со всем вооружением, транспортом и военным имуществом. Излишнее военное имущество после преобразования армии надлежало сдать в армейские склады.

Преобразованные корпуса включались в состав Красной армии и подчинялись: 22-й стрелковый корпус Эстонской ССР, 24-й стрелковый корпус Латвийской ССР и 29-й стрелковый корпус Литовской ССР – командующему войсками Прибалтийского военного округа.

В 22-м, 24-м и 29-м стрелковых корпусах приказывалось сохранить существующую форму одежды, предложив снять погоны и ввести знаки различия начальствующего состава Красной армии.

Возможно, с политической точки зрения решение оставить в неприкосновенности армии стран-лимитрофов, лишь основательно «почистив» их высший командный состав, было правильным, но в военном отношении это себя не оправдало.

Нелишне напомнить, какие события происходили в июне – августе 1940 г. в Западной Европе. 14 июня немцы взяли Париж.

17 июня новое правительство Франции во главе с маршалом Петэном предлагает Германии заключить перемирие. 22 июня в Компьенском лесу на том же месте и в том же вагоне, что и в 1918 г., было подписано перемирие, согласно которому северные и центральные районы Франции, включая все Атлантическое побережье, были оккупированы немцами.

16 июля издается Директива германского верховного командования о подготовке десанта в Англию (операция «Морской лев»). 13 августа началась первая фаза воздушной «битвы за Англию».

Германскому правительству переход Прибалтики к СССР явно не нравился, но формально оно выразило согласие и поддержало советскую сторону. 24 июля 1940 г. Бенито Муссолини принял советского полпреда Н.В. Горелкина и заявил, «что он вполне понимает советское правительство, когда оно потребовало возвращения того, что СССР должно принадлежать по праву.

Затем он заявил, что столь же благожелательное отношение Италии существует и в вопросе о Прибалтике, повторив, что к Советскому Союзу возвращается то, что ему принадлежало раньше, и что Итальянское правительство считает это вполне справедливым».^[208]

Английское правительство скорее положительно, чем отрицательно реагировало на присоединение Прибалтики к СССР. На заседании правительства 17 июня 1940 г. лорд Галифакс заявил: «Не может быть сомнений, что за действиями России скрывается стремление усилить ее позиции против Германии, чьи военные успехи ей совершенно не

нравятся». Мало того, Уинстон Черчилль, ставший премьером 10 мая 1940 г., послал в Москву к Сталину известного лейбористского политика Стаффорда Криппса. Последний 1 июля 1940 г. в 17 ч. 00 мин. передал Молотову личное послание Черчилля и ровно через полтора часа был принят Сталиным. Естественно, Криппс не позволил себе даже сделать «кискин нос» по вопросу о лимитрофах.

Резко позволил себе возразить лишь исполняющий обязанности государственного секретаря США С. Уэллес. 23 июля он заявил: «В эти последние дни подошел к концу тот извилистый процесс, в ходе которого политическая независимость и территориальное единство трех небольших Прибалтийских республик – Эстонии, Латвии и Литвы – были преднамеренно ликвидированы одним из наиболее могущественных соседей... Политика нашего правительства всем известна. Народ Соединенных Штатов против разбойничьих действий, независимо от того, осуществляются ли они с помощью силы или в виде угрозы силой».^[209]

12 августа Соединенные Штаты направили Советскому Союзу меморандум, в котором Прибалтийские республики назывались «оккупированными» странами, лишенными свободы распоряжаться своим имуществом. Вскоре в Каунасе, Риге и Таллине были закрыты миссии США. А в США были задержаны несколько судов, принадлежавших Прибалтийским республикам.

Спору нет, присоединение Прибалтики к СССР произошло с некоторым нарушением международного права. Но ведь и создание этих государств в 1919–1920 гг. произошло с куда более грубыми нарушениями того же международного права. Нелишне вспомнить, что еще до Финской войны о международном праве забыли напрочь западные державы. Так, Англия уже в сентябре 1939 г. начала подготовку к вторжению в нейтральную Норвегию. В 1939–1942 гг. Англия и США осуществили вооруженные вторжения в десятки нейтральных государств и полунезависимых территорий, среди которых Иран (1941 г.), Ирак (1941 г.), многочисленные французские колонии (1940–1942 гг.) и т. п. Об этих операциях подавляющее большинство российских демократов-образованцев даже слыхом не слыхивали.

На последней сессии Ассамблеи Лиги Наций Уинстон Черчилль заявил, что «мы имеем право, более того, на нас лежит обязанность отклониться в известной мере от некоторых из условностей тех самых законов, которые мы стремимся вновь восстановить и упрочить. Малые нации не должны связывать нам руки, когда мы сражаемся за их права и свободу». В переводе со словоблудия на русский язык это означает, что

Британская империя имеет право делать что хочет во имя светлых идеалов.

Нельзя не упомянуть об одном из главных козырей националистов и их пятой колонны в Москве – репрессиях и высылках в конце 1940 г. – первой половине 1941 г. Обратимся не к пропагандистскому, а к совершенно секретному документу: «Докладной записке Наркомата Госбезопасности СССР № 2288/М в ЦК ВКП(б), СНК СССР и НКВД СССР об итогах операции по изъятию антисоветского, уголовного и социально опасного элемента в Литве, Латвии и Эстонии» от 17 июня 1941 г.

«Подведены окончательные итоги операции по аресту и выселению антисоветского, уголовного и социально опасного элемента из Литовской, Латвийской и Эстонской ССР.

По Литве: арестовано 5664 человека, выслено 10 187 человек, всего репрессирован 15 851 человек.

По Латвии: арестовано 5625 человек, выслено 9546 человек, всего репрессировано 15 171 человек.

По Эстонии: арестовано 3178 человек, выслено 5978 человек, всего репрессировано 9156 человек.

Всего по всем трем республикам: арестовано 14 467 человек, выслено 25 711 человек, всего репрессировано 40 178 человек.

В том числе по трем республикам:

а) активных членов контрреволюционных националистических организаций арестовано – 5420 человек, выслено членов их семей – 11 038 человек;

б) бывших охранников, жандармов, полицейских, тюремщиков арестовано – 1603 человека, выслено членов их семей – 3240 человек;

в) бывших крупных помещиков, фабрикантов и чиновников бывшего госаппарата Литвы, Латвии и Эстонии арестовано – 3236 человек, выслено членов их семей – 7124 человека;

г) бывших офицеров польской, латвийской, литовской, эстонской и белой армий, не служивших в территориальных корпусах и на которых имелись компрометирующие материалы, арестовано – 643 человека, выслено членов их семей – 1649 человек;

д) членов семей участников контрреволюционных организаций, осужденных к ВМН, арестовано – 27 человек, выслено – 465 человек;

е) лиц, прибывших из Германии в порядке репатриации, а также немцев, записавшихся на репатриацию и по различным причинам не уехавших в Германию, в отношении которых имеется компрометирующий материал, арестовано – 56 человек, выслено – 105 человек;

ж) беженцев из бывшей Польши, отказавшихся принять советское

гражданство, арестовано – 337 человек, выселено – 1330 человек;

з) уголовного элемента арестовано – 2162 человека;

и) проституток, зарегистрированных в бывших полицейских органах Литвы, Латвии и Эстонии, ныне продолжающих заниматься проституцией, выселено – 760 человек;

к) бывших офицеров литовской, латвийской и эстонской армий, служивших в территориальных корпусах Красной Армии, на которых имелся компрометирующий материал, арестовано – 933 человека, в том числе: по Литве – 285 человек, по Латвии – 424 человека, по Эстонии – 224 человека...»^[210]

Сегодня события 14 июня трактуются в Прибалтике как национальная трагедия. При этом местные политики норовят многократно завысить количество репрессированных, а когда им указывают на документальные данные, пускают в ход демагогию. Как, например, посол Эстонии в РФ Тийт Матсулевич в интервью газете «Известия» говорил: «Наверное, вообще неэтично ссылаться на количественные показатели. 14 июня 1941 года из нашей страны вывезли более 10 тысяч человек, а тысячу, к примеру, или сто следует считать, что ли, более пристойной цифрой? Эти десять тысяч составляли фактически элиту населения страны, насчитывавшей в ту пору немногим более миллиона жителей».^[211]

Таким образом, к эстонской национальной элите господин посол причислил не только «охранников, жандармов, полицейских, тюремщиков», но и уголовников с проститутками (см. пункты «з» и «и» докладной записки НКГБ СССР). Стоит ли удивляться, что 11 июля 2001 г. – всего лишь через месяц после интервью – сам Матсулевич был с позором снят с должности за растрату государственных средств.

Зато бывший офицер СС И. Кажоциньш в своих воспоминаниях, опубликованных в эмигрантском журнале «Даугавас ванагу менешпракстс» № 3 за 1982 год, утверждает, что 15 июня 1941 г. хорошо вооруженные группы действовавшей на заводе ВЭФ подпольной организации должны были на нескольких грузовиках выехать из Риги на «экскурсию» в Видземе, в Мадонский уезд, где существовала большая подпольная организация айзсаргов. Объединившись с ними, диверсанты планировали захватить Мадонскую радиостанцию и призвать жителей Латвии к свержению советской власти. Однако в ночь с 13 на 14 июня большая часть организаторов «туристической поездки» стала жертвами депортации. В результате захват радиостанции не состоялся.^[212]

Согласно обзору, составленному полицией безопасности и СД Латвии

в декабре 1942 г., 14 июня было арестовано и выслано около 5000 лиц, связанных с германской агентурой.^[213]

Последующие события показали, что «чистка» Прибалтики от профашистских элементов не была доведена до конца.

В заключение стоит добавить, что уже в 1990-х гг. эстонский историк Магнус Ильмъярва, работая в российских архивах, обнаружил документы, неопровержимо свидетельствовавшие о том, что все три прибалтийских диктатора – Сметона, Ульманис и Пятс – с середины 1920-х гг. были платными агентами Москвы. Так, тот же Пятс получал 18 тысяч крон (4 тысячи долларов) в год, что в два раза больше его президентского жалованья.

В «незалежной» Прибалтике разоблачения Ильмъярва поначалу вызвали возмущение, но после обнародования документов его оставили в покое, а публикации на эту тему попросту запретили.

Глава 26

Вместе с Гитлером

К началу войны германские войска сосредоточили на северо-западном направлении 41 дивизию против 26 дивизий Прибалтийского военного округа. Соотношение сил округа и немецких войск из группы армий «Север» и 3-й танковой группы было следующим: Прибалтийский военный округ имел 378 тысяч человек личного состава, 7467 орудий и минометов, 1697 танков и 1211 самолетов; немцы располагали 1053 тысяч человек, 11 400 орудиями и минометами, 1645 танками и 1676 самолетами.

В первые же дни войны немцам удалось достичь значительных успехов. Уже 26 июня 1941 г. пал Двинск, а 30 июня – Рига. К 30 июня из 1795 советских танков, участвовавших в боях, в строю осталось только 22.

29-й (Литовский) корпус к 22 июня 1941 г. находился в составе 11-й армии и дислоцировался в районе Вильнюса. Входившие в состав корпуса 179-я и 184-я стрелковые дивизии разбежались при первом же контакте с германской мотопехотой. Некоторые советские части, включая 5-й гаубичный артиллерийский полк, попали под обстрел литовских частей. Всего из 29-го стрелкового корпуса, насчитывавшего 18 тысяч человек, на соединение с Красной армией пробились не более двух тысяч человек.

Эстонские и латышские войска на 22 июня 1941 г. входили в состав 27-й армии, которой командовал генерал-майор Н.Э. Березин. В состав армии входили: 22-й стрелковый корпус (180-я и 182-я стрелковые дивизии) и 24-й стрелковый корпус (181-я и 183-я стрелковые дивизии), а также 16-я и 67-я стрелковые дивизии, 3-я отдельная стрелковая бригада и ряд отдельных частей.

Судьбу эстонских и латышских дивизий по имеющимся довольно противоречивым документам сейчас восстановить достаточно сложно. Так, 180-я дивизия, дислоцировавшаяся в Северной Эстонии, вступила в бой только 13 июля и действовала в первые два дня довольно успешно. Из четырех 40-мм шведских зенитных автоматов «Бофорс» было сбито шесть вражеских самолетов. В дивизии сказывалась серьезная нехватка артиллерийских снарядов.

182-я дивизия дислоцировалась в Южной Эстонии. 1 июля она находилась в движении из района Петтерси в район Порхова. 180-я и 182-я дивизии защищали Порхов, а с начала августа – Старую Руссу. 9 августа

Старая Русса была оставлена, при этом 180-я дивизия потеряла свыше 60 % своего личного состава. Обе дивизии отступили за реку Ловать. Однако 13 августа они вместе с другими советскими частями вновь форсировали Ловать и двинулись к Старой Руссе, но взять ее не смогли. 22 августа дивизии вновь отступили за Ловать.

О действиях 24-го стрелкового корпуса известно еще меньше. Так, к 1 июля 181-я дивизия двигалась из Губленэ к Острову, а 183-я дивизия – туда же из Цесиса.

Удалось выяснить судьбу бронетанковой техники прибалтийских государств. К 22 июня 1941 г. в составе 12-го механизированного корпуса состояло 42 танка «Виккерс», 6 танков «Рено» FT—17, 6 «Фиатов», 4 танкетки польского производства TKS и одна танкетка «Карден-Ллойд».

С 22 июня по 7 июля 1941 г. 29 «Виккерсов», шесть FT—17, шесть «Фиатов» и все пять танкеток были брошены на зимних квартирах – их попросту не сумели завести. Из 13 «Виккерсов», которые были выведены по тревоге, один танк погиб в бою и пять были оставлены на поле боя «по техническим причинам». В итоге к 7 июля из всей прибалтийской бронетехники в строю осталось лишь 7 танков «Виккерс».

К концу 1941 г. все «национальные» прибалтийские дивизии были разгромлены, а большая часть их личного состава разбежалась. Советскому командованию оставалось только отдать приказ об их расформировании. Позже номера этих дивизий получили другие части, но там уже не было прибалтов.

Уже при подходе германских войск националисты начали расправы над местными евреями и коммунистами. Из приложения к донесению одного из лидеров «литовских партизан»:

«Количество проведенных экзекуций.

Район Каунаса (город и сельская местность) уничтожено 31 914 евреев, 80 коммунистов.

Район Шяуляя – 41 382 еврея, 763 коммуниста.

Район Вильнюса – 7015 евреев, 17 коммунистов.

Всего по Литве уничтожено 80 311 евреев, 860 коммунистов».^[214]

Замечу, что до сих пор не найдено ни одного документа германского командования, где бы санкционировалась подобная деятельность «пятой колонной». Таким образом, ответственность за массовые убийства мирных жителей как за убеждения, так и за национальность полностью лежит на буржуазных партиях Прибалтики.

Кое-где органам НКВД удавалось давать отпор бандитам. Вот что докладывал по этому поводу командир прибывшего в Ригу в 18 часов 22

июня 1941 г. 5-го мотострелкового полка войск НКВД полковник Головкин: «В г. Риге враждебные элементы развернули активные действия: наводили панику в тылу армии, деморализовали работу штабов, правительственных и советских учреждений, тормозили эвакуацию ценностей и совершали диверсии.

Враги установили на колокольнях церквей, башнях, на чердаках и в окнах домов пулеметы, автоматы и вели обстрел улиц, зданий штаба СЗФ [Северо-Западного фронта. – А.Ш.], ЦК ЛКП(б), СНК, телеграфа, вокзала и НКВД.

Такое положение заставило развернуть самую жестокую борьбу с контрреволюционным элементом в городе.

Я объединил все войска НКВД Рижского гарнизона, организовал усиленную охрану всех важных объектов, выставил посты и пикеты на улицах города, систематически освещал патрульными отрядами весь город. С пятой колонной повел жестокую борьбу, на каждый произведенный выстрел из окна, башни или колокольни отвечал огнем пулеметов и танковых пушек.

За 23, 24, 25 июня с.г. активность пятой колонны была подавлена. По приказу начальника охраны СЗФ генерал-майора т. Ракутина были расстреляны 120 пойманных негодяев из пятой колонны, о чем было объявлено населению с предупреждением о сдаче оружия.

Действия частей НКВД парализовали активность пятой колонны, не дали возможности выполнять задания фашистских хозяев...»^[215]

Для проведения террористических акций в Эстонии в середине 1939 г. с согласия финских властей в Хельсинки был создан филиал Абвера – Krigsorganisatsioon Finland. После оккупации немцами Эстонии он переехал в Таллин и стал там называться Abwehrnebenstelle Revel. Однако в историко-мемуарной литературе данное заведение обычно фигурирует как «Бюро Целлариуса» – по имени возглавлявшего его с 1941 г. фрегатен-капитана Александра Целлариуса.

Целлариус уже имел практический опыт работы с эстонскими «унтерменшами»: в 1939–1940 гг., вплоть до восстановления советской власти в республике, он был прикомандирован к разведотделу генштаба Эстонии в качестве офицера связи. Действуя совместно с финскими спецслужбами, Целлариус развернул активную работу по созданию шпионско-диверсионных групп из проживавших в Финляндии эстонских националистов.

В мае 1941 г. в Хельсинки при поддержке «Бюро Целлариуса» был создан «Эстонский комитет освобождения» во главе с Хяльмаром Мязэ. Как

позже свидетельствовал попавший в советский плен заместитель начальника 2-го отдела Абвера Эрвин Штольце, «в тесном сотрудничестве с „балтийскими патриотами“ нами были подготовлены специальные диверсионные группы для подрывной работы в прибалтийских советских республиках».^[216]

Одной из первых была заброшена на советскую территорию группа «Эрна». В ее состав вошли 14 радистов, окончивших разведшколу в Финляндии, и 70 человек из числа бывших военнослужащих эстонской армии. Возглавлял «Эрну» бывший военный атташе Эстонии во Франции полковник Антс-Хейно Кург.

В ночь с 9 на 10 июля 1941 г. 40 человек во главе с полковником Кургом были доставлены на трех катерах к побережью Эстонии, высадившись в районе местечка Кабернеэме Харьюского уезда. Перед ними стояла задача осуществлять шпионско-диверсионную деятельность на шоссейных и железнодорожных магистралях в тылу Красной армии. Для поддержания связи с центром группа имела две радиостанции. Оставшийся в Финляндии состав «Эрны» из-за невозможности пробиться по морю был пополнен новыми людьми, разбит на четыре подгруппы и 21–22 июля выброшен в Эстонию на парашютах.

К заброшенным диверсантам начали присоединяться шайки «лесных братьев». Вскоре группа уже насчитывала около 100 вооруженных бандитов и свыше 800 местных жителей. Однако 31 июля «Эрну» обнаружил и разгромил истребительный батальон, сформированный из местных жителей. При этом большая часть «борцов за свободу» была уничтожена или разбежалась, а несколько десятков человек во главе с Кургом смогли уйти болотами и 6 августа выбрались к немцам.

Позднее на основе этой группы был создан «батальон Эрна-II», который использовался немцами при блокаде и захвате островов Муху и Сааремаа. В октябре 1941 г. остатки батальона были расформированы, а его личный состав переведен в подразделения «Омакайтсе» или в организованные оккупантами органы «местного самоуправления».

После оккупации Литвы там были созданы 24 батальона «самообороны», каждый из которых включал 500–600 литовцев и немецкую группу связи в составе офицера и 5–6 старших унтер-офицеров. В ноябре 1941 г. литовская самооборона была преобразована во вспомогательную полицию, при этом сформировали 22 литовских «шума» – батальона общей численностью около 8 тысяч человек, а формирование еще 13 таких батальонов не было доведено до конца. Командующим литовской вспомогательной полицией номинально считался подполковник

Спокевичус, однако в действительности его основной функцией было поддержание связи с командованием германскими силами безопасности на оккупированной территории.

Из донесения Партии литовских националистов генеральному советнику Кубилюнасу: «...11-му литовскому батальону было поручено расстреливать привезенных из Белоруссии и Польши русских, евреев, коммунистов и военнопленных Советской армии... Все эти экзекуции, особенно массовое вешание, документируются с помощью киноаппаратуры...»^[217]

Помимо отличившегося в Слущке 12-го батальона, в карательных акциях на территории Белоруссии участвовали 3, 15, 254 и 255-й литовские батальоны, на Украине – 4, 7, 8 и 11-й, в Ленинградской области – 5-й и 13-й. 2-й литовский полицейский батальон отличился в Польше, а также совместно с латышскими «коллегами» в феврале – марте 1943 г. участвовал в крупной карательной операции с целью создания «нейтральной зоны» шириной 40 км на границе Латвии и Белоруссии. По некоторым сведениям, один из литовских батальонов действовал в Италии, а еще один – в Югославии.^[218]

В Латвии после прихода немцев из местных националистов были сформированы вооруженные подразделения для прочесывания лесных массивов, где укрывались работники советских и партийных органов, а также красноармейцы, пытавшиеся выйти из окружения. Согласно донесениям, летом и осенью 1941 г. ими были задержаны 7194 невооруженных советских активиста и члены их семей, большинство из которых были расстреляны или заключены в тюрьму.

С сентября 1941 г. начинается формирование латышских полицейских батальонов. Всего на территории Латвии было создано 45 «шума» – батальонов общей численностью около 15 тысяч человек. Латышские полицаи участвовали в массовом истреблении мирного населения в Лиепае, Валмиере, Екабпилсе, Даугавпилсе, Резекне. Позднее их использовали для карательных операций против мирного населения не только на территории Латвии, но и в Белоруссии (там бесчинствовали 26 латышских батальонов),^[219] Литве, Новгородской и Псковской областях, а также в Польше.

После оккупации Эстонии немцы из националистов создали организацию «Омакайтсе» («Самозащита»), активно использовавшуюся для проведения карательных акций против населения, охраны тюрем, лагерей, коммуникаций и важных объектов, розыска и задержания партизан и советских парашютистов, конвоирования угоняемых на работу в

Германию граждан.

По сохранившимся отчетам «Омакайтсе», только летом 1941 г. участниками этой организации было убито 946 советских активистов, совершено 426 нападений на государственные учреждения. К 1 ноября 1941 г. ими было проведено 5033 облавы, арестовано 41 135 человек, из которых казнены на месте «из-за оказанного сопротивления» 7357 человек. [\[220\]](#)

В сентябре 1941 г. немцы сформировали шесть эстонских охранных отрядов, в задачу которых входила охранная служба и борьба с партизанами в тыловом районе 18-й германской армии. С мая 1942 г. часть из них участвовала в боях против Красной армии. В конце того же года все шесть отрядов были переформированы в три восточных батальона (658-й, 659-й и 660-й) и одну восточную роту (657-я).

Помимо этих подразделений, с сентября 1941 г. на территории Эстонии, так же как в Латвии и Литве, формируются батальоны вспомогательной полиции. Всего за время войны было создано 26 эстонских «шума» – батальонов общей численностью около 10 тысяч человек. Эстонские полицейские участвовали в карательных операциях против партизан на территории Ленинградской и Псковской областей, в Литве, Белоруссии и на Украине, охраняли гетто в Польше, Югославии и даже в Италии. Некоторые из них действовали против Красной армии, главным образом на Ленинградском и Волховском фронтах, а 36-й эстонский батальон в ноябре 1942 г. оказался в излучине Дона, где и был разгромлен наступающими советскими войсками.

Именно эстонцы первыми начали формирование восточных частей СС. В первую годовщину «освобождения» республики, 28 августа 1942 г., генеральный комиссар Эстонии обергруппенфюрер СС К. Лицманн обратился к местным жителям с призывом вступать в эстонский легион СС для участия в общей борьбе против большевизма. 13 октября первые добровольцы, отобранные в соответствии с требованиями, предъявляемыми к личному составу войск СС, были отправлены в учебный лагерь «Дебица» на территории Польши. Из наличного состава удалось сформировать три батальона, объединенных затем в 1-й эстонский добровольческий гренадерский полк СС. В марте 1943 г. после принятия присяги 1-й батальон полка, получивший название «Нарва», был отправлен на фронт и включен в состав 5-й танковой дивизии СС «Викинг». Он участвовал в Курской битве, а в феврале 1944 г. был почти полностью уничтожен в Корсунь-Шевченковском «котле».

А тем временем для эстонцев была введена обязательная воинская

служба в частях СС, поскольку добровольцев уже не хватало. К маю 1943 г. в результате проведенной мобилизации эстонский легион получил значительное пополнение, что позволило развернуть полк в 3-ю эстонскую добровольческую бригаду СС под командованием бригадефюрера Ф. Аусбергера. Окончательно сформированная к 23 октября того же года, она первое время действовала против партизан на территории Эстонии. 17 ноября 1943 г. бригада прибыла на фронт в районе Невеля. Одновременно с формированием бригады для координации связи с германской оккупационной администрацией была создана Генеральная инспекция эстонских войск СС во главе с генералом эстонской армии Йоханнесом Соодлой.

В начале 1944 г. эстонская бригада была пополнена за счет 658-го, 659-го и 660-го полевых батальонов, а также наиболее боеспособных полицейских частей. 24 января 1944 г. на ее базе была развернута 20-я эстонская дивизия СС. Общая численность дивизии достигала 15 тысяч солдат и офицеров. Летом того же года она участвовала в ожесточенных боях под Нарвой, а в ходе сентябрьского наступления советских войск, завершившегося освобождением Таллина и всей материковой части Эстонии, была разгромлена, потеряв до половины личного состава. В октябре остатки дивизии были отведены на переформирование в Силезию.

3 ноября 1942 г. руководителей латышского «самоуправления» пригласили к командующему силами СС и полиции в Латвии бригадефюреру Шредеру, который предложил им обратиться с ходатайством о формировании латышского легиона СС. Приказ о создании латышского легиона был подписан 16 февраля 1943 г. Как с гордостью сообщала в номере от 27 февраля газета местных коллаборационистов «Тевия»: «Будучи признательным за отвагу уже находящихся сейчас на фронте латышских добровольческих частей, вождь Великой Германии дал согласие на создание добровольческого латышского легиона СС. В создающийся латышский легион, как его ядро, уже вошла часть добровольческих соединений.

Легион организуется как единая боевая часть, включая в него вооруженные формирования СС. Командовать частью будут латышские офицеры.

В легион могут вступить все мужчины латышской национальности 17–45 лет. Служба будет продолжаться до конца войны. Обеспечение, жалование и форма такие же, как и в немецких частях СС...»^[221]

Генеральным инспектором легиона был назначен генерал Рудольф Бангерский, бывший царский офицер, в свое время командовавший

дивизией у Колчака, а в 1924–1927 гг. занимавший пост военного министра Латвии. По случаю нового назначения он получил чин группенфюрера СС.

Однако в Латвии, как и в Эстонии, желающих вступить в ряды СС оказалось не слишком много. Чтобы компенсировать недостаток добровольцев, была объявлена мобилизация латышей 1914–1924 гг. рождения, которым разослали повестки следующего содержания: «Настоящим вы призываетесь в латышский добровольческий легион СС. Вы обязаны 26 марта 1943 года до 18:00 прибыть и доложить о своем прибытии в Абренские казармы. С момента призыва вы подчинены немецким вооруженным силам и существующим в них правилам». ^[222]

После освидетельствования врачебной комиссией мобилизованным предоставлялось право выбора, куда они желают быть направленными: в латышский легион СС, в обслуживающий состав немецких войск или на оборонные работы.

Согласно приказу Гиммлера от 24 марта 1943 г. в структуру формирующегося латышского легиона СС входили 15-я латышская добровольческая дивизия СС, 2-я латышская бригада СС и латышские полицейские батальоны. Впрочем, 15-я дивизия являлась «добровольческой» только по названию, поскольку состояла из трех полков, сформированных к середине июня из мобилизованного контингента. Что же касается 2-й латышской бригады, то она была создана в мае на основе шести полицейских батальонов (16, 18, 19, 21, 24 и 26-го), действовавших в составе группы армий «Север». В соответствии с приказом от 18 мая 1943 г., подразделения легиона, не вошедшие в состав 15-й дивизии, включались во 2-ю бригаду, которая в декабре 1943 г. была переформирована в 19-ю латышскую дивизию СС.

В ноябре 1943 г. 15-я латышская дивизия была срочно переброшена на фронт с задачей задержать наступление советских войск в районе Новосокольников, оказавшись по соседству с уже упомянутой выше 3-й эстонской бригадой СС. В феврале 1944 г. туда же прибыла и 19-я латышская дивизия СС. 16 марта обе латышские эсэсовские дивизии впервые совместно участвовали в крупном бою, оказав, как свидетельствуют боевые сводки, ожесточенное сопротивление советским войскам.

В честь этого события 17 июня 1998 г. парламент «независимой Латвии» подавляющим большинством голосов (54 «за», 4 «против») объявил 16 марта национальным праздником – Днем памяти латышских воинов. В этот день в Риге проводится ставший традиционным парад недобитых ветеранов СС.

В Риге в актовом зале Технологического университета в торжественной обстановке в присутствии нескольких сотен активистов молодежного движения офицеру СС Андрео Фрейманису был торжественно вручен Рыцарский крест, которым его наградил сам фюрер. Награжденный вытянулся по стойке «смирно» и выкрикнул «Хайль Гитлер!». А теперь угадайте, в каком году это было? В 1942-м? В 1943-м? Нет! В 1993-м! В свое время Фрейманис попал в «котел» вместе с соратниками, и лишь через почти полвека «самостийники» решили восстановить справедливость – «награда нашла героя».

Стоит упомянуть о решении рижского суда, постановившего, что фраза «русские жида», которая постоянно мелькает в современной латвийской прессе, не является оскорблением. Как не вспомнить о «пархатых казаках» из сериала «Семнадцать мгновений весны».

Но вернемся в 1944 г. Чтобы компенсировать растущие потери, оккупационные власти и контролируемое ими «латвийское самоуправление» провели новую мобилизацию. Призывной возраст был поднят до 37 лет, при этом от призыва освобождались только лица, занятые в военной промышленности или не годные по состоянию здоровья. Для подготовки призывников на основе учебно-запасного батальона 15-й дивизии была развернута 15-я учебно-запасная бригада трехполкового состава. Это позволило существенно пополнить ряды латышских СС: на 30 июня 1944 г. численность 15-й дивизии составляла 18 412 солдат и офицеров, 19-й дивизии – 10 592. Более того, планировалось создание еще одной латышской эсэсовской дивизии – 36-й танково-гренадерской. Однако ввиду обострившейся обстановки на фронте от этой затеи пришлось отказаться, а 240 латышских курсантов, прошедших в Арнеме (Голландия) подготовку в качестве унтер-офицеров танковых частей, направить на пополнение 19-й дивизии.

За что же воевали националисты? Как сейчас утверждают в Прибалтике, за свободу и независимость Эстонии, Латвии и Литвы. А ради такой великой цели не грех и надеть мундир войск СС.

Можно ли всерьез говорить такие бредни? 16 июля 1941 г. рейхсмаршал Геринг предлагал (имея в виду предполагаемый рейхскомиссариат «Остланд», включавший и Белоруссию) «присоединить к Восточной Пруссии различные части Прибалтики, например, белостокские леса». (Рейхсмаршал был заядлым охотником). В ответ Гитлер заметил, что «вся Прибалтика должна стать областью империи». ^[223]

20 июня 1941 г. (то есть еще до войны) Альфред Розенберг ^[224] в своей

речи о политических целях Германии в предстоящей войне против СССР вполне определенно говорил о рейхскомиссариате «Прибалтика» в составе четырех генеральных комиссариатов. Генеральные комиссариаты должны были, в свою очередь, подразделяться на округа. Граница рейхскомиссариата должна проходить западнее Ленинграда, южнее Гатчины, вдоль озера Ильмень, затем идти на юг вплоть до «границы украинского населения».

Как писал М.Ю. Крысин: «Летом и осенью 1941 г... планировалось расширить территорию генеральных комиссариатов Эстонии и Латвии до „исторической границы области германского влияния“ – линии Ленинград – Новгород – озеро Ильмень – река Ловать. Таким образом, территория Эстонии и Латвии должна была увеличиться почти в два раза. Эти планы были тесно связаны с проектами германизации Прибалтики и так называемой „Ингерманландии“ (Псковская и Новгородская области). Рейхсминистр Розенберг, в первые месяцы войны чувствовавший себя творцом истории и склонный к грандиозным планам, предполагал переименовать расширенную таким образом Эстонию в Reipusland, Латвию – в D?naland (правда, переименование не предполагало значительного изменения в их статусе германских колоний)».^[225]

Германское правительство на захваченных территориях СССР в прифронтовых областях (примерно 200–300 км от линии фронта) передавало управление в полном объеме командованию армий. По мере продвижения войск управление областями переходило в ведение рейхскомиссариатов и других учреждений.

Однако к весне 1942 г. фронт стабилизировался на линии Ленинград – Новгород – Великие Луки. И ни о каком расширении генеральных комиссариатов Эстонии и Латвии не могло идти и речи. Поэтому фактически границы генеральных комиссариатов Эстонии, Латвии и Литвы, за небольшими исключениями, совпадали с их бывшими государственными границами. Так, Эстония получила город Нарву с окрестностями, а Литва в начале 1942 г. получила три белорусских уезда – Ишмянский, Свиряйский и Эйшишкяйский – площадью около 4000 кв. км и с населением около 200 тысяч человек.

По приказу Гитлера от 17 июля 1941 г. на оккупированных территориях Прибалтики и Белоруссии был создан рейхскомиссариат «Остланд», в который вошли земли Литвы, Латвии, Эстонии и Белоруссии, имевшие статус генеральных комиссариатов. Рейхскомиссаром «Остланда» назначили гаулейтера Лозе, подчинявшегося непосредственно Розенбергу. В тот же день, 17 июля 1941 г., в генеральные комиссариаты «Латвия»,

«Литва» и «Эстония» были назначены генеральные комиссары, подчинявшиеся рейхскомиссару.

Белоруссия входила в состав рейхскомиссариата «Остланд» до апреля 1944 г., хотя еще в апреле 1943 г. было принято решение о передаче ее в непосредственное подчинение имперского министерства по делам оккупированных восточных территорий.

Генеральные комиссариаты делились на девятнадцать городских и областных (сельских) округов во главе с городскими и областными комиссарами (штадткомиссары и гибиткомиссары), занимавшими самую нижнюю ступень в немецкой администрации. Они контролировали деятельность местных органов самоуправления и обеспечивали выполнение сельскохозяйственных норм.

В немецкой гражданской администрации имелась еще одна должность – сельхозфюрер, подчиненная окружному сельхозфюреру, входившему в аппарат каждого гибиткомиссариата.

Органы же самоуправления, создаваемые из местных жителей, фактически были инструментом германских властей и не играли никакой самостоятельной роли. Никакой независимости немцы прибалтам не обещали даже в перспективе. У нацистов разрабатывались совсем иные планы в отношении Прибалтики. Так, Розенберг разработал специальную инструкцию, в которой говорилось: «Что касается переселенческой политики, то необходимо иметь в виду, что 50 % эстонцев сильно германизированы вследствие смешения с датской, немецкой и шведской кровью, что позволяет рассматривать их как родственный немцам народ. В Латвии для ассимиляции пригодна гораздо меньшая часть населения. Поэтому здесь нужно ожидать более сильного противодействия, ввиду чего здесь потребуются переселение в более крупных масштабах. Аналогичного развития событий следует ожидать и в Литве...

Край, который был завоеван немецкими рыцарями, поставлен на ноги ганзейскими купцами, и германизация которого осуществлялась путем постоянного притока немецкой и частично шведской крови, должен превратиться в мощный бастион у границ Германии». ^[226]

Итак, если верить Розенбергу, получается, что жившие в Эстляндии немецкие и шведские феодалы достаточно интенсивно пользовались «правом первой ночи», в то время как их коллеги в Лифляндии и Курляндии в этом отношении несколько подкачали.

А вот выдержка из протокола состоявшегося в Берлине «Совещания по вопросам онемечивания в прибалтийских странах», составленного возглавлявшим спецгруппу «Расовая политика» доктором Эрхардом

Ветцелем: «Большая часть населения не годится для онемечивания... Нежелательные в расовом отношении части населения должны быть высланы в Западную Сибирь. Проверка расового состава населения должна быть изображена не как расовый отбор, а замаскирована под гигиеническое обследование или нечто в этом роде, чтобы не вызывать беспокойство среди населения». [\[227\]](#)

Взамен в Прибалтике предполагалось расселить заслуженных ветеранов вермахта.

Из документа «Прибалтийские земли – борцам восточного фронта»:

«1 июня 1943 г. Секретно.

Строго доверительно! Устный пересказ содержания документа разрешен только абсолютно заслуживающим доверия имперским немцам; размножение и распространение текста допустимо лишь со специального согласия...

Для поселенцев в сельской местности следует создавать поместья размером около 1000 га и крестьянские дворы с размером угодий примерно 60 га, причем в обоих случаях одна треть представляет собой пашню, а две трети – лес.

Латышским, эстонским, литовским сельским хозяевам придется расстаться со своими земельными наделами, в случае их политической благонадежности они не должны быть просто согнаны, а переселены в другие районы. Горожан, у которых будут отобраны дома и предприятия для передачи фронтовикам, следует высылать как можно дальше в восточные районы». [\[228\]](#)

Что касается высылки в Западную Сибирь, то этот проект по понятным причинам остался не реализован, а вот на работы в Германию жителей Прибалтики было отправлено немало. По данным советского Управления по делам репатриации, из Литвы было угнано 67 тысяч человек, из Латвии – 160 тысяч, из Эстонии – 74 тысячи. При этом угоняли главным образом женщин от 17 до 40 лет, а подростков 15–16 лет направляли в немецкие лагеря трудовой повинности. В свою очередь, в Литву за первое полугодие 1942 г. было прислано 16 300 немецких колонистов, а к 1 ноября 1943 г. их было уже более 30 тысяч. [\[229\]](#)

Таким образом, большинству населения Прибалтики светила не райская жизнь в независимых и демократических государствах, а поездка в Сибирь, правда, не за советский, а за германский счет. Оставшиеся же должны были стать батраками немецких переселенцев. Согласно планам Гимmlера, «тотального онемечивания» Прибалтика должна была

достигнуть за 20 лет, а ее жители – забыть свой язык и культуру. Так что своим нынешним существованием прибалтийские народы целиком и полностью обязаны пресловутым «русским оккупантам» – бойцам Красной армии.

Глава 27

Вместе с Красной армией

Однако далеко не все прибалты поддерживали фашизм. Десятки тысяч эстонцев, латышей и литовцев храбро сражались в частях Красной армии.

В связи с быстрым наступлением германских войск и действиями «пятой колонны» мобилизацию военнообязанных в Латвийской ССР провести не успели. В тыловые районы Советского Союза из Латвии удалось эвакуировать 53 тысяч человек, из которых многие изъявили желание пойти на фронт.

Правительство Латвийской ССР, эвакуированное в глубь России, обратилось в Государственный Комитет Обороны (ГКО) СССР с просьбой разрешить сформировать в составе Красной армии латышскую стрелковую дивизию. Оно учитывало также и то, что в старых республиках Советского Союза проживало примерно 150 тысяч латышей.

Местом формирования латышской дивизии стали Гороховецкие лагеря под городом Горьким. Туда из разных районов РСФСР, в основном из Северного Поволжья, стали прибывать латыши и граждане Латвийской ССР других национальностей. Среди них было много бойцов батальонов рабочей гвардии и отрядов партийно-советского актива, уже имевших боевой опыт, а также городских и сельских партийных и советских работников, милиционеров, рабочих и крестьян. Прибывали бойцы и командиры бывшего 24-го (латвийского) стрелкового корпуса, 1-го и 2-го латышских стрелковых полков, воевавших в июле – августе 1941 г. в составе 8-й армии.

Рижское пехотное училище было эвакуировано в Семипалатинск, и там доучивались курсанты из Латвийской ССР. Именно 228 выпускников этого училища составили ядро среднего командного состава формируемой дивизии. Часть командных должностей в дивизии заняли кадровые офицеры и младшие командиры бывшей латвийской армии.

К сентябрю 1941 г. численность дивизии достигла 10 348 человек, 90 % из которых составляли латыши и граждане Латвийской ССР других национальностей. Рабочие составляли 62 %, служащие – 29 %, крестьяне – 9 %. 70 % из них пошли в армию добровольцами.

Национальный состав дивизии был следующим: латыши – 51 %, русские – 26 %, евреи – 17 %, поляки – 3 %, другие национальности – 6 %.

Командиром дивизии был назначен полковник Янис Вейкин, за годы войны дослужившийся до генерал-майора.

12 сентября 1941 г. войска дивизии приняли присягу, а сама дивизия получила наименование «201-я Латышская стрелковая дивизия» (1-го формирования).

Дивизия состояла из 92-го, 122-го и 191-го стрелковых полков, 220-го артиллерийского полка, 310-го отдельного зенитно-артиллерийского дивизиона, 170-го отдельного батальона связи, Латвийского запасного батальона, а также других специальных частей и подразделений.

В феврале 1942 г. приказом командования Московского военного округа в Гороховецких лагерях на базе Латвийского запасного батальона был сформирован 1-й отдельный запасной Латвийский стрелковый полк.

Боевое крещение 201-й дивизии состоялось 20 декабря 1941 г. под Можайском в ходе контрнаступления 33-й армии. За мужество и героизм, проявленные в боях под Москвой, ордена и медали получили 201 воин дивизии. Командир пулеметного отделения

И. Урбан и командир разведзвода Я. Кезберис были награждены орденом Ленина. 54 бойца и командира получили орден Красного Знамени, 82 – орден Красной Звезды, 43 – медаль «За отвагу», 20 – медаль «За боевые заслуги». А позже все участники этих боев были награждены медалью «За оборону Москвы».

5 октября 1942 г. за проявленные в боях под Москвой и у Старой Руссы мужество и стойкость, за героизм личного состава приказом наркома обороны 201-й Латышской стрелковой дивизии было присвоено звание гвардейской. Теперь она стала именоваться 43-й гвардейской Латышской стрелковой дивизией.

В ходе боев Латышская дивизия несла большие потери, и, чтобы сохранить ее, командование Красной армии разослало специальную директиву – направлять весь рядовой и младший начальствующий состав латышской национальности в 1-й отдельный полк. Так, в июне 1942 г. в полк прибыли 170 латышей-фронтовиков, собранных из разных частей Ленинградского фронта. Благодаря этой директиве соединения Прибалтийских республик смогли до конца войны сохранить в определенной степени свой национальный состав.

По подсчетам В.И. Савченко,^[230] из 1-го отдельного запасного полка отбыло на фронт около 33 тысяч человек, в том числе: в 1942 г. – 16 471, в 1943 г. – 11 143 и до июня 1944 г. – 5300 человек.

Со второго полугодия 1942 г. в полк стали прибывать призывники 1924 г. рождения, как латыши, так и жители Поволжья, и с этого времени

полк стал многонациональным и молодежным. С марта 1942 г. в полку были организованы курсы младших лейтенантов. Часть младших командиров направлялась из полка в Подольское военное училище, где имелаась отдельная латышская рота, а также в артиллерийские и военно-инженерные училища. Затем они возвращались в запасной полк, а из полка молодых командиров направляли в латышские части.

Всего в запасном полку было подготовлено и отправлено на фронты для пополнения 43-й гвардейской дивизии около 33 тысяч человек, в том числе 1098 офицеров и 3581 сержант.

В результате в июле 1943 г. процент латышей в 201-й дивизии упал до самого низкого уровня (32,4 %). Однако к концу года процент латышей вновь возрос до 60. К этому времени в дивизии состояли 10 752 человека.

К 15 мая 1943 г. в соответствии с распоряжением Генерального штаба Красной армии от 20 января 1943 г. было закончено формирование 24-й отдельной латышской авиаэскадрильи, в которой состояли 132 летчика-латыша. Половина из них до войны проживала в Латвии, а половина – в СССР. На базе этой эскадрильи

3 июля 1943 г. был создан 1-й Латышский бомбардировочный авиаполк, командовал которым майор (позже полковник) Карлис Киш.

5 июня 1944 г., перед началом боев за освобождение Латвии, приказом Генштаба Красной армии был сформирован 130-й Латышский стрелковый корпус, в который вошли 43-я гвардейская (с 9 июля 1944 г. командир гвардии полковник А.Ю. Калныно, ранее командовавший 182-й стрелковой дивизией 1-го формирования) и 308-я (генерал-майор В.Э. Дамберг) стрелковые дивизии.

308-я стрелковая дивизия начала формироваться в Гороховецких лагерях на базе 1-го отдельного запасного латышского полка в конце июня 1944 г. и закончила формирование 7 июля. На фронт она прибыла в последних числах июля.

3 июля 1944 г. 130-й корпус вошел в состав 22-й армии 2-го Прибалтийского фронта. 16 июля войска фронта вышли к границам Латвийской ССР. 18 июля в 4 ч. 30 мин. утра передовой отряд 130-го корпуса перешел границу республики близ Шкяуне. 1-я стрелковая рота 1-го батальона под командованием гвардии капитана Эрнста Вейсе очистила от противника деревню Боркуйцы и водрузила над одним из домов красный флаг. А в это время 2-я рота гвардии капитана Язепа Пастернака форсировала топкое болото и заняла уездный центр Шкяуне. Это был первый волостной центр на латвийской земле, освобожденный от противника солдатами 125-го гвардейского стрелкового полка.

К полудню того же дня, 18 июля, на территорию Латвийской ССР вступили с развернутыми знаменами и остальные полки 43-й дивизии.

308-я дивизия, совершив длительный марш в район сосредоточения корпуса, 25 июля перешла границу республики в районе села Ворзово. 30 июля дивизии соединились. Латгалию до реки Айвиексте корпус прошел за три недели.

24 июля 1944 г. на территорию Латвии перелетел Латышский авиаполк. Первым местом его базирования стал хутор Абрицки в 18 км от только что освобожденной Лудзы. А 9 августа за достигнутые боевые успехи, за мужество и героизм личного состава, проявленные в боях на подступах к Латвии и при взятии города Режица (Резекне) полку присвоили почетное наименование Режицкий. Теперь полк стал именоваться 1-й Латышский Режицкий ночной бомбардировочный авиаполк. В представлении к награде говорилось, что за время своего существования полк произвел 6407 самолето-вылетов, успешно выполнял задачи по уничтожению живой силы и самолетов противника на его аэродромах, оказывал помощь партизанам, забрасывал в тыл врага парашютистов.

22 июля 1944 г. 130-му корпусу была поставлена новая боевая задача. Следуя за войсками первого эшелона 22-й армии, 24 июля латышские полки расположились в лесах севернее местечка Дагда.

43-я дивизия в конце июля приняла участие в последнем этапе Резекненско-Даугавпилсской операции.

26 июля 43-я дивизия сосредоточилась в районе Амбели, Борзовка южнее озера Вишкю. Утром 27 июля дивизия завязала бои с противником в районе Тимушки, Пилскалны и вместе с приданными корпусу танковой бригадой, двумя самоходно-артиллерийскими полками и артиллерийской бригадой прорвала оборону противника западнее озера Лукнас и продолжала наступать, продвинувшись за сутки на 22 км. При этом были освобождены 52 населенных пункта севернее Даугавпилса.

8 августа в 8 часов утра два полка 43-й дивизии вышли к Западной Двине у железнодорожного моста на линии Крустпилс – Рига. В тот же день части 308-й дивизии ворвались в город Крустпилс – крупный узел шоссейных и железных дорог. К середине дня войска корпуса во взаимодействии с другими соединениями 22-й армии полностью разгромили группировку противника в районе Крустпилса, а уже к вечеру окончательно ликвидировали вражеский плацдарм в междуречье Западной Двины и Айвиексте.

Взаимодействуя с соединениями 10-й гвардейской армии (командующий – генерал-лейтенант М.И. Казаков), наступавшими на

Рижском направлении вдоль левого берега Западной Двины, 43-я гвардейская и 308-я латышские стрелковые дивизии корпуса перешли в 6 часов утра 10 октября в решительное наступление в направлении Галдниеки, Скрундас, Судмалкалнс, Смилтниеки. В этот день было освобождено 28 населенных пунктов. 308-я дивизия, преодолевая упорное сопротивление противника, к вечеру достигла линии Зиемели – Какаули, где отражала вражеские контратаки. 43-я дивизия вышла к рубежу обороны противника, проходившему восточнее Иецавского шоссе на участке Мисаскрогс – Балкас и далее по северному берегу реки Кекава, овладела населенными пунктами Лидакас, Балкас и остановилась перед сильно укрепленной обороной противника.

На следующий день, 11 октября, 43-я дивизия продвинулась вперед, перерезала шоссе Кекава – Иецава и овладела рубежом Силини – Балкас. Теперь перед дивизией находилась укрепленная полоса противника по реке Кекава – левому притоку Западной Двины. Корпус форсировал Кекаву и преодолел укрепленную полосу.

12 октября немцы со стороны Риги предприняли сильные танковые контратаки. Ожесточенные бои шли почти целый день, и только к вечеру удалось отбросить противника. 308-я дивизия, преследуя немцев, перерезала шоссе Рига – Бауска в районе Пулкартне, а 43-я дивизия – между Виллис и Силини.

Немцы в ходе операции «Гром» еще 5 октября начали отвод войск с правого берега Западной Двины. В ночь с 12 на 13 октября германские войска оставили Ригу. Утром 13 октября первой в город ворвалась 245-я стрелковая дивизия генерал-майора Родионова. К этому времени 130-й корпус находился в 15 км от юго-восточной окраины Риги.

15 октября в 10 часов утра части Латышского корпуса с оркестром и развернутыми боевыми знаменами по Лубанскому шоссе вошли в Ригу.

За бои в сентябре и октябре 1944 г. 3418 бойцов и командиров Латышского корпуса, проявивших доблесть и отвагу в боях за столицу Латвии, города и села, были награждены орденами и медалями. Латышскому корпусу была объявлена благодарность, и он получил орден Суворова II степени. 43-й гвардейской дивизии присвоили почетное наименование Рижской вместе с другими особенно отличившимися частями и соединениями.

По просьбе ЦК КП(б) Литвы и Правительства Литовской ССР ГКО СССР 18 декабря 1941 г. принял постановление о формировании 16-й Литовской стрелковой дивизии. Формировалась она в Московском военном округе – в городах Балахне, Правдинске, Городце и поселке Чернораменке

Горьковской области.

Среди генералов и командиров 16-й стрелковой дивизии были и ветераны Гражданской войны (например, генерал-майор Ф. Жемайтис, командовавший дивизией с начала ее создания до апреля 1943 г.), и кадровые командиры Красной армии, и офицеры бывшей литовской армии. Комиссаром дивизии назначили бригадного комиссара И. Мацияускаса, заместителем командира по строевой части – генерал-майора В. Карвялиса (раньше он командовал 184-й стрелковой дивизией 29-го территориального Литовского стрелкового корпуса). Всего в 16-й дивизии насчитывалось свыше 10 тысяч офицеров, сержантов и солдат.

На фронт 16-я литовская дивизия была послана в самом конце 1942 г.

В брежневские времена известный еврейский писатель Эфраим Севела ославил литовскую дивизию в повести «Моня Цацкес – знаменосец» («Зебра Е», 2004 г.): «...эта [16-я. – А.Ш.] дивизия во всей славной Советской армии отличалась наибольшим скоплением больших носов, потому что почти все ее солдаты и даже офицеры были евреями...

...В самый разгар войны с немцами Сталин дал приказ прочесать все уголки России и найти литовцев, чтоб создать национальную литовскую дивизию. Как ни старались военкоматы, кроме литовских евреев, бежавших от Гитлера, ничего не смогли набрать. Пришлось довольствоваться этим материалом. Литовских евреев извлекали отовсюду: из Ташкента и Ашхабада, из Новосибирска и Читы, отрывали от причитающих жен и детей и гнали в товарных поездах к покрытой толстым льдом реке Волге». Увы, повесть слишком остроумна, чтобы соответствовать истине. На самом деле на 1 января 1943 г. в дивизии было 10 250 человек, из которых около 7 тысяч – литовцы или жители Литвы. По национальностям ее личный состав распределялся следующим образом: литовцев – 36,3 %, русских – 29,9 %, евреев – 29 %, представителей других национальностей – 4,8 %.

4 июля 1944 г. 16-я дивизия вместе с другими частями Красной армии освободила древний русский город Полоцк. 12 июля 16-я дивизия вступила на территорию Литовской ССР. 13 июля войска 3-го Белорусского фронта освободили столицу Вильнюс.

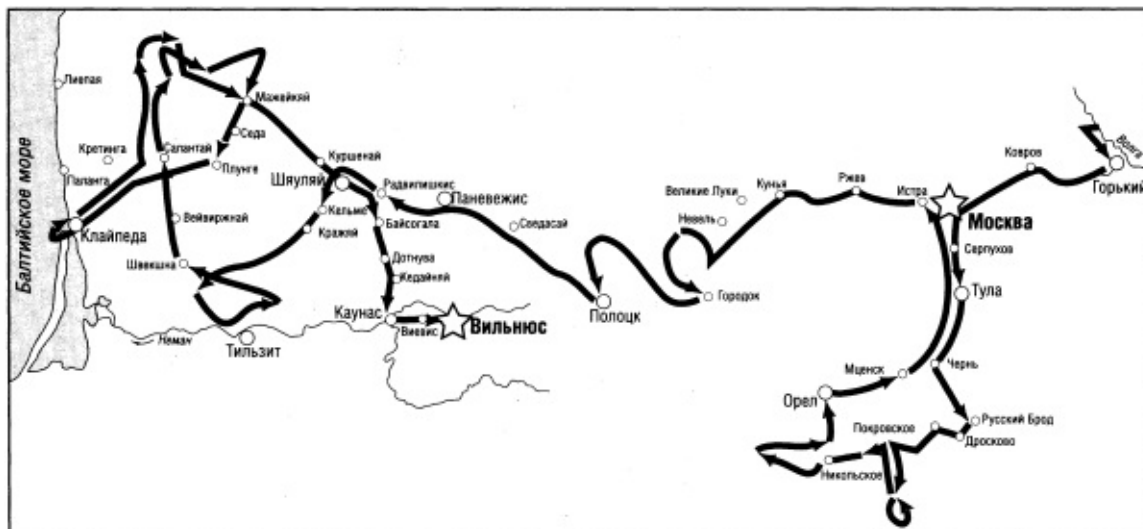
В первых числах августа 1944 г. начался призыв в Красную армию жителей с освобожденных от оккупантов территорий Литвы. В общей сложности было призвано около 13 тысяч человек, так что национальный состав 16-й дивизии изменился. На 1 июля 1944 г. литовцев в дивизии насчитывалось 32,2 %, а 27 апреля 1945 г. – 68,4 %.

За первые две недели после освобождения Вильнюса в армию вступили 1417 человек. С 25 августа по 5 сентября 1944 г. в Каунасе

записались добровольцами в Красную армию 10 145 человек. А из всех освобожденных районов Литвы до 16 сентября ряды красноармейцев пополнили 83 941 человек. Всего же из Литвы на завершающем этапе войны в армию вступили 108 378 человек. Они сражались с немцами на разных фронтах вплоть до 9 мая 1945 г. Более 150 тысяч граждан Литовской ССР в годы войны активно участвовали в вооруженной борьбе с захватчиками.

18 декабря 1941 г., в разгар битвы под Москвой, ГКО СССР принял постановление о формировании 7-й Эстонской стрелковой дивизии, которое началось 7 января 1942 г. Местом формирования определили Свердловскую область.

Рядовой и сержантский состав 7-й дивизии комплектовался из граждан Эстонской ССР – призывников, запасников, военнослужащих из действующей армии, тыловых частей и возвращавшихся из госпиталей. 1 октября 1942 г. по предложению ЦК Компартии Эстонии Наркомат обороны СССР издал директиву, согласно которой направлению в эстонские воинские части подлежали все военнообязанные эстонцы и граждане Эстонской ССР соответствующих возрастов. В 7-ю дивизию также вошли бойцы истребительных батальонов, сражавшиеся под Нарвой и Таллином.

Боевой путь 16-й Литовской стрелковой дивизии

14 марта 1942 г. воины 7-й эстонской дивизии приняли военную присягу. К 25 июля 1942 г. в дивизии состояло 12 676 человек.

10 февраля 1942 г. Наркомат обороны СССР издал распоряжение о формировании второй эстонской стрелковой дивизии. Эта дивизия получила номер 249, и формирование ее началось 1 марта 1942 г.

в Челябинской области в лагерях 2-й и 4-й запасных бригад. Только в марте туда прибыли 4 тысячи человек. Командиром 249-й эстонской стрелковой дивизии назначили полковника А. Вассиля.

25 сентября 1942 г. вышла директива Наркомата обороны СССР о формировании 8-го Эстонского корпуса на базе 7-й и 249-й Эстонских дивизий.

К ноябрю 1942 г. в эстонских частях насчитывалось 27 311 человек (7-я дивизия – 10 052 чел.; 249-я дивизия – 10 235 чел.; запасной полк – 6617 чел.). 8-й Эстонский корпус к концу формирования состоял на 75,7 % из рабочих, на 6,6 % – из крестьян, на 7,2 % – из служащих; 10,5 % составляли прочие категории. На 15 мая 1942 г. эстонцы составляли 88,8 % (19 658 человек), а русские – 9,9 %.

7 ноября 1942 г. 8-й Эстонский корпус прибыл на Калининский фронт.

1 февраля 1944 г. вышел приказ о включении Эстонского корпуса в состав войск Ленинградского фронта (командующий фронтом – маршал Л.А. Говоров) и зачислении в резерв Ставки Верховного Главнокомандования.

Эстонский корпус принял участие в Таллинской наступательной операции войск 2-й ударной и 8-й армий 3-го Прибалтийского фронта. Утром 17 сентября бойцы 7-й дивизии форсировали реку Эмайыги (Эмбах). 19 сентября 1944 г. части корпуса освободили город Муствеэ.

В Эстонии частям 8-го корпуса противостояли не только германские войска, но и отряды эстонских националистов. 20 сентября 7-я дивизия 130-го корпуса у поселка Авинурме вела упорные бои с националистами, в ходе которых были полностью разгромлены два полка 300-й дивизии особого назначения, состоявшей из немецких и эстонских подразделений, и 20-й артиллерийский полк из 20-й эстонской дивизии СС. 46-й полк из этой же дивизии СС сумел уйти лесными дорогами, и утром 21 сентября эстонский корпус начал преследование противника. В районе озера Поркуни была обнаружена колонна войск противника численностью до 1500 человек. Это были остатки 20-й дивизии СС и 209-й пехотной дивизии. Группа была уничтожена войсками 249-й советской эстонской дивизии. Это был последний серьезный бой в ходе операции. Теперь 20-я эстонская дивизия СС перестала существовать как боевая единица.

Боевой путь 8-го Эстонского стрелкового корпуса

Разгромив вражескую колонну, части 249-й дивизии освободили город Тамсалу. К исходу дня главные силы корпуса вышли к железной дороге Тапа – Тарту.

По приказу командира Эстонского корпуса был сформирован один из подвижных передовых отрядов фронта, шедших на Таллин впереди войск. В подвижный моторизованный отряд корпуса вошли два стрелковых батальона, рота автоматчиков, взвод разведки, два взвода противотанковых ружей, взвод 45-мм пушек, рота пулеметчиков – все из 354-го полка. Отряду был придан 45-й танковый полк корпуса под командованием полковника Э. Куслипуу и 952-й самоходно-артиллерийский полк. Личный состав отряда посадили на автомашины. Командиром отряда был назначен полковник Василий Вырк – командир 354-го полка 7-й дивизии 8-го Эстонского стрелкового корпуса.

21 сентября 1944 г. Вырк получил приказ: «К утру овладеть столицей Советской Эстонии Таллином!» – и задачу: не ввязываться в бой, с ходу прорваться через линию фронта и к утру 22 сентября ворваться в Таллин, освободить его и водрузить флаг Советского Союза на башне Длинный Герман. ^[231]

Отряд вышел из Паасвере, прорвался через линию фронта севернее Тамсалу и далее прошел около 120 км по маршруту Амбла – Янеда – Роокюла – Лехмя. Под городом Тапа отряд встретился с частями подвижной группы 8-й армии. Передовые отряды 8-й армии и 8-го Эстонского корпуса успешно продвигались к Таллину. Отряд полковника В.

Вырка к 8 часам утра 22 сентября достиг реки Пирита у Васкьяла и под Таллином захватил аэродром с 25 самолетами. В 9 часов утра в штабе корпуса получили радиogramму от Вырка, переданную открытым текстом: «Ведем бой в Таллине». Далее одна за другой последовали радиogramмы: «Заняли вокзал», «На Длинном Германе развевается красный флаг». Около 11 часов в штабе прочитали: «Бои прекратились, наводим порядок».

Во взаимодействии с прибывшими одновременно в город подвижными отрядами 8-й армии уже к полудню был освобожден центр города, а к вечеру – и весь город. Красное знамя на древней башне Длинный Герман таллинского замка Тоомпеа подняли командир взвода 3-й роты 354-го полка лейтенант Йоханнес Лумисте и ефрейтор Эльмар Нагельман из того же полка. А на здании Президиума Верховного Совета Эстонской ССР водрузили красный флаг бойцы 14-го полка 72-й стрелковой дивизии В. Вьюков и Н. Головань.

Согласно германским историкам, немцы морем эвакуировали из Таллина 50 880 солдат, 20 148 гражданских лиц и 931 пленного.

Утром 23 сентября в Таллин прибыл второй подвижный отряд корпуса в составе роты танков, пяти дивизионов артиллерии и дивизиона «катюш». Отрядом командовал генерал Л. Пэрн. Тысячи таллинцев высыпали на улицы, чтобы приветствовать этот отряд.

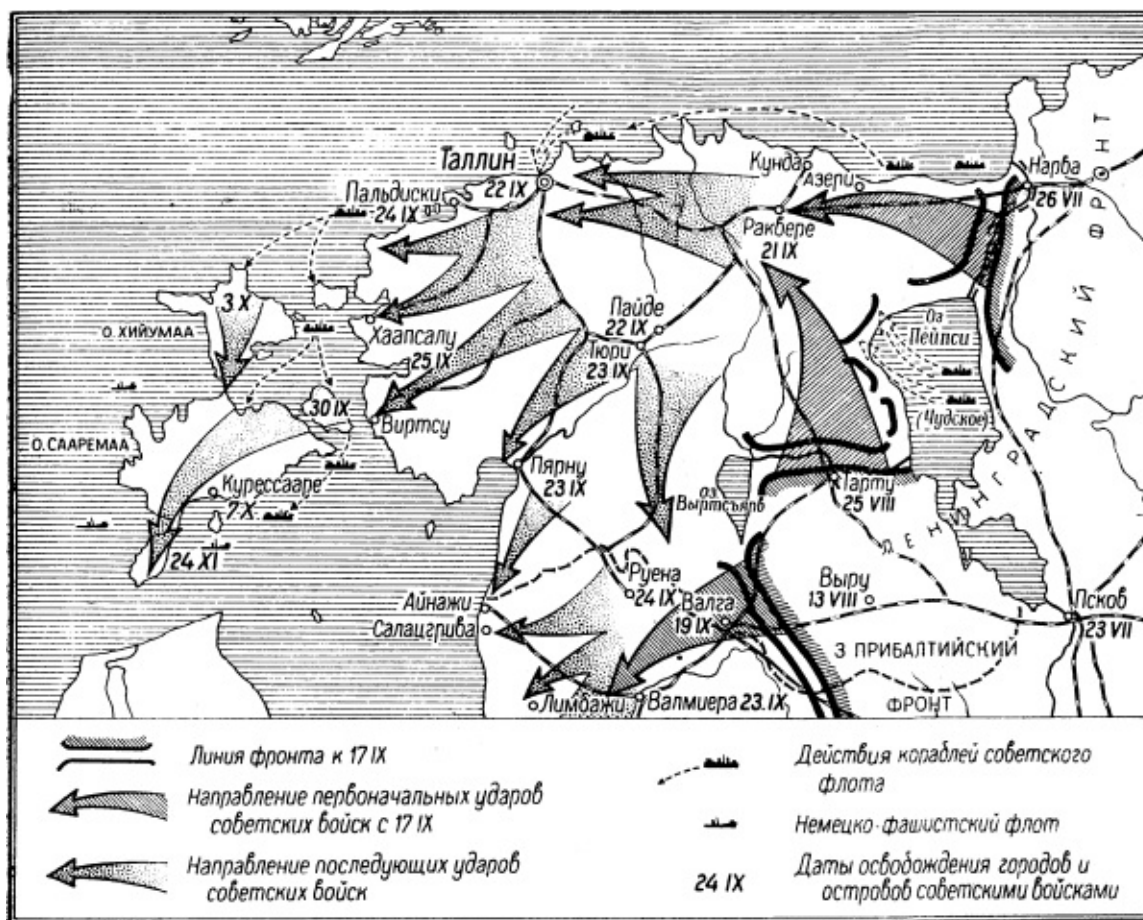
После захвата Таллина войска 2-й ударной армии развернулись фронтом на запад и юго-запад и продолжали наступление. Основные силы Эстонского корпуса также быстро продвигались вперед. 22 сентября они вышли на линию Янеда – Ярва – Яани, а к вечеру 24 сентября были уже на линии Кохила – Рапла.

24 сентября подвижный отряд 249-й дивизии освободил населенные пункты Хаапсала и Рохукюл, где захватили множество пленных и богатые трофеи.

25 сентября Эстонский корпус вышел на линию Паливере – Кулламаа – Марьямаа – Нисси.

26 сентября авангард 7-й дивизии под командованием майора Вальтера Ханнула занял порт Виртсу.

Таким образом, к 26 сентября, за 10 дней боев, от противника была очищена вся территория Эстонии, кроме островов Моонзундского архипелага.

Освобождение Эстонской ССР частями Красной армии в 1944 г.

Говоря о боевых действиях Эстонского корпуса, следует заметить, что он действовал в составе целых фронтов, и здесь вычленены действия именно национальных прибалтийских частей. В ходе наступления в Прибалтике только с 14 по 24 сентября 1944 г. Красная армия потеряла убитыми 61 468 человек и ранеными 218 622 человека.^[232]

Но вернемся к боям за Моонзундские острова. Начиная с

9 сентября 1944 г. немцы передислоцировали на острова довольно значительные силы: 23-ю пехотную дивизию, 202-ю бригаду штурмовых орудий, штаб 1006-го полка армейской береговой артиллерии, 289-й и 810-й дивизионы армейской артиллерии, 530-й дивизион морской артиллерии и 239-й морской зенитный дивизион.

По данным Вернера Хаупта, 25 сентября немцы без боя оставили остров Вормси.^[233] А согласно «Хроники Великой Отечественной войны Советского Союза на Балтийском море, Ладожском и Чудском озерах», утром 27 сентября «три торпедных катера, вышедшие накануне из порта Палдиски, в 10 ч. 30 мин. высадили десант морской пехоты на Вормсисаар.

В 15 ч. 30 мин. на остров переправились части 135-й стрелковой дивизии 8-й армии. Противник на острове оказал сопротивление пулеметно-минометным огнем, а затем ушел на остров Хиумаа». ^[234] Видно, начальству было как-то несолидно захватывать пустой остров, да и как к наградам представлять?

В ночь на 30 сентября одиннадцать торпедных катеров Балтийского флота перевезли с пристани Виртсу на остров Муху (Моон, Мухумаа) первый отряд эстонских десантников из состава 925-го полка. Затем на понтонах и баржах туда была переправлена 249-я стрелковая дивизия в составе двух полков, артиллерии и танков. Как писал А.И. Петренко: «Преодолевая сопротивление противника, войска 249-й дивизии в быстром темпе и с малыми потерями преодолели семикилометровый пролив Сур-Вяйн и к семи часам утра 30 сентября полностью освободили остров Муху. Но не удалось с ходу захватить дамбу, соединяющую Муху и Сааремаа. Отступающие фашисты взорвали ее в нескольких местах. Захват Муху с ходу стал для немецкого командования полной неожиданностью». ^[235] Хаупт же утверждает, что остров Моон не оборонялся. ^[236]

Десант на самый крупный остров архипелага Сааремаа (Эзель) начался рано утром 5 октября. В 5 ч. 45 мин. артиллерия 8-го Эстонского корпуса начала артиллерийскую подготовку по восточному побережью острова, исключая район высадки – пристань Таалику. В то же время артиллерия 109-й стрелковой дивизии с южного побережья острова Хинумаа начала артиллерийскую подготовку по району пристани Трииги.

В 7 часов утра 18 торпедных катеров высадили в бухте Кейгусте два батальона Эстонского корпуса. Почти одновременно на северном побережье Сааремаа высадился первый эшелон 131-й стрелковой дивизии.

К исходу дня бойцы 131-й дивизии соединились с частями Эстонского корпуса. 6 октября наступление продолжалось. 249-я и 7-я дивизии продвигались в сторону Курессааре. В ночь на 7 октября они вели бои с упорно сопротивлявшимися германскими частями: 249-я дивизия – на рубеже Кыйяла – Вийра, 131-я дивизия – на рубеже Лейзи – Арумыйза – Пуртла.

7 октября частями 7-й Эстонской дивизии был освобожден город Курессааре. А 8 октября 249-я Эстонская и 131-я дивизии вышли на западное побережье острова. В ночь на 9 октября состоялся бой у Техумарди.

9—12 октября советские войска ожесточенно атаковали позиции противника на полуострове Сырве – самой южной части острова Сааремаа.

На полуострове было сосредоточено 7177 немцев. Кроме того, туда с 22 октября перебрасывались подразделения из 12-й полевой дивизии люфтваффе. Германское командование называло Сырве «Балтийским Гибралтаром». Этот полуостров контролировал все коммуникации через Ирбенский пролив, по которым шло все снабжение Курляндской группировки.

К вечеру 9 октября 917-й полк 249-й дивизии прорвал линию прикрытия в обороне противника и вышел к первому основному рубежу обороны немцев на полуострове.

19 октября 249-я дивизия овладела германскими позициями в районе Унгру – Пагила и вышла на рубеж Питснина – Касику. Однако эстонская дивизия понесла большие потери и в ночь на 20 октября была выведена с позиции. Ее сменила 131-я дивизия.

С 8 ч. 30 мин. до 9 ч. 52 мин. 24 октября советские позиции на полуострове Сырве были обстреляны германской эскадрой в составе тяжелого крейсера «Лютцов», двух эсминцев и пяти миноносцев. Немцы выпустили 1100 снарядов. Советские войска были вынуждены перейти к обороне.

Новое наступление на полуостров Сырве было начато лишь в середине ноября. 18 ноября силами 249-й дивизии Эстонского корпуса, 131-й и 109-й стрелковых дивизий 109-го корпуса и 64-й гвардейской стрелковой дивизии Ленинградского фронта был осуществлен фронтальный прорыв укрепленного оборонительного рубежа противника на полуострове. 7-ю же дивизию еще 7 ноября передислоцировали в Таллин. К исходу 19 ноября советские войска вышли к району Виитри – Ингенланди – Льюпуллу – Разусте.

23 ноября в 13 часов части эстонской 249-й дивизии перешли в наступление. Они расчленили оборону противника и к исходу дня освободили населенные пункты Лада и Кюлле. Вдоль юго-восточного берега полуострова Сырве наступали части 109-й и 74-й гвардейской дивизий.

24 ноября в 10 часов утра 249-я дивизия достигла южной оконечности полуострова, а части 131-й дивизии освободили деревню Свалферот. 109-я дивизия к этому времени вышла на побережье у Карьямы.

После окончания боев за остров Сааремаа Эстонский корпус занимался проведением боевой подготовки в районе Таллина.

5 февраля 1945 г. вышел приказ о передислокации Эстонского корпуса, и 11–22 февраля корпус по железной дороге передислоцировался из Эстонии в Литовскую ССР в районе Мажейкяй, Жидикяй, где с 19 февраля

вошел в состав 2-го Прибалтийского фронта.

Еще до взятия Риги Красная армия вышла к Балтийскому морю в районе Паланги, и германская группа армий «Север» оказалась отрезанной. Так возник знаменитый «Курляндский котел», где были блокированы 26 германских дивизий.

Германские генералы предложили Гитлеру организовать прорыв окруженных войск в Восточную Пруссию. Но фюрер заявил, что скоро положение изменится, и тогда «курляндская группировка» будет необходима ему для нанесения флангового удара по наступающим частям Красной армии.

Советское же командование поступило весьма мудро и оставило окруженную группировку в покое, высвободив значительные силы для наступления в Восточной Пруссии.

В январе 1945 г. окруженная группировка была переименована в группу армий «Курляндия». Германским генералам с трудом удалось убедить Гитлера эвакуировать из «котла» морем 10 дивизий, но остальным фюрер приказал сражаться до конца.

Конец наступил 9 мая, и «Курляндии» пришлось капитулировать. По данным Хаупта, сдалось 189 тысяч немцев и 14 тысяч прибалтийских добровольцев. Среди сдавшихся были 19-я гренадерская дивизия СС (бывшая латышская 2-я дивизия СС), шесть латышских полицейских батальонов, а также четыре литовских полицейских батальона.

В заключение стоит добавить, что на территории оккупированной немцами Прибалтики действовали многочисленные партизанские отряды, в которых воевали эстонцы, латыши, литовцы, русские и евреи.

Глава 28

Как армия крайова пыталась захватить Литовскую ССР

При освобождении Литвы Красной армией пришлось действовать не только против германских войск и банд литовских националистов, но и против польской Армии крайовой. В 1940–1943 гг. Армия крайова, «державшая ружье у ноги», мало досаждала немцам, и те, в свою очередь, сквозь пальцы смотрели на формирование частей Армии крайовой. Это только в нашем и польском кино в каждой оккупированной деревне стояли немецкие части, и не простые, а элитные.

На самом же деле в Польше и в СССР в ряде районов на десятки километров не было немецких войск. Гарнизоны в тылу состояли из военнослужащих преклонного возраста и инвалидов. Поэтому Армия крайова за 2 года существенно окрепла. Арсенал ее пополнился оружием бывшей польской армии, брошенным или спрятанным в 1939 г., и немецким оружием, похищенным или купленным у оккупационных войск. А с начала 1944 г. американские летающие крепости «Либерейтор» Б—24, действовавшие с итальянских аэродромов, регулярно сбрасывали оружие на парашютах. Армия крайова таким образом получила от западных союзников тысячи единиц легкого вооружения, включая минометы и крупнокалиберные пулеметы, а также современные мощные радиостанции. На парашютах сбрасывались и польские офицеры, прошедшие обучение диверсионной деятельности в Англии и США.

В связи с успехами Красной армии эмигрантское правительство и руководство Армии крайовой разработали план операции «Буря». Согласно ему, части Армии крайовой должны были при отступлении немцев занимать крупные города, создавая там гражданские администрации, подчиненные Лондону, и встречать советские войска в роли хозяев, то есть законных властей. Для реализации плана предполагалось привлечь до 80 тысяч членов Армии крайовой, находившихся главным образом в восточных и юго-восточных воеводствах Польши и на территориях Литвы, Западной Украины и Западной Белоруссии.

План «Буря» предусматривал участие Армии крайовой в изгнании немцев, допускал взаимодействие с частями Красной армии, но категорически предписывал «решительно противостоять» любым

попыткам включить подразделения Армии крайовой в состав Красной армии или польских дивизий, шедших вместе с ней с Востока. Командирам отрядов Армии крайовой предлагалось по завершении военных операций оставаться в тылах Красной армии, действовать независимо от нее, препятствовать установлению власти Крайновой Рады Народовой и обеспечивать утверждение администрации эмигрантского правительства.

При этом действия плана «Буря» должны были происходить не только на территории бывшего Польского государства, но и на территории Литовской ССР.

Согласно совершенно секретному докладу наркома внутренних дел Л.П. Берия Сталину, «в Вильно существовала при немцах польская подпольная военная организация, которая была сведена в три отряда. Из этих трех отрядов и на сегодня существует отряд № 1 численностью 1500 человек. Два отряда, по словам начальника штаба отрядов, не существуют, так как один из них был разбит немцами во время попытки овладеть г. Вильно, а другой разогнан немцами в период его организации.

На сегодня в г. Вильно имеется до 2000 солдат «Польской Армии краевой» и в районах: Новогрудском (Туркели, Волкорабишки) – до 7000–8000 человек, Медники (колония Гурка) – до 8000 человек и вокруг Вильно (имение Веерке-Нове) – 3000–4000 человек. Всего до 25 000 солдат.

Во всех этих районах были наши офицеры и генералы и видели их расположение и численность.

Все польские солдаты сведены в бригады и вооружены в большинстве русскими винтовками и автоматами, револьверами и гранатами. Кроме того, имеются в бригадах станковые и ручные пулеметы, противотанковые ружья, орудия, самоходные немецкие пушки и даже танки (во 2-й бригаде мы видели 3 танка). Имеются у них также и средства передвижения – автомобили, мотоциклы, лошади...

Кроме того, наличие этой «польской армии» дезориентирует местное население. Многие думают, что это польская армия БЕРЛИНГА,^[237] и когда пришли заготовители от 3-го Белорусского фронта в Ошмяны за продуктами, то им жители заявили, что они уже все задания по налогу выполнили в польскую армию БЕРЛИНГА.

НКВД СССР докладывает, что сверх имеющихся в Вильно 2-х батальонов войск НКВД и одного полка, прибывающего в Вильно завтра, 16 июля, нами перебрасывается в район Вильно одна дивизия внутренних войск НКВД и 4 погранотряда, в результате чего в ближайшие 4–5 дней в районе Вильно будут сосредоточены части войск НКВД общей численностью 12 000 человек...

Поляки безобразничают, отбирают насильно продукты, рогатый скот и лошадей у местных жителей, заявляя, что это идет для польской армии. Имеют место угрозы, что если местные жители Литвы будут сдавать продовольствие Красной армии, то поляки их накажут...

...После очистки г. Вильно от немцев на городской Ратуше был вывешен Советский флаг. Через некоторое время ниже Советского флага появился польский флаг, который, правда, сразу же был снят. Вчера вечером в г. Вильно хоронили наших офицеров, погибших при взятии г. Вильно. Командир полка на могиле сказал, что они погибли за освобождение литовской столицы г. Вильно. Стоявшие два польских солдата обратились к нашему полковнику Капралову и заявили, что, видимо, полковник выступавший не знает, что Вильно никогда не был и не будет литовским...

...В настоящее время поляки проводят усиленную мобилизацию в «Армию краевую» и собирают оружие. Вчера была в городе задержана повозка с оружием, на которой ехал польский солдат. При допросе он заявил, что оружие собрано у населения и предназначено для польских бригад. Оружие изъято». [\[238\]](#)

Поляки утверждали, что это они освободили Вильно. На самом деле генерал «Вилк» («Волк» – псевдоним полковника А. Кжижановского) получил приказ из Лондона занять Вильно частями Армии крайовой. Туда действительно сунулась одна бригада, но немцы ее наголову разбили. На этом «занятие» Вильно поляками прекратилось.

Советское командование решило разоружить части Армии крайовой и сделать это по возможности без применения оружия. Для этого генерал-майор «Вилк» 17 июля 1944 г. был вызван в ставку командующего 3-м Белорусским фронтом генерала армии И.Д.Черняховского. Там «Вилку» было заявлено, что советское командование интересуется боеспособность польских формирований, и поэтому желательно, чтобы офицеры Красной армии ознакомились с ними. «Вилк» согласился и сообщил шесть пунктов, где дислоцировались его полки и бригады.

Кроме того, советское командование заинтересовалось офицерским составом польских формирований и предложило «Вилку» собрать всех командиров полков, бригад, их заместителей и начальников штабов, на что «Вилк» также согласился и отдал соответствующее приказание своему связному офицеру, который немедленно выехал из штаба.

После этого «Вилк» был обезоружен, а прибывший вместе с ним капитан – начальник штаба, который был представителем Лондонского правительства, попытался выхватить пистолет для оказания сопротивления, взвел курок, но был также обезоружен.

Немедленно к местам расположения польских войск были высланы соединения и части 3-го Белорусского фронта, выделенные для разоружения поляков. А на места разоружения руководящего офицерского состава выехала маневренная группа пограничников и руководящих работников НКВД.

Далее процитирую еще один доклад Берия Сталину: «Сегодня, 18 июля, получено от т.т. Серова и Черняховского следующее сообщение: Вчера, в 20 часов, были собраны в районе деревни Богуши командиры бригад и батальонов якобы для смотра их командующим фронта. Всего собралось 26 офицеров, из них: 9 командиров бригад, 12 командиров отрядов и 5 штабных офицеров польской армии.

На наше предложение сдать оружие офицеры ответили отказом, и лишь когда было объявлено о применении оружия, офицеры разоружились.

Кроме того, вчера были изъяты: командующий Виленским округом подполковник Кржешевский, Любослав, псевдоним «Людвиг», и командующий Новогрудским округом полковник Шидловский, Адам, псевдоним «Полищук».

Шидловский в мае с.г. выброшен из Италии на парашюте в Варшаву с задачей организации польских партизан в Новогрудском округе.

Сегодня, с рассветом, приступили к проческе лесов, где, по нашим данным, находились поляки. В некоторых местах поляков не оказалось. Было установлено, что они ночью выступили в южном направлении. Принятыми мерами поляки были настигнуты и разоружены.

По состоянию на 16 часов обезоружено 3500 чел., из них: 200 офицеров и подофицеров.

При разоружении изъято оружия: винтовок 3000 шт., автоматов 300 шт., пулеметов 50 шт., минометов 15, орудий легких 7, автомашин 12 и большое количество гранат и патронов.

Польские офицеры и солдаты под конвоем направлены на пункты сбора, а оружие свозится на склады.

Части, участвующие в операции, ведут дальнейшую разведку, преследование и разоружение польских отрядов.

Как нами установлено допросом командиров отрядов и бригад, а также «командующих» Виленским и Новогрудским округов, общая численность всех солдат так называемой «Польской армии краевой» колеблется от 8 до 10 тысяч, расположенных в полосе 3-го Белорусского фронта». ^[239]

А вот следующий доклад Лаврентия Павловича от 3 августа 1944 г.: «НКВД СССР докладывает об итогах операции по разоружению солдат и офицеров „Польской Армии крайовой“ и о проводимых в Литовской ССР

оперативно-чекистских мероприятиях.

По данным полков и соединений 3-го Белорусского фронта, принимавших участие в операции, всего разоружено 7924 солдата и офицера.

Из этого количества 4400 солдат и офицеров откомандировано на сборные пункты, 2500 солдат распущено по домам командирами частей и конвоем.

Кроме этого, на участке 1-го Прибалтийского фронта разоружено 400 польских солдат.

При разоружении поляков изъято: винтовок – 5500, автоматов – 370, пулеметов ручных и станковых – 270, орудий легких – 13, а также автомашин 27, радиостанций 7, лошадей 720.

В течение нескольких дней представитель армии БЕРЛИНГА завербовал на сборном пункте 440 солдат. Офицерский состав отказывался идти в армию БЕРЛИНГА, заявляя, что на это нет приказа от высшего командования...

До войны в г. Вильно насчитывалось 320 000 жителей. В период оккупации около 30 000 разъехали по деревням и вывезены немцами в Германию. Кроме того, по данным местных жителей, немцами было арестовано и расстреляно свыше 40 000 евреев и других граждан.

В настоящее время в г. Вильно в пригороде проживает до 200 000 человек. Абсолютное большинство жителей – поляки. Установлено, что литовцы ушли с немцами при отступлении, боясь репрессий со стороны советской власти и поляков за то, что они активно помогали немцам в период оккупации.

Между поляками и литовцами существуют враждебные отношения. Это объясняется тем, что в период оккупации немцами Литвы литовцы занимали все ответственные административные посты как в городе, так и в деревне и плохо относились к полякам.

Кроме того, по заданию немцев литовский генерал Плеховичус [Так в тексте. Правильно: Плехавичиус] организовал из литовцев дивизию для проведения карательных мероприятий против поляков и партизан. Эта дивизия жестоко расправлялась с населением.

Население г. Вильно положительно реагирует на освобождение города от немецких оккупантов и выражает удовлетворение тем, что служба в костелах будет вестись не на литовском, а на польском языке, а также выражает надежду, что Вильно будет входить в состав Западной Украины или Белоруссии, но только не Литвы.

По непроверенным агентурным данным, в Тракайском уезде собирают

подписи у населения, чтобы послать письмо товарищу СТАЛИНУ с просьбой о присоединении Виленской области к Западной Белоруссии.

Рабочие и трудовая интеллигенция г. Вильно одобрительно высказываются о создании Польского Национального Комитета Освобождения, считая, что в результате этого мероприятия Польша станет самостоятельным государством.

Часть населения, особенно духовенство, польские националисты и реакционная интеллигенция считают Национальный Комитет незаконным и делают ставку на лондонское правительство.

Во всех освобожденных уездах местная администрация, состоявшая исключительно из литовцев, сбежала. Полицию и карательные органы немцы оставляли на месте, организовывали из них отряды самообороны и предлагали им защищать свой город. Так, например, города Тракай и Паневеж защищали отряды самообороны. После того как Красная армия входила в город, эти отряды скрывались в лесах.

Организованы оперативные мероприятия по поимке членов отрядов самообороны.

Во всех уездах осталось большое количество русских людей, угнанных немцами в феврале с.г. Так, например, в Паневежском уезде оказалось более 2000 человек, угнанных немцами из Ленинградской области вместе со скотом и сельхозинвентарем.

В других уездах жители Орловской, Курской, Смоленской и других областей.

С 14 по 20 июля НКВД – НКГБ Литовской ССР арестовало 516 человек, в том числе: шпионов – 51, активных пособников немецких оккупантов – 91, руководящих работников административных органов немецких оккупационных властей – 302, участников подпольных антисоветских националистических организаций – 36 и уголовного элемента – 35.

Кроме того, органами и войсками НКВД выявлено и захвачено в плен 570 немецких солдат и офицеров, пытавшихся пробраться на Запад.

При боевых столкновениях с отдельными группами немцев убито 785 солдат.

У арестованных и населения изъято оружия: винтовок – 984, пулеметов – 405, минометов 132, гранат – 137, патронов – 450 000». [\[240\]](#)

Так решительными действиями Красной армии и Госбезопасности была пресечена попытка Армии крайовой захватить Виленскую область и включить ее в состав Польши.

Глава 29

Война после войны

Сразу после прихода Красной армии в Прибалтику сотрудничавшие ранее с нацистами националисты прибегли к тактике террора и партизанской войны. Уже в июле – августе 1944 г. вслед за войсками 3-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов на территорию Литвы вступили соединения и части войск НКВД. В республике были развернуты семь пограничных полков, в задачу которых входила очистка прифронтовой полосы и освобожденной территории от «отставших солдат и офицеров германских частей, мародеров, дезертиров, вражеской агентуры, антисоветских элементов, пособников противника».

С 14 по 20 июля 1944 г. НКВД и НКГБ Литовской ССР было арестовано 516 человек, в том числе 51 шпион, 302 активных пособника немецких оккупационных властей, 36 участников подпольных антисоветских националистических организаций и 35 уголовников.

27 июля, согласно приказу Военного совета 3-го Белорусского фронта, на территории Литовской ССР началась мобилизация в Красную армию. Из-за неверных действий военкоматов, в том числе и отсутствия повесток, националисты начали распускать слухи о том, что мобилизации нет, а призванные будут сосланы в Сибирь. В результате значительная часть этнических литовцев уклонилась от призыва.

Так, в Виленском уезде с 26 по 31 июля мобилизации подлежало 5 тысяч человек, на призывные пункты явилось 1700 человек, а на станцию для погрузки – всего 950 человек.

В некоторых уездах этим воспользовались литовские фашисты – «таутинники» – и начали организовывать банды из числа литовцев, уклонившихся от призыва. Так, в Паневежском уезде появились две бандгруппы, вооруженные винтовками и пулеметами, численностью до 50 человек каждая.

Имели место факты обстрела «таутинниками» воинских колонн, двигавшихся по шоссе.

НКВД принял решительные меры к ликвидации групп «таутинников».

Аналогичная ситуация сложилась в Латвии и Эстонии. На освобожденной территории Латвии в мае – августе 1944 г. были арестованы 190 немецких агентов, сотрудников полиции, предателей, изъято 1412

винтовок, 162 автомата, 66 пулеметов, 670 гранат, 43 револьвера. В октябре – декабре того же года отдел по борьбе с бандитизмом НКВД СССР провел несколько чекистско-войсковых операций на территории Эстонии, в результате которых были задержаны 356 повстанцев, 333 бандпособника, изъяты 712 винтовок, 28 автоматов, 45 пулеметов, 32 револьвера, 43 500 патронов.

В Эстонии в 1946–1956 гг. националистами был убит 891 человек, в том числе 447 активистов советских и партийных органов, крестьян, получивших землю в результате проведенной советской властью земельной реформы, а также членов их семей, 295 бойцов отрядов народной самозащиты, 52 сотрудника правоохранительных органов, 47 военнослужащих.^[241]

Важную роль в организации бандформирований сыграла прибалтийская эмиграция. После оккупации Прибалтики немцами несколько тысяч человек уехали в Швецию. По официальной оценке, на 1 декабря 1944 г. беженцев из Прибалтики (без эстонских шведов) насчитывалось уже около 25 тысяч человек.^[242]

Уже в 1944 г. советские дипломаты – посол в Швеции А.М. Коллонтай и советник И.С. Чернышев – неоднократно поднимали вопрос с руководством Швеции о прибалтийских беженцах. Каждый раз дипломаты подчеркивали, что СССР рассматривает беженцев в качестве своих граждан. В ходе беседы Чернышева с премьером П.А. Ханссоном, состоявшейся 25 ноября 1944 г., последний заявил, что его правительство не может принуждать советских граждан вернуться назад в СССР вопреки их собственной воле. На замечание же Чернышева о том, что среди беженцев много преступников, премьер ответил обещанием изучить этот вопрос.

С января по май 1945 г. в Швецию перебежало около 30 тысяч латышей и эстонцев. В основном это были бывшие legionеры, полицейские, чиновники оккупационной администрации и члены их семей.

В ряде шведских и финских изданий говорится о сделке, заключенной между правительствами Швеции и СССР. В обмен на передачу советской стороне 2600 (а по другим сведениям 4000) пленных немцев Советский Союз отказывался от требований принудительного возвращения беженцев из Прибалтики. Документы эти до сих пор засекречены. Об этом даже не упомянуто в капитальном русско-шведском издании «Швеция в политике Москвы в 1930—1950-е годы». Во всяком случае, советские дипломаты периодически поднимали вопрос о беженцах в конце 1940-х – в 1950-х гг.,

но, увы, без особой настойчивости.

Таблица 2
Статистические сведения об эмигрантах из республик Прибалтики (1939–1945 гг.)^[243]

Страны эмиграции	Латыши	Литовцы	Эстонцы	Всего, чел.
Германия и Австрия	28 127	11 057	7479	46 663
Великобритания	20 036	20 034	1019	50 089
Австралия	15 017	10 271	4524	29 812
Канада	6039	7679	4583	18 301
США	10 066	7779	4271	22 116
Швеция	3929	407	22 459	26 795
Всего, включая другие страны, чел.	109 214	63 401	58 924	231 539

В 1939–1945 гг. беженцы из Прибалтики через Швецию и Германию переехали в десятки стран мира.

Правительства западных стран не признали официально вхождения Прибалтийских республик в состав СССР и начиная с 1946 г. поощряли антисоветскую деятельность беженских организаций.

Так, уже в конце 1944 г. в Швеции был создан эмигрантский Эстонский комитет, в 1945 г. – «Эстонский национальный фонд для финансирования зарубежной борьбы», а в 1947 г. – Эстонский Национальный Совет. Наконец, в 1954 г. на границе между Швецией и Норвегией было создано эстонское эмиграционное правительство в изгнании, так называемое «Ослоское правительство».

В начале 1950-х гг. Сенат США пересмотрел свое отношение к прибалтийским легионам войск СС. В принятой резолюции говорилось, что они «не способствовали национал-социализму» и «решения Нюрнбергского трибунала к ним не относятся».

В США даже существовали правительства «независимых» Эстонии, Латвии и Литвы. Естественно, особой роли эти правительства и представительства не играли как из-за того, что даже страны НАТО не принимали их всерьез, так и из-за грызни в самой эмигрантской среде. Однако в пропагандистских целях они использовались Западом, как говорится, на полную катушку.

Начиная с 1946 г. активную помощь прибалтийским националистам оказывали спецслужбы Англии и США. Они не только предоставляли

денежные средства, организовывали на своей территории и на оккупированных территориях в Европе базы и учебные лагеря для диверсантов, но и напрямую участвовали в боевых действиях, предоставляя самолеты, корабли и катера для высадки агентов на территорию СССР.

Сейчас у нас многие либералы утверждают, что, мол, зачинщиком «холодной войны» был Советский Союз. Я не буду говорить о речи У. Черчилля в Фултоне в 1946 г., признанной большинством историков в качестве точки отсчета начала «холодной войны». Гораздо менее у нас известно официальное высказывание президента США Д. Эйзенхауэра: «... появление советского самолета над США будет означать начало ядерной войны». А вот советское правительство годами терпело самолеты США и Англии над своей территорией и лишь эпизодически сообщало о них в печати (примерно в одном случае из тридцати).

Так, 11 мая 1954 г. на территорию Эстонской ССР с целью создания нелегальной резидентуры с самолета были десантированы агенты ЦРУ Тоомла и Кукк, а над территорией Латвии с того же самолета был сброшен бывший преподаватель американской разведшколы в городе Кемптен (ФРГ) Бромбергс (оперативный псевдоним «Энди»). Чуть позже в ходе завязавшейся после ареста указанных агентов оперативной игры у берегов Литвы был захвачен быстроходный катер, доставивший очередную партию военного груза для «лесных братьев».

Детали спецопераций западных разведок до сих пор держатся в секрете как у нас, так и в странах НАТО. Всплывают лишь отдельные подробности. Так, в мае 1949 г. британская разведка МИ—6 начала секретную операцию «Джунгли» по переброске людей и оружия в Прибалтику. Помимо других плавсредств, в ней участвовали два катера Британской Балтийской службы рыболовства – FPB—5208 и FPB—5130, представлявшие собой трофейные германские торпедные катера S—130 и S—208 со снятыми торпедными аппаратами. Любопытно, что команды катеров были укомплектованы матросами кригсмарине из экипажей торпедных катеров, а общее командование осуществлял бывший последний командир немецкой 2-й флотилии торпедных катеров Ганс Гельмут Клозе.

Катера базировались на порт Киль. По ночам они на предельной скорости входили в советские территориальные воды, а затем высаживали людей и грузы на берег с помощью надувных моторных лодок. Операция продолжалась по меньшей мере до 1952 г.

Только в процессе проведения оперативных игр в Латвии с 1949 по 1956 г. органами госбезопасности было захвачено 15 агентов английской

разведки, у которых было изъято 32 портативные коротковолновые радиостанции, 17 радиомаяков, 6 видов тайнописи, более трех миллионов рублей и т. п.

Стоит заметить, что документы по борьбе с бандами националистов и англоязычной агентурой в подавляющем большинстве хранятся в архивах РФ под грифами «секретно» и «сов. секретно», особенно это касается Эстонии и Латвии. Рассекречено лишь несколько дел по Литве. Это было связано, с одной стороны, с тем, что масштаб боевых действий в Литве был намного выше, чем в Эстонии и Латвии, а также с рядом утечек информации по «делу Берия» и с другими факторами.

Бандформированиями в Литве руководил Верховный комитет освобождения Литвы (ВКОЛ), лидерами которого были К. Белинис, А. Гинейтис и П. Шилас. ВКОЛ подчинялся Литовской освободительной армии (ЛЛА – Lietuvos Laisvės Armija). Вооруженные отряды ЛЛА назывались «Ванагой». Общее руководство их боевыми действиями осуществлял главный штаб, разделивший территорию Литвы на округа: Вильнюсский, Паневежский, Шяуляйский и Ковненский. Южная Латвия, где проживали наиболее бедные слои крестьянства, стала настоящим «партизанским» краем. Каждому округу подчинялись уездные формирования – батальоны или полки. Волостные формирования – роты или батальоны – подчинялись уездным, а деревенские – взводы и роты – волостным. Деревенские подразделения состояли из 2–3 отделений, в состав которых входили как бывшие военнослужащие буржуазной литовской армии, рабочие, служащие, крестьяне, студенты и учащиеся, так и священнослужители (капелланы) и бывшие полицейские, служившие в немецких войсках. На вооружении они имели оружие немецкого и советского производства. В начальный период движения большинство бойцов носили военную форму литовской армии.

Для борьбы с бандами националистов советское командование привлекло отряды местной самообороны («истребители»), которые в октябре 1945 г. по постановлению ЦК компартии Литвы и Совмина Литовской ССР были переименованы в отряды «народных защитников». Сначала они находились в ведении НКВД, а с 1947 г. стали подчиняться органам госбезопасности.

Отряды народных защитников формировались из местных активистов и вооружались в основном трофейным оружием. Бойцы отрядов освобождались от воинской службы и получали различные льготы. Их формирования были созданы во всех литовских волостях. В каждом отряде насчитывалось около 30 бойцов, а всего по всей Литве их было 8—10

тысяч. Отряды народных защитников участвовали в боевых операциях совместно с оперативными группами войск НКВД и армии.

Большую роль в борьбе с бандформированиями сыграли отряды чекистов, замаскированные под «повстанцев». В июне 1945 г. по указанию наркома внутренних дел Л.П. Берия в Литву «для вскрытия и ликвидации контрреволюционных литовских националистических банд» дополнительно направили четыре спецподразделения отдельного отряда особого назначения (ОООН) НКВД – НКГБ СССР. Их личный состав был экипирован в трофейное обмундирование, в том числе и РОА, и вооружен как советским, так и трофейным оружием, в том числе ротными минометами, пулеметами, автоматами и гранатами. Каждое подразделение имело подробную информацию о положении в том уезде, где ему предстояло действовать. Основной задачей командиров ОООН было «обнаружение и ликвидация формирований националистического подполья, баз и штабов ЛЛА».

Однако, несмотря на все принятые меры, с 1944 по 1953 г. бандами националистического подполья в Литве было убито 12 910 человек из числа партийно-советского актива и трудящихся, положительно относившихся к советской власти.

Националисты в Литве активно поддерживались спецслужбами США и Великобритании. За 1945–1953 гг. ЦРУ и СИС^[244] было переброшено в Литву 13 эмиссаров, снабженных радиостанциями, оружием и другими предметами.

История боевых действий в Литве в 1945–1956 гг. еще ждет своих исследователей. Но вот только один пример. Подразделения 4-й стрелковой дивизии внутренних войск НКВД – МВД, располагавшейся в Литовской СССР, в 1944–1954 гг. провели 1764 операции и имели 1413 боестолкновений с «повстанцами». При этом было убито и захвачено в плен 30 596 бандитов, а части внутренних войск потеряли 533 человека убитыми и 784 человека ранеными.

Чтобы окончательно покончить с бандитизмом, следовало лишить его социальной базы. 21 февраля 1948 г. Совет министров СССР принял постановление № 417—160сс о выселении из Литвы членов семей бандитов, а также бандпособников из числа кулаков. Операция, получившая название «Весна», проводилась 22–23 мая 1948 г. Ее результатом стало выселение 39 766 человек.^[245]

29 января 1949 г. было принято постановление Совета министров СССР № 390—138сс «О выселении с территории Литвы, Латвии и Эстонии

кулаков с семьями, семей бандитов и националистов, находящихся на нелегальном положении, убитых при вооруженных столкновениях и осужденных, легализованных бандитов, продолжающих вести вражескую работу, и их семей, а также семей репрессированных пособников бандитов».

Исполнение этого решения началось 25 марта 1949 г. Подлежавшие выселению лица направлялись на жительство в районы Казахстана, Башкирской, Бурятской, Якутской и Коми АССР, Красноярского края, Архангельской, Иркутской, Новосибирской, Омской и ряда других областей под административный надзор органов милиции. При этом переселенцам разрешалось брать с собой деньги, ценности, одежду, продукты питания, мелкий сельскохозяйственный инвентарь общим весом до полутора тонн на семью. На каждого арестованного и направлявшегося в лагерь, а также на каждую выселяемую семью заводилось учетное дело.

Разумеется, нынешние прибалтийские политики стараются всячески завысить количество выселенных. Например, бывший посол Эстонии в РФ Тийт Матсулевич писал: «25 марта 1949 года – также мрачный день нашей истории, та волна унесла свыше 60 тысяч человек, коснувшись в основном крестьян, поскольку Советская власть повела решительную борьбу за создание колхозов».^[246]

Впрочем, у человека, снятого с должности за финансовые злоупотребления, отношения с арифметикой должны быть, скажем так, своеобразными. На самом деле из Эстонии тогда было выселено 20 173 человека, из Литвы – 31 917, из Латвии – 42 149.^[247]

Не соответствуют действительности и рассказы о высокой смертности среди депортированных прибалтов в местах поселений. Так, в 1945–1949 гг. из Прибалтики в ссылку прибыло 142 543 человек, из них за 1945–1950 гг. умерло 8194 человека.^[248]

В 1951 г. состоялось последнее выселение из Литвы – переселили около 23 тысяч кулаков и членов их семей.

Эти решительные меры сыграли свою роль. В 1952 г. бандитизм резко пошел на спад, а к 1956 г. националистическое подполье окончательно сложило оружие.

Глава 30

«Советская оккупация»

После окончания войны вся страна начала восстановление экономики Прибалтики. Сразу же после освобождения Эстонии от фашистов РСФСР выделила Таллину 300 миллионов рублей на восстановление народного хозяйства. Еще 260 миллионов пострадавшей Эстонии направили другие республики. Они же прислали 40 тысяч тонн угля и кокса, 11,5 тысячи тонн металла, 1150 автомобилей. Для сравнения: в 1945 г. Эстония поставила товаров и промышленной продукции на 85 млн. рублей.

В Эстонии, как и во всей Прибалтике, строились многочисленные автострасы. В 1980-х гг. был реконструирован и существенно расширен строившийся со времен Петра Великого Ревельский порт. Фактически был создан новый порт, получивший название Новоталлинский.

Недалеко от Таллина в местечке Раннамыйза на средства Министерства культуры СССР был создан прекрасный Национальный парк с ветряными и водяными мельницами и другими предметами национальной культуры Эстонии. Вспомним фильм «Три мушкетера», там д'Артаньян скачет на фоне двух живописных ветряных мельниц. Этот эпизод, как и многие другие, снимался в Раннамыйза. А в Пирита был построен Олимпийский парусный центр. Москва тогда даже изрядно подпортила отношения с Киевом, так как украинское правительство считало, что все соревнования по водным видам спорта Олимпиады—80 должны проводиться исключительно в Крыму и в Одессе. Но Брежнев решил провести водную часть Олимпиады именно в Эстонии.

В Таллине была построена новая, уникальная по своей архитектуре 340-метровая телебашня, и на сегодняшний день остающаяся самой высокой в северных странах!

За 50 лет «советской оккупации» валовая продукция в промышленности Эстонии возросла в 55 раз, добыча горючих сланцев – в 13,5 раз, объем капиталовложений – в 30 раз. В сельское хозяйство было вложено 6 млрд. рублей, в результате чего урожайность и сборы зерновых увеличились вдвое. [\[249\]](#)

В 1980-х гг. на Западе «главным эстонским диссидентом» считали писателя Уно Лахта. И вот сейчас Уно Лахт рассказывает о секретном докладе ЦРУ «Положение дел в Эстонской ССР»: «В 1980 году эстонскими

эмигрантскими кругами, специалистами по разведке и прочими был подготовлен солидный доклад „The Case Study of Estonian SSR“. Естественно, предназначался он не для широкого круга, а потому позволял себе обобщения и выводы, которые у нас практически не встретишь. Американские органы разведки подробно анализировали положение дел в Эстонии того периода, довольно точно характеризовали все стороны жизни в республике, приводили объемные фактические данные, тысячи имен и названий. Вплоть до фамилий участников студенческих обществ или сотрудников НИИ. Всего – 600 страниц мелкого шрифта. Выводы, сделанные американцами об Эстонии 1980 года, были комплиментарными. По докладу получалось, что Эстонская ССР – идеальное государство. И это при том, что отмечались и умеренная русификация населения, и работа советских органов контрразведки. Меня, помнится, поразило тот факт, что доклад ставил знак равенства между экономикой и развитием Эстонской ССР и Дании. Доклад показал, что, несмотря на известные проблемы, система в целом работала успешно, вся статистика доклада ЦРУ – в пользу той, советской Эстонии. И это весьма необычное признание, учитывая, что книга эта была подготовлена в самый разгар „холодной войны“». ^[250]

За годы послевоенной «оккупации» республики число средних школ на селе возросло в 4 раза при трехкратном сокращении сельского населения. Обучение в эстонских школах длилось 11 лет (затем 12), на год больше, чем в русских, чтобы дети учили русский язык не в ущерб родному и всем другим предметам. В десятки раз возросло количество студентов вузов и средних специальных учреждений, количество преподавателей и научных работников. Создана Академия наук в составе 11 самых современных институтов. Средний эстонец писал и издавал книг на родном языке в два раза больше, чем литовец или латыш, в три раза больше, чем грузин или русский, в 35 раз больше, чем украинец. По торговому обороту на душу населения Таллин уступал только Москве.

«Восстановление народного хозяйства Латвии первыми в 1945 году начали части Красной армии. За счет своих сил и средств они восстановили в Латвии почти все крупнейшие мосты и важнейшие предприятия и электростанции.

Значительную помощь в восстановлении латвийской экономики оказали союзные республики СССР, ввозившие в Латвию большое количество машин, заводского оборудования, жидкого топлива, угля, металлов, промышленного сырья, транспортных средств, продуктов питания и товаров широкого потребления.

Капиталовложения в экономику Латвийской ССР в течение первой

послевоенной пятилетки (1946–1950) превысили 3 млрд. рублей. В 1945 г. дополнительно к плановым ассигнованиям советское правительство через Сельскохозяйственный банк СССР выделило 15 млн. рублей для помощи сельскохозяйственным кредитным товариществам Латвии и образования из основных капиталов. В 1949 г. советское правительство снова оказало помощь сельскому хозяйству Латвии кредитами, удобрениями, сельскохозяйственной техникой, тракторами. Кроме того, в 1951 г. почти вдвое выросли ассигнования на нужды образования Латвии (по сравнению с 1941 г.) и составили 459 млн. рублей.

Благодаря этим усилиям и финансовым вложениям в течение 1945–1946 гг. в Латвии были восстановлены Рижская, Даугавпилсская, Слокская, Айвискстская, Цесисская, Елгавская и другие электростанции, Рижский суперфосфатный завод, Рижский вагоностроительный завод «Вайрогс», Даугавпилсский паровозо-вагоноремонтный завод, Лиепайский завод «Сарканайс металургс», Елгавская льнопрядильная фабрика, Крустспилсский, Лиепайский и Елгавский сахарные заводы, электротехнический завод «ВЭФ» (производивший телефонную и радиоаппаратуру), велосипедный завод «Саркана Звайгзне», цементный завод, стекольные заводы, механизированный хлебозавод, завод автоэлектроприборов, кожевенный завод «Югла», кондитерские фабрики «Лайма», «Узвара», «17 июня», текстильные фабрики «Большевичка», «Мерино», «Паризес Коммуна» и многие другие.

В течение 1946–1950 гг. в Латвии было создано также множество новых промышленных предприятий, в том числе заводы «Автоэлектроприбор», «Радиотехника», электромашиностроительный завод, заводы гидро- и автоэлектроприборов и другие. Всего за 1946–1950 гг. было восстановлено, построено и введено в действие свыше 6 тысяч промышленных предприятий, не считая мелких.

В результате если в декабре 1944 г. валовая продукция промышленности Латвии составляла лишь около 15–16 % от довоенного уровня, то в 1946 г. – свыше 80 %. К 1947 г. промышленность Латвии достигла довоенного уровня, а в некоторых отраслях даже превзошла его. К 1 января 1948 г. валовая продукция превысила довоенный уровень в среднем на 15 %, а в машиностроительной и металлообрабатывающей промышленности – в три с лишним раза. В 1950 г. объем промышленного производства вырос в 3 раза, а выработка электроэнергии в 2,3 раза по сравнению с 1940 г.

Уровень жизни латышей также повысился. Общая сумма доходов рабочих, служащих и крестьян в 1950 г. возросла по сравнению с 1940 г. на

62 %, к тому же за 1947–1950 гг. цены на товары массового потребления трижды снижались. Уже к 1947 г. промышленность советской Латвии превзошла довоенный уровень, тогда как многие районы РСФСР еще жили в разрухе. Кстати, до установления советской власти средняя продолжительность жизни здесь не превышала 58 лет, а детская смертность в 1940 г. была одной из самых высоких в Европе – 73 на 1000 новорожденных малышей. К началу семидесятых годов люди стали жить в среднем до 70 лет, а детская смертность сократилась в пять раз...

Восстановление городов и промышленности Литвы началось еще в 1944 г., а уже в 1945 г. вступило в строй более 80 % действовавших до войны фабрик и заводов. Крестьянам были возвращены земли, выделенные им советской властью в 1940 г. и отнятые впоследствии немецкими колонистами и бывшими землевладельцами и помещиками. В 1948 г. промышленность Литвы достигла довоенного уровня, а в 1950 г. превысила его на 90 %. Восстанавливать народное хозяйство Литвы помогала вся страна – советское правительство выделило для этой цели дотацию в 200 млн. рублей. Другие республики Советского Союза поставляли в Литву стройматериалы, машины, станки, оборудование, транспорт, энергопоезда. С целью восстановления разрушенного хозяйства республики было создано специальное Бюро ЦК ВКП(б) по Литовской ССР под председательством М.А. Суслова, действовавшее в Вильнюсе с ноября 1944 г. по июль 1946 г.

Правительство СССР продолжало заботиться о развитии промышленности, сельского хозяйства, социальной сферы и инфраструктуры Литвы вплоть до конца 1980-х гг. Так, в середине 1980-х годов здесь была построена 300-километровая автомагистраль, прошедшая почти через всю страну от Вильнюса до Клайпеды. До сих пор шикарный автобан Вильнюс – Клайпеда остается гордостью Литвы даже по современным европейским меркам. Когда-то здесь были даже аварийные телефоны-автоматы через каждые пять километров, хотя сейчас, в эпоху мобильной связи, их убрали за ненадобностью. «...Это лишь один из многих действующих памятников так называемой „советской оккупации“, – пишет клайпедский публицист В. Нырко. – Вот такой незаживающий „шрам“ остался на теле Литвы... Между двумя российскими столицами Москвой и Петербургом подобной дороги нет и поныне! Шикарный автобан проложили почему-то не от столицы сверхдержавы, а на далекой балтийской окраине СССР»». ^[251]

В 1945–1948 гг. советские власти из Германии и других стран Европы вывезли в Прибалтику 42 принадлежавших ранее немцам промышленных предприятия, в том числе 8800 единиц современного технического

оборудования – станков, агрегатов и т. д. Приблизительно столько же трофейной техники было направлено в Литву и Эстонию.

Советское правительство не только не пыталось эксплуатировать Прибалтику в качестве колонии, но и, наоборот, стремилось сделать из нее витрину «социалистического образа жизни» за счет других народов СССР, и в первую очередь – русского.

В Прибалтике в отличие от РСФСР не проводилось поголовной коллективизации и оставалось значительное число частных хозяйств. По данным прибалтийской и общесоюзной статистики, свыше 65 % товарной сельхозпродукции в странах Балтии в конце 1990 г. обеспечивали частные и кооперативные хозяйства. Только в Прибалтике с 1960-х гг. создавались кооперативные (то есть вне общесоюзной собственности) промышленные, транспортные, торговые и курортные предприятия. Минимум половина ежегодных доходов этих объектов оставалась в их собственном распоряжении.

По уровню же накопленной прибыли именно прибалтийская экономика к 1991 г. занимала первое место в СССР (среди регионов теперь уже экс-СССР). А по темпам роста общесоюзных производственных капиталовложений, уровню зарплат и пенсий Прибалтика занимала первое место в СССР со второй половины 1960-х гг.

Замечу, что свыше половины доходов прибалтийских портов от экспортно-импортных и транзитных операций с середины 1950-х гг. оставалось в их распоряжении, чего не было в других регионах СССР.

По темпам создания новых рабочих мест, жилищного строительства, развития транспортной, энергетической и медицинской инфраструктуры Прибалтика с середины 1960-х гг. тоже была лидером в СССР. Совокупный же ВВП Латвии, Литвы и Эстонии за 1940–1986 гг. увеличился более чем в 7 раз. И это с учетом восстановления в 1945–1949 гг. разрушенного в годы войны хозяйства, в то время как в межвоенный период (1918–1939) он возрос только на 35 %. Подобный рекорд был обусловлен и символическими расценками для Прибалтики на российские, азербайджанские, среднеазиатские энергоносители: в странах Балтии нет промышленных запасов нефти, газа, угля, а до второй половины 1940-х годов там не было ни гидроэлектростанций, ни нефтепереработки.

Я до сих пор приводил советские источники и достаточно достоверные данные советской статистики. Но как трактуют экономическое развитие страны Прибалтики? Возьмем, к примеру, книгу Марта Лаара «Очерки истории эстонского народа», изданную в Таллине в 1992 г. Замечу, что автор с 1992 г. по 1994 г. и с 1999 г. по 2002 г. был премьер-министром

Эстонии.

«Наряду с созданием машиностроительной промышленности, развиваемой на базе привозного сырья рабочей силы в чужих интересах, предусматривалось хищническое выкачивание полезных ископаемых. Особое внимание уделялось сланцу. В 1948 г. в Кохтла-Ярве открылся первый в мире газосланцевый завод, продукция которого вывозилась главным образом в Ленинград. Там же в 1949 г. была пущена мощная ТЭЦ, вслед за ней в 1951 г. – другая, такого же рода, в Ахтме. Если исходить из советской статистики, Эстония в эти годы достигла небывалого промышленного подъема (темп роста – до 66 % в год), но достигалось это не путем интенсификации и повышения производительности труда, а созданием новых рабочих мест. Так, в 1939 г. сланца на одного рабочего добывалось 494 тонны, а в 1950 году – 482 тонны. Новые рабочие места были для советской системы самоцелью».^[252]

Тут господин Лаар явно лукавит. Откуда он знает, сколько сланца приходилось на одного рабочего? В СССР никогда не велось такой статистики, статистика велась по числу сотрудников данного предприятия. И в этом большая разница.

Молодой читатель в значительной части своей не знает, что на больших и средних предприятиях СССР человек не только работал, но и лечился, покупал по заниженным ценам, а то и бесплатно продовольственные продукты (система «заказов»), получал за 30 % стоимости или бесплатно путевки в дома отдыха и санатории и т. д. Соответственно в число сотрудников предприятия как официально, так и неофициально включали врачей ведомственной поликлиники, работников столовых, буфетов, Домов культуры, турбаз, домов отдыха, яслей, детских садов и т. п.

Естественно, что средняя выработка на одного сотрудника предприятия была ниже, чем на одного рабочего. Зато при капитализме человек должен всем платить – и лавочнику, и врачу, и пастору, и владельцу кинотеатра и т. д. В советской Прибалтике, равно как и во всех других республиках, социальная помощь малообеспеченным сотрудникам могла превысить их официальный заработок. Вот, к примеру, женщина – рабочая или техник, имея двух детей, получала бесплатно ясли, детсад, пионерский лагерь, путевку в санаторий или в дом отдыха, бесплатное лечение, посещение клуба предприятия и многое другое.

Следует заметить, что рост экономики и процветание Прибалтики происходили в основном за счет труда приезжих рабочих, инженеров и ученых. Тот же Лаар пишет: «В 1940-х годах приток русских во всяком

случае был очень велик. Только в 1945–1947 гг. их прибыло 180 000(!), и еще более 30 000 в течение следующих трех лет. Это была почти четверть тогдашнего населения Эстонии. Целые города и районы обрусели. Особенно это относится к Нарве и Силламяэ, ставшем впоследствии центром обработки радиоактивных веществ; эстонцев практически здесь нет». [\[253\]](#)

Тезисы архиглупейшие получаются – десятки тысяч прибалтов требовали работы, а злодеи-коммунисты отказывали им и эшелонами гнали десятки тысяч людей из Центральной России.

Увы, прибалты предпочитали, чтобы их дороги, заводы и порты строились чужими руками!

Правда, в чем-то прибалтам нужно отдать должное – культурный уровень мигрантов был весьма низок. И тут дело не в знании Пушкина, Достоевского или Маркса. Темпы урбанизации в Российской империи с 1861 по 1917 г. были велики и сопоставимы с аналогичными показателями в СССР в 1945–1970 гг. Но между сельскими жителями, приходившими в город во времена империи и в советское время, была принципиальная разница.

И те и другие были вынуждены оторваться от сельской жизни, забыть многовековую крестьянскую культуру. Но если первые, приехав в город, всеми силами старались подражать коренным горожанам и быстро впитывали городскую культуру, то с начала 20-х гг. значительная часть колхозников, приехав в город, считала себя «гегемонами», ненавидела и презирала коренных горожан и их культуру. В итоге мы получили большую прослойку «перекати-поля», которые давно утратили деревенскую культуру, но не пожелали приобрести городскую.

Те же москвичи и ленинградцы страдали от «перекати-поля» не меньше, чем прибалты. Но там националисты всеми силами пытались доказать, что хамоватая часть мигрантов и есть настоящие русские и, если честно сказать, в этом изрядно преуспели.

Студентом 2-го курса в конце 1960-х гг. я три недели путешествовал по Эстонии. Естественно, что я старался быть предельно вежливым, но эпизодически получал в ответ: «Я по-русски не понимаю» («Ма эль ооска вене кель» – пишу по памяти). Это единственная фраза по-эстонски, которую я запомнил. Но как-то в Таллине с другой стороны улицы мне заорал какой-то толстомордый дядька: «Эй, ты, паря... Как пройти...» Дядька явно выпендривался перед своими не менее толстомордыми женой и детьми – «вот какой я крутой!». У меня автоматически вырвалось: «Ма эль ооска вене кель!», что вызвало неопиcуемый восторг у прохожих,

уловивших мой акцент.

Эстония показалась мне зарубежным государством. Я впервые увидел цветочные клумбы на неогороженных участках частных лиц. Только позже я понял, что это связано не с высокой культурой эстонцев, а с хамством наших «перекати-поле». Моя жена очень любит цветы, но она перестала их сажать на наших шести сотках. Их безжалостно рвут, попутно ломая заборы и кусты. В последний раз соседи видели, как это делали вполне уважаемые девицы 14–16 лет. Будь это в деревне до 1917 г., их бы больно высек владелец участка, или экзекуцию бы провели по решению сельского схода. А сейчас с ними ничего нельзя сделать. А между прочим, эти шлюшки читали и Толстого, и Достоевского, но «перекати-полю» просвещение не впрок. А вот заплатили бы их мамочки штраф в тысячу или пару тысяч евро, как в Европе, тогда бы дочери и призадумались.

Немцы же за 700 лет изрядно выдрессировали чухонцев, и у них по инерции царит европейский порядок.

В Пирите и Пятну я видел нудистские пляжи. Причем меня поразили не сами пляжи, а спокойная реакция прохожих. Зато у нас, если «перекати-поле» заметят девушек, купающихся или загорающих без купальников – пусть даже на другом берегу реки, пусть даже издали ничего не видно, все равно начнут дико вопить, прыгать, размахивать руками – точная копия стада орангутангов, увидевших леопарда.

Наивная русская интеллигенция, сама много претерпевшая от «перекати-поля», до середины 1990-х гг. воспринимала русофобию прибалтов как защитную реакцию от «перекати-поля». Прибалтийский сепаратизм воспринимался как форма борьбы против загнивающей советской партийной бюрократии. Русским, как и эстонцам, надоели «совковые» запреты. Мы тоже хотели читать, смотреть по телевизору и творить в личной жизни все, что хочешь, без оглядки на партком и КГБ.

Хорошей иллюстрацией настроений «творческой интеллигенции» стал фильм «Бакенбарды», снятый в 1990 г. на киностудии «Ленфильм» (автор сценария Вячеслав Лейкин, режиссер Юрий Мамин). Сам по себе фильм – заурядная халтура и злая карикатура на русских патриотов. В небольшом городе Заборск приезжают люди, организующие движение «пушкинистов», выступающих против засилья в городе сексуально озабоченных банд хиппи, именующих себя «поцерами». В конце концов «пушкинисты» накустыляли «поцерам», и лидеры последних предлагают всем отправиться в Прибалтику, где есть свобода, демократия и нет злых «пушкинистов». Вот так представляла себе движение националистов наша «прогрессивная интеллигенция». Вот бы сейчас отправить Мамину да Лейкина в Латвию,

да в «неграждане»! Но они остались и предпочитают по-прежнему пудрить нам мозги.

Глава 31

«Перестройка» в Прибалтике

«Перестройка», начатая М.С. Горбачевым, стала манной небесной для прибалтийских националистов. Спору нет, партийная геронтократия себя полностью дискредитировала. Советская экономика функционировала крайне неэффективно, началась хроническая нехватка товаров и продовольствия. Во внешней политике Политбюро совершало одну ошибку за другой. Так, в 1987 г. был заключен договор по ракетам средней и малой дальности, означавший, по сути, одностороннее разоружение СССР.^[254]

Чтобы противостоять американскому и пакистанскому проникновению в Афганистан, наши престарелые вожди не придумали ничего более умного, как ввести туда «ограниченный контингент советских войск». О поражениях английских войск в Афганистане в XIX веке и начале XX века старцы слыхом не слыхивали. А ведь ситуацию там можно было легко поправить с помощью ответных асимметричных мер. Так, например, можно было передать достаточное количество самого современного оружия арабским странам и Индии. В этом случае сама по себе угроза уничтожения Израиля и Пакистана заставила бы янки пойти на уступки в афганском и других вопросах. Ну а в крайнем случае США вляпались бы сразу в две тяжелые локальные войны.

Самой большой и непоправимой ошибкой советского руководства стало подписание 1 августа 1975 г. Хельсинкских соглашений. Наши вожди всерьез думали, что США и НАТО теперь вечно будут уважать сложившиеся в Европе границы. Советская пресса уверяла собственное население в начале эры мира, добрососедства и т. п. А в это время американские бомбардировщики барражировали на кромке границ СССР, а «черные пташки» SR-71 неоднократно безнаказанно совершали полеты над нашей территорией. Американские и английские атомные подводные лодки столь же безнаказанно действовали в наших территориальных водах на Севере и у берегов Камчатки. Американские подводные лодки ставили в Охотском море западнее (!) Камчатки специальную аппаратуру на наши подводные кабели связи и т. д. Несколько раз вражеские лодки таранили наши субмарины у входа в наши же базы.

Наши моряки имели к тому времени превосходные противолодочные средства, и уничтожение вражеской лодки в наших территориальных водах

было весьма несложным делом. Но, увы, Москва запрещала это делать. Естественно, что советскому народу знать обо всем этом было не положено.

Существуют различные пути перехода от тоталитарной доктрины к демократии, например в Испании или Китае. Так китайцы за два десятка лет сумели перейти от примитивных трудовых коммун к смешанной высокоэффективной экономике. Причем во всех случаях удавалось сохранить территориальную целостность государства. К примеру, в Китае не китайцев на порядок или два больше, чем было нерусских в СССР в 1991 г. Тем не менее КНР, проведя глубокие экономические и политические реформы, не отдала ни пяди своей территории.

Горбачев же повел СССР по пути распада. Подавляющее большинство нашего населения не желало распада Союза. Однако очень многие желали ослабления центра и усиления роли местных властей, видя в этом единственную возможность отстранить от власти КПСС или по крайней мере ограничить эту власть.

Прибалтийские националисты начали активно поддерживать горбачевскую «перестройку». В свое время по предложению Сталина была создана Литовская академия наук. И вот 3 июня 1988 г. так называемые представители литовской интеллигенции (коммунисты и беспартийные) создали инициативную группу для поддержки горбачевской программы «гласности». Эта группа вскоре стала называться «Литовским движением возрождения» или просто «Саюдис» (по-литовски «движение»).

Своими главными задачами «Саюдис» провозгласил разоблачение сталинского режима, публикацию секретных протоколов к пактам Молотова – Риббентропа и защиту окружающей среды, в том числе прекращение строительства третьего атомного реактора на Игналинской АЭС.

Всего за несколько дней «Саюдис» стал главной оппозиционной силой в Литве. Теперь и руководители литовской компартии посчитали нужным присутствовать на собраниях и митингах «движения». Причем пример этому подал секретарь ЦК Компартии Литовской ССР Альгирдас Бразаускас, 24 июня 1988 г. появившийся на митинге «Саюдиса».

16 февраля 1988 г. в Вильнюсе впервые с 1940 г. националисты устроили демонстрацию, посвященную «Дню независимости Литвы».

В октябре 1988 г. Бразаускас был назначен Первым секретарем Компартии Литвы. При его поддержке 22–23 октября в Вильнюсе прошел учредительный съезд «Саюдиса», фактически превратившегося в политическую партию. Съезд получил приветственные телеграммы от

члена Политбюро А. Яковлева, который был завербован западными спецслужбами еще будучи послом СССР в Канаде.

Историк Михаил Крысин писал о взлете «Саюдиса»: «Председателем „Саюдиса“ был избран мало кому известный музыковед, доцент Вильнюсской государственной консерватории Витаутас Ландсбергис, преподававший там марксистско-ленинскую экономику.

Его отцом был тот самый граф В. Ландсбергис-Жямкальнис, профессор архитектуры, который летом 1941 года в течение сорока дней занимал пост министра коммунального хозяйства во временном правительстве «Фронта литовских активистов». И хотя немцы разогнали «правительство» ФЛА уже в начале августа 1941 года, граф Ландсбергис-старший за это время успел накопить небольшой капитал за счет ценностей и имущества казненных евреев. Этого хватило на то, чтобы эмигрировать в Австралию, открыть там свое дело и значительно умножить свое состояние. После провозглашения независимости в 1991 году, в самый разгар так называемой реприватизации, Ландсбергис-старший вернулся в Литву и получил назад свой бывший дом в Кочергине под Каунасом, национализированный советской властью после войны. Новое правительство неизвестно за что присвоило ему звание «заслуженного архитектора Литвы», хотя едва ли он построил хоть что-то на своей родине.

В октябре 1988 года на пост председателя «Саюдиса» были и другие кандидатуры – например, писатель В. Петкявичус, философ Ю. Юзопайтис и другие. Но сами же власти Литовской ССР упорно проталкивали на председательское кресло Ландсбергиса-младшего. В. Петкявичус впоследствии рассказал, что Ландсбергиса активно поддерживали секретарь Компартии Литвы Л. Шлепетис, председатель КГБ Литовской ССР генерал Э. Эйсмунтас, министр внутренних дел Литвы С. Лисаускас и другие. Они беседовали с каждым из претендентов на пост председателя, убеждая их отказаться в пользу Ландсбергиса. Недовольные этой закулисной игрой, многие члены Совета «Саюдиса» не явились на собрание, посвященное выборам председателя. Из 35 членов пришло только 16. Из этих 16-ти за кандидатуру Ландсбергиса проголосовали только 9 человек. (Любопытно, что сам Ландсбергис тоже отсутствовал, что не помешало его избранию!) Заместителем председателя был избран литератор-переводчик В. Чапайтис. В знак протеста Петкявичус и некоторые другие покинули собрание, а вскоре были отстранены от руководства». [\[255\]](#)

В марте 1990 г. на выборах в Верховный Совет Литвы местная компартия получила 23 депутатских места из 141. Остальные места

достались депутатам от «Саюдиса», а также независимым кандидатам.

11 марта 1990 г. председателем президиума нового парламента был избран Ландсбергис. Бразаускас же был вынужден сложить полномочия. В тот же день парламент принял декларацию о независимости Литвы.

Аналогичные события произошли и в Латвии. Там с 1976 г. полулегально действовала «хельсинкская группа». Позже она стала именоваться «Хельсинки—86» и филиалом «Международной хельсинкской федерации по правам человека» (International Helsinki Federation for Human Rights), штаб-квартира которой находилась в Великобритании.

14 июня 1987 г. группа «Хельсинки—86» организовала в Риге первую демонстрацию, лозунгом которой стало требование независимости для Латвии. В 1987 г. лидеры группы организовали еще несколько демонстраций, в том числе и против строительства Даугавской ГЭС.

27 июля 1989 г. под давлением «Латвийского народного фронта» (ЛНФ) Верховный Совет Латвии принял Декларацию об экономической независимости. Избранный в марте – апреле 1990 г. новый парламент Латвии на две трети состоял из членов ЛНФ. По Конституции СССР, этого числа голосов было достаточно для провозглашения независимости республики. И вот 4 мая парламент принимает 138-ю голосами из 201-го Декларацию о демократической и независимой Латвии.

Против выступила лишь партия «Равноправие», представлявшая часть русского населения Литвы. Я говорю «часть», потому что не менее трети русскоязычного населения Прибалтики поддерживало идеалы независимости новых лимитрофов. Причин этому было несколько. Во-первых, русскоязычным там жилось куда лучше, чем, например, в поселках Вологодской области или Поволжья. Поэтому многие верили сказкам националистов, что Прибалтика – колония России, откуда Центр выкачивает средства, и при независимости их материальное благополучие существенно возрастет. Ну а во-вторых, горбачевская власть сквозь пальцы смотрела на деятельность эстонских, латвийских и прочих националистов, но русские националисты подавлялись самым беспощадным образом.

Вспомним судьбу рабочего В. Осташвили, единственной виной которого было устройство скандала 17 января 1990 г. в здании Союза писателей на заседании антисоветского общества «Апрель». Никто при этом не был ни ранен, ни убит, но, увы, Осташвили получил срок, а затем его убили в лагере усиленного режима перед самым освобождением. В 1988–1991 гг. было убито еще несколько лидеров русских националистов. Понятно, что ни одно из этих преступлений не было раскрыто. Русское население было запугано собственными же МВД и КГБ.

А теперь обратимся к Эстонии, где местные националисты не отставали от своих литовских и латвийских коллег. Они создали так называемый «Эстонский гражданский комитет», который начал призывать объявить независимость Эстонии. Комитет организовал регистрацию «всех граждан довоенной Эстонской республики и их потомков», длившуюся целый год. Всего было зарегистрировано свыше 700 тысяч человек. По заявлению лидеров «Эстонского гражданского комитета» только эти граждане должны были пользоваться избирательным правом, чтобы решить судьбу будущей Эстонии. Полутора миллион русскоязычных и тем, кто не прошел регистрацию, было отказано в праве голоса, а затем предполагалось лишить их и гражданства.

30 марта 1990 г. Верховный Совет Эстонской ССР принял резолюцию о восстановлении независимости Эстонии. Что толку возмущаться деятельностью националистов, когда 12 июля 1990 г. Верховный Совет РСФСР принял «Декларацию о независимости России». Забавно получается – «метрополия» объявила о своей независимости от «колоний»! Подобного анекдота не было в истории человечества. Позже Ельцин объявит 12 июля Днем независимости России. Независимости от кого? От Севастополя? Одессы? Нарвы? Наследники Ельцина поняли чудовищность «дня независимости» и переименовали 12 июля в День России. И увы, никто нам не объяснил, что, собственно, мы празднуем в этот день? С тем же успехом можно праздновать День битвы на Калке, День Брестского мира и т. п.

Глава 32

Очаги сопротивления сепаратизму

Весь 1990 г. в Прибалтике царил хаос. Советские и партийные органы не контролировали ситуацию, ну а у националистов хватило силенок окончательно взять власть. Как уже говорилось, русскоязычное население было обмануто и запугано, и лишь кое-где местами коммунисты создавали рабочие дружины, требовавшие выполнения законов СССР и законов союзных республик.

Главными же центрами сопротивления сепаратистам стали Рижский и Вильнюсский ОМОНЫ общей численностью менее 150 человек. Любопытно, что командовали обоими отрядами этнические поляки Чеслав Млынник и Болеслав Макутынович.

Участие обоих отрядов в политической жизни Литвы и Латвии начались с разгона... рабочих дружин, требовавших сохранить единство Союза. Так, например, 8 января 1991 г. Вильнюсский ОМОН применил силу против дружин, протестовавших у здания Верховного Совета Литовской ССР. 15 мая рижский ОМОН атаковал демонстрацию латвийских рабочих, шедших к Верховному Совету Латвийской ССР, желая передать свою резолюцию.

Позже Виктор Алкснис писал: «Я позвонил в приемную Бакатина, тогдашнего министра внутренних дел, и сказал, что у меня как народного депутата СССР есть к нему дело. На приеме я рассказал ему о ситуации в республике. Он: „Да, конечно, очень плохо, что там происходит! Да, конечно, обнаглели сепаратисты! Да, надо принимать жесткие меры!“ И как будто в подтверждение моих слов приходит сообщение из Риги, что власти используют силы МВД для разгона сторонников Союза.

Я договорился с Бакатиным, что делегация работников УВД Латвии будет им принята. Делегация приехала. Их было человек пять-шесть, латыши и русские, интернациональный коллектив, как сельских органов внутренних дел, так и Риги, столицы республики. Бакатин назначил встречу в субботу на 10 часов утра. Произносил громкие слова: «Молодцы, так держать! Храните верность Конституции СССР! Вы на переднем крае борьбы с проклятыми буржуазными националистами. Мы вас горячо поддерживаем, окажем максимальную помощь!»»^[256] На самом же деле Бакатин^[257] умышленно предавал интересы СССР. По указанию Бакатина

МВД и часть Советской армии передавали оружие боевикам сепаратистов. Тот же Бакатин выдал данные по секретному оборудованию слежения КГБ американской разведке.

Тем не менее бойцы Вильнюсского, а затем и рижского ОМОНа распознали подлую игру, которую вели руководители МВД Литвы и Латвии и их покровитель Бакатин. И оба отряда стали центрами сопротивления сепаратистам.

В своих воспоминаниях Алкснис писал, что летом 1990 г. покончить с сепаратизмом можно было без крови или ценой малой крови. «Дело решалось на самом высшем уровне. Сам Горбачев ничего не стал бы предпринимать, но окружение, видя, куда все катится, давило на него, и он был вынужден хоть как-то реагировать. И, пусть со скрипом, начали приниматься меры. Речь шла о введении в Прибалтике чрезвычайного положения, для чего Президент СССР должен был подписать соответствующий указ. Акция назначалась, если не ошибаюсь, на 22 июля 1990 года. Все это можно было сделать совершенно законно, легитимно. Никто не стал бы бросаться под танки. Какие-то акции протеста прошли бы, но не массового характера.

Начались конкретные разговоры и дела по формированию структур, которые будут осуществлять этот режим чрезвычайного положения. Поскольку органы власти раскололись к тому времени по национальному признаку, Москва практически все управление осуществляла в основном через армию. Все директивы, распоряжения, особенно связанные с подготовкой к введению чрезвычайного положения, шли по линии армии. КГБ Латвии уже не доверяли, оттуда была замечена утечка информации. Приходит секретный документ из Москвы, и тут же его содержание становится известно Народному фронту. Поэтому функции КГБ и особые спецоперации были возложены на военную контрразведку ПрибВО. Соответственно политорганы, командование ПрибВО были подключены к организационным вопросам подготовки и введения чрезвычайного положения...

Но Горбачев, как обычно, все откладывал окончательное решение. Пытался заигрывать с лидерами Прибалтийских республик. Те постоянно давили на Москву, в том числе через российский Верховный Совет и Съезд народных депутатов России, которые фактически в тот момент поддерживали «свободолюбивые народы Прибалтики» в их стремлении к независимости. На этой почве у меня возникли серьезные трения с российскими депутатами. Я был одним из инициаторов принятия закона о механизме выхода из СССР. Я видел, к чему идет дело. Раз уж по

Конституции республики имеют право выхода из Союза, так давайте определим, как должен быть обставлен этот выход. Откровенно говоря, я надеялся заложить в закон такие нормы, чтобы выйти было просто невозможно. А Горбачев все откладывал и откладывал введение чрезвычайного положения на неделю, на две... и так из месяца в месяц.

Как-то уже сентябрьской ночью у меня в номере раздается телефонный звонок из Риги. Звонит член Военного совета ВВС ПрибВО генерал-майор Филатов.

– Виктор! У нас беда. Из Москвы прибыл генерал, зам. Бакатина, и поставил задачу на разоружение рижского ОМОНа.

– Что за ерунда?! Мы же у него были только в мае, и он обещал поддержку. Правда, ничего не сделал, но хоть на словах был на нашей стороне и в прессе громил сепаратистов.

– А это объективная информация?

– Да, этот генерал уже провел совещание. Вызвал командира полка внутренних войск, приказал выделить силы и средства для разоружения ОМОНа. Тот встал на дыбы: как так, я буду разоружать своих товарищей?! На базе ОМОНа уже все известно. Там подняли тревогу, заняли оборону, будет оказано сопротивление». [\[258\]](#)

В конце концов Алкснис позвонил в КГБ Ф.Д. Бобкову: «Он позвонил минут через пятнадцать».

– Я говорил с Бакатиным. Открещивается. Он, дескать, слышал, что готовится какая-то операция, потому что ОМОН ведет себя чересчур вызывающе, но сам никакого отношения к этому не имеет. Якобы это инициатива кого-то из его замов. Но он пообещал дать команду «отбой».

Я тут же звонить в Ригу. Команда действительно, видно, пошла молниеносно, потому что мне говорят: «Да, из Москвы пришел отбой, вопрос снят. Спасибо за помощь»». [\[259\]](#)

Дело кончилось тем, что 29 ноября 1990 г. рабочие Вильнюса обратились к Горбачеву с просьбой снять Бакатина с поста главы МВД: «Может ли быть в составе Президентского совета человек, чья деятельность не препятствует деструктивным силам в Прибалтике, а значит, и во всей стране?» Указом президента Горбачева от 1 декабря 1990 г. Бакатин был снят с поста министра внутренних дел, а вместо него начальником МВД назначен Борис Пуго, латыш по национальности. [\[260\]](#)

Латвийские националисты начали устанавливать памятники legionерам и войскам СС. 27 ноября министр обороны СССР

Д. Язов издает приказ о праве вооруженных сил устанавливать, какие

памятники могут находиться на территории республик, и в транслировавшейся по телевидению речи пригрозил идеологически чуждые ликвидировать. В ночь на 5 декабря были взорваны четыре памятника легионерам. Националисты ответили серией из восьми взрывов у партийных зданий, памятников Ленину и на территории военного училища.

В Риге националисты силой захватили издательство ЦК Компартии Латвии. Министр Пуго отдал приказ, и рижский ОМОН

2 января 1991 г. отбил здание, обошлось без жертв.

В Латвии и Литве были созданы «Комитеты национального спасения», стремившиеся сохранить СССР. Однако Горбачев традиционно колебался, а его ближайшие сподвижники Яковлев, Шеварднадзе, Бакатин и К^о саботировали любые меры против сепаратистов.

20 декабря 1990 г. министр иностранных дел Шеварднадзе устроил великолепное шоу. Он заявил о том, что генералы и «кэзгэбэшники» готовят заговор с целью установления диктаторского режима в СССР и вскоре начнется террор «а-ля 37-й год». Я сам видел это шоу на телеэкране – трагические жесты, высокопарные слова и благородная седина производили неизгладимое впечатление. Шеварднадзе объявил о своей отставке и немедленно стал кумиром нашей интеллигенции. А на самом деле он заметал следы, продав США огромный кусок нашей экономической зоны в районе Камчатки. Спросите нашу «рафинированную интеллигенцию» о Шеварднадзе, какую русофобскую политику он вел в Грузии, сколько нахапал сам и сколько – его родня? Наш «рассейский» интеллигент сделает умный вид и скажет, что его «это не интересует».

На самом деле никаких попыток установления диктатуры в СССР не было, а лишь намечались ограниченные мероприятия по наведению порядка в Прибалтике. 7 января 1991 г. маршал Язов издает приказ направить туда подразделения десантных войск.

Наиболее сложная сложилась ситуация в Литве. 1991 г. в республике начался с ощутимого повышения цен, вильнюсские предприятия отреагировали на него практически повсеместными забастовками, перед зданием парламента ежедневно шли антиправительственные митинги, которые очень быстро привели к отставке кабинета Казимеры Прунскене. Новое правительство сепаратистов возглавил Гедеминас Вагнорюс. В том же году на заводе электроизмерительных приборов состоялась пресс-конференция нескольких директоров предприятий союзного подчинения и функционеров Компартии Литвы, на которой было объявлено о том, что всю полноту власти в Литве берет на себя Комитет национального спасения

– чрезвычайный орган власти, призванный вернуть Литву в советское конституционное поле. Несмотря на то что даже персональный состав комитета не был объявлен, ему фактически подчинились все местные силовики, в том числе часть республиканской милиции во главе с командиром вильнюсского ОМОНа Макутыновичем.

О последующих событиях лучше всего повествует секретный доклад группы «А» КГБ, которая позже стала известна нам как «группа Альфа».

«11 января 1991 года в 17 час. 39 мин. в соответствии с решением руководства КГБ СССР в подразделении была объявлена боевая тревога и в 20 час. 00 мин. 65 сотрудников с 2 служебными собаками во главе с начальником 3 отделения подполковником Чудесновым Е.Н. выехали в аэропорт „Внуково“. На 2 самолетах ТУ—134 в 21 час 30 мин. сотрудники группы „А“ вылетели в г. Вильнюс, прибыли туда в 23 час. 00 мин. (время московское, далее указано местное время). В г. Вильнюсе группу сотрудников возглавил зам. начальника группы „А“ подполковник Головатов М.В.

По прибытии 44 сотрудника были размещены в казармах республиканского пункта призывников военного комиссариата МО СССР, а 21 чел. на территории в/ч 22238 МО СССР. 12 января в

13 час. 00 мин. был проведен инструктаж, где до личного состава подполковником Головатовым М.В. была доведена информация об оперативной обстановке в республике и о предполагаемых действиях группы «А». В соответствии с разработанным оперативным штабом КГБ Литвы и Прибалтийским ВО МО СССР планом, исходя из складывающейся критической политической обстановки в республике, перед сотрудниками КГБ СССР, КГБ республики, военнослужащими МО и МВД СССР была поставлена задача по разблокированию ряда объектов, недопущению вывода их из строя сторонниками движения «Саюдис», прекращения вещания провокационных и подстрекательских теле– и радиопередач, и взятия этих объектов под охрану ВВ МВД СССР.

Объектами были определены следующие государственные учреждения:

Объект № 1 – Комитет по телевидению и радиовещанию (ул. Конарского, 49).

Объект № 2 – телевизионная приемно-передающая вышка (ул. Судервес, 10).

Объект № 3 – радиопередающий центр (ул. Менулио).

После принятия Инстанциями решения о проведении операции в ночь с 12 на 13 января был произведен боевой расчет сил и средств сотрудников

группы «А», и в оперативное подчинение были приданы силы 234 полка 76 Псковской воздушно-десантной дивизии МО СССР и сотрудники ОМОН МВД Литвы.

Силы были распределены следующим образом:

Объект № 1 – 25 сотрудников группы «А» (старший – начальник 3 отделения подполковник Чудеснов Е.Н.), 128 чел. из ВДВ МО СССР, 8 БМД, 3 танка, 1 БТР связи, 3 автомашины «Урал» и 30 чел. из ОМОН МВД Литвы на 2 БТРах.

Объект № 2 – 29 сотрудников группы «А» (старший – зам. начальника группы «А» подполковник Головатов М.Н.), 127 чел. из ВДВ МО СССР, 16 БМД, 4 танка, 1 БТР связи, 3 автомашины «Урал».

Объект № 3 – 12 сотрудников группы «А» (старший – помощник начальника отдела майор Гречишников А.И.), 30 чел. из ВДВ МО СССР на 2 автомашинах «Урал».

В 23 час. 00 мин. подполковником Головатовым М.В. был проведен инструктаж с сотрудниками группы «А» по расстановке сил и средств, взаимодействию с военнослужащими СА и МВД Литвы, по организации и поддержанию связи. Было обращено особое внимание на применение стрелкового оружия и определен порядок использования спецсредств, о недопущении жертв со стороны населения. Было дано разрешение лишь на использование гранат ГСЗ, гранатомета РГ—506, изделия ПСЖ и приемов рукопашного боя...

В 01 час. 20 мин. началось выдвижение колонн в район проведения операций.

О всех перемещениях военной техники по улицам города через телевидение и радио подробно информировалось население республики, вплоть до момента прекращения их работы. После выхода техники на улицы города к Комитету по телевидению и радиовещанию и телебашне стали стягиваться дополнительные силы, дороги были заблокированы большегрузными самосвалами, груженными камнями.

По замыслу проведения операции на объектах № 1 и № 2 танки должны были расчистить путь для продвижения колонн и с помощью БМД оттеснить людей от объектов, стрельбой холостыми зарядами оказать психологическое давление на толпу (в ходе проведения операции было произведено свыше 30 холостых выстрелов), а личный состав ВДВ и МВД, обеспечив коридор для проникновения в объекты сотрудникам группы «А», очистить площадь и взять под свою охрану все названные объекты с последующей передачей под охрану дивизии ВВ МВД СССР.

Действовать внутри помещений, выполнить задачу по прекращению

трансляции теле- и радиопередач должны были сотрудники группы «А» с приданными им проводниками из числа оперативных работников КГБ Литвы.

Оперативная обстановка характеризовалась следующим фактором. Вокруг объектов несли круглосуточное дежурство толпы людей (в ночь на 13.01.91 доходившие до 5–6 тысяч человек), агрессивно настроенных и возбужденных постоянными заявлениями представителей «Саюдиса», дороги были блокированы грузовиками, автобусами и легковыми автомобилями. Здания телерадиоцентра, телевышки были подготовлены на случай попытки их захвата, усилена охрана силами милиции города и сотрудников службы безопасности Скучиса, имевшими на вооружении личное и автоматическое оружие, в большом количестве были приготовлены камни, дубинки, «заточки», бутылки с бензином. Были приведены в готовность противопожарные системы и брандспойты. Не исключалось наличие оружия у лиц, окружающих объекты...

Далее события развивались следующим образом:

Объект № 1. Подойдя к 02 час. 00 мин. к комплексу зданий Комитета по телевидению и радиовещанию, колонна из 8 БМД с ОМОНОм Литвы проследовала мимо и свою задачу по оказанию помощи сотрудникам группы «А» не выполнила. Затем, осуществляя маневр и развернувшись, остановилась в 150 метрах от объекта, причем десантирующийся личный состав к толпе людей не выдвинулся и смог лишь пробиться к телецентру спустя 20 минут, в течение которых 2 оперативных группы (одна 5 чел., другая 20 чел.) из числа сотрудников группы «А» самостоятельно выполняли поставленную задачу.

Первой предприняла попытку проникнуть в радиокомитет группа, возглавляемая помощником начальника отдела капитаном Тонковым О.Е. После чего опергруппа из сотрудников 3 и 4отделений (в количестве 20 чел.), возглавляемая начальником 3отделения подполковником Чудесновым Е.И. и начальником 4отделения майором Мирошниченко А.М., используя гранаты ГСЗ, стрельбу холостыми патронами и приемы рукопашного боя, вытянулась на площадь, на которой находилось до 5–6 тысяч человек.

Благодаря смелым и решительным действиям группам удалось дойти до зданий радио- и телецентра, расположенных в разных административных корпусах. Части сотрудников приходилось сдерживать напор толпы, и лишь 2 сотрудникам из группы к-на Тонкова О.Е. удалось проникнуть на 2-й этаж здания радиоцентра и отключить передающие системы, задержать работников студии. Лишь 8 сотрудников группы

подполковника Чудеснова Е.Н. проникли на 2 этаж телецентра и прервали передачу из центральной аппаратной. Помимо этого сотрудниками опергрупп в здании телецентра было разоружено свыше 20 работников милиции, изъяты пистолеты Макарова и 6 автоматов АКСУ—74 с боеприпасами...

Во время проникновения на объекты в месте расположения десантников и сотрудников ОМОНа слышались автоматные очереди и взрывы. Все сотрудники теле- и радиоцентра после фильтрования были отпущены.

Оба объекта были взяты под контроль в течение 10–12 минут и удерживались до подхода десантников, которые совместно с сотрудниками ОМОНа организовали его охрану.

Разведчик лейтенант Шатских В.В., выполняя задание совместно со всеми, проник в здание телецентра и, лишь достигнув второго этажа, обратился к подполковнику Чудеснову Е.Н. с жалобой на боль в спине, после осмотра оказалось, что он ранен. Сотрудником к-ном Ивлечевым С.И. и л-том Зайцевым И.В. ему была оказана первая медицинская помощь. Л-нт Шатских В.В. имел пулевое ранение из автомата АКМ—74 калибра 5,54 мм в спину, пуля, пробив бронежилет, нанесла ему смертельное ранение...

Объект № 2. Операция по деблокированию помещений телевизионной вышки началась в 02 час. 00 мин. Толпа, окружившая телебашню в 10–12 кругов, общей численностью доходившая до 3–4 тысяч людей, несмотря на выстрелы холостыми зарядами танков и их движение совместно с БМД, не отошла, и техника не смогла подойти вплотную к зданию. Поэтому сотрудники группы «А» совместно с десантниками предприняли попытку прорваться. Необходимо было пройти сквозь толпу около 100 метров. Во время прорыва сотрудниками группы были использованы гранаты ГСЗ, изделие ПСЖ, стрельбы холостыми патронами и приемы рукопашного боя. Проникнуть в помещение удалось, лишь разбив витринные стекла. Сотрудники в помещении телевышки столкнулись с организованным сопротивлением со стороны службы охраны...

Отступая на 2-й этаж, противная сторона включила противопожарную систему, в помещение под давлением стал подаваться газ фреон. Несмотря на это, сотрудники опергруппы во главе с капитаном Евдокимовым А.С. (...), установили контроль за всеми помещениями на этаже. От близких выстрелов холостыми зарядами танков все стеклянные перегородки и окна были разрушены. Через окна 2-го и 3-го этажей по заранее подготовленным веревкам часть сотрудников службы Скучиса покинули помещение

телебашни.

В соответствии с поставленной задачей группа во главе с к-ном Деминым Ю.В. (...) проникнув на 3 этаж, с помощью проводника выключила необходимые приборы, после чего работа телевышки была парализована. Была отключена также и противопожарная система.

При прорыве на 3 этаж в одном из кабинетов рядом с операторской произошел взрыв (предположительно, самод. взр. устройство). Причинен ущерб помещению (обрушен потолок и вылетели стекла). Затем эта же группа проверила помещения до 8 этажа и на 6 этаже обнаружила и вывела из рабочего состояния резервную передающую электронную систему, позволяющую вести трансляцию телепередач. Все работники телебашни были перемещены в фильтрационный пункт и после отпущены.

С самого начала операции, после проникновения на объект, опергруппа во главе с м-ром Лутцевым В.Л. (...) устремилась по лестнице на 21 этаж и не позволила вывести из строя находящиеся там приборы. (...)

Телебашня была взята под контроль сотрудниками группы «А» в течение 17 минут после начала штурма. В связи с тем, что по телебашне из внешнего окружения был открыт огонь из стрелкового оружия, было принято решение возвращаться на БТРах. В 04 час. 30 мин. на 3 БТРах (колонну возглавлял к-н Долгов С.К.) все сотрудники были выведены в расположение п/части 22238.

На обратном пути колонна была обстреляна из автоматического оружия, а один из БТРов пытались поджечь.

Объект № 3. Подъехав к радиопередающему центру в 01 час 40 мин., опергруппа во главе с майором Гречишниковым А.И. (...) сковала действия около 20 сотрудников милиции, охранявших въезд на территорию объекта, и, проникнув в помещение радицентра, при этом обезоружив охранника, остановила работу радиостанции. Объект был взят под контроль в 01 час. 43 мин. Организовав охрану силами десантников, оперативная группа после получения приказа в 2 час. 20 мин. выдвинулась к объекту № 1 для оказания помощи. В 02 час. 40 мин. группа прибыла на объект № 1. Для того чтобы пройти к комплексу зданий Комитета по телевидению и радиовещанию, сотрудники были вынуждены применить гранаты ГСЗ и стрельбу холостыми патронами. В 03 час. 30 мин. опергруппа вернулась на территорию в/части. После сбора всего личного состава, проверки вооружения и оснащения установлено, что в ходе операции было израсходовано 32 гранаты ГСЗ, 60 холостых патронов и 10 патронов ПЖ—13 к изделию ПСЖ. Было утрачено 2 радиостанции «Ангстрем-СП» и комплект военного обмундирования». [\[261\]](#)

Все сотрудники группы «А» были в бронежилетах, поэтому, кроме Шатских, никто не погиб, но раненых было 11 человек. СМИ литовских националистов объявили о 14 убитых и 110 раненых среди толпы, окружавший телецентр.

Так кто же стрелял в толпу националистов и советских солдат? «Альфа», как уже говорилось, вообще не стреляла боевыми патронами. Вильнюсский ОМОН в тот момент находился у себя на базе. Стреляли боевики «Саюдиса». Генпрокуратура СССР собрала неопровержимые доказательства, что стрельба велась из небольшого леса недалеко от телебашни из 7,62-мм патронных винтовок образца 1891 г. Было найдено место стрельбы, стреляные гильзы и даже пустые бутылки из-под водки. Однако после августа 1991 г. следствие Генпрокуратуры было прекращено, а литовская «незалежная» юстиция почему-то уже 17 лет не желает найти этих снайперов.

Зато в январе 1991 г. «демократы» в Вильнюсе и Москве подняли страшный вой. Громче всех вопили наши деятели культуры от Марка Захарова до Эльдара Рязанова. Над зданием редакции газеты «Московские новости» на Пушкинской площади развевался флаг литовских сепаратистов с траурной ленточкой. Бояться этим ребятам было нечего – МВД ловило русских патриотов, бронзовый же Пушкин не мог сойти с пьедестала. А сошел бы поэт, и новым «клеветникам России» не поздоровилось бы: на дуэль вызвать побрезговал бы, а вот палкой бы отходил...

В защиту прибалтов энергично выступил Ельцин. Он даже не поленился слетать в Таллин для поддержки сепаратистов. В такой ситуации Горбачев, постоянно делавший шаг вперед, а затем шаг назад, не рискнул отдать приказ о штурме здания Верховного Совета Литовской ССР. Мужество «Альфы» и десантников оказалось напрасным, националисты вновь перешли в наступление.

Описание «путча ГКЧП» выходит за рамки нашего рассказа. Лишь по поводу событий в Латвии я процитирую Виктора Алксниса: «В августе 1991 года 200 с небольшим человек рижского ОМОНа сделали невозможное. Никто про это не говорит, но Латвия оказалась единственной республикой Советского Союза, где ГКЧП победил. И все это заслуга бойцов рижского ОМОНа. В те два дня они действовали профессионально, жестко и эффективно. В результате их действий были отстранены от власти сепаратистские силы, за два дня ОМОНОм практически без единого выстрела были взяты под контроль все стратегические объекты Латвии. И при этом никто не выходил на митинги и демонстрации протеста. Активисты Народного Фронта Латвии (НФЛ) были напуганы и

добросовестно выполняли все распоряжения „оккупантов“.

21 августа бойцы ОМОНа готовились взять под свой контроль последний объект, находившийся под контролем сторонников НФЛ – здание Верховного Совета Латвии. И в этот момент поступила информация из Москвы, что члены ГКЧП полетели в Форос сдаваться. ОМОН отошел на свою базу под Ригой, занял круговую оборону, заложил взрывчатку в здания, в которых размещался. На предложения руководства Латвии сдаться омовцы заявили, что никогда этого не сделают и будут отстреливаться до последнего патрона. Тогда руководство Латвии обратилось в Москву к победившим ельцинским демократам. Оттуда последовал приказ сдаться на милость победителям. ОМОН ответил отказом. Из Москвы последовал приказ полку морской пехоты, базировавшемуся на другой стороне Даугавы, разоружить ОМОН. Морские пехотинцы ответили отказом и добавили, что если будут приняты меры по разоружению ОМОНа, они пойдут им на выручку. Об этом же заявило еще несколько воинских частей. Возникла очень опасная для Ельцина ситуация, когда в Прибалтике армия могла выйти из повиновения.

И Ельцин в этот момент, когда ему позарез надо находиться в столице, бросает Москву и летит в Ригу, чтобы не допустить потери контроля над армией. В результате под угрозой драматических событий, по сути, военного мятежа, принимается решение о гарантиях безопасности бойцам рижского ОМОНа и членам их семей, а также об эвакуации их из Риги. В Ригу направляются самолеты военно-транспортной авиации для вывоза ОМОНа в Тюмень.

Я видел кадры видеосъемки, когда вдоль улицы стояли толпы людей и плакали, а мимо них в сторону аэропорта следовали бронетранспортеры, грузовики и автобусы с омовцами. А на многих автомобилях были вывешены плакаты «Мы еще вернемся!»»^[262]

Аналогично развивались события и в Вильнюсе. Когда стало ясно, что августовский путч не удастся, на базу вильнюсского ОМОНа позвонил премьер-министр Литвы Вагнорюс: «Предлагаю в течение 20 минут сложить оружие и выйти. Иначе будет предпринят штурм силами Советской армии. Директива из Министерства обороны у меня на столе».

И действительно, свеженазначенный командир Вильнюсской мотострелковой дивизии подполковник Валерий Фролов пригрозил Макутыновичу нападением на базу. В результате был достигнут компромисс.

К 24 августа из 150 человек с разрешения командира ушли 64 человека, зато к оставшимся присоединились их семьи.

Утром 24 августа из ворот базы ОМОНа в пригород Валакашней вышла колонна из четырех бронетранспортеров и нескольких автомашин. На головной машине развевался флаг милиции, на последней – красный флаг. Отряд прибыл в распоряжение мотострелковой дивизии и там был разоружен. Далее омовцев на самолетах доставили в Россию.

Бойцам рижского и вильнюсского ОМОНа новые прибалтийские власти и правительство РФ дали гарантии безопасности. Но позже Ельцин дал указание тогдашнему прокурору России В. Степанкову, и тот немедленно выписал ордера на арест многих бойцов. Правда, в МВД и прокуратуре нашлись и порядочные люди, которые заранее предупредили бойцов, и те сумели скрыться. Был арестован и отправлен в Латвию лишь заместитель Млынника Сергей Парфенов. Там его приговорили к длительному сроку тюремного заключения, однако в 1993 г. он был обменян на латвийских уголовников, арестованных в России. По сему поводу «Советская Россия» писала: «31 июля близ небольшого городка Себеж церемония была почти такая же, как в фильме „Мертвый сезон“, когда советского разведчика обменивали на английского шпиона. Последние метры теперь уже чужой земли – и узник латвийских застенков попадает в объятия депутата Ионы Андропова».

Сергей не простил предательства:

«— Факт выдачи меня чужим властям, для которых я был и остаюсь врагом, я расцениваю как подлость и удар мне в спину.

Не простил капитан советской милиции и человека, которого считает главным виновником распада Советского Союза. В московском телевыступлении Парфенов, волнуясь и заикаясь, говорил:

– Пользуясь случаем, я хочу обратиться к Михаилу Сергеевичу Горбачеву. Я не имею права говорить от имени народа. Я хочу сказать от своего имени и от рижского и вильнюсского ОМОНа. Думаю, мальчики меня поймут и поддержат. Так вот – будь ты проклят, Иуда! Будь ты проклят за то, что испоганил все, чего сам не создал. Я и наш ОМОН чисты перед Родиной. Все, что мы обещали Союзу и тебе, мы выполнили. Мы выполняли свою присягу, мы поклялись на верность и стояли до конца. Но ведь и ты тоже принимал присягу. Ты тоже клялся нам в верности. Будь же ты проклят! Очень тебя прошу: уезжай ты с нашей земли! Ты ее предал, разрушил, испоганил. Ты ее залил кровью по самое горлышко. Уезжай на Багамы, на Бермуды, куда угодно. Ты здесь лишний, слышишь?»^[263]

Глава 33

Фугас взорвался

Итак, в 1991 г. вновь сдетонировал прибалтийский фугас, заложенный Петром I и тщательно хранимый династией Гольштейн-Готторпов – Романовых. И если в 1918–1920 гг. Россия находилась в беспомощном состоянии, ей угрожали превосходящей военной силой вначале Германия, а затем Антанта, то в 1990–1991 гг. наша армия оставалась полностью боеспособной и сильнейшей в мире. Две сотни омоновцев в Вильнюсе и Риге доказали трусость националистов. Достаточно было нескольких дивизий, чтобы навести порядок в Прибалтике.

Наконец, был и другой путь «цивилизованного развода». Ведь и сепаратисты, и московские власти были едины во мнении, что советские республики не являлись суверенными государствами и границы между ними были чисто административными. Это вроде бы очевидный факт, но наши либералы по-прежнему делают вид, что не понимают разницы между государственной границей и административной. Придется пояснить. У меня есть дачка – шесть соток – на границе с Владимирской областью. Но чтобы на нее попасть по железной дороге, надо сойти на станции на территории Владимирской области, а затем пешком вернуться в Московскую. Если Владимирская область станет «незалежной», то мне по дороге туда придется четыре раза пересекать государственную границу, четыре раза терпеть шмон таможенников и т. д. Понятно, что мне придется продать дачу задешево. И теперь все идет к тому, что Калининградская область достанется тому, кто больше заплатит.

При разделе наше правительство должно было оговорить права миллионов русскоязычных граждан в Прибалтике. Уверен, что если бы русское большинство городов Нарва, Даугавпилс (Двинск) и других знало бы, что они станут «негражданами», чем-то вроде илотов в Спарте, то вряд ли бы они пожелали отделяться.

В 1990–1991 гг. не было никакого раздела собственности между прибалтийскими республиками и Центром. Просто националисты захватили все, что могли. Замечу, что, по оценкам ЦБР и Внешэкономбанка РФ, совокупная задолженность стран Балтии в валютных обязательствах СССР достигает почти 3,1 миллиарда долларов.

Не был оговорен и нейтральный статус новопровозглашенных

республик. Вспомним, что в 1962 г. США были готовы начать ядерную войну из-за размещения на Кубе советских военных баз. А вот сейчас на бывших советских аэродромах в Прибалтике базируются сверхзвуковые истребители. Время полета их от эстонской границы до Петербурга и Кронштадта составляет менее 4 минут. Нет никакой гарантии, что следующим после Польши местом размещения американских ракет не станут Латвия и Эстония.

Все вышесказанное общеизвестно и неоспоримо. Об этом знают и в правительстве, и в Генпрокуратуре. Знают пофамильно и конкретных виновников происшедшего – Ельцин, Горбачев, Яковлев, Козырев, Бакагин и прочие. Двое из них умерли и удостоились торжественных похорон, а остальные живут припеваючи, купаясь в роскоши и богатстве.

Наши же историки и писатели уже полвека пережевывают события 1930-х гг. и обличают культ личности, «депортации народов» в 1944 г. и т. п. Малограмотные образованцы даже не знают, что «депортация» означает переселение людей из одного государства в другое. Так что переселение крымских татар, чеченцев и калмыков в 1944 г. никак не подходит под термин «депортация». А вот Ельцин в 1991 г. действительно депортировал 25 миллионов русских людей, в одночасье сделавшихся бесправными мигрантами в «незалежных» республиках. Но это нашей творческой интеллигенции неинтересно, она предпочитает засорять телеэфир байками о детях Арбата или приключениями семейства Градовых.

Самая бедная, но гордая своей историей страна уважаема соседями. Но ни одно государство, пусть даже до зубов вооруженное и богатое полезными ископаемыми, не будут уважать, если его лидеры и послушные СМИ заняты обличениями своей истории. Такая страна не достойна ничего, кроме насмешек и презрения. Стыдно смотреть наши школьные учебники. Возьмем исторический атлас, выпущенный нашими «демократами» в конце 1990-х гг. Там на всей территории Российской империи приведены названия того времени. Там нет Краснодара, Волгограда или Кирова, а есть Екатеринодар, Царицын и Вятка. Зато все города Прибалтики именуются названиями конца XX века: Таллинн, Вильнюс, Даугавпилс, Елгава и т. д. Да не было в XIX веке таких городов. Были Ревель, Вильна (Вильно), Двинск (Динабург), Митава и т. д.

Не пора ли школьникам посылать куда следует таких русофобствующих педагогов, а родителям – подавать на них в суд?!

А если у нас в Министерстве образования сидят недоумки, не способные издать атлас с названиями, соответствующими своему времени,

то пусть переиздадут исторические атласы, изданные в 1950–1956 гг. Вот передо мной «Атлас истории СССР» (Часть 2. М. 1955 г.). На карте «Рост Российской империи с 1801 г. по 1900 г.» все находится на своих местах – Ревель, Юрьев (Дерпт), Митава, Либава, Ковно и Вильно.

Уважение прошлого вовсе не означает желание вернуть его. Нельзя дважды войти в одну и ту же реку. И в XXI веке райкомы партии, управляющие промышленностью и сельским хозяйством, являются такими же анахронизмами, как и предводители дворянства, и дворянские собрания.

Но знать историю надо. И русское государство, и нас самих создали Иван III, Иван IV, Петр I, Екатерина II и Сталин. И другой истории у нас нет и не будет. А тем, у кого слова «Империя» и «Союз» вызывают лишь злобу и ненависть, стоит поискать иное государство с иной историей. И видимо, надо не затягивать отъезд, пока это можно сделать с чемоданами и без хорошего пинка.

Сейчас наши правители хотят вновь оставить Россию без истории. С 1991 г. по 2007 г. в РФ ни у кого не нашлось ни времени, ни средств, чтобы составить подробный отчет о событиях 1988–1991 гг. Умирают люди, уничтожаются документы. Как не вспомнить правление Мишки Романова, который сделал все, чтобы скрыть все обстоятельства Смутного времени. В руках московских властей были Марина Мнишек, Иван Заруцкий, десятки знатных польских панов, монахи – спутники Отрепьева по путешествию в Литву, наконец, вся родня Отрепьевых, все тушинское боярство и... ничего. Никаких расследований, обо всем было велено забыть. Сейчас наши власти наступают на те же грабли. Но сейчас не XVII век – всем рот не заткнешь. О единении народа можно болтать сколько угодно, но пока правительство не скажет всей правды о событиях 1988–1991 гг. и не даст им четкой оценки, ни о каком всенародном единении говорить не приходится. Забвение прошлого – это еще более сильный фугас, чем прибалтийский.

Но мы отвлеклись и вернемся к Прибалтике XXI века. Наибольшее раздражение правительства и СМИ Российской Федерации вызывает культ прибалтийских эсэсовцев. Как мы уже знаем, в 1941–1944 гг. никаких национальных прибалтийских формирований при немцах не существовало, кроме войск СС и полицейских частей, выполнявших карательные функции.

Так, 15 июня 1998 г. сейм Латвии провозгласил день 16 марта государственным праздником – Днем латвийских воинов. Именно в этот день в 1944 г. 15-я и 19-я дивизии СС, укомплектованные латышами, получили боевое крещение в районе города Волхова. Теперь по всей Прибалтике ветераны СС стали национальными героями, а партизаны и

бойцы Красной армии – предателями и преступниками. Перечисление актов прославления гитлеровцев займет не одну страницу и хорошо известно читателю из газет и теленовостей. Я напому лишь один факт. В конце апреля 2007 г. эстонские власти снесли надгробный памятник советским солдатам в центре Таллина и перенесли его на военное кладбище, лишив постамента. Эта акция вызвала бурю протеста российских властей и депутатов Думы, но, увы, никаких санкций против Эстонии не последовало. Активисты движения «Наши» устроили многодневную бузу у эстонского посольства. Возможно, часть населения одобрила эти акции, мол, ребята протестовали, как могли. Увы, это всего лишь глупый и пошлый фарс. Похулиганив у посольства, эти молодцы и красны девицы затем отправились в студенческие аудитории внимать профессорам, грудью защищавших прибалтийских националистов в 1990 г., на спектакли Марка Захарова и т. д.

Вот если бы «Наши» от посольства вышли бы в центр Москвы с требованием начать следствие в отношении Ельцина, Горбачева и К^о, то это вызвало бы серьезный резонанс и в Таллине, и в Вашингтоне.

Говоря о правах человека в странах Балтии, нужно отметить два момента. Там граждане имеют достаточно много прав, а вот неграждане лишены всех прав вопреки всем документам Евросоюза, куда Прибалтика была принята в 2003 г.

Гражданами новых республик стали лишь те, кто проживал там к началу 1940 г., и их прямые потомки. Таким образом, человек, приехавший в Прибалтику 50 лет назад и безвыездно проживавший там все эти годы, становится «негражданином», то есть бесправным лицом. Мало того, таковыми становятся его дети, внуки, правнуки и т. д., которые родились и выросли в Прибалтике. Получается, что ребенок, родители и деды которого родились, скажем, в Эстонии, не может автоматически получить эстонское гражданство. Теоретически он может получить гражданство по достижении определенного возраста, при соответствующем поведении, сдав на «отлично» экзамен по эстонскому языку и т. п.

Формально в Прибалтике есть полная свобода вероисповедания. Так, например, в Эстонии теперь граждане могут совершать религиозный брак, который официально приравнен к государственному. Замечу, что церковный брак был отменен эстонскими властями в 1925 г.

И в целом свобода вероисповедания в Эстонии соблюдается, за исключением мелких эпизодов. Так, например, на острове Хийумаа власть фактически сосредоточена в руках баптистов, которые преследуют язычников, то есть сторонников «Эстонской традиционной религии».

Кстати, последних в Эстонии по переписи 2000 года было 1058 человек, а по социологическим исследованиям 2002 года – около 11 % от общего количества населения.

Но на русских свобода вероисповедания не распространяется. Сразу после получения независимости эстонские власти начали захват православных храмов, традиционно с XI века относящихся к Русской православной церкви,^[264] и стали передавать их своим ставленникам, образовавшим «Православную эстонскую церковь».

К 1 октября 2005 г. сложилась любопытная картина – по эстонским же данным, «эстонская православная церковь» владела 60 приходами и имела 25 тысяч прихожан, а РПЦ соответственно 31 приходом и 170 тысячами прихожан. Таким образом, на одно церковное здание приходится 417 раскольников и 5484 православных верующих. Наше же правительство никак не реагировало на грабеж Русской православной церкви в Эстонии.

Прогноз развития русскоязычного меньшинства в странах Балтии более чем неутешителен. Правительство РФ может сколько угодно стенать в Евросоюзе о правах русских граждан. Но увы, и США, и Евросоюз давно придерживаются политики двойных стандартов в отношении России. Вспомним, что ни одно европейское государство не поддержало РФ в споре с Эстонией по поводу сноса памятника советским воинам в Таллине.

Максимум, что могут сделать наши политики из кампании по защите прав русскоязычных в Прибалтике, это предъявить Евросоюзу и США ультиматум: или навести порядок в Прибалтике, или Россия прекращает с ними любые переговоры или даже контакты в области прав человека. Благо, права русских людей наших супостатов никогда не интересовали, а «права человека» использовались в качестве повода для вмешательства во внутренние дела России.

Впрочем, эта тема в недалеком будущем отпадет сама собой. Русские в Прибалтике, которым в 1990 г. было двадцать и более лет, умрут русскими людьми. А вот их дети будут полурусскими, а внуки – эстонцами, латышами или литовцами.

За примером далеко ходить не надо. Из десятков тысяч русских князей и дворян, живших в начале XVI века в Великом княжестве Литовском, через полтора века не оказалось ни одного, для которого русский язык остался бы родным, и ни одного, не перешедшего в католичество.

Сейчас наши СМИ выдают внуков и правнуков русских эмигрантов первой волны (1917–1922) за русских людей. Увы, они все европейцы или американцы, и не в первом поколении. Подавляющее большинство из них не говорят по-русски, но, самое главное, у них иная система мышления,

нежели у нас.

То же неизбежно произойдет и с нашими соотечественниками в Прибалтике. Разумеется, если ситуация будет развиваться в мире так же, как в 1991–2007 гг. В ином же случае, как говорится, возможны варианты...

В 1991 г. страны Балтии освободились от оккупации и... стали жить за счет своей бывшей метрополии. Как уже говорилось, они захватили все предприятия, транспортные инфраструктуры, принадлежавшие Центру и построенные за счет России.

Так, Латвия «прихватиговала» 87 торговых судов, Литва – 70, Эстония – 75. России же остались 178 судов. Таким образом, на Балтийском море, где шли главные грузообороты Союза, русским и остальным народам бывшего СССР досталось лишь 43 % торгового флота.

Правда, распорядиться чужим торговым флотом прибалты толком не сумели. Латвия быстро распродала свои суда в розницу. Среди покупателей были и российские компании. В частности, в октябре 2003 г. было куплено 7 рефрижераторов типа «Курск». А эстонское правительство оптом продало суда норвежской фирме «Nehdi Eitzen Group».

Предприятия, доставшиеся прибалтам от СССР, в большинстве своем не смогли конкурировать с западноевропейскими. Поэтому такая же судьба постигла и большинство крупных предприятий. Вспомним, что продукция знаменитого латышского завода «ВЭФ» славилась по всему Союзу. У меня у самого был приемник «ВЭФ», которым я ловил Би-би-си и «Голос Америки». К 1990 г. на «ВЭФе» работало 20 тысяч человек. К 1999 г. оборудование завода было распродано, а четыре огромных корпуса общей площадью 75 тысяч кв. м за полтора миллиона долларов купила итальянская фирма под торговый центр.

В поставках сельхозпродукции Евросоюз тоже не особенно нуждается. Спору нет, экономику Прибалтики существенно пополнили финансовые вливания Финляндии, Швеции и США. Но тут главную роль сыграла политика, а не экономические выгоды.

В основном же Прибалтику кормит Россия. Российские фирмы по-прежнему покупают прибалтийские товары, хотя они по качеству в основном хуже западноевропейских. Почему это происходит? Это – коммерческая тайна, но, я думаю, здесь речь идет не об инерции установившихся торговых связей, а о нажиме российских властей.

Россия в течение 1000 лет никогда не пыталась использовать Прибалтику в качестве своей колонии, то есть объекта экономической эксплуатации. Действия удельных князей, московских государей, императоров и генсеков сводились исключительно к обеспечению

безопасности северо-западных границ России и нормальному функционированию «окна в Европу».

Теперь же прибалтийские государства вступили в НАТО и начали взимать с России большие деньги за пользование пресловутым «окном». По данным В. Иванова, доля доходов именно от российского грузотранзита в наполнении госбюджетов Латвии, Литвы и Эстонии с 1991 г. достигала соответственно 22–25, 18–20 и 15–17 процентов.^[265]

По неведомым причинам в 1991–2005 гг. российские власти дотировали экономику Прибалтики за счет сверхнизких цен на нефть, газ и электроэнергию.

До 1998 г. включительно на железных дорогах РФ действовали пониженные на 10–15 процентов тарифы на перевозку транзитных и российских экспортноимпортных грузов именно через порты стран Балтии. Низкими были и расценки на перекачку туда же российских нефти и газа. По данным прибалтийских ведомств, за 1991–1998 гг. прибалтийские железные дороги, порты, нефте- и газопроводные объекты благодаря упомянутым преференциям заработали в целом до 750 миллионов долларов (в текущих ценах).^[266]

Таблица 3

Цены поставок российского газа в страны Балтии (в среднем за 2002–2005 гг.)

Государство	Эстония	Латвия	Литва
Цена, долл. США/1 тысяча кубометров	90	93	85
В % от средней экспортной цены (100%) в зарубежной Европе	77	83	67
Средняя цена, предлагаемая Норвегией, Данией и Голландией на 2005–2006 годы (долл. США/1 тысяча кубометров)	135	130	140

Я уж не буду говорить о 1990-х гг., когда Эстония стала одним из крупнейших экспортеров цветных металлов. Увы, в самой Эстонии их не добывали, все это было украдено из России, когда власти Ленинграда смотрели сквозь пальцы на этот гешефт.

Самое же страшное, что у Российской Федерации нет даже договора с Литвой о надежном и гарантированном сухопутном коридоре в Калининградскую область. Хватит лукавить, надо нашему правительству признать очевидный факт – само существование Калининградской области

напрямую зависит от капризов правительства Литвы: перекроет транспортные и энергетические артерии – и конец области. Особенно если это произойдет зимой, когда замерзает Финский залив. Тогда в Калининград можно будет добраться только по воздуху, да и то дальним окольным маршрутом.

Каковы же перспективы российско-балтийских отношений? Все зависит от того, кто встанет у руля в Москве с 2008 г. Если нам и по-прежнему будут навязывать лозунг: «Вначале – экономика, а потом – политика», Российская федерация развалится в течение нескольких лет. С точки зрения рыночной экономики гораздо выгоднее продать Курилы японцам, Приморский край – китайцам, Калининградскую область – немцам, Карелию – финнам, и так далее вплоть до границ Московского удельного княжества времен Ивана Калиты. Увы, я нисколько не утрирую. Я читал в многочисленных серьезных изданиях о том, что наши власти и бизнесмены неэффективно используют богатства Курильских островов, и поэтому их надо продать японцам.

На самом же деле за 1000-летнюю историю русского народа у нас во главе угла была политика, а не экономика. И Дальний Восток в конце XIX – начале XX века не стал ни китайским, ни японским только потому, что в Петербурге не считали барыши от эксплуатации Транссибирской магистрали и Добровольного флота. Формально обе конторы в основном работали в убыток, но фактически приносили огромную государственную пользу. И замечу, Транссиб был казенной железной дорогой и построен на государственные деньги, а пароходы Доброфлота покупались на рубли и копейки, собранные патриотами по всей России.

Государство Российское может существовать лишь при правителях, ставящих политику во главе угла. Такое правительство... оставит Прибалтику в покое. Да, да, сделает то, что просят националисты – «оставьте Эстонию в покое». Нам все равно ничего не удастся сделать для предотвращения насильственной ассимиляции местных русских. Но вот усиливать лимитрофы нам ни к чему. Хотят получать российские энергоносители – пожалуйста! Но по мировой цене.

Зависимость в коммуникациях должна быть сведена к минимуму. Тарифы и пошлины на перевозки в республики Прибалтики следует поднимать ежегодно. Нужны большие государственные капиталовложения в строительство портов в районе Петербурга и нефте- и газопроводов по дну Финского залива и Балтийского моря.

Как уже говорилось, Ельцин и его окружение даже не попытались оговорить в 1991 г. условия транзита в Калининградскую область через

Литву. С 1 января 2005 г. гражданин России, чтобы проехать в Калининград, должен иметь заграничный паспорт и литовскую визу. К настоящему времени стоимость визы составляет 35 евро, то есть около 1200 рублей.

На июнь 2007 г. из Москвы в Калининградскую область ежедневно отправляются два пассажирских поезда и 8 пассажирских самолетов. Причем поезда идут по маршруту Минск – Вильнюс – Кибартай – Нестеров, то есть фактически через всю Литву. При взаимном желании можно было бы пустить поезда через Гродно, сам был там в 1991 г. и видел хорошую железную дорогу, отличный вокзал и т. п., а дальше можно проложить 100-километровое железнодорожное полотно через Литовскую территорию вдоль ее границы с Польшей до Калининградской области.

Таким образом, будет разгружена сеть железных дорог центральной Литвы и исключена возможность контрабанды со стороны граждан РФ. Кстати, правительство Литвы постоянно жалуется на россиян, торгующих на остановках и даже выбрасывающих из окна на ходу контрабанду для своих литовских сообщников.

Так ведь именно литовские власти устроили в маленькой Литве даже для фирменного скорого поезда «Янтарь» остановки, где поезд стоит в общей сложности около двух часов. Так тут и законопослушный гражданин от скуки займется мелкой спекуляцией.

Скоростные же поезда с запломбированными дверями и закрытыми окнами смогут пересекать 100-километровый отрезок по литовской территории буквально за полчаса. Российской стороне это сэкономит 5 часов времени и большие средства. Казалось бы, строительство скоростной железной дороги и автомагистрали вдоль границы с Польшей сулит обеим сторонам только выгоды.

Однако Литва против строительства таких магистралей, а Москва не особенно настаивает. Неужели в Москве не понимают, что транзит в Калининград – это поводок, на котором Литва держит Россию? Почему бы нашим СМИ не довести сложившуюся ситуацию до каждого европейского обывателя?

Литва постоянно повышает тарифы на транзит и по любому поводу угрожает «начать ремонт на железной дороге» и тем ограничить или вообще прекратить транзит в Калининградскую область. Западный обыватель должен понять, что в Калининградской области живет больше народу, чем в Западном Берлине в 1948 г., и снабжать край по воздуху российской военно-транспортной авиации будет сложно, и понятно, что делать это они будут через литовское воздушное пространство. С другой

стороны, наши сухопутные силы даже при нынешнем их состоянии за несколько часов с двух сторон легко пробьют себе коридор через Литву. А дальше Европа будет решать – промолчать ей или затеять ядерную войну с Россией. Так не пора ли довести до сведения западного обывателя, что его благополучие и даже жизнь зависят от настроения не дюже грамотного в политике литовского чиновника.

И Литва, и Евросоюз должны быть строго предупреждены, что, согласно международному праву, блокада территории суверенного государства является актом войны. Вспомним, что в 1967 г. Израиль начал шестидневную войну, в качестве повода использовав блокаду египтянами Акабского залива, где, кстати, израильские суда вообще никогда не ходили.

Достаточно сложная ситуация сложилась и в Финском заливе. Спросить бы у господ Горбачева и Козырева, ну, допустим, эстонцы требовали независимости и им ее дали. Но зачем нужно было отдавать десятки пустынных островов Финского залива, где вообще не было туземцев, а использовались эти острова лишь Балтийским флотом? Или наши моряки тоже попросили «незалежности?»

В 1990-х гг. литовское правительство разрешало пролеты российской военно-транспортной авиации в Калининградскую область, но с предварительным уведомлением. Затем год от года Литва начала выдвигать все новые и новые мелочные и унижительные требования. Так, срок уведомления был доведен чуть ли не до месяца. Россия обязана была предоставлять подробный список всех грузов, находящихся на борту самолета. А наше военное командование вместо того, чтобы послать лимитрофов к известной матери и спокойно летать, отказалось вообще от сквозных полетов через Литву. Теперь наши военно-транспортные самолеты летают через Санкт-Петербург, Финский залив и Балтийское море, делая огромный крюк.

Но и это не спасает летчиков от претензий лимитрофов. Эстония постоянно жалуется на нарушения ее воздушного пространства российскими самолетами. Не подумайте, что наши истребители носятся над Таллином. Речь идет исключительно о пролетах в нескольких сотнях метров от так называемой «внешней границы территориального моря Эстонии». И каждый раз эстонские политики и СМИ выдают душещипательные комментарии – «Провокация!», «Полчаса страха!» и т. д.

18 октября 1996 г. Финляндия и Эстония разделили между собой всю центральную и западную части Финского залива. России же они выделили для прохода судов и пролета самолетов узенький коридор длиной около 150 км и шириной от 4 до 10 км.

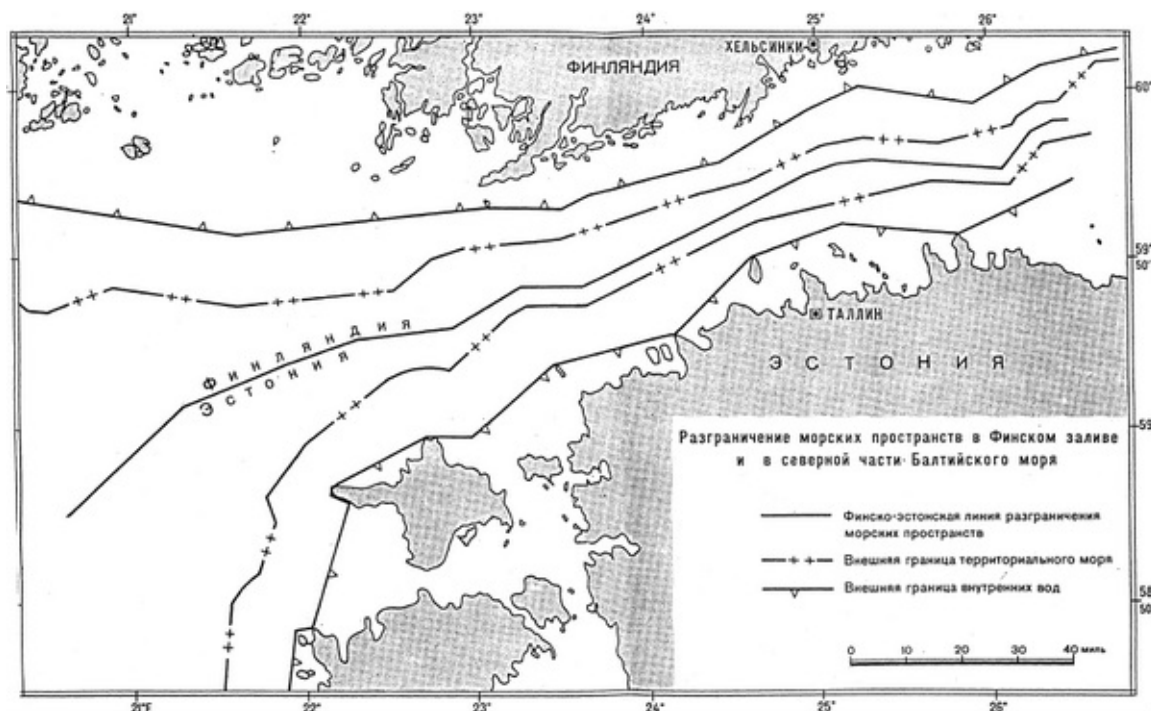
Финский залив мелководен, но очень опасен для судоходства из-за сильных штормов, мелей, подводных скал и сложной ледовой обстановки с декабря по апрель. И вот сейчас отклонится самолет или корабль на несколько десятков метров от этого коридора, и уже летят грозные ноты. А войдут лимитрофы в силу, ведь и стрелять начнут.

Самое любопытное, что проход российских судов и пролет самолетов в Финском заливе не определен никакими международными соглашениями. То есть пока хотят, нас пускают, а дальше...

Ельцин вроде бы приказал вывезти ядерное оружие из Калининградской области и изъять его с кораблей и из арсеналов Балтийского флота. Таким образом, наш флот оказался разоружен, в то время как флоты США и Англии не только не собираются отказываться от атомного оружия, а наоборот, непрерывно совершенствуют как ядерные боевые части, так и средства их доставки.

И опять же, безъядерный статус Калининградской области и Балтийского флота не закреплен ни одним международным договором. С другой стороны, нет никаких гарантий, что американское ядерное оружие не будет доставлено в Польшу или страны Прибалтики. Кстати, Соединенные Штаты уже полвека принципиально не сообщают о наличии или отсутствии ядерного оружия на борту своих кораблей или самолетов, находящихся за рубежом. Предположим, что правительство РФ решит снова вооружить Балтийский флот спецбоеприпасами и доставить их в Калининград. Тогда возникает естественный вопрос – разрешит ли это сделать НАТО?

В 2006–2007 гг. страны Прибалтики и Польша вместе с определенными кругами Швеции и Финляндии предпринимают отчаянные усилия, чтобы помешать строительству газопровода «Nord Stream» («Северный поток») из России в Германию, Францию, Венгрию и Калининградскую область по дну Балтийского моря. Как известно, акционерами этого проекта стали «Газпром» (51 %) и его западные партнеры.

Разграничение морских пространств в Финском заливе и в северной части Балтийского моря (К соглашению от 18 октября 1996 г.)

Статус дна Финского залива сейчас не определен. В принципе финны и эстонцы могут заявить, что они не допустят строительства газопровода по дну Финского залива, хотя это может быть оспорено с учетом других международных соглашений. Кроме того, финны и эстонцы утверждают, что трасса газопровода пройдет в «зоне их военных учений».

Публикуются многочисленные дикие сценарии загрязнения Финского залива и Балтийского моря в случае строительства газопровода. Газ – не нефть, воду не загрязняет. Но тут в ход идут старые страшилки о затопленных в 1947–1948 гг. двенадцати тысячах тонн германских химических боеприпасов. США и Англия затопили сами или заставили затопить германских моряков химические снаряды и бомбы, а также бочки с отравляющими веществами к востоку от острова Борнхольм и к западу от острова Готланд. Однако вероятность прохождения трубы через это захоронение минимальна. И вообще, что, теперь получается, что из-за преступлений правительств США и Англии нельзя вообще использовать ресурсы дна Балтийского моря? Риск здесь минимален, а в случае любого загрязнения моря должны отвечать те, кто сбрасывал туда химбоеприпасы.

Неужели российский МИД не может объяснить Финляндии и Эстонии, что западная часть Финского залива – район особый, и здесь нужна особая договоренность, поскольку дело идет о выходе к морю великой страны, за

что в течение 1000 лет отдали свои жизни миллионы русских людей, и что шутить с этим весьма опасно, и при обстреле любого воздушного или морского судна немедленно будут приняты решительные ответные меры. Не следует забывать, что российские зенитные ракеты С—300 способны сбить на своей территории любой воздушный объект над любой точкой Прибалтики. Кстати, случайный пуск более старой ракеты С—200 с украинской пусковой установки около Феодосии, сбившей российский Ту—154 на расстоянии 225 км, реально подтвердил такую возможность.

А береговой ракетный комплекс «Прогресс» может поразить морскую цель во всей акватории Финского залива.

Понятно, что любая угроза России к странам-лимитрофам вызовет истерику западных СМИ – вот русский медведь опять угрожает маленьким независимым прибалтийским государствам. Но есть и иные, куда более эффективные пути воздействия на лимитрофы – наказать их хозяина, то есть США.

Сейчас янки считают себя единственной супердержавой в мире, которой должны подчиняться все другие государства. Американцы разместили свои войска по всей планете и дали гарантии безопасности десяткам стран мира. Таким образом, США поставили себя в крайне уязвимое положение. Поставки современного оружия и массивов разведывательной информации со спутника в режиме реального времени может помочь даже слабому противнику нанести серьезный удар американскому колоссу. Да, вооруженные силы США имеют суперсовременное оружие, но и у России есть таковое. Зато у янки нет смекалки русского мужика, который может если не уничтожить, то обхитрить любое «интеллектуальное» оружие, и нет презрения к смерти, как у восточных парней.

Янки должны понять, что любое тьяканье лимитрофов неизбежно будет оборачиваться для США большими неприятностями.

Развал Союза привел к резкому всплеску территориальных претензий почти во всех республиках СССР. Не обошло это явление и Прибалтику. Так, националистам Литвы мало того, что на территории республики проживает свыше 20 % нелитовцев, и они строят планы захвата новых земель. В Литве постоянно печатаются карты, где часть республики Беларусь вплоть до Молодечно указана как литовская территория. «В конце 1999 г. там был выпущен „Календарь литовца на 2000 год“. В нем напечатана карта, на которой часть территории Польши, Белоруссии и России (Калининградская область) обозначены как... „временно оккупированные этнические литовские земли“. Российское посольство в

Литве расценило календарь как провокацию, белорусское выразило недоумение, а министр иностранных дел Польши Бронислав Геремек заявил, что его страна потребует запретить распространение календаря. МИД Литвы тоже открестился от него, заявив, что выпуск в частном издательстве не согласовывался с государственными институтами и не финансировался за казенный счет». ^[267]

Литовские политики и видные общественные деятели периодически в своих выступлениях требуют присоединения Калининградской области к Литовскому государству в качестве компенсации «за вред, принесенный в годы советской власти». Ряд польских политиков также заявляют о необходимости произвести польско-литовский раздел нашей территории. В конце 1997 г. несколько политических партий Литвы обратились в ООН и к литовскому сейму с предложением передать Калининградскую область под временное управление ООН.

Не отстает от Литвы и Эстония, в которой этнических эстонцев не более 60 %. Им, видите ли, мало неграждан для эксплуатации и срочно требуются новые земли.

Уже в 1991 г. эстонское правительство потребовало от России «пересмотреть» границы на основе Юрьевского договора 1920 года, сославшись на то, что эти переговоры не были денонсированы. Территориальные претензии Эстонии распространялись на земли, находящиеся на правом берегу реки Нарвы в Ленинградской области и район Печоры в Псковской области. Эстонцы даже изобразили на эстонских пятикрупных купюрах абрис русской Ивангородской крепости, а министр иностранных дел Эстонии Т. Велесте велел всем эстонским посольствам разыскать эстонские карты 1939 г., на которых Печоры входят в состав Эстонии, чтобы было проще обосновывать «правомочность» эстонских территориальных претензий.

В начале 1990-х гг. группы эстонцев неоднократно пытались захватить силой территории Печорского района. Так, известны попытки силового захвата здания Печорского военкомата, установка эстонских пограничных знаков на расстоянии нескольких десятков километров от границы бывшей Эстонской ССР.

«В Печорском районе сотрудниками службы безопасности Эстонии проводилась активная работа по созданию „пятой колонны“ из эстонофилов. Агенты развернули среди русского населения агитацию за переход в эстонское гражданство, чтобы иметь возможность обосновать свои территориальные претензии тем, что на этих землях живут не российские, а эстонские граждане. В Эстонии была даже разработана

специальная инструкция по ведению психологической войны в Печорском районе. В ней, в частности, говорилось: „Печеряне психологически относятся к сенсорному типу людей, которые в большей степени воспринимают информацию на слух, чем в напечатанном виде, поэтому секретным спецпропагандистам Эстонской Республики легче действовать через беседы с печерянами, которые этой осенью в большом количестве посещают с нужными документами Таллин для получения „синих паспортов“ эстонского гражданина. Надо учитывать, что МВД России, погранвойска, органы ФСБ не контролируют ситуацию с „синими паспортами“, которые могут дать гражданам Эстонии преимущество в референдуме. Возвращающиеся с „синими паспортами“ из Таллина граждане Эстонии русской национальности должны разлагать печорские земли Псковщины“». ^[268]

К сожалению, только к 7 ноября 1994 г. на российско-эстонской границе был установлен последний 682-й столб. Понятно, что до 1990 г. никаких пограничных столбов и контроля не было, и даже многие местные жители не знали, где проходила административная граница между РСФСР и Эстонской ССР.

Наконец 18 мая 2005 г. в Москве были подписаны договоры о российско-эстонской границе и разграничении морских пространств в Нарвском и Финском заливах. Эстония официально отказалась от своих прежних притязаний на Печорский район Псковской области, включая и сам Псков (эстонцы его называют Пихква), и район к востоку от Нарвы – за рекой Наровой, включая Ивангород в Ленинградской области. Граница прошла по бывшей административной границе РСФСР и Эстонской ССР. В соответствии с договором стороны уступили друг другу по 128,6 гектаров суши и по 11,4 кв. км поверхности озер.

В июне 2005 г. договоры были ратифицированы эстонским парламентом. Но, принимая закон о ратификации, эстонский парламент 15 июня включил в его преамбулу ссылки на Тартуский мирный договор между Эстонской Республикой и Советской Россией от 1920 г. и на оккупацию страны Советским Союзом в 1940 г.

В ответ МИД и правительство РФ фактически дезавуировали пограничные договоры, на что эстонские власти «промолчали в тряпочку». А что им было сказать? В итоге вопрос о границах остался нерешенным.

Увы, прибалтийские националисты не ограничиваются территориальными претензиями, а выдвигают еще и финансовые. Им недостаточно, что они и так сидят на шее России, выкачивая из нее энергоносители по смешным ценам. Прибалты требуют огромные деньги

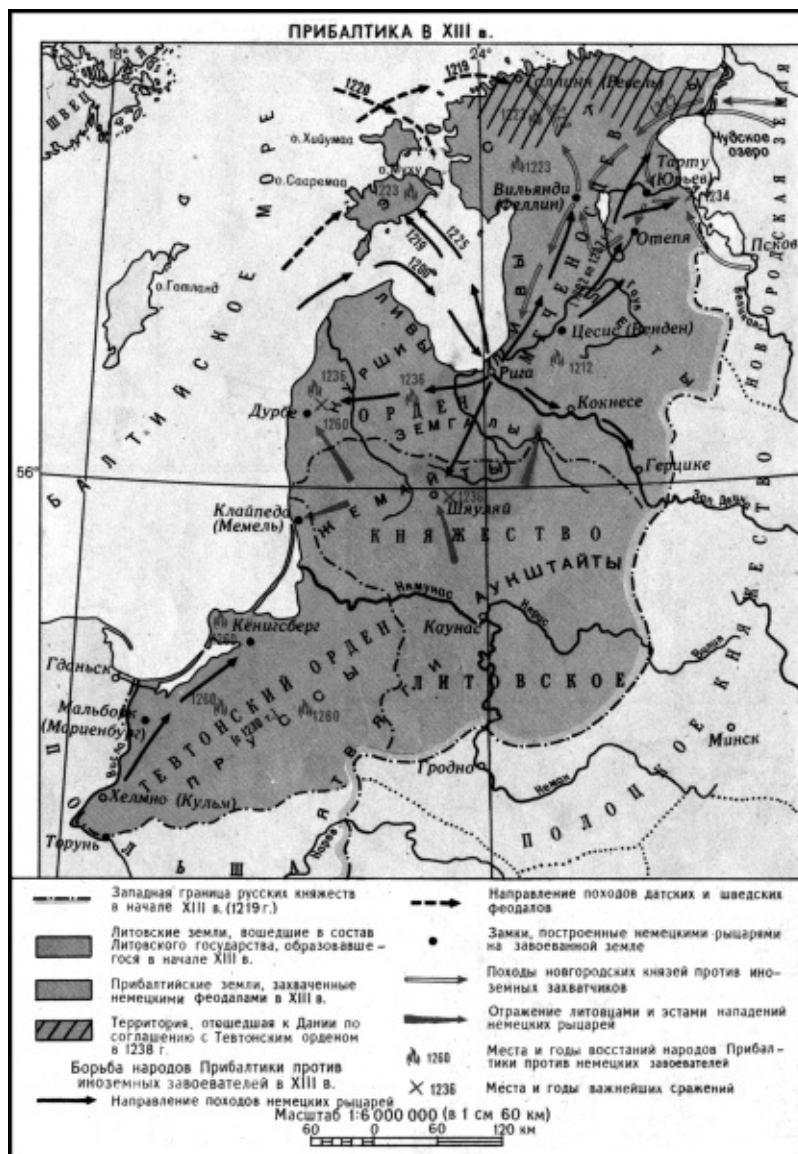
за пользование шоссейными и железными дорогами, портами и судами, построенными русскими же людьми и на русские деньги.

Летом 2005 г. Латвия, Литва и Эстония официально подтвердили свои финансовые претензии к России в сумме около 100 миллиардов долларов, обусловленные пресловутым «ущербом за период советской оккупации».

Все это было бы смешно, если бы не было так грустно. Увы, в Москве могут найтись чиновники высокого ранга, которые будут платить прибалтам. Платили же мы царские долги Франции, позабыв о том, что в 1917 г. она прекратила поставки военной техники в Россию, присвоив миллиарды франков за уже оплаченные заказы. Французы причастны к расхищению золотого запаса России, вывезенного чехословаками из Казани в 1918 г. Французские оккупанты нанесли огромный ущерб России в ходе Гражданской войны. Так, к примеру, из 131 судна, угнанного из Крыма Врангелем в ноябре 1920 г., подавляющее большинство было захвачено французами. Наконец, именно Красная армия, разгромив вермахт, позволила освободить Францию от гитлеровцев. Ну а нашей кремлевской мафии на это на все плевать, они платят с удовольствием. Думается, что и прибалтам они тоже станут платить.

В истории России было много неприятных нам событий. Русь платила дань владыкам Востока Батыю и Тамерлану. В 1618 г. было подписано позорное Деулинское перемирие, но тогда Россия воевала одновременно с двумя сильнейшими государствами Европы – Речью Посполитой и Швецией. В 1918 г. был подписан «похабнейший» Брестский мир. Но за тысячелетнюю историю России это первый случай, когда наша страна платит дань и унижается перед такими ничтожествами, как прибалтийские националисты, дети легионеров СС.

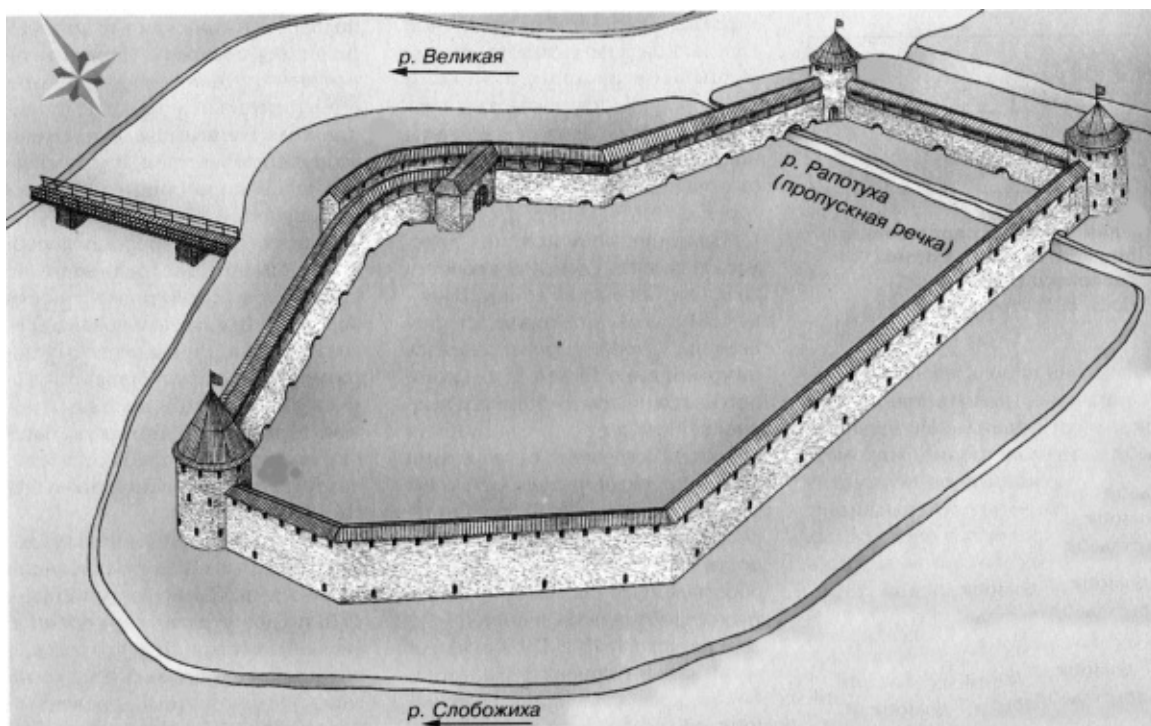
Вклейки

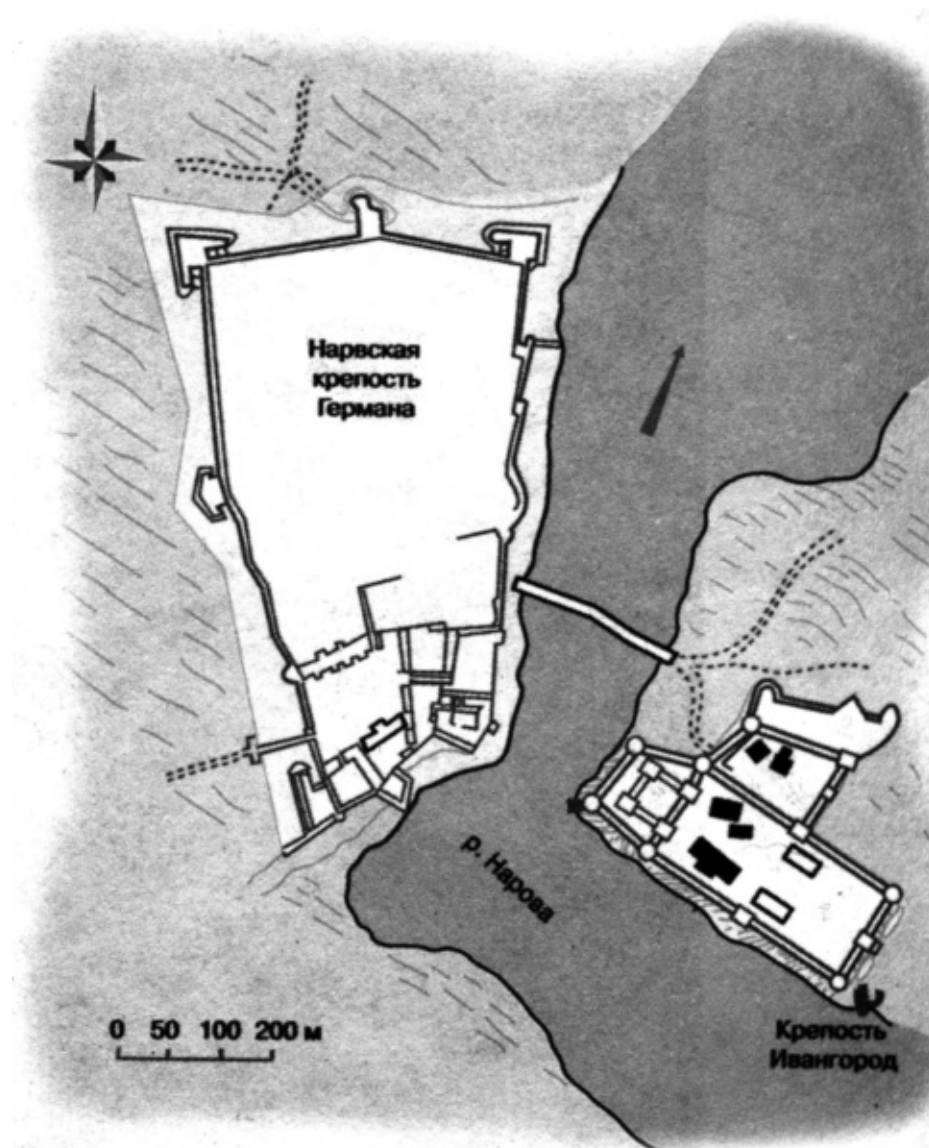
Прибалтика в XIII веке

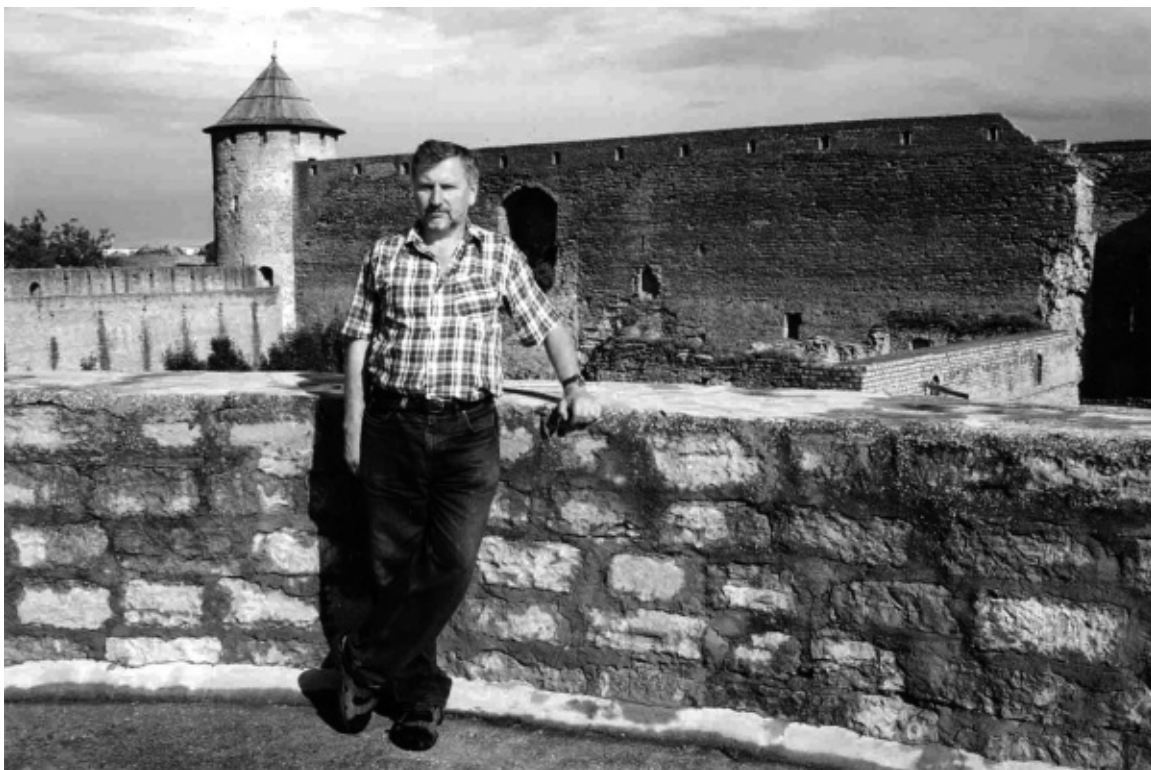
Ливония в первой половине XIV века

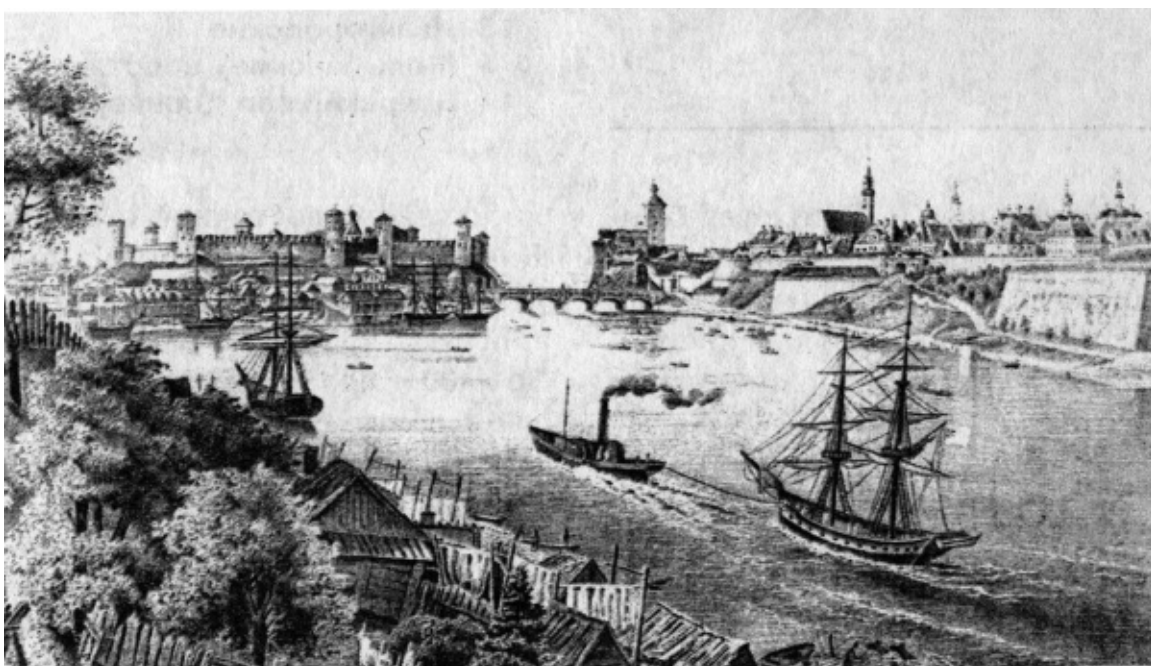
Крепость Остров. Реконструкция Г. Борзова

План Ивангорода и Нарвы (1653 г.)

А.Б. Широкопад в Ивангородской крепости

Крепость Ивангород (слева) и крепость Нарва (справа). Гравюра В. Ставерхагена, 1867 г.

Великий князь Литовский Витовт

В церкви Святого Николая в Таллине сохранилась картина, считающаяся самым древним из дошедших до нас изображением ганзейских купцов и их кораблей. Слева – Святой Николай, покровитель мореплавателей. Худ. Хермен Руде. 1478–1482 гг.

Так выглядел Бременский когг – один из старейших парусников, плававших на Балтике. Худ. Бернд Андерс. 1990 г.

4-пудовая мортира. Музей истории Риги и мореходства. Фото С.Ю. Мелконова

Бомбарды XV века. Музей истории Риги и мореходства. Фото С.Ю. Мелконова

В Риге в XV–XVIII веках был самый мощный в Прибалтике литейный двор. Там отливались орудия, не уступавшие по мощности и качеству изготовления лучшим артсистемам Европы.

Рижские тяжелые крепостные пушки – трофей русских войск. Санкт-

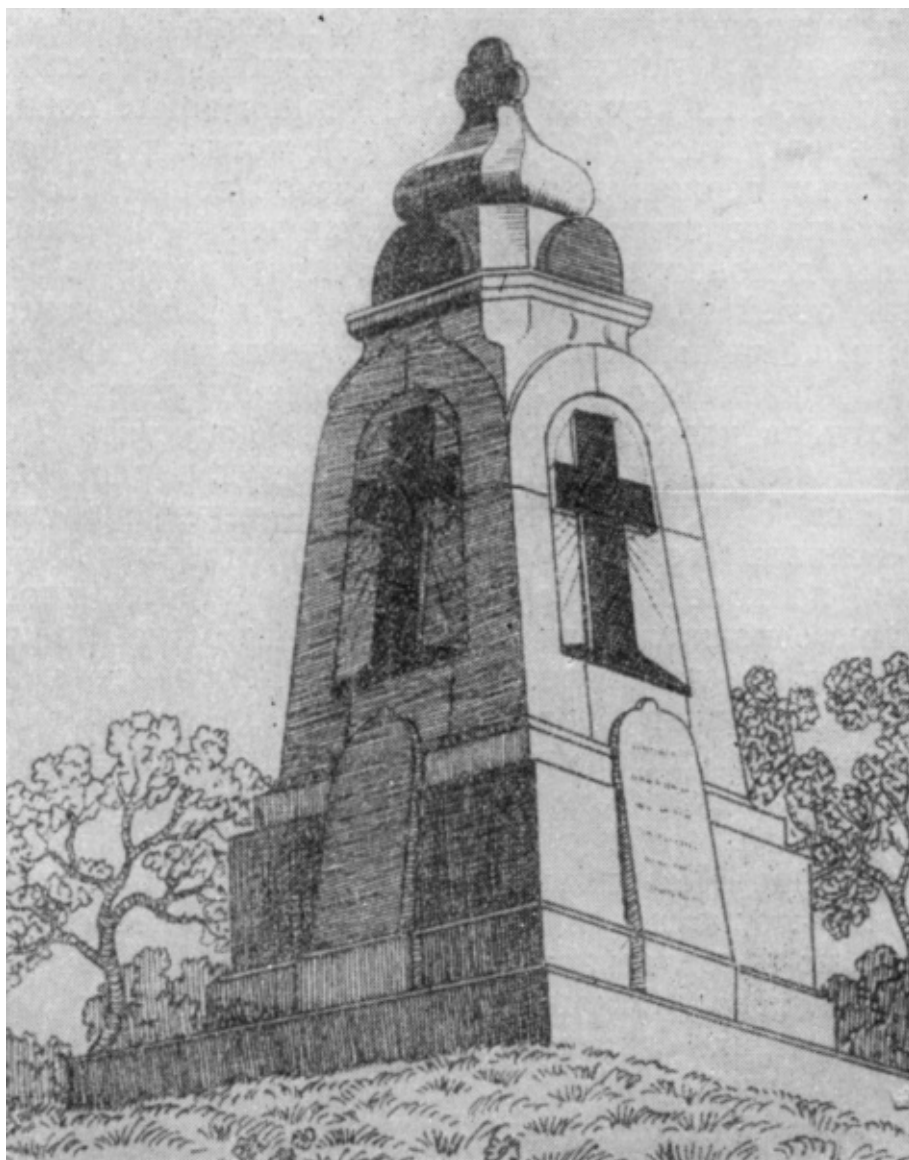
Петербург. Артиллерийский музей. Фото А.Б. Широкограда

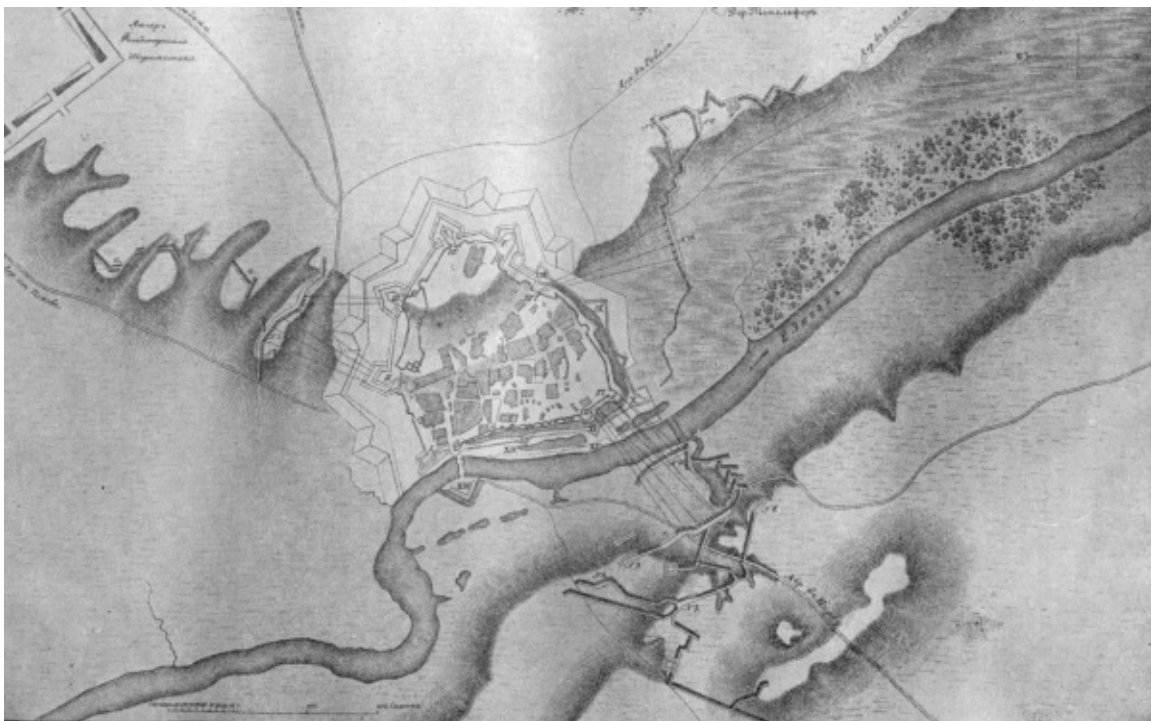
Свято-Никольский морской собор. Лиепая. 2005 г. (Фото С.Ю. Мелконова)

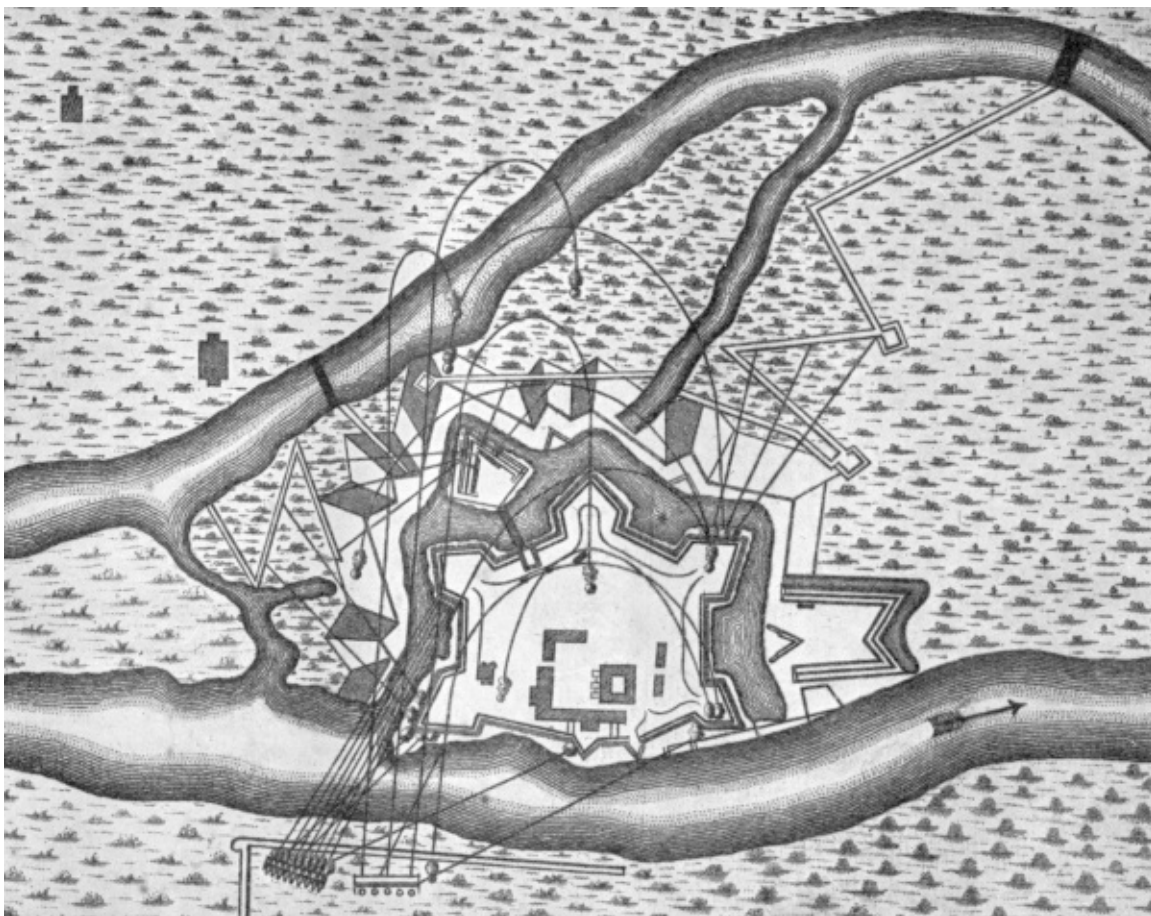
Дворец в Екатеринентале (Кадриорге) близ Таллина (1720-е годы).
Архитектор Н. Микетти

Памятник четырёмстам русским воинам, павшим в бою 10 (21) июля 1701 г. на о. Луцава у Риги. Открыт 10 (22) июля 1891 г.

План осады Дерпта в 1704 г.

Бомбардировка Митавы русскими войсками в сентябре 1705 г.

Президент Латвии принимает парад военных кораблей. Фото 1930-х годов

Латвийские военные корабли «Иманта», «Вирсайтис», «Виестурс».
Фото 1930-х годов

Представители командования Латвийской армии осматривают прибывшую из Англии танкетку Garden-Loyd Vb.VI. 1930 г.

Финские и эстонские артиллеристы на 305-мм батарее о. Аэгна (Вульф). 1937 г.

Легкий танк Vickers-Garden-Lloyd с 40-мм пушкой, состоявший на вооружении Латвийской армии

Литовские крестьянки радостно встречают своих «освободителей» – солдат 6-й танковой дивизии на автомобилях Крупп L2H1. Июнь 1941 г.

Освобождение Риги от фашистских захватчиков. 13 октября 1944 г.

Латышская крестьянка и бойцы Красной армии. 1944 г.

Советские солдаты и мирное население на улицах Риги. Октябрь 1944 г.

Караул туземного флота у памятного камня морякам англо-французской эскадры, погибшим под Ригой в 1919 г. Находится на закрытой территории ВМБ латвийских ВМС «Даугавгрива». (Фото из собрания С.Ю. Мелконова)

Список использованной литературы

Бахтурина А.Ю. Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). М.: РОССПЭН, 2004

Беднов В.А. Православная церковь в Польше и Литве. Минск: Лучи Софии, 2002

Белая борьба на Северо-Западе России / Сост. С.В. Волков. М.: Центрполиграф, 2003

Березин К., Саар А. Операция «Котбус» или «очищение» Прибалтики от евреев. Рига – Вильнюс – Таллин, 2001

Брикнер А. История Екатерины Второй. М.: Современник, Товарищество Русских Художников, 1991

Бугай Н.Ф. Л. Берия – И. Сталину: Согласно Вашему указанию... М.: АИРО – XX, 1995

Великая Октябрьская социалистическая революция. Энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1977

Великий князь Александр Михайлович. Воспоминания. М.: Захаров; АСТ, 1999

Военная энциклопедия / Под ред. К.И. Величко, В.Ф. Новицкого, А.В. Фон-Шварца и др. В 18 т. Петербург, 1911—1915

Воинские повести древней Руси / Сост. Н.В. Поньрко. Ленинград: Лениздат, 1985

Восстановление Советской власти в Латвии и вхождение Латвийской ССР в состав СССР. Документы и материалы. Рига, 1987

Годунов В.И. Краткий очерк истории Эстляндии к 200-летнему юбилею завоевания ее Россией (1710–1910). Ревель, 1910

Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1983

Гражданская война. Боевые действия на морях, речных и озерных системах. Т. II (Северо-запад). Ч. I. Балтийский флот 1918–1919 гг. / Под ред. И.В. Егорова, Е.Е. Шведе. Ленинград: Редакционно-издательский отдел Морских Сил РККФ, 1926

Гражданская война. Боевые действия на морях, речных и озерных системах. Т. II. Северо-Запад. Часть 1. Балтийский флот 1918–1919 гг. / Под ред. И.В. Егорова и Е.Е. Шведе. Ленинград: Редакционно-издательский отдел Морских Сил РККФ, 1926

- Гребеньский Вл. История польского народа. Минск: МФЦП, 2006
- Гриф секретности снят. Потери вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах / Под ред. Г.Ф. Кривошеева. М.: Воениздат, 1993
- Грушевский М.С. Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV столетия. Киев, 1891
- Грушевський М.С. Історія України-Руси. Київ – Львів, 1907
- Гудавичюс Э. История Литвы. Т. I. С древнейших времен до 1569 года. М.: Фонд имени И.Д. Сытина: BALTUS, 2005
- Запрудник Я. Беларусь на гістарычных скрыжаваннях. Минск, 1996
- Зенкович Н.А. Чья Белоруссия? (Границы. Споры. Обиды). М.: МК-Периодика, 2002
- Зимин А.А. Витязь на распутье. М.: Мысль, 1991
- Из Варшавы. Москва, товарищу Берия...: Документы НКВД СССР о польском подполье. 1944–1945 гг. Москва – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001
- Иосиф Сталин – Лаврентию Берии: «Их надо депортировать...»: Документы, факты, комментарии / Сост. Н.Ф. Бугай. М.: Дружба народов, 1992
- История дипломатии. Т. 3. Дипломатия в период подготовки Второй мировой войны (1919–1939 гг.) / Под ред. В.П. Потемкина. М. – Л-д.: ОГИЗ Госполитиздат, 194
- История дипломатии. Т. 3. Дипломатия в период подготовки Второй мировой войны (1919–1939 гг.) / Под ред. В.П. Потемкина. М. – Л-д.: ОГИЗ Госполитиздат, 1945
- История Латвийской ССР / Под ред. К.Я. Страздиня, Я.Я. Зутиса, Я.П. Крастыня, А.А. Дризула. Рига: Издательство Академии наук Латвийской ССР, 1952
- История Эстонской ССР (с древнейших времен до наших дней) / Под ред. Г.И. Наана. Таллин: Эстонское государственное издательство, 1958
- Какурин Н.Е., Вацетис И.И. Гражданская война 1918–1921. СПб.: Полигон, 2002
- Кен О., Рупасов А., Самуэльсон Л. Швеция в политике Москвы. 1930—1950-е годы. М.: Российская политическая энциклопедия, 2005
- Кениньш И. История Латвии. XX век. Рига: Vaigzne ABC, 1999
- Костомаров Н.И. Русская республика (Севернорусские народоправства во времена удельно-вечевого уклада. История Новгорода, Пскова и Вятки). М.: Чарли; Смоленск: Смядынь, 1994
- Крысин М.Ю. Прибалтийский фашизм. История и современность. М.:

Вече, 2007

Крысин М.Ю. Прибалтика между Сталиным и Гитлером. М.: Вече, 2004

Курлов П.Г. Гибель императорской России. М.: Современник, 1991

Латвия на грани эпох / Под ред. Л. Зиле, И. Даудиша, Э. Пелкауса. Рига: Автос, 1988

Мазутова В.И., Назарова Е.Л. Крестоносцы и Русь. Конец

XII в. – 1270 г. Тексты, перевод, комментарий. М.: Индрик, 2002

Мельтюхов М.И. Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918–1939 гг. М.: Вече, 2001

Мельтюхов М.И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз в борьбе за Европу: 1939–1941 гг. (Документы, факты, суждения). М.: Вече, 2002

Мифтахов З.З. Курс лекций по истории татарского народа (1225–1552 гг.). Казань, 2002

Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 2. Начало. Кн. 2. 1 сентября – 31 декабря 1941 года. М., 2000

Петренко А.И. Прибалтика против фашизма. М.: Европа, 2005

Под стягом России: Сборник архивных документов / Сост., примеч. А.А. Сазонова, Г.Н. Герасимовой, О.А. Глушковой, С.Н. Кистерева. М.: Русская книга, 1992

Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб., 1826—1830

Полное собрание русских летописей. СПб, 1908

Полпреды сообщают... Сборник документов об отношениях СССР с Латвией, Литвой и Эстонией. Август 1939 г. – август 1940 г. М., 1990

Похлебкин В.В. Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах, фактах. М.: Международные отношения, 1995

Преступные цели – преступные средства. Сборник документов. М., 1968

Псковские летописи. М. – Л-д, 1941

Пэрн Л. В вихре военных лет. Воспоминания. Таллин: Ээсти раамат, 1976

Россия. XX век. Документы. 1941 год / Под ред. В.П. Наумова. В 2 кн. М.: Международный фонд «Демократия», 1998

Савченко В.И. Латышские формирования на фронтах Великой Отечественной войны. Рига: Зинатне, 1975

Семиряга М.И. Тайны сталинской дипломатии 1939–1941. М.: Высшая школа, 1992

Сиполс В. Тайная дипломатия. Буржуазная Латвия в антисоветских планах империалистических держав. 1919–1940 гг. Рига, 1968

Скрынников Р.Г. Святители и власти. Ленинград: Лениздат, 1990

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1959

СССР – Германия. 1939–1941. Документы и материалы о советско-германских отношениях с сентября 1939 г. по июнь 1941 г. Вильнюс: Mokslas, 1989

СССР – Германия. 1939. Документы и материалы о советско-германских отношениях с апреля по октябрь 1939 г. Вильнюс: Mokslas, 1989

Стечкин В. Кому еще кусок России, или Кто получит от мертвого осла уши? М.: Яуза, 2005

Ткаченко В.Ф. Форт «Красная Горка», СПб.: Издательство ОСТРОВ, 2007

Феннел Дж. Кризис средневековой Руси. 1200–1304 гг. М.: Прогресс, 1989

Хаупт В. Группа армий «Север». Бои за Ленинград 1941–1944. М.: Центрполиграф, 2005

Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Балтийском море, Ладожском и Чудском озерах. Выпуск 7. М.: Военмориздат, 1951

Чигринов П.Г. История Беларуси с древности до наших дней. Минск: Книжный Дом, 2004

Шевякин А.П. 17 тайн Лубянки. М., 2007

Широкоград А.Б. Давний спор славян: Россия, Польша, Литва. М.: АСТ: Хранитель, 2007

Широкоград А.Б. Дипломатия и войны русских князей. От Рюрика до Ивана Грозного. М.: Вече, 2006

Широкоград А.Б. Русь и Литва. Рюриковичи против Гедиминовичей. М.: Вече, 2004

Широкоград А.Б. Северные войны России. М.: АСТ; Мн.: Харвест, 2001

Использованы материалы сайтов:

<http://middleages.sitecity.ru>.

<http://hist-battle.chat.ru>.

<http://bratstvoprav.narod.ru>.

<http://www.sedmitza.ru/index.html?did=42449>

<http://www.livejournal.com>

<http://www.pravda.info/region/1272.html><http://pribalty.wordpress.com/>

<http://v-alksnis2.livejournal.com/11620.html>

<http://russbalt.ucoz.ru/publ/39—1—2>

<http://www.p-p-p.ru/?page=J&year=2006&number=1&article=21>

---

notes

Примечания

Полное собрание русских летописей. СПб., 1908. Т. II. Стб. 8.

Мазутова В.И., Назарова Е.Л. Крестоносцы и Русь. Конец XII в. – 1270 г. Тексты, перевод, комментарий. М.: Индрик, 2002. С. 113.

Вячеслав был сыном полоцкого князя Бориса Давидовича, который, в свою очередь, был внуком знаменитого полоцкого князя Всеслава Брячиславича Чародея.

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1959. С. 636.

Мазутова В.И., Назарова Е.Л. Крестоносцы и Русь. Конец XII в. – 1270 г. С. 117–118.

Полное собрание русских летописей. Т. I. Стб. 149.

Г. Юрьев в 1224–1893 гг. официально назывался Дерпт, в 1893–1919 гг. – Юрьев, с 1919 г. – Тарту.

В 1219–1917 гг. официально назывался Ревель.

Оденпе, с 1917 г. – город Отепя.

Замок Венден был построен немцами в 1208 г.

Мазутова В.И., Назарова Е.Л. Крестоносцы и Русь. Конец XII в. – 1270 г. С. 125–126.

Мазутова В.И., Назарова Е.Л. Крестоносцы и Русь. Конец XII в. – 1270 г. С. 127.

Генрих Боровин – сын Придислава, князя славян-ободритов. Генрих принял крещение осенью 1164 г. В Ливонию он во главе отряда Мекленбургских рыцарей прибыл вместе с графом Альбертом фон Левенборхом.

Мазутова В.И., Назарова Е.Л. Крестоносцы и Русь. Конец XII в. – 1270 г. С. 127.

Древняя Русь в свете зарубежных источников / Под ред. Е.А. Мельниковой. М.: Логос, 2003. С. 388.

Оба были еще детьми 8—10 лет. Точная дата рождения их неизвестна.

Ярослав Владимирович – удельный князь Дорогобужский, сын Владимира Мстиславича, в 1232 г., поссорившись с князем Ярославом Всеволодовичем, бежал к немцам в Оденпе.

В исторической литературе принято называть рыцарей орденов Тевтонского и Меченосцев немцами, хотя в их числе было немало французских, итальянских и других западноевропейских рыцарей.

Ныне село Копорье Ломоносовского р-на Ленинградской области.

Феннел Дж. Кризис средневековой Руси. 1200–1304 гг. М.: Прогресс, 1989. С. 145.

Материалы сайта <http://middleages.sitecity.ru>.

Там же.

Материалы сайта <http://hist-battle.chat.ru>.

Матузова В.И., Назарова Е.А. Крестоносцы и Русь. Конец XII в. – 1270 г. С. 232.

Выделено мной – А.Ш.

Матузова В.И., Назарова Е.А. Крестоносцы и Русь. Конец XII в. – 1270 г. С. 232–233.

Воинские повести древней Руси / Сост. Н.В. Поньрко. Ленинград: Лениздат, 1985. С. 141–142.

Князь Юрий Андреевич, сын Андрея Ярославича, племянник Александра Невского, был в то время служилым новгородским князем.

Раковор – по-немецки Везенберг, по-чухонски Раквере.

Матузова В.И., Назарова Е.А. Крестоносцы и Русь. Конец XII в. – 1270 г. С. 248.

Насад – небольшое гребное судно с одной мачтой и прямым парусом.

Воинские повести Древней Руси. С. 143.

Там же. С. 143–144.

К 1914 г. меч все еще находился в соборе.

Поречане и островичи – население пограничных областей, этнические русские с небольшой примесью эстов.

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. 2. С. 256.

Там же.

Сейчас это г. Вагселинна.

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. 2. С. 257.

Там же.

У псковичей было две крепости, носившие название Велья, или Вороноч. Здесь же имеется в виду крепость на горе у озера Черное в 28 верстах к северу от города Опочка. Вторая крепость Велья (Вороноч) была расположена на реке Сороти в 40 верстах к северу от Опочки, в 3 верстах от пушкинской усадьбы Михайловское.

Чарторыские, по польской версии, происходили от сына великого князя Ольгерда Любарта, а по русской – от другого сына Ольгерда Черниговского князя Константина. Прозвище свое они получили от имени Чарторыск на реке Стырь на Волыни.

Василий Юрьевич – потомок суздальских князей. В 1446 г. он получил от великого князя московского Дмитрия Шемяки Суздаль и Нижний Новгород. Его праправнук Василий Иванович Шуйский станет царем московским. Новгородская и Псковская республики в XIII–XIV веках постоянно принимали на службу князей Рюриковичей и Гедиминовичей, которые играли роль как главных воевод Новгорода и Пскова, так и местных воевод в пограничных крепостях.

Это был или Василий Васильевич Бледный, сын Василия Юрьевича, или Василий Васильевич Гребенка, племянник Василия Юрьевича. Кстати, оба были суздальскими князьями по рождению, но никогда не владели Суздальским княжеством.

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. 2. С. 444.

Шнек – речное или морское парусно-гребное судно средних размеров. С конца XIV века шнеки иногда вооружались пушками.

Костомаров Н.И. Русская республика (Севернорусские народоправства во времена удельно-веченого уклада. История Новгорода, Пскова и Вятки). М.: Чарли; Смоленск: Смядынь, 1994. С. 244.

Костомаров Н.И. Русская республика (Севернорусские народоправства во времена удельно-веченого уклада. История Новгорода, Пскова и Вятки). М.: Чарли; Смоленск: Смядынь, 1994. С. 245.

Между прочим, внучка Юрия Кошкина Анастасия Романова стала первой женой Ивана Грозного, а праправнук Михаил – первым царем династии Романовых.

Псковские летописи. М. – Л-д, 1941. С. 80.

Бережков М. О торговле русских с Ригою в XIII–XIV веках // Журнал Министерства народного просвещения. 1877. С. 353.

История Эстонской СССР. С. 77.

Гудавичюс Э. История Литвы. Т. I. С древнейших времен до 1569 года. М.: Фонд имени И.Д. Сытина: BALTUS, 2005. С. 30.

Ростислав Роголодович – сын хорошо известного по летописям князя Роголода Всеславича, правившего Полоцком в XII в.

Сейчас это село Гончары Гродненской области.

Возможно, это современный г. Шяуляй, но историки называют еще два места, где могла быть битва.

Михаил Хоробрит (Храбрый) – третий сын Великого князя Владимирского Ярослава Всеволодовича.

Здесь и далее под княжествами я буду подразумевать большие территориальные объединения типа современной области, а под уделами – малое княжество площадью с современный район, князь которого подчинялся князю княжества (извиняюсь за тавтологию, но иначе не получается).

Магдебургское право – одна из наиболее известных систем городского права, сложилось в XIII веке в немецком г. Магдебург. Юридически закрепило права и свободы горожан, их право самоуправления.

Грушевский М.С. Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV столетия. Киев, 1891. С. 478–481.

Правда, некоторые историки, в том числе Н.М. Иванов, считают Федора родным братом Гедемина, однако документальных подтверждений этому нет.

Схизматиками католики называли православных.

Князь Любарт (1312–1397) – сын Гедемина, православное имя Федор. Дважды женат: с 1331 г. – на Анне Андреевне, княжне Волынской, с 1349 г. – на Агафье Константиновне, княжне Ростовской.

Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae. Roma, 1860, t. I, N 776. S. 581.

Здесь и далее, говоря о детях царственных особ, автор, следуя принципу древних летописцев и хронистов, в ряде случаев опускает детей, умерших в молодом возрасте и не совершивших поступков, вошедших в историю.

С 1939 г. Вильнюс.

Скрынников Р.Г. Святители и власти. Ленинград: Лениздат, 1990. С. 8.

Сказать «белорусский язык» будет не ошибкой, но точнее назвать «русский», или, как тогда называли, «русская мова», поскольку термина «белорусский язык» тогда не было. Да и разве литовские князья, приезжая в Киев, общались с местным населением через переводчиков?

Оболенск находился недалеко от впадения Протвы в Оку.

Городок на реке Кистме (Кестме), впадающей в Мологу в 10 верстах ниже Весьегонска.

Ныне Переславль-Залесский.

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Книга II. С. 285.

В 1375–1380 гг. Мамай вел борьбу за престол как с Арапшахом (Арапшой), так и с Тохтамышем.

Воинские повести древней Руси / Состав. Н.В. Поньрко. Ленинград: Лениздат, 1985. С. 282.

Воинские повести древней Руси / Состав. Н.В. Поньрко. Ленинград: Лениздат, 1985. С. 282–285.

Там же. С. 288.

Воинские повести древней Руси / Состав. Н.В. Поньрко. Ленинград: Лениздат, 1985. С. 288.

Там же.

Речь идет о ратниках Остея, которые в подавляющем большинстве своем были русскими, а этнических литовцев среди них могло вообще не быть.

Мифтахов З.З. Курс лекций по истории татарского народа (1225–1552 гг.). Казань, 2002. С. 282–283.

Коригайло Ольгердович (ум. в 1391 г.). Православное имя Константин, католическое Казимир.

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Книга II. С. 306.

Каштелян – второе лицо в воеводстве, он ведал в основном военными делами.

Имеется в виду крепость Воронач, находившаяся в 2 км от будущего имения А.С. Пушкина Михайловское.

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Книга II. С. 376–377.

Обещал помощь в улаживании споров с вассалами Твери.

На территории современной Тульской области.

Город Галич в Костромской области (не путать с Галичем – столицей Галицко-Волынского княжества, в советское время в Ивано-Франковской области на Украине).

Владислав – католическое имя Ягайло.

Эта цифра приведена в хронике Быховца, что, видимо, преувеличение.

Я привожу длинную цитату из «Хроники Быховца», надеясь, что читатель оценит колорит текста.

Хроника Быховца.

Поляки же хвалились, что взяли и разорили Козельск, Верею, Калугу и Можайск.

Зимин А.А. Витязь на распутье. М.: Мысль, 1991. С. 146.

Хроника Быховца.

Имеется в виду территория, где проживали этнические литовцы.

Огицкий Д.П. «Великий князь Войшелк». Материалы сайта <http://bratstvoprav.narod.ru>.

Беднов В.А. Православная церковь в Польше и Литве. Минск: Лучи Софии, 2002. С. 13.

Полное собрание русских летописей. Т. II. С. 349.

Грушевський М.С. Історія України-Руси. Київ – Львів, 1907. Т. V. С.426–427.

Беднов В.А. Православная церковь в Польше и Литве. С. 55–56.

Тут стоит объяснить сей любопытный казус. Дело в том, что Иван III, боясь очередной усобицы, велел своего сына Ивана (от Марии Тверской) также величать Великим князем Московским. 7 марта 1490 г. Иван Иванович умер в возрасте 32 лет. Дождавшись 14-летия внука Дмитрия, Иван III торжественно венчает его на царство. И опять на Руси стало два государя. После смерти Ивана III его сын Василий (от Софьи Палеолог) заковал племянника «в железа и поместил в палату тесну», где тот и помер «нужной» смертью.

Любопытно, что воевода и боярин Даниил Васильевич Щеня по происхождению был Ольгердовичем. Его прадед Патрикий Наримантович, внук Ольгерда, приехал на службу в Москву в 1408 г. Женат Даниил Щеня был на дочери удельного суздальского князя Ивана Васильевича Горбатого. От Щени пошел род князей Щенятьевых, который пресекся в царствование Ивана Грозного. Внук Патрикия Наримантовича Василий Федорович получил земли на р. Хованке недалеко от Волоколамска. От него пошел знаменитый род князей Хованских. От Патрикея Наримантовича пошли роды князей Голицыных и Куракиных.

Малороссийский Стародуб, не путать со Стародубом на Клязьме.

Хроника Быховца.

Польские и литовские магнаты, подобно удельным князьям X—XIV веков, имевшим свои дружины, также располагали собственными вооруженными силами, не подчинявшимися никому, кроме своего пана. Подобные соединения здесь и далее автор именует «частными армиями». Следует заметить, что отдельные частные армии были многочисленней польской королевской армии. Термин «частная армия», придуман не автором, он встречается в «Военной энциклопедии» в статьях, где говорится о частных армиях феодалов Западной и Центральной Европы.

Ян (Иван) Богданович Сапега (ум. в 1546 г.), происходил из брянских бояр, родоначальником рода был его дед Семен Сапега (Сопига) – писарь Великого князя Литовского Казимира Ягеллончика.

Юрий (Еже) Радзивилл (1480–1541), каштелян виленский, великий гетман литовский. Радзивиллы выводили свое происхождение от древнеримской аристократии. Как будто родоначальник дома Радзивиллов, какой-то Дорспрунг, добрался морем в Литву и основал там поселение Рамнова (Новый Рим). Среди наследников этого рода были и политические, и культовые деятели. Особенно известным сделался Верховный жрец Криво-Кривейше. Он крепко полюбил красавицу-литвинку. У них родился сын, которого отец, как жрец, не имел права воспитывать сам. Молодая мать при родах умерла. Кому отдать мальчика на воспитание? Криво-Кривейше придумал хитрый план. К нему часто приезжали князья. Один из них, Наримант, не имел сына-наследника. Он просил у жреца вымолить у Бога Перкунаса ему наследника. Вот это и попробовал использовать Криво-Кривейше. Когда в очередной раз к нему приехал Наримант, который любил охоту, жрец приказал положить маленького сына в колыбель, украсить ее цветами и лентами и повесить на высокое дерево. Во время охоты собаки вывели князя и его свиту к загадочному дереву, возле которого никакой дичи не было. Охотники взглянули вверх и увидели среди листьев какой-то предмет. Корзину сняли. Там было великое «чудо» – мальчик, здоровенький и красивый. Криво-Кривейше сказал Нариманту: «Вот тебе Бог Перкунас и послал сына. Растить ребенка, как родного, и во всем слушаться, потому что каждое его слово будет голосом самого Бога». Малыша называли Лиздейком, что значит по-литовски «найденный в гнезде». Мальчика, который быстро подрастал, почитали, с его советами всегда считались. Однажды к Лиздейке за помощью обратился сам великий князь Гедемин. Нужно было объяснить необычный сон, который приснился князю, когда он заночевал в долине Святого Рога: могучий железный волк громко выл на все четыре стороны света. Лиздейка объяснил сон так: на том месте, где ночевал князь, нужно построить большой город Вильно. Именно после этого к имени Лиздейки присоединилось прозвище Радзивилл – от белорусского слова «радзіць» (советовать). Несколько поколений наследников Лиздейки пользовались этим словом как прозвищем, а потом оно стало фамилией могучего рода. Начинателем этого рода по Несвижской линии был Ян Радзивилл по прозвищу Бородатый.

Крепость Вилье располагалась на горе около озер Иадо и Черное в 28 верстах к северу от Опочки; важный опорный пункт на пути «из варяг в греки».

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Книга III. С. 256–257.

Беднов В.А. Православная Церковь в Польше и Литве. С. 79–80.

Цвинглианство – одно из учений Реформации, основатель Ульрих Цвингли (1484–1531). Уже в XVI в. цвинглианство в основном слилось с кальвинизмом. Кальвинизм – направление протестантизма, основанное Жаном Кальвином (1509–1564). Социанизм – учение, основанное Лелио Социания (1526–1562) и его племянником Фаустом Социания (1539–1604). Суть учения в отрицании католического и православного учения о Святой Троице как логически необоснованного. Социанизм получил довольно широкое распространение в Польше и Литве, но в 1658 г. по настоянию иезуитов социане были изгнаны из Речи Посполитой.

Дворецкий – чиновник высокого ранга, в допетровские времена московские чиновники не делились на военных и статских.

Под термином «протестантизм» я подразумеваю не только лютеран, кальвинистов и ариан, но и иные религиозные направления.

Воевода – центральная правительственная власть в воеводстве. Воевод было девять, десятый назывался старостой Жмудским.

Цит. по: История Латвийской ССР / Под ред. К.Я. Страздия, Я.Я.Зутиса и Я.П. Крастыня. Т. 1. С древнейших времен до 1860 г. Рига: Издательство академии наук Латвийской ССР, 1952. С. 289.

С 1893 г. Даугавгрива, до 1917 г. Усть-Двинск, с 1959 г. в черте г. Риги.

Болдырев В. Осада и взятие Риги русскими войсками в 1709–1710 гг. // Военный сборник № 7, 1910.

Под стягом России: Сборник архивных документов / Сост., примеч. А.А. Сазонова, Г.Н. Герасимовой, О.А. Глушковой, С.Н. Кистерова. М.: Русская книга, 1992. С. 123–124.

Годунов В.И. Краткий очерк истории Эстляндии к 200-летнему юбилею завоевания ее Россией (1710–1910). Ревель, 1910. С. 50.

Патриарх Московский и всея Руси Алексей II. Православие в Эстонии.
Материалы сайта: <http://www.sedmitza.ru/index.html?did=42449>.

Цит. по: История Латвийской ССР / Под ред. К.Я. Страздиня, Я.Я.Зутиса, Я.П. Крастыня, А.А. Дризула. Рига: Издательство Академии наук Латвийской ССР, 1952. Т. 1. С. 306.

История Эстонской ССР (с древнейших времен до наших дней) / Под ред. Г.И. Наана. Таллин: Эстонское Государственное Издательство, 1958. С. 156.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое.
СПб., 1826–1830. № 15687.

Брикнер А. История Екатерины Второй. В 2-х т. Т. 1. М.: Современник, Товарищество Русских Художников, 1991. С. 285.

Там же. С. 287.

Цит. по: Алексей II Патриарх Московский и всея Руси. Православие в Эстонии. Материалы сайта <http://www.sedmitza.ru/index.html?did=42449>.

Цит. по: Алексей II Патриарх Московский и всея Руси. Православие в Эстонии. Материалы сайта <http://www.sedmitza.ru/index.html?did=42449>.

Там же.

Цит. по: Алексей II Патриарх Московский и всея Руси. Православие в Эстонии. Материалы сайта <http://www.sedmitza.ru/index.html?did=42449>.

Цит. по: История Латвийской ССР. Т. 1. С. 606.

Курлов П.Г. Гибель императорской России. М.: Современник, 1991. С. 205.

Цит. по: Бахтурина А.Ю. Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). М.: РОССПЭН, 2004. С. 92.

Лесков Н.С. Русские деятели в Остзейском крае // Исторический вестник № XI за 1883 г. С. 257.

Курцев А.Н. Беженцы Первой мировой войны в России (1914–1917) // Вопросы истории. 1999. С. 114.

Бахтурина А.Ю. Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). С. 105.

Курлов П.Г. Гибель императорской России. С. 222.

Цит. по: Великая Октябрьская социалистическая революция.
Энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1977. С. 339.

Гражданская война. Боевые действия на морях, речных и озерных системах. Т. II (Северо-запад). Ч. I. Балтийский флот 1918–1919 гг. / Под ред. И.В. Егорова, Е.Е. Шведе. Ленинград: Редакционно-Издательский Отдел Морских Сил РККФ, 1926. С. 3–4.

Там же. С. 11.

Ландвер – категория военнообязанных запаса 2-й очереди и создаваемые при мобилизации второочередные формирования в Пруссии, Германии, Австро-Венгрии и других государствах в XIX – начале XX вв. Здесь: по политическим причинам боеспособные части, в которых служили как пожилые, так и молодые немцы, были названы ландвером.

Кениньш И. История Латвии. XX век. Рига: Vaizne ABC, 1999. С. 75.

Цит. по: История Эстонской ССР (с древнейших времен до наших дней). С. 443.

Цит. по: История Эстонской ССР (с древнейших времен до наших дней). С. 447.

Цит. по: История Эстонской ССР (с древнейших времен до наших дней). С. 454.

Там же.

Цит. по: История Эстонской ССР (с древнейших времен до наших дней). С. 455.

Экипажи на «Лембуке» и «Леннуке» были смешанные – из эстонцев и белогвардейцев.

Гражданская война. Боевые действия на морях, речных и озерных системах. Т. II. Северо-Запад. Часть 1. Балтийский флот 1918–1919 гг. / Под ред. И.В. Егорова и Е.Е. Шведе. Ленинград: Редакционно-издательский Отдел Морских Сил РККФ, 1926. С. 144.

Латвия на грани эпох / Под ред. Л. Зиле, И. Даудиша, Э. Пелкауса.
Рига: Автос, 1988. С. 9—10.

Белая борьба на Северо-Западе России / Сост. С.В. Волков. М.: ЗАО
Центрполиграф, 2003. С. 15.

Белая борьба на Северо-Западе России / Сост. С.В. Волкова. М.: ЗАО
Центрполиграф, 2003. С. 34–35.

Белая борьба на Северо-Западе России / Сост. С.В. Волкова. М.: ЗАО
Центрполиграф, 2003. С. 42.

?Белая борьба на Северо-Западе России / Сост. С.В. Волков. М.: ЗАО
Центрполиграф, 2003. С. 122.

Белая борьба на Северо-Западе России / Сост. С.В. Волков. М.: ЗАО
Центрполиграф, 2003. С. 124.

Латвия на грани эпох. С. 27.

Белая борьба на Северо-Западе России. С. 127.

Почему майор Зиберт именовал Бермонта князем Урусовым, можно лишь гадать. Хотя какая разница? Наш Рафаилович был настолько кахетским князем Аваловым, насколько и татарским князем Урусовым.

Белая борьба на Северо-Западе России. С. 129–130.

Там же. С. 131.

Белая борьба на Северо-Западе России / Сост. С.В. Волков. М.: ЗАО
Центрполиграф, 2003. С. 133.

Белая борьба на Северо-Западе России / Сост. С.В. Волков. М.: ЗАО
Центрполиграф, 2003. С. 139.

Латвия на грани эпох. С. 29.

Цит. по: Ткаченко В.Ф. Форт «Красная Горка», СПб.: Издательство ОСТРОВ, 2007. С. 47.

Белая борьба на Северо-Западе России. С. 146.

Там же. С. 147.

Белая борьба на Северо-Западе России. С. 148.

Там же.

Усть-Двинск – русская морская крепость (до 1893 г. Динамюнде), при «советской оккупации» вошла в черту г. Риги. В настоящее время власти Риги пытаются ее снести, но, увы, это не получается – в России умели строить на века.

Белая борьба на Северо-Западе России. С. 153.

Белая борьба на Северо-Западе России. С. 161.

Там же. С. 162.

Там же. С. 163.

Белая борьба на Северо-Западе России. С. 163–164.

Белая борьба на Северо-Западе России. С. 169.

Белая борьба на Северо-Западе России. С. 171.

Латвия на грани эпох. С. 38.

Гражданская война. Боевые действия на морях, речных и озерных системах. Т. II (Северо-запад). Ч. I. Балтийский флот 1918–1919 гг. / Под ред. И.В. Егорова, Е.Е. Шведе. Ленинград: Редакционно-издательский Отдел Морских Сил РККФ, 1926. С. 163.

Любопытно, что во всех советских изданиях название республики писалось «Литбел», а с 1990-х годов в республике Беларусь стали писать «ЛитБел». Мелочь, а приятно.

Какурин Н.Е., Вацетис И.И. Гражданская война 1918–1921. СПб.: Полигон 2002. С. 449.

История дипломатии. Т. 3. Дипломатия в период подготовки Второй мировой войны (1919–1939 гг.) / Под ред. В.П. Потемкина. М. – Л-д.: ОГИЗ Госполитиздат, 1945. С. 37.

Великий князь Александр Михайлович. Воспоминания. М.: Захаров; АСТ, 1999. С. 408.

Подробнее см. Широкопад А.Б. Русско-японские войны 1904–1945.
Минск: Харвест, 2003.

Похлебкин В.В. Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах, фактах. Кн. 3. С. 236.

Россия. XX век. Документы. 1941 год. / Под ред. В.П. Наумова. В 2кн. М.: Международный фонд «Демократия», 1998. Кн. 2. С. 558.

Россия. XX век. Документы. 1941 год. / Под ред. В.П. Наумова. В 2кн. М.: Международный фонд «Демократия», 1998. Кн. 2. С. 559.

Крысин М.Ю. Прибалтика между Сталиным и Гитлером. М.: Вече, 2004. С. 26.

Крысин М.Ю. Прибалтика между Сталиным и Гитлером. М.: Вече, 2004. С. 28–29.

Крысин М.Ю. Прибалтика между Сталиным и Гитлером. М.: Вече, 2004. С. 29.

Крысин М.Ю. Прибалтика между Сталиным и Гитлером. М.: Вече, 2004. С. 31–32.

Крысин М.Ю. Прибалтика между Сталиным и Гитлером. М.: Вече, 2004. С. 47–48.

Цит. по: Мельтюхов М.И. Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918–1939 гг. М.: Вече, 2001. С.201.

СССР – Германия. 1939. Документы и материалы о советско-германских отношениях с апреля по октябрь 1939 г. Вильнюс: Mokslas, 1989. С. 62.

СССР – Германия. 1939. Документы и материалы о советско-германских отношениях с апреля по октябрь 1939 г. Вильнюс: Mokslas, 1989. С. 105–106.

Запрудник Я. Беларусь на гістарычных скрыжаваннях. Минск, 1996. С. 103.

Зенькович Н. Чья Белоруссия? (Границы. Споры. Обиды). М.: МК? Периодика, 2002. С. 301.

Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 2. Начало. Кн. 2. 1 сентября – 31 декабря 1941 года. М., 2000. С. 529–530.

Сиполс В. Тайная дипломатия. Буржуазная Латвия в антисоветских планах империалистических держав. 1919–1940 гг. Рига, 1968. С. 330.

Цит. по: Крысин М.Ю. Прибалтика между Сталиным и Гитлером. С. 55.

Мельтюхов М.И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз в борьбе за Европу: 1939–1941 гг. (Документы, факты, суждения). М.: Вече, 2002. С. 149.

201

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 54.

Россия. XX век. Документы. 1941 год. Кн. 2. С. 29.

Семиряга М.И. Тайны сталинской дипломатии 1939–1941. М.: Высшая школа, 1992. С. 213.

Полпреды сообщают... Сборник документов об отношениях СССР с Латвией, Литвой и Эстонией. Август 1939 г. – август 1940 г. М., 1990. С. 473.

Там же. С. 474.

Восстановление Советской власти в Латвии и вхождение Латвийской ССР в состав СССР. Документы и материалы. Рига, 1987. С. 172.

Материалы сайта <http://www.livejournal.com>

Россия. XX век. Документы. 1941 год. Кн. 2. С. 127.

Цит. по: Семиряга М.И. Тайны сталинской дипломатии 1939–1941. С. 245.

Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 1. Накануне. Книга 2. 1 января – 21 июня 1941 г. С.247–248.

Глебов М. Сибирский эшелон. Трагический юбилей массовых депортаций в Балтии // Известия. 14 июня 2001 г. № 103 (25941).

Дзинтарс Э. «Пятая колонна» в Латвии служила Гитлеру // Независимая газета. 21 июня 2001 г. № 110 (2420). С.10.

Там же.

Органы государственной безопасности СССР в Великой
Отечественной войне. Т.2. Начало. Книга 2. С. 564.

Органы государственной безопасности СССР в Великой
Отечественной войне. Т.2. Начало. Книга 2. С. 433.

Кузнецов С., Курилов И., Нетребский Б., Сигачев Ю. Вооруженное националистическое подполье в Эстонии в 40—50-х годах // Известия ЦК КПСС. 1990. № 8. С.169.

Витковский А., Ямпольский В. Вчера это было секретом. Документы о литовских событиях 40—50-х гг. // Известия ЦК КПСС. 1990. № 10. С.136.

Дробязко С.И. Вторая мировая война 1939–1945. Восточные добровольцы в вермахте, полиции и СС. М., 2000. С.33; Латышские полицейские в Беларуси // Свободные новости. Минск. 24–31 марта 2000 г. № 11.

Латышские полицейские в Беларуси // Свободные новости. Минск. 24–31 марта 2000 г. № 11.

Кузнецов С., Курилов И., Нетребский Б., Сигачев Ю. Вооруженное националистическое подполье в Эстонии в 40—50-х годах // Известия ЦК КПСС. 1990. № 8. С. 171.

Цит. по: Березин К., Саар А. Операция «Котбус» или «очищение» Прибалтики от евреев. Рига—Вильнюс—Таллин, 2001. С.23.

Цит. по: Березин К., Саар А. Операция «Котбус» или «очищение» Прибалтики от евреев. Рига—Вильнюс—Таллин, 2001. С.23.

Преступные цели – преступные средства. Сборник документов. М., 1968. С. 55.

Альфред Розенберг родился 12 января 1893 г. в семье башмачника. Детство его прошло в Ревеле, в то время входившем в состав России. Поэтому-то Розенберг довольно хорошо говорил по-русски. Он поступил в Рижский политехнический институт, затем перевелся в Московский университет, где учился на архитектора.

Крысин М.Ю. Прибалтика между Сталиным и Гитлером. С. 81–82.

Цит. по: Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т.2. Начало. Книга 1. С.631.

Витковский А., Ямпольский В. Вчера это было секретом. Документы о литовских событиях 40—50-х гг. // Известия ЦК КПСС. 1990. № 10. С.137.

Там же. С. 138.

Беляков В. Пойдя за шерстью, как бы стриженным не вернуться // «Союз». Приложение к «Советской Белоруссии» и «Российской газете». 27 декабря 2000 г. № 4 (6). С. II.

Савченко В.И. Латышские формирования на фронтах Великой Отечественной войны. Рига: Зинатне, 1975. С. 292.

Пэрн Л. В вихре военных лет. Воспоминания. Таллин: Ээсти раамат, 1976. С. 203.

Гриф секретности снят. Потери вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах / Под ред. Г.Ф. Кривошеева. М.: Воениздат, 1993. С. 208.

Хаупт В. Группа армий «Север». Бои за Ленинград 1941–1944. М.: Центрполиграф, 2005. С. 308.

Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Балтийском море, Ладожском и Чудском озерах. Выпуск 7. М.: Военмориздат, 1951. С. 188.

Петренко А.И. Прибалтика против фашизма. М.: Европа, 2005. С. 126.

Хаупт В. Группа армий «Север». Бои за Ленинград 1941–1944. С. 309.

Зигмунд Берлинг – генерал-лейтенант. В марте – июле 1944 г. командовал Польской армией в СССР, а с июля 1944 г. – первой армией Войска Польского.

Из Варшавы. Москва, товарищу Берия...: Документы НКВД СССР о польском подполье. 1944–1945 гг. Москва – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. С. 36–38.

Из Варшавы. Москва, товарищу Берия...: Документы НКВД СССР о польском подполье. 1944–1945 гг. Москва – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. С. 40–41.

Из Варшавы. Москва, товарищу Берия...: Документы НКВД СССР о польском подполье. 1944–1945 гг. Москва – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. С. 42–44.

По данным: Кузнецов С., Курилов И., Нетребский Б., Сигачев Ю. Вооруженное националистическое подполье в Эстонии в 40—50-х годах // Известия ЦК КПСС. 1990. № 8. С.176.

Curt Ekholm. Balt- och tyskutlamningen 1945–1946. Del. 1: Ankomsten och interneringen / *Studia Historica Upsaliensia*. 1984. 136. S. 40–41.

Приведено в материалах Управления Уполномоченного Совмина СССР по делам репарации на 1 января 1952 г.

СИС – британская разведка.

Иосиф Сталин – Лаврентию Берии: «Их надо депортировать...»:
Документы, факты, комментарии / Сост. Н.Ф. Бугай. М.: Дружба народов,
1992 С. 205.

Цит по: Глебов М. Сибирский эшелон. Трагический юбилей массовых депортаций в Балтии // Известия. 14 июня 2001 г. № 103 (25941).

Бугай Н.Ф. Л. Берия – И. Сталину: Согласно Вашему указанию... М.: АИРО – XX, 1995. С. 231.

Земсков В.Н. Заключение, спецпоселенцы, ссыльнопоселенцы, ссыльные и высланные (Статистико-географический аспект) // История СССР. 1991. № 5. С.163.

Крысин М.Ю. Прибалтийский фашизм. История и современность. М.: Вече, 2007.

Материалы сайта <http://www.pravda.info/region/1272.html>

Крысин М.Ю. Прибалтийский фашизм. С. 477–479.

Материалы сайта <http://pribalty.wordpress.com/2007/06/01/Выдержки-из-книги-в-тч-Марта-Лаара-Оче/>

Материалы сайта <http://pribalty.wordpress.com/>

Подробнее читатель может узнать об этой позорной сделке из моей книги «Атомный таран XX века» (М.: Вече, 2005).

Крысин М.Ю. Прибалтийский фашизм. С. 508.

Алкснис В.И. Хватит о делах // Материалы сайта <http://v-alksnis2.livejournal.com/11620.html>

Бакатин Владимир Викторович – в 1987–1988 гг. первый секретарь Кемеровского обкома партии; в 1988–1990 гг. министр внутренних дел; в 1991–1992 гг. председатель КГБ; с 1992 г. работал в Международном фонде экономических и социальных реформ «Реформа»; с 1995 г. работал в группе «МФК Ренессанс».

Алкснис В.И. Хватит о делах.

Там же.

«Комсомольская правда» за 15 января 1990 г.

Шевякин А.П. 17 тайн Лубянки. М.: 2007. С. 466–471.

Алкснис В.И. Хватит о делах.

Иона Андронов. «Мертвый сезон» на дороге в Ригу. // Материалы сайта <http://russbalt.ucoz.ru/publ/39—1—2>

Эстонская православная церковь с 1923 по 1940 г. под нажимом властей подчинялась константинопольскому патриарху.

Иванов В. Должники хотят денег // Материалы сайта <http://www.p-p.ru/?page=J&year=2006&number=1&article=21>

Иванов В. Должники хотят денег // Материалы сайта <http://www.p-p-p.ru/?page=J&year=2006&number=1&article=21>

Зенкович Н.А. Чья Белоруссия? (Границы. Споры. Обиды). М.: МК-Периодика, 2002. С. 311.

Стечкин В. Кому еще кусок России, или Кто получит от мертвого осла уши? М.: Яуза, 2005. С. 178.